

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 5 (134)

Социально-экономические и общественные науки

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве
информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ, Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU и банк данных Национального
центра правовой информации
Республики Беларусь

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора О.М. ДЕМИДЕНКО,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора М.В. СЕЛЬКИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф.,
чл.-корр. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.,
чл.-корр. НАН Беларуси
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по социально- экономическим и общественным наукам:

Е.И. Гонта (Украина), д-р экон. наук, проф.
Н.Н. Крестовская (Украина), д-р юрид. наук, проф.
С.Н. Лебедева, д-р экон. наук, проф.
Г.И. Нарскин, д-р пед. наук, проф.
Р.М. Нижегородцев (Россия), д-р экон. наук, проф.
В.Г. Никитушкин (Россия), д-р пед. наук, проф.
В.Г. Ротань (Россия), д-р юрид. наук, проф.
М. Шеневуа (Франция), д-р. наук, проф. права

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246028, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Skorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus High-
er Attestation Commission list of scientific publications
of the Republic of Belarus, which publish the main re-
sults for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(Order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The journal is included in the bibliographic Databases of
the All-Russia Institute of Scientific and Technical Infor-
mation (VINITI), Scientific Electronic Library
eLIBRARY.RU and Database of the National Center of
Legal Information of the Republic of Belarus

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief O.M. DEMIDENKO,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief M.V. SELKIN,
Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corre-
sponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the socio-economic and social sciences

E.I. Gonta (Ukraine), Sc. D., Professor
N.N. Krestovskaja (Ukraine), Sc. D., Professor
S.N. Lebedeva, Sc. D., Professor
G.I. Narskin, Sc. D., Professor
R.M. Nizhegorodtsev (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Nikitushkin (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Rotan (Russia), Sc. D., Professor
M. Shenevua (France) Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

© Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины», 2022
© Educational Establishment «Francisk Skorina Gomel State
University», 2022

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2022, № 5 (134) •

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ:
ПЕДАГОГИКА • ПРАВО • ЭКОНОМИКА

СОДЕРЖАНИЕ

Педагогика

Аверьянова В.В. Коммуникативные игры на занятиях по английскому языку.....	5
Акулич Ю.Е. Коммуникативные грамматические задания как средство формирования коммуникативной компетенции у студентов	9
Бейзеров В.А., Дворак В.Н. Академическая мобильность студентов: социально-экономические и географические аспекты.....	13
Будько А.Ф., Бартош Д.К. Повышение профессиональной компетенции учителя иностранного языка на основе использования технологии наблюдения за уроком и его анализа....	18
Галямова Э.Х. Цифровые средства оценки методической подготовки будущего учителя математики	23
Ермалинская Н.В. Семейно-брачная идентичность современной молодежи: механизм формирования, тенденции изменения и инструменты исследования.....	29
Кадол Ф.В. Время выбрало их.....	35
Каребо О.Н. К вопросу дистанционного обучения иностранному языку	39
Ключников А.В., Михалевич В.А., Осипенко О.В. Сравнительный анализ динамики уровня физической подготовленности учащихся лицей МЧС.....	44
Ни Ша. Дискуссионные аспекты конструирования музыкальной предметно-развивающей среды детского сада Китая на основе национальных традиций.....	48
Осипенко О.В., Нарскин Г.И., Михалевич В.А. Критерии отбора детей в прыжках на батуте.....	53
Палиева Т.В. Факторы, определяющие развитие поликультурного образования (на примере Беларуси).....	59
Починок Т.В. Профессиональная компетенция руководителя в системе государственного управления.....	66
Севдалев С.В., Котовенко С.В., Вырский М.М. Особенности функциональной подготовленности спортсменов, занимающихся современным пятиборьем.....	72
Скидан А.А. Учет фазности индивидуального биологического цикла при построении оздоровительных занятий шейпингом с женщинами первого периода зрелого возраста.....	77
Старчанка У.М. Анталогія алімпійскай дзейнасці.....	81
Трофимович И.И. К вопросу о необходимости совершенствовании физической подготовленности юных спортсменов, занимающихся лёгкой атлетикой в специализированных по спорту классах	87

Урбан М.А., Обчинец А.С. <i>Моделирование как дидактическая основа начального обучения математике: особенности, проблемы подготовки учителя, пути решения...</i>	93
Хоршидахмед Х.С. <i>Основные аспекты построения тренировочного процесса юных бегунов на короткие дистанции (результаты анкетного опроса тренеров Республики Беларусь и Республики Ирак)</i>	100
Щекудова С.С. <i>К вопросу о половом воспитании обучающихся учреждений высшего образования</i>	105

ПРАВО

Гончаров В.В. <i>Проблемы и перспективы развития в России форм прямой демократии на региональном уровне</i>	109
Журович Н.А., Копыткова Н.В. <i>К вопросу о применении отдельных принципов гражданского процессуального права</i>	114
Ковалёва Е.А. <i>Охранительные и защитные нормы трудового права</i>	119
Ковалёва Т.В. <i>Возмещение морального вреда при незаконном дисциплинарном увольнении</i>	125
Колодинская И.В. <i>Совмещение работы с получением образования: исторический анализ</i>	131
Корсаков К.А., Марьина Е.В., Сидоренко Е.В. <i>Формирование единой судебной практики и правовой позиции Верховным Судом Российской Федерации</i>	136
Масловская Т.С. <i>Материальное ядро конституции: правовой режим</i>	140
Набатова А.Э. <i>К вопросу о правовых предпосылках гендерной криминологии</i>	146
Рыжанков А.Ю. <i>Историко-правовой, системный и формально-юридический анализ субъективной стороны служебной халатности</i>	151
Усова Е.И. <i>Женщины как субъекты административной ответственности</i>	157
Федотов В.А. <i>Взаимодействие императивных норм, имеющих тесную связь с внешнеторговым спором (по материалам судебной практики России и Беларуси)</i>	163
Эсмантович И.И. <i>Активизация гражданского участия населения в решении местных вопросов</i>	169

ЭКОНОМИКА

Арашкевич О.В., Геврасёва А.П. <i>Импортозамещение как фактор сбалансированного развития национальной экономики</i>	173
Бугаёва Э.А. <i>Стратегия экспансии фирм на внешние рынки: теория, методология, основные факторы</i>	179
Гайшун А.Н. <i>Анализ отраслевой структуры национальной экономики и роли промышленности в ее формировании</i>	183
Земцов А.Г., Зенькова Л.П. <i>Американская модель системы здравоохранения: регулирующая роль государства</i>	189
Каморников С.С. <i>К вопросу об оптимизации институциональной структуры рынка нефти и нефтепродуктов в Республике Беларусь</i>	194
Карпенко Е.М., Рассеко Ю.Ю. <i>Управление темпом жизни Республики Беларусь</i>	200
Лапицкая О.В. <i>Экономические и экологические особенности лесопользования и ведения лесного хозяйства в водоохранных категориях лесов Беларуси</i>	206
Лин С.Д., Марченко Л.Н. <i>Оценка взаимосвязей групп факторов воспроизводства человеческого капитала села</i>	210
Сазонова В.М., Западнюк Е.А. <i>Азиатская модель развития национальной инновационной системы на примере Китая</i>	217
Шишко А.В. <i>Анализ современных инновационных направлений совершенствования МСП в сфере спорта</i>	221

PROCEEDINGS

of Francisk Scorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

Published since 1999

Released bimonthly

• 2022, № 5 (134) •

SOCIO-ECONOMIC AND SOCIAL SCIENCES:

PEDAGOGICS • LAW • ECONOMICS

CONTENTS

PEDAGOGICS

Averyanova V.V. <i>Communicative games in English classes</i>	5
Akulich Yu.E. <i>Communicative grammar tasks as a means of forming students' communicative competence</i>	9
Beizerov V.A., Dvorak V.N. <i>Academic mobility of students: socio-economic and geographical aspects</i>	13
Budko A.P., Bartosh D.K. <i>Improving the professional competence of a foreign language teacher based on the use of lesson observation and analysis technology</i>	18
Galiyeva E.H. <i>Digital tools for assessing the methodological preparation of a future mathematics teacher</i>	23
Ermalinskaya N.V. <i>Family and marriage identity of modern youth: formation mechanism, trends of change and research tools</i>	29
Kadol F.V. <i>Time has chosen them</i>	35
Karebo O.N. <i>On the issue of distance teaching a foreign language</i>	39
Klyuchnikov A.V., Mikhalevich V.A., Osipenko O.V. <i>Comparative analysis of the dynamics of the Ministry of Emergency Situations (MES) Lyceum students' physical fitness level</i>	44
Ni Sha. <i>Debatable aspects of designing the musical material developing environment in a kindergarten in China based on national traditions</i>	48
Osipenko O.V., Narskin G.I., Mihalevich V.A. <i>Criteria for the selection of children in trampoline jumping</i>	53
Palieva T.V. <i>Factors determining the development of multicultural education (on the example of Belarus)</i>	59
Pochinok T.V. <i>Professional competence of a manager in the public administration system</i>	66
Sevdalev S.V., Kotovenko S.V., Vyrsky M.M. <i>Features of the functional fitness of female athletes practicing modern pentathlon</i>	72
Skidan A.A. <i>Taking into account the phase nature of the individual biological cycle in the construction of health-improving shaping classes with women in the first period of adulthood</i> ...	77
Starchanka U.M. <i>Ontology of Olympic activity</i>	81
Trafimovich I.I. <i>On the necessity to master physical fitness among young athletes practicing track-and-field in specialized sports classes</i>	87
Urban M.A., Obchinets A.S. <i>Modeling as a didactic basis for elementary teaching of mathematics: features, problems of teacher training, solutions</i>	93
Horshidahmed H.S. <i>The main aspects of building the training process of young sprinters (results of a questionnaire survey of trainers from the Republic of Belarus and the Republic of Iraq)</i>	100

Schekudova S.S. <i>On the issue of sexual education of students of higher education institutions</i>	105
LAW	
Goncharov V.V. <i>Problems and prospects for the development of forms of direct democracy in Russia at the regional level</i>	109
Zhurovich N.A., Kopyitkova N.V. <i>To the question of the application of certain principles of civil procedural law</i>	114
Kovalyova E.A. <i>Protective and defensive norms of labor law</i>	119
Kovalyova T.V. <i>Compensation for non-pecuniary damage in case of illegal disciplinary dismissal</i>	125
Kolodinskaya I.V. <i>Combining work with education: a historical analysis</i>	131
Korsakov K.A., Maryina E.V., Sidorenko E.V. <i>Formation of a unified judicial practice and legal position by the Supreme Court of the Russian Federation</i>	136
Maslovskay T.S. <i>The material core of the constitution: the legal regime</i>	140
Nabatova A.E. <i>On the issue of legal background for gender criminology</i>	146
Ryzhankou A.Yu. <i>Historical-legal, system and formal-legal analysis of the subjective part of official negligence</i>	151
Usova E.I. <i>Women as subjects of administrative responsibility</i>	157
Fedotov V.A. <i>Interaction of imperative norms closely related to a foreign trade dispute (based on the judicial practice of Russia and Belarus)</i>	163
Esmantovich I.I. <i>Active civil participation of the population in solving local issues</i>	169
ECONOMICS	
Arashkevich O.V., Gevraseva A.P. <i>Import substitution as a factor in the balanced development of the national economy</i>	173
Bugaeva E.A. <i>The strategy of companies' expansion to foreign markets: theory, methodology, main factors</i>	179
Gaishun A.N. <i>Analysis of the sectoral structure of the national economy and the role of industry in its formation</i>	183
Zemtsov A.G., Zenkova L.P. <i>The American model of the healthcare system: the regulatory role of the state</i>	189
Kamornikov S.S. <i>On the issue of optimizing the institutional structure of oil and petroleum products market in the Republic of Belarus</i>	194
Karpenko E.M., Rasseko Yu.Yu. <i>Managing the pace of life in the Republic of Belarus</i>	200
Lapitskaya O.V. <i>Economic and environmental features of forest management and forestry in the water protection categories of the forests in Belarus</i>	206
Lin S.D., Marchenko L.N. <i>Assessment of the relationship between groups of factors for the reproduction of the human capital of the village</i>	210
Sazonova V.M., Zapadniuk E.A. <i>Asian model of development of the national innovation system on the example of China</i>	217
Shishko A.V. <i>The analysis of modern innovative directions for improving SMBs in the field of sports</i>	221

Педагогика

УДК 37.091.33:811.111'243

Коммуникативные игры на занятиях по английскому языку

В.В. АВЕРЬЯНОВА

Рассматриваются преимущества коммуникативных игр, приводятся примеры игр на занятиях по английскому языку. Описываются такие разновидности коммуникативных игр, как ролевые и деловые игры, выделяются основные принципы и правила их проведения. Коммуникативные игры обеспечивают возможность настоящего общения, хотя и в рамках условных ситуаций. Игра – это воссоздание и усвоение общественного опыта, моделирование социального взаимодействия.

Ключевые слова: коммуникативные игры, ролевые и деловые игры, мотивация, коммуникативная компетенция, гибкие навыки.

The advantages of communicative games are explored, the examples of games in English classes are given. Such varieties of communicative games as role plays and business games are described, the main principles and rules for their implementation are highlighted. Communication games provide an opportunity for real communication, albeit within the framework of conditional situations. The game is the reconstruction and learning from social experience, modeling of social interaction.

Keywords: communicative games, role plays and business games, motivation, communicative competence, soft skills.

Базовой целью современного образования является не передача знаний, а формирование полноценной личности, способной обучаться в течение всей жизни и владеющей необходимыми компетенциями для социальной адаптации и успешной самореализации. Коммуникативные игры, как репетиция будущей социальной активности и профессиональной деятельности, формируют устойчивую основу для успешной интеграции обучаемого в социум без потери личностной уникальности и самобытности.

При обучении иностранному языку самым сложным этапом считается речевая деятельность, потому что этот этап предполагает оперирование уже изученными лексическими единицами и знание правил их употребления. Здесь необходимо употреблять лексику в новых условиях, самостоятельно строить высказывание, поэтому на этом уровне навык становится умением. Умение предполагает не только автоматизм, но и динамичность, это не просто знание лексики и правил, но и способность употреблять их в изменяющихся, нестандартных ситуациях.

Одним из самых эффективных способов развития речи на иностранном языке являются коммуникативные игры. Наиболее очевидное преимущество коммуникативных игр – мотивационная составляющая. Они побуждают обучаемых к общению и эффективному взаимодействию. Игровая форма заданий снижает уровень стресса и минимизирует страх сделать ошибку [1, с. 308]. В процессе обучающей игровой деятельности студенты меньше устают благодаря тому, что они занимаются делом, которое им нравится, они вдохновлены и мотивированы [2, с. 52]. Завуалированность образовательной цели на фоне игровой обеспечивает более продуктивное восприятие речи и выражение мыслей [3, с. 28]. Подключение эмоциональной составляющей, активное участие обучаемых в игре позволяет без усилий усваивать, запоминать новый материал.

Целью данной статьи является рассмотрение коммуникативных игр в качестве эффективной технологии развития умений восприятия и воспроизводства иноязычной речи, формирования коммуникативной компетенции.

Актуальность данной темы обусловлена высокими требованиями к овладению иностранным языком. В сегодняшних реалиях важным будет не просто умение читать и переводить тексты, но способность поддержать беседу с носителем другого языка, проявить свою языковую компетентность в живом общении. Также в настоящее время ведется активный поиск путей модернизации процесса обучения, появляются новые технологии, средства и приемы обучения. Эти технологии и приемы требуют систематизации и оценки их эффективности.

Коммуникативные игры обеспечивают возможность настоящего общения, хотя и в рамках условных ситуаций, определенных преподавателем границ. Игра обеспечивает воссоздание и усвоение общественного опыта, моделирование социального взаимодействия. Она является естественной формой деятельности в обучении и осуществляется посредством практики в действии, а не путем указания или следования образцу.

Игры целесообразно применять на этапе обобщения и систематизации материала, т. к. речевая деятельность подразумевает наличие лексической и грамматической базы. Чтобы квалифицировать определенные приемы обучения как игру, нужно иметь в виду, что игра подразумевает создание воображаемой ситуации, имеет определенные правила. При этом студенты должны осознавать тот результат, к которому они стремятся в процессе игры.

Преподавателю очень важно создать условия, при которых коммуникация максимально приближена к естественным условиям. При этом важнейшую роль играет воображение, особенно в ролевых играх, когда обучаемому необходимо представить себя в роли другого человека.

Среди коммуникативных игр часто выделяют ролевые и деловые игры. Ролевые игры составляют ядро коммуникативных игр. Ролевая игра имеет несколько этапов. Это подготовка, проведение игры и обсуждение результатов. На этапе подготовки можно повторить лексический материал, речевые формулы. Более детальная предварительная проработка игры может включать отработку лексики в смысловых речевых единствах, организацию микроситуаций, которые являются элементами ролевого взаимодействия. Также на этой стадии происходит распределение ролей, определение других обстоятельств игры (место, время, задачи, планируемый результат и т. д.).

Ролевая игра – это вид учебного взаимодействия, когда на базе ролевых карточек или сценария воспроизводится реальная практическая деятельность людей. Во время ролевой игры студенты получают карточки, в которых может быть представлена информация о чертах характера человека, о его привычках, опыте, социальном статусе. Если роль предполагает взаимодействие в профессиональной сфере, то такая ролевая игра приобретает черты деловой игры. Однако в карточках не рекомендуется слишком детальное и подробное описание, так как игра должна предоставлять пространство для творчества, импровизации, самовыражения персонажа. В рамках игровой ситуации обучаемый должен иметь свободу действий и речевых поступков [4, с. 132].

Одной из ключевых черт игрового взаимодействия является его провоцирующий, спонтанный характер. Именно элемент неожиданности, неподготовленности делает игру столь притягательной и максимально вовлекает обучаемых в коммуникативную деятельность.

Во время проведения игры важно создать такие условия, чтобы обучаемые могли творчески применить полученные знания. Здесь важна самостоятельность как в плане формы высказывания, так и в плане содержания. Импровизация, свобода выражения в заданных игровых рамках ведут к раскрепощению, проявлению индивидуальных способностей, раскрытию творческого потенциала обучаемых. Роль преподавателя сводится к мониторингу и контролю без непосредственного вмешательства в процесс игры.

На этапе обсуждения результатов преподавателю необходимо обратить внимание на некоторые ошибки и неточности, выявленные в ходе мониторинга и контроля игры. Однако здесь важно сохранить мотивацию студентов, акцентировать внимание не только на отрицательных, но и на положительных аспектах, не создавать предпосылки для обобщенной отрицательной оценки деятельности обучаемых [5, с. 615–616]. Можно еще раз повторить основные речевые структуры, которые отрабатывались в процессе игрового взаимодействия. Одним из приемов обобщения может быть вопрос о том, какие моменты в игре вызвали наибольшие затруднения, какие элементы были наиболее полезны для развития коммуникативных способностей.

Классическая ролевая игра предполагает наличие проблемы или проблемной ситуации и персонажей, которые имеют разное отношение к указанной проблеме [6, с. 218]. Например, в ролевой игре «*The Airport*», представленной в разделе *Class Activities* в обучающем комплексе *Face2face* [7, с. 64–65], сформулирована проблема строительства аэропорта вблизи небольшого туристического города. Студентам раздаются карточки эколога, двух местных жителей, местного бизнесмена, местного чиновника и председателя собрания. Каждый из персонажей имеет свой взгляд на проблему, поддерживает или отвергает сооружение аэропорта и обосновывает свою точку зрения. Участники игры сначала тренируют монологическую речь, излагая свою точку зрения на проблему, а затем вступают в диалог, пытаясь переубедить оппонентов или поддержать сторонников. В конце игры председатель предлагает проголосовать «за» или «против» строительства аэропорта. То есть цель игры – найти компромисс, договориться, что очень важно для будущей социализации обучаемых.

Ролевые игры позволяют развивать так называемые *soft skills* – навыки взаимодействия с людьми, навыки коммуникации, эмпатии и лидерства. «*House Hunting*» [7, с. 38–39] – еще один пример игры, где нужно договориться, чтобы достичь общей цели. Студенты получают карточки адвоката, студента, почтового работника и садовника, а также рекламное описание четырех домов. Один из этих домов им предстоит снять вместе. Для этого столь разным персонажам нужно прийти к единому мнению.

В описанных выше играх «*The Airport*» и «*House Hunting*» участвует большое количество студентов, от 4 до 12. Ролевая игра может также включать только двух участников. Очень часто один из них получает роль интервьюера (журналиста), а второй – интервьюируемого. Например, в игре «*The world's greatest traveller*» [7, с. 24–25] один студент представляет, что он – знаменитый путешественник, а второй берет у него интервью. Интервьюер должен опросить двух «путешественников», у каждого из которых заготовлена воображаемая история о его необычных странствиях. В качестве итога игры предлагается рассказать про наиболее интересные приключения «путешественников» и выбрать лучшего путешественника в мире (*the world's greatest traveller*).

Также два участника предполагаются в игре «*Teach your own language*» [7, с. 88–89]. Здесь беседуют работник по набору персонала и соискатель на должность учителя. Интервьюер беседует с несколькими соискателями. Итогом игры является выбор наиболее подходящего претендента на должность. В игре «*Excuses, excuses!*» [7, с. 78–79] два приятеля собираются организовать вечеринку, распределяют обязанности и определяют сроки их выполнения. Однако не все удается выполнить, не все сроки соблюсти. И участники игры должны извиниться и придумать объяснение, почему не выполнены договоренности. Здесь также предполагается смена партнеров с целью последующего выбора наиболее интересных вариантов оправдания неисполненных обязательств.

Исследователи обращают внимание на некоторые особенности парной ролевой игры и вообще работы в паре в процессе учебной коммуникации. Очень важно обеспечить ротацию, т. е. смену партнера для парной работы с целью более полноценного общения и обмена мнениями. В представленных выше играх «*The world's greatest traveller*», «*Teach your own language*» и «*Excuses, excuses!*» интервьюер (или один из приятелей в игре «*Excuses, excuses!*») должен опросить нескольких персонажей и выбрать среди них лучшего. Также партнеры могут меняться ролями, продемонстрировать свой диалог всем участникам учебной группы [8, с. 83].

Отметим, что при обучении студентов педагогического профиля представленная выше в качестве примера игра «*Teach your own language*» может квалифицироваться как ролевая деловая игра.

Деловые игры имеют ряд отличительных особенностей. Они могут включать разыгрывание ролей по ролевым карточкам. Однако наиболее характерной их особенностью является то, что они чаще всего строятся вокруг какой-то конфликтной ситуации в профессиональном сообществе. Обучаемые получают исходные данные по ситуации, а затем действуют в соответствии с определенной ролью, которая часто обозначает не профессию, а позицию в конфликте (например, заискиватель, обвинитель и т. д.). Остальные участники игры и наблюдатели оценивают действия игроков и выбирают оптимальную стратегию поведения в данной конфликтной ситуации.

Очень популярной в настоящее время становится так называемый *the case study method* [9]. Изначально это метод применялся не в форме игры, а в форме письменного анализа и последующего обсуждения реальных ситуаций, возникающих в ходе профессиональной деятельности. На основе подробного описания реальной ситуации обучаемые предлагали пути решения проблемы, выделяли положительные и отрицательные стороны вопроса, пытались найти причины проблемы, факты, которые являются ключом к ее разрешению. В форме деловой игры указанный выше *the case study method* представлен в конце каждого из четырнадцати юнитов в разделе *Case study* книги *Market Leader* [10], предназначенной для обучения английскому языку бизнесменов и экономистов. Например, в первом юните менеджерам компании *Coferoma* нужно найти способы увеличить прибыльность, которая недавно резко упала. Участники игры анализируют причины падения спроса и выбирают оптимальные способы решения проблемы.

В деловых играх реализуется принцип «двуплановости». С одной стороны, здесь решаются серьезные задачи по развитию личностных качеств и способностей, необходимых будущему специалисту, участник игры учится взаимодействовать с коллегами, овладевает навыками менеджмента в выбранной профессиональной сфере. С другой стороны, решение всех указанных выше задач происходит в форме игры, что способствует интеллектуальному и эмоциональному раскрепощению, импровизации, проявлению творческих способностей.

Таким образом, деловые игры могут быть как ролевыми (см. описанную выше игру «*Teach your own language*» для студентов педагогического профиля), так и основанными на конфликтной или проблемной ситуации в профессиональной сфере, где участник играет самого себя в заданной ситуации, моделирующей реальную.

Деловые игры развивают способность взаимодействовать в коллективе при совместной деятельности, решать конфликты и производственные задачи, преодолевать другие трудности, с которыми специалисты сталкиваются в сфере их профессии. Вырабатывается умение действовать самостоятельно, принимать на себя ответственность и находить выход из различных ситуаций.

Все разнообразие коммуникативных игр не ограничивается ролевыми и деловыми играми, а включает в себя другие виды взаимодействия, основанные на различных типах речевых задач. Речевая задача может быть построена на различиях в убеждениях (*belief / opinion gap*), в имеющейся у студентов информации, в доказательствах (*reasoning gap*) [11, с. 18]. Примером взаимодействия, основанного на *belief / opinion gap*, может быть игра «*Оптимисты и пессимисты*», или «*Man / woman*», когда участники выражают различные точки зрения на заданную тему, например, об обязанностях мужчины и женщины, выступают с оптимистичными и пессимистичными утверждениями о чем-либо, а затем может ставиться задача выработать общую точку зрения.

Развитие и совершенствование речевых навыков предполагает общение в ситуациях, моделирующих реальные, а также обсуждение проблемных тем. На первый план выдвигается необходимость найти средства для выражения мыслей. То есть, коммуникативные игры, дискуссии, обсуждение являются мощным фактором мотивации при изучении иностранного языка.

Применение коммуникативных игр на занятиях по английскому языку имеет огромный потенциал как для развития речевых умений, так и для формирования личности. Это не только активизация познавательной и творческой деятельности обучаемых, и как следствие, лучшее запоминание и усвоение языковых единиц и правил, речевых моделей. Это также развитие так называемых *soft skills* (гибких навыков). Это навыки коммуникации с людьми, умение договариваться и находить выход из различных проблемных и конфликтных ситуаций, навыки критического мышления, работы в команде и организации деятельности. Наличие развитых *soft skills* является в настоящее время очень важным фактором в пользу соискателя при приеме на работу. Все большее число работодателей включают эти навыки в число обязательных требований к соискателю. Особенно важны *soft skills* для тех, кто претендует на позицию руководителя. Поэтому коммуникативные игры – это репетиция будущей жизни в социуме и ключ к успеху в профессии.

Литература

1. Триус, Л. И. Игры в обучении профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции у студентов в лингвистическом вузе на примере английского языка / Л. И. Триус // Профессиональная коммуникация : актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2020. – № 13. – С. 307–313.
2. Bayirtepe, E. The Effects of Game-Based Learning Environments on Students' Achievement and Self-Efficacy in a Computer Course / E. Bayirtepe, H. Tuzun // H.U. Journal of Education. – 2007. – Vol. 33. – P. 41–54.
3. Архипова, Е. А. Основы методики развития речи учащихся / Е. А. Архипова. – М., 2004. – 192 с.
4. Larsen-Freeman, D. Techniques and principles in language teaching / D. Larsen-Freeman. – Oxford, 1986. – 142 p.
5. Арефьева, Т. С. Ролевые игры как элемент коммуникативной методики обучения английскому языку студентов неязыковых вузов / Т. С. Арефьева // Синергия наук. – 2017. – № 15. – С. 614–622.
6. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учеб. пособие / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – Изд. 2-е. – М. : Академия, 2005. – 336 с.
7. Redston, C. Face2face : intermediate / C. Redston, G. Cunningham. – Cambridge, 2013. – 177 p.
8. Нехаева, О. Г. Деловая игра в процессе изучения английского языка как инструмент развития коммуникативных навыков / О. Г. Нехаева // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2021. – Вып. 1 (49). – С. 79–90.
9. Dow, Anne R. Preparing the language students for professional interaction / Anne R. Dow, Joseph T. Ryan // Interactive language teaching. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 210 p.
10. Cotton, D. Market Leader. Intermediate Business English Course Book / D. Cotton, D. Farley, S. Kent. – Longman, 2006. – 169 p.
11. Мильруд, Р. П. Современные концептуальные принципы коммуникативного обучения иностранным языкам / Р. П. Мильруд, И. Р. Максимова // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 5. – С. 17–22.

Коммуникативные грамматические задания как средство формирования коммуникативной компетенции у студентов

Ю.Е. АКУЛИЧ

В статье раскрываются вопросы использования коммуникативных заданий при обучении коммуникативной грамматике в рамках сформированности коммуникативной компетенции. Будучи эффективным методом для достижения коммуникативных задач, стимулирующие речевые упражнения ориентированы на осуществление говорения с корректным использованием грамматических явлений и конструкций. Развиваемые коммуникативные навыки употребления грамматических единиц в контексте способствуют преодолению трудностей беглого иноязычного общения, мотивируют к решению речевых проблем.

Ключевые слова: коммуникативные навыки, иноязычное общение, коммуникативные задания, коммуникативная грамматика.

The article reveals the issues of using communicative activities in teaching communicative grammar during the formation of communicative competence. Being an effective method for achieving communicative tasks, stimulating speech exercises are focused on the correct use of grammatical phenomena and structures while speaking. The developed communication skills of using grammatical units in the context contribute to overcoming the difficulties of fluent foreign language communication, motivate to solve speech problems.

Keywords: communicative skills, foreign language communication, communicative tasks, communicative grammar.

Обучая студентов-лингвистов коммуникативной грамматике, многие преподаватели задаются вопросом, как правильно подобрать материал и какие задания необходимо использовать для достижения коммуникативной цели, а именно формирования навыков употребления грамматических явлений в речевых ситуациях. Чтобы сформировать коммуникативную компетенцию и развить коммуникативные навыки, необходимо иметь мотивацию, желание и социальную готовность к решению проблем в различных речевых ситуациях, преодолевать языковой барьер, планируя эффективное общение таким образом, чтобы достичь иностранной речевой беглости посредством богатого активного и пассивного словаря, знания грамматики, структуры предложения, написания и пунктуации.

Коммуникативные навыки включают не только вербальное и невербальное поведение, но и соответствующие стимулы и ответные реакции говорящего, на которые оказывают влияние:

– контекстуальные факторы: социальные правила употребления языка (формальность, вежливость, социальное дистанцирование, эмоциональность); невербальные поведенческие тактики (паузы, одежда, жесты, мимика, позы, визуальный контакт, кожные реакции (покраснение, побледнение, потоотделение), пространственно-временная организация общения); культурные особенности (идиомы, устойчивые выражения, фундаментальные знания);

– личностные факторы: пол, возраст, происхождение, личностная оценка содержания высказывания (его истинность или ложность, многозначительность, несерьезность, компетентность и осведомленность), ролевая позиция [1].

Для успешного иноязычного общения важно также уметь распознать коммуникативную цель общения, явные или скрытые намерения говорящего, его поведенческую тактику, речевое поведение, установки, отношения говорящего к высказыванию и к собеседнику, организацию высказываний, выбор тематики и формы коммуникаций. Любые языковые средства, будь то лингвистические, паралингвистические и нелингвистические, которые задействуются во время речевого акта, преследуют различные коммуникативные цели, которые могут повлиять на изменение личностного смысла того или иного объекта для собеседника, тем самым воздействовать на ситуацию общения. Коммуникативный подход предоставляет преподавателем возможность использовать при обучении грамматике значимые коммуникативно-ситуативные задания на занятиях, которые в сочетании с другими видами речевой деятельности помогут студентам без страха провала выразить свои мысли грамматически правильно и бегло.

Целью работы является изучение самых распространенных коммуникативных заданий, используемых при обучении коммуникативной грамматике в различных бытовых и профессиональных речевых ситуациях на уровне предложения и контекста. Метод коммуникативного подхода требует определенного баланса между использованием прекоммуникативных и коммуникативных заданий, которые подготавливают обучаемых к работе с грамматическими правилами для реального общения и мотивируют для дальнейшего использования этих грамматических структур в реальном общении.

Научная новизна определяется необходимостью введения новых действенных методов обучения для предоставления грамматических структур и явлений не в изоляции, а исходя из коммуникативной задачи, создавая условия тренировки, закрепления и применения этих грамматических единиц в конкретном контексте.

Следует отметить, что не все упражнения являются подходящими для обучения коммуникативной грамматике. Для того чтобы задания были эффективными, существует несколько условий.

1. Задания должны стимулировать умственную деятельность. Студентов нужно подталкивать к тому, чтобы они думали о том, что делают, а не просто проводить информацию из одного уха в другое. Это так называемое осознание.

2. Задания должны способствовать к использованию фундаментальных знаний студентов. Это так называемая персонализация, когда студентов нужно побуждать отражать в речи свои мысли, идеи, взгляды, так как личные связи помогают закрепить в сознании грамматические образцы и структуры более эффективно, чем использовать грамматические явления в отдельных предложениях, не имеющих отношения к жизненной реальности студентов. Например, не нужно заставлять студентов говорить об офисной работе, им нужно знать, что говорить о любимых занятиях, каникулах, отношениях со сверстниками, учебе и т. д. Хотя следует отметить, что симуляция вымышленных коммуникативных ситуаций имеет также целевое назначение, так как знакомит обучаемых с разным дискурсом, готовя почву для фактического спонтанного общения (например, ситуации в метро, выигрыш лотереи, замужество и т. д.).

3. Иноязычная речь является главным звеном между уже сложившимися и знакомыми понятиями и новыми концептами. Коммуникативная активность создает связь между неизведанным и тем, что давно хранится в памяти, что позволяет студентам легче запомнить и активизировать новые грамматические единицы в дальнейшем.

4. Задания должны предоставлять возможность для индуктивного и дедуктивного обучения грамматике. Дедуктивный подход обучения грамматике заключается в представлении материала к последующему его воспроизведению, запоминанию. Обучение коммуникативной грамматике означает, что грамматические инструкции не ограничиваются обычным предоставлением материала, дальнейшим контролем упражнений и оценкой студентов по их способности понимать грамматические явления. В обучении коммуникативной грамматике существует метод, называемый три «П» – презентация-практика-представление. Преподаватель дает краткую презентацию грамматического явления, затем студенты выполняют контролируемые коммуникативные задания, преподаватель включает студентов в участие в различных видах речевой деятельности, направленных на тренировку грамматического явления, осуществляет контроль, указывает на ошибки, отмечает особо важные случаи употребления.

5. Материалы занятия должны содержать аутентичные тексты, которые вызывают интерес и предоставляют действенные модели языка [1].

Безусловно, использование различных коммуникативных заданий на занятии может варьироваться в зависимости от типов дискурса. Помимо различных социокультурных аспектов при разработке заданий для моделирования иноязычного общения на занятиях по коммуникативной грамматике важно обратить внимание на прагматические и психологические факторы, такие как речевые установки говорящего, его оценочное суждение к происходящему, индивидуальная манера и тактика вербального и невербального поведения, выбор стиля коммуникации. Для успешного завершения межличностного общения важно учесть тот факт, что в основе порождения и стимулирования речи лежит мотив, т. е. намерение говорящего участвовать в общении. Для того чтобы появился такой мотив на занятии, необходимо создать коммуникативно-прагматические ситуации (реальные или вымышленные), которые будут способствовать раскрытию языкового потенциала обучаемых.

На основе вышеперечисленных требований можно привести следующую классификацию коммуникативных заданий.

1. *Информационный пробел*. В реальном общении коммуниканты осуществляют речевое взаимодействие с целью получения какой-либо информации. Среди самых распространенных заданий можно выделить следующие:

– «*Вопросы и ответы*». Данных тип задания можно использовать для тренировки любой грамматической категории, например, простого прошедшего и продолженного времен. В качестве собеседника может выступать и как преподаватель, и как студент. *Teacher: What were you doing yesterday when your parents came home? Student: I was writing an essay. Teacher: How long did it take you to write it?*

– «*Интервью*». Прежде чем использовать данное задание необходимо удостовериться, что студенты могут употреблять в речи необходимые структуры вопроса-ответа. Для опоры можно записать образцы на доске. Примером может послужить упражнение «*Family matters*», целью которого является тренировка постановки различных типов вопросов (общие, специальные, альтернативные и т. д.). *How many people in your family wish they had more sisters or brothers? Are you the only child in your family? Do you take after your mum or dad? Your family lives in the house where you were born, isn't it?* Вариативным примером может послужить задание «*I know you, don't I*», в котором студенты с легкостью активизируют навыки употребления разделительных вопросов на предсказании своего партнера. *You have been to the cinema in the last two weeks, haven't you? You aren't a night bird, are you? You would rather live in a country than in a big city, wouldn't you?*

– «*Опрос общественного мнения*». Целью таких заданий, как «*Men and women are from different planets*» не только обсудить предложенные варианты, но и дать свою аргументацию. Предложенное упражнение дает студентам возможность закрепить структурные особенности употребления герундия, инфинитива или *that*-конструкций в глагольных выражениях *I agree, I disagree, I think that, I recon, I'd say, if you don't mind me saying, I approve of, I suggest, I bet, it depends on*. Например, студентам предлагается прокомментировать следующие выражения, а также выяснить мнение одноклассников: *Men are better drivers than women. Women are more faithful in relationships. Women are inefficient in the business world because they tend to be too emotional. Men find it difficult to express emotions except when their football team scores a goal. If more women were in position of power, there would be fewer wars in the world.*

– «*Исследования*». Коммуникативное задание «*Whose life is it*» направлено на тренировку конструкций, употребляемых для выражения будущего времени. Студенты, работая в парах или индивидуально, могут задавать следующие вопросы: *What do you think you'll be doing in 15 years' time? Where are you going after your classes? What will you probably buy today? What is your biggest hope for the future?*

2. *Головоломки*. Так называемые «*Jigsaw activities*» или головоломки также основаны на информационном пробеле, могут выполняться как индивидуально, так и в группах. Суть заданий заключается в том, что одна часть студентов имеет неполную информацию, которую должна дополнить вторая половина студентов. Как правило, данное задание выполняется на основе текста или картинки, части которых необходимо сложить вместе, чтобы найти решение проблемы. В данном речевом упражнении каждый участник важен, поскольку владеет необходимой информацией [2].

– «*Тот же самый или разный*». Самый распространенный вариант заданий «*Spot the difference*», в котором двум студентам или двум группам студентов предоставляется две картинки. Найти определенное количество отличий позволит набор вопросов и подсказок по описанию картинки. Данное задание хорошо закрепляет навыки употребления артиклей и предлогов *on the right/left, in the middle of, in the background, in the foreground*. Например, *Student 1: Is the man on the left is waving to somebody? Student 2: No, the man on the left is pointing to a plane taking off.*

– «*Комикс*». Цель задания, используя повествовательные времена активного и пассивного залогов, создать историю, сочиняя детали по имеющимся вопросам. Например, *Who was in the car that night and where were they going? What strange sight did they see on the road? What happened to the car? What strange smell did they notice? How did they feel and what did they do?* Вариативным заданием может послужить работа в паре с отрывками текста для тренировки употребления придаточных предложений. Студенты получают текст с пробелами в истории, которые нужно заполнить. Например, *Mrs Riddles and her daughter were driving from London to Paris one morning in 2021. ... Suddenly, a strange flash was at the back of the car .... In a state of surprise, they drove to the nearest city and reported the case to the police.*

3. *Завершение задач*. Задания, ориентированные на завершение задач, развивают у студентов такие стратегии для осуществления общения, как формулировка высказываний, прояснение,

опрос, предоставление и следование инструкциям, уточнение и описание ситуаций. Коммуникативные упражнения на завершение задач могут быть играми, пазлами, чтением карт или иметь другие формы, в которых фокус направлен на завершение коммуникативной задачи, мотивируя студентов на продвижение в изучении того или иного грамматического явления.

– «*Правда ли?*». Как правило, данный вид упражнений направлен на тренировку употребления времен, косвенной речи, модальных глаголов, сослагательного наклонения. Например, в упражнении «Все возможно», целью которого тренировка второго типа условных предложений (действия маловероятно произойдут или собеседник не уверен в них), студент дает свое предположение, чтобы он сделал в той или иной ситуации: *If I could take a famous person out for the evening, I would invite... . If I could spend a week anywhere in the world, I would go to ... .If I was given unlimited money to buy one object, I would buy ... .If I could have a special talent, I would like to be able to...*

– «*Miming*». Упражнения-подражания являются ценными ситуациями для изучения иностранного языка. Догадка тесно связана с природным интересом выяснить желаемое, развивает наблюдательность и импровизацию, в чем и заключается реальная коммуникативная ситуация. Данный вид упражнений способствует стимуляции невербального общения. Примером может служить коммуникативное задание «Шарада наречий», суть которого заключается в том, что студенты на листе бумаги пишут одно из действий, а на другом наречие, описывающее это действие (*knitting, badly*). Все листы складываются в две пачки. Пара студентов вытягивает действие и наречие и с помощью мимики описывают, остальные должны догадаться, основываясь на вопросах, которые они могут задать.

– «*20 вопросов*». Преподаватель в праве выбрать любую коммуникативную ситуацию, подходящую по изучаемой теме. Например, ситуация «регистратор отеля»: *The setting is a hotel in an English-speaking country. A guest staying at the hotel has a very bad cold and has lost his voice. He therefore has to communicate with the hotel receptionist.* Задача студентов заключается в выяснении требований туриста путем опроса, варьируя его в зависимости от ответных жестовых реакций собеседника.

4. *Обмен мнениями*. Очевидно, что обмен мнениями и оценка суждений играют существенную роль в говорении, так как рассчитаны на эмоционально-оценочное восприятие адресатом. Коммуникативные задания побуждают студентов сравнивать ценности, мнения и верования, способствуют самоопределению в реальном мире, предоставляют возможность соотнести свою ценностную парадигму с парадигмой социума, сопоставляя, противопоставляя или принимая существующие образцы и их эмоциональную интерпретацию. Ярким примером служит упражнение «Пирамида», где студентам предлагается ранжировать качества лучшего друга. Задание «*What is it?*» направлено на закрепление употребления пассивного залога по теме «*Technologies*». Студент дает описание изобретения (*macintosh, shampoo, guitar, chewing gum, crisps, Coca-cola*), а остальные дают свою характеристику этому изобретению.

5. *Перенос информации*. Как правило, данное задание рассчитано на активизацию модальных глаголов, один студент дает описание места или события, а второй спекулирует по поводу того, что бы это могло быть, используя *it might be, could be, probably, definitely, on the other hand*.

Важно обратить внимание на допущенные студентами ошибки, исправление которых желательно осуществлять после выполнения задания. Обратная связь возможна и на протяжении выполнения задания, но в таком случае может сбить с мысли говорящего.

Как показывает практика, различные коммуникативные задания могут быть адаптированы к различным контекстам бытового или профессионального назначения на основе аутентичного материала, способствующих тренировке грамматических навыков обучаемых. Используя различные типы коммуникативных заданий для достижения цели общения, преподаватель имеет выгоду, поскольку они развивают коммуникативные навыки студентов в реальных жизненных ситуациях, формируют оригинальность, спонтанность и изобретательность, раскрывая личностный потенциал студентов.

Литература

1. Richards, J. C. *Communicative language teaching today* / J. C. Richards. – New York, 2006. – 52 p.
2. Scrinever, J. *Learning teaching* / J. Scrinever. – Oxford : Macmillan, 2005. – 435 p.

УДК 37.014.242-057.875:33:911.3

Академическая мобильность студентов: социально-экономические и географические аспекты

В.А. БЕЙЗЕРОВ, В.Н. ДВОРАК

В статье анализируются социально-экономические и географические аспекты академической мобильности студентов. Сочетание социальных, демографических, географических, экономических и других факторов в значительной мере формируют модели двусторонней торговли и изменения в потоках приезжающих в страны и уезжающих студентов, что связано с растущей глобальной конкуренцией и быстрым расширением потенциала высшего образования. Прогнозируются возможные изменения глобального ландшафта высшего образования в ближайшие десятилетия и вероятные тенденции развития высшего образования.

Ключевые слова: академическая мобильность студентов, интернационализация образования, учреждения высшего образования, высшее образование, программы мобильности.

The article analyzes socio-economic and geographical aspects of international student mobility. A combination of social, demographic, geographic, economic and other factors are largely shaping patterns of bilateral trade and changes in incoming and outgoing student flows associated with growing global competition and the rapid expansion of higher education capacity. Possible changes in the global landscape of higher education in the coming decades and likely trends in the development of higher education are predicted.

Keywords: international student mobility, internationalization of education, higher education institutions, higher education, programs of mobility.

О важности экономического роста как движущей силы будущего спроса на высшее образование наглядно свидетельствует тесная взаимосвязь между ВВП на душу населения при паритете покупательной способности (ППС) и валовым коэффициентом зачисления абитуриентов в учреждения высшего образования. Корреляция не только является положительной и статистически значимой, но и, что еще более важно, при низких уровнях ВВП и ППС на душу населения валовые показатели зачисления в высшие учебные заведения, как правило, увеличиваются быстрее при относительно небольшом увеличении ВВП на душу населения [1].

Несмотря на высокие темпы экономического роста, многие страны, считающиеся лидерами роста, по-прежнему прогнозируют, что ВВП по ППС на душу населения в ближайшие годы будет ниже 10 000 долл. США, включая Непал, Бангладеш, Пакистан, Нигерию, Индию, Марокко, Индонезию и Шри-Ланку. Эти показатели будут сдерживать скорость ликвидации разрыва в показателях зачисления студентов в учреждения высшего образования учебные заведения со странами с развитой экономикой. Это также означает, что в течение десятилетия должен наблюдаться продолжающийся рост числа обучающихся и значительный рост спроса на высшее образование при условии демографических изменений [1].

Согласно статистическим данным, в период с 2011 по 2020 г. общее число студентов университетов в мире увеличилось почти на 20 млн. человек, или в среднем на 1,4 % в год. Это сопоставимо с общемировым ростом числа обучающихся учреждений высшего образования на пять процентов в год в предыдущие два десятилетия (и почти на шесть процентов в период с 2002 по 2009 гг.), что объясняет значительное замедление темпов роста числа обучающихся УВО к 2020 г. [2].

Эта тенденция была в определенной степени ожидаема в условиях, когда на некоторых рынках сектор высшего образования развивается или замедляет свое развитие, а демографические тенденции уже не столь благоприятны в результате снижения рождаемости в течение последних 20–30 лет [2].

В период с 2002 по 2009 гг. Китай и Индия доминировали в глобальном росте числа студентов учреждений высшего образования, составив 26 млн. человек из общего прироста в 55 млн. человек. Их совокупный рост на период с 2011 по 2020 гг. снизился до 12 млн. человек, при этом рост числа обучающихся УВО в Китае сократился с 17 млн. (2002–2009) до пяти миллионов за период с 2011 по 2020 гг. По прогнозам, рост числа обучающихся в университетах Индии (в абсолютном выражении) будет опережать рост в Китае в период до 2025 г. Вслед за Китаем и Индией к числу других стран с формирующейся рыночной экономикой со значительным прогнозируемым ростом числа студентов УВО в течение следующего десятилетия относятся Бразилия (+ 2,6 млн.), Индонезия (+ 2,3 млн.), Нигерия (+ 1,4 млн.), Филиппины (+ 0,7 млн.), Бангладеш (+ 0,7 млн.), Турция (+ 0,7 млн.) и Эфиопия (+ 0,6 млн.) [2].

Согласно данным статистики, в 2020 г. на Китай, Индию, США и Бразилию приходится более половины всех студентов учреждений высшего образования в мире. Кроме того, Индонезия, Турция и Нигерия становятся все более важными игроками в мировом секторе высшего образования, в то время как доля России, Ирана и Южной Кореи на мировом рынке, по прогнозам, в ближайшее десятилетие упадет. В абсолютном выражении по-прежнему прогнозируется, что Китай, Индия и Южная Корея останутся крупнейшими странами-поставщиками иностранных студентов после 2020 г.

В то время, как в период с 2002 по 2009 г. Китай был источником трети мирового роста числа студентов, обучающихся за границей, его вклад в будущий рост, по прогнозам, будет гораздо более ограниченным. Отчасти это связано с более медленным ростом числа обучающихся в учреждениях высшего образования и отчасти с предполагаемым незначительным снижением коэффициента исходящей мобильности. Вместо этого, по прогнозам, Индия будет одним из основных источников будущего роста числа студентов высших учебных заведений (+ 71 000 в период с 2011 по 2019 гг.), за ней следуют Нигерия, Малайзия, Непал, Пакистан, Саудовская Аравия и Турция [3].

Прогнозирование притока иностранных студентов в страны лимитируется находящимися в доступе данными об обменах студентами и о программах обмена, особенно в Азии и государствах Персидского залива. Вместе с тем в достаточной мере возможно прогнозировать приток студентов по основным направлениям обучения и ограниченному числу стран с формирующейся рыночной экономикой. К 2025 г., согласно прогнозам, международные студенты продолжают тяготеть к таким странам, как США, Великобритания, Австралия, Канада, Германия, Франция и Япония. Учитывая ограничения по использованию данных, упомянутые ранее, этот прогноз недооценивает смещение баланса в мобильности студентов в сторону других стран Азии (например, Китай, Малайзия, Сингапур, Индия и Южная Корея) [4].

С точки зрения роста общего числа абитуриентов высших учебных заведений в период с 2011 по 2020 гг., по прогнозам, Австралия будет лидировать с ростом более чем 50 000 международных студентов, за которой следует Великобритания, США и Канада.

Учитывая увеличение инвестиций в высшее образование и избыточный потенциал в странах с менее благоприятной демографической ситуацией, в долгосрочной перспективе возможно, что такие страны, как Китай, Сингапур, Малайзия и некоторые государства Персидского залива, станут самыми быстро растущими направлениями для международных студентов. Достаточно непросто прогнозировать, в какой степени эти страны смогут занять часть рынка, традиционную для США, Великобритании, Австралии и Канады. Прогнозируемый рост числа иностранных студентов в основных странах назначения в течение следующего десятилетия (около 130 000 человек) меньше, чем амбициозный целевой показатель увеличения числа иностранных студентов в Китае, составляющий приблизительно 250 000 человек [2].

С позиции изменений в ключевых двусторонних потоках студентов учреждений высшего образования возможно выделить следующие направления: исходящая мобильность студентов из Китая в США, Японию и Великобританию; из Японии – в США; из Греции в Великобританию, по прогнозам, значительно снизится в абсолютном выражении. Рынки в связи с ростом стоимости обучения также, вероятно, ожидают снижение притока студентов. Исходящие потоки из Индии в Австралию, Великобританию и США; из Китая в Австралию, из Нигерии в Великобританию, по прогнозам, двусторонние студенческие потоки в Европе также могут измениться в ответ на увеличении стоимости обучения.

В тоже время это вряд ли скажется на совокупных потоках, изменится структура и объем вышеобозначенных двусторонних потоков, общие коэффициенты исходящей мобильности не увеличатся. Вероятно, произойдет отток студентов от стран с высокой к странам с низкой стоимостью обучения. Тем не менее, тенденция увеличения числа аспирантов, обучаемых на английском языке, может стать дополнительным стимулом для роста объема мобильности в неанглоязычные европейские страны, например, из таких стран, как Индия, Пакистан и Нигерия, в такие страны, как Нидерланды, Скандинавские и Балтийские страны, Германия и Франция.

Возможности интернационализации систем высшего образования не ограничиваются международной мобильностью студентов. Ожидается, что транснациональные образовательные и совместные исследовательские партнерства также продолжат развитие в ближайшей перспективе.

Для определения перспектив развития международных образовательных партнерств необходимо рассмотреть ряд ключевых факторов. К их числу относятся общее число (и темпы роста) студентов учреждений высшего образования, показатели мобильности студентов и целый ряд практических барьеров на пути развития транснационального образования, начиная с языковых проблем и заканчивая правовыми и политическими ограничениями в потенциальной принимающей стране.

Вполне вероятно, что программы мобильности будут по-прежнему осуществляться на традиционных рынках принимающих стран, таких как Малайзия и Сингапур, в то время как Китай и Индия неизбежно будут вызывать дополнительный интерес при условии сохранения неопределенности законодательства и искусственных барьеров для выхода на рынки. В таких странах, как Пакистан, Нигерия, Индонезия и Вьетнам, существуют значительные возможности в области развития транснационального высшего образования, однако в настоящее время их ограничивают сочетание проблем безопасности, законодательных барьеров и относительного отсутствия открытости местной системы образования в отношении иностранных учреждений образования. Также необходимо учитывать особенности прихода и работы на традиционных рынках. Такие страны, как Малайзия, например, являются более зрелым рынком для иностранных учреждений, чем к примеру, Индонезия. Таким образом, потребности и возможности данных рынков будут различными.

Следует отметить, что в последнее десятилетие в секторе высшего образования произошли изменения, которые принесли значительную пользу как развитым, так и странам с формирующейся рыночной экономикой, в следующем десятилетии также следует ожидать значительных перемен. Эти изменения приведут как к усилению конкуренции, так и к созданию возможностей для укрепления сотрудничества между учреждениями высшего образования в глобальном масштабе. Вслед за смещением всей мировой экономики на юг и восток высшее образование также следует данной тенденции [5].

В настоящее время в учреждения высшего образования по всему миру поступает около 180 млн. абитуриентов. Четыре страны (Китай, Индия, США и Россия) дают 45 % от общего количества первокурсников. Ежегодный рост составляет в среднем пять процентов в год (численность населения в возрасте от 18 до 22 лет в мире за тот же период выросла на один процент в год, что свидетельствует о значительном росте общемирового валового коэффициента зачисления в высшие учебные заведения). С начала 90-х гг. глобальный показатель студенческой мобильности оставался стабильным и составлял около 2 %. Основными странами-экспортерами высшего образования, в которых входящая студенческая мобильность превышает исходящую, являются США, Великобритания, Австралия, Франция, Германия, Япония, Россия, Южная Африка и Канада. К основным странам-импортерам, в которых исходящая мобильность превышает входящую, относятся Китай, Индия, Южная Корея, Казахстан, Турция, Марокко и Вьетнам [1].

В мире в настоящее время функционирует около 250 филиалов зарубежных университетов, где обучается около 150 000 студентов. ОАЭ остаются самой популярной принимающей страной (с более чем 30 филиалами-кампусами), а США – основным экспортером в данном секторе (на их долю приходится около 80 кампусов по всему миру); более 500 000 студентов, обучающихся полностью за рубежом, полностью или частично обучались британскими университетами [1].

Прежде чем рассматривать будущие возможности, важно установить важные факты и закономерности в отношении глобального сектора высшего образования сегодня – с точки зрения притока студентов в учреждения высшего образования внутри страны, международных потоков студентов.

К числу других стран с формирующейся рыночной экономикой со значительным числом студентов учреждений высшего образования относятся Бразилия (более 7 млн. человек), Индонезия (более 5 млн. человек), Иран (около 4 млн. человек), Южная Корея (около 3,5 млн. человек) и Турция (более 3 млн. человек). В 1990 г. число обучающихся учреждений высшего образования в мире составляло примерно 65 млн. человек, поэтому за 30 лет оно увеличилось на 200 % (в среднем скорость роста составляла 5 % в год) [2].

В период с 2002 по 2009 гг. Китай и Индия доминировали в глобальном росте числа студентов УВО, привнеся 26 млн. человек (44 %) от общего прироста в 55 млн. человек. В процентном отношении в ряде других стран, имеющих значительную критическую массу молодого населения, за тот же период отмечались исключительно высокие темпы роста числа студентов университетов и высших колледжей: Бразилия (+ 68 %), Турция (+ 74 %), Индонезия (+ 53 %), Нигерия (+ 68 %), Пакистан (+ 179 %), Малайзия (+ 41 %), Вьетнам (+ 127 %), Саудовская Аравия (+ 70 %) и Бангладеш (+ 84 %) [4].

Южная Корея, Япония и Испания являлись странами с незначительным или даже отрицательным ростом числа обучающихся в УВО. Это, как правило, отражает основные демографические тенденции и валовые показатели зачисления абитуриентов в учреждения высшего образования, стабилизирующиеся на максимальных пороговых уровнях. Ключевой особенностью глобального высшего образования является рост числа иностранных студентов. Число иностранных студентов высших учебных заведений возросло с 800 000 в середине 70-х гг. до

более 4,5 млн. в 2019 г. Вместе с тем коэффициент исходящей мобильности (число студентов высших учебных заведений с мобильностью деленное на общее число студентов учреждений высшего образования) с начала 90-х гг. оставался на достаточно стабильном уровне и составлял чуть более двух процентов. Более 50 стран, включенных в исследование, дают более 70 % международных студентов высшего образования. В целях объективного изучения роста числа студентов учреждений высшего образования, получающих образование в рамках различных программ мобильности, его рост отслеживался на фоне роста мирового валового внутреннего продукта (ВВП) и мировой торговли. Первоначально в 1980-х гг. рост числа мобильных студентов отставал как от роста мирового ВВП, так и от роста объемов мировой торговли (и даже от общемирового числа студентов высших учебных заведений). Однако с начала 1990-х гг. рост числа студентов университетов в целом и рост числа мобильных студентов ускорился, опережая рост мирового ВВП, и рос такими же темпами, как и объемы мировой торговли. Достаточно проблематично установить причинно-следственные связи между студентами учреждений высшего образования, обучающихся по программам международной академической мобильности и торговлей, что выходит за рамки этого исследования, но очевидно, что между ними существует тесная связь как в совокупности, так и на двустороннем межстрановом уровне. Основными странами происхождения выездных мобильных студентов учреждений высшего образования являются Индия, Китай, Южная Корея, Германия, Турция и Франция, при этом распределение выездных мобильных студентов более сбалансировано по странам происхождения, чем по принимающим странам. На долю Китая и Индии приходится 29 % от общего числа студентов учреждений высшего образования, но лишь 21 % от общего числа мобильных студентов. Это объясняется тем, что эти страны имеют более низкие коэффициенты исходящей мобильности, чем среднемировые показатели. Коэффициенты исходящей мобильности существенно варьируются в разных странах: от 25 % для Маврикии, Тринидада и Тобаго и Ботсваны до менее одного процента для Великобритании, США, Австралии, России, Индонезии, Египта, Филиппин и Бразилии. Такие рынки, как Гонконг, Сингапур, Ирландия, Непал, ОАЭ и Южная Корея, имеют более высокие по сравнению со среднемировыми коэффициенты исходящей мобильности, как и многие европейские страны из-за высокой мобильности внутри Европы и растущего спроса на курсы последиplomного обучения на английском языке [6].

В период с 2002 по 2009 гг. Китай был источником одной трети общемирового роста числа студентов, обучающихся по программам мобильности, за Китаем следовала Индия (10 %), однако их коэффициент исходящей мобильности является достаточно низким. Другие страны, оказавшиеся в топ-20 по росту количества выездных мобильных студентов (в абсолютном выражении) – Южная Корея, Вьетнам, Россия, Иран, Саудовская Аравия, Нигерия, Турция, Пакистан, Малайзия и Непал. Согласно имеющимся данным, распределение стран назначения для студентов УВО гораздо менее равномерно, чем для стран с преобладающей исходящей мобильностью. На глобальном уровне лидируют США, Великобритания, Австралия, Франция, Германия, Россия, Япония и Канада, на которые приходится 60 % общего числа международных студентов. Вместе с тем важную роль на региональном уровне играют и другие страны: Южная Африка (страны Африки к югу от Сахары); Малайзия и Сингапур (Юго-Восточная Азия); и Южная Корея (Северо-Восточная Азия). Коэффициенты въездной мобильности также существенно различаются в разных странах: от 39,2 % в ОАЭ и свыше 10 % во Франции, Швейцарии, Великобритании, Сингапуре и Австралии (а также в таких странах, как Катар, Кипр и Австрия) до менее одного процента в Турции, Польше, Китае, Бразилии, Бангладеш, Индонезии и Непале. Статистика свидетельствует о том, что часть входящего потока иностранных студентов в 2009–2019 гг. приходилась на Китай (61 000), Индию (12 000), Бразилию (16 000), Индонезию (6 000) и Сингапур (40 000) ежегодно. Хотя некоторые из этих потоков являются значительными по своим масштабам, они все еще не сравнимы с притоком иностранных студентов в развитые страны и даже Канаду (93 000). Показатели по некоторым из этих стран, вероятно, будут еще выше, чем представленные в отчетах ОЭСР. В данных отчетах принимаются в расчет только студенты, обучающиеся на бакалаврских, магистерских и докторских программах, данные других агентств дополняют эту статистику, предоставляя сведения о студентах, обучающихся на краткосрочных программах и программах обмена. Некоторые страны, которые не фигурируют в отчетах ведущих агентств, также вкладывают значительные средства в развитие высшего образования и планируют стать центрами образования. Поэтому нельзя недооценивать их растущую роль в качестве мест назначения международных студентов. В плане роста входящей мобильности студентов успех Австралии явно очевиден. Стране удается на протяжении ряда лет оставаться лидером роста числа иностранных студен-

тов даже несмотря на то, что сектор высшего образования является гораздо менее крупным, чем в основных странах-конкурентах (США и Великобритании). Рост числа прибывающих в Австралию иностранных студентов в течение последнего десятилетия (+ 54 %) более чем в два раза превысил темпы роста как в США (+ 15 %), так и в Великобритании (+ 21 %), а также в Канаде, России, Южной Корее и Испании. Входящий поток студентов высших учебных заведений в Китае удвоился. Интересно изучить чистый баланс между входящими и исходящими потоками студентов в странах. Основными странами, в которых количество входящих мобильных студентов превышает количество исходящих мобильных студентов, являются США, Великобритания, Австралия, Франция, Германия, Канада, Япония и Россия. Основными странами, в которых число исходящих отечественных студентов превышает число въезжающих иностранных мобильных студентов, являются Китай, Индия, Южная Корея, Казахстан, Турция, Марокко и Вьетнам. Малайзия представляет собой интересный кейс, где потоки входящих (41 000) студентов и исходящих (58 000) были столь же большими. В 1998 г. ситуация коренным образом отличалась, когда в страну на учебу приехало лишь 3 000 иностранных студентов, а число исходящих студентов превышало 55 000 человек. Таким образом, эволюция глобального опыта Малайзии в области экспорта высшего образования служит полезным уроком для других стран, стремящихся пойти по аналогичному пути. Основные двусторонние потоки студентов высших учебных заведений: из Китая в США, из Индии в США, из Китая в Японию, из Южной Кореи в США, из Китая в Австралию, из Китая в Великобританию, из Китая в Южную Корею, из Китая в Канаду, из Индии в Великобританию, Канаду, США, Японию, США, Турцию, Германию. Важность Китая как основного рынка и источника студентов и США как основной страны назначения иностранных студентов очевидна. За последнее десятилетие отток студентов из Китая в США, Австралию, Японию, Южную Корею, Канаду и Великобританию доминировал в таблице среди наиболее быстро растущих, в абсолютном выражении исходящих двусторонних потоков. Также произошло некоторое уменьшение в двусторонних студенческих потоках: из Японии в США, из Греции в Великобританию, из Сингапура в Австралию, из Китая в Малайзию, из Индонезии в Малайзию и из Индонезии в США [2].

Как было сказано выше, модели двусторонней торговли являются важным фактором, определяющим направления перемещения мобильных студентов учреждений высшего образования, используемой для прогнозирования на ближнесрочную перспективу. Ввиду отсутствия всеобъемлющих данных о двусторонней торговле услугами в сфере высшего образования, наш анализ основывается исключительно на изучении двусторонней торговли. Хотя на уровне Соединенного Королевства, где имеются данные о предоставлении двусторонних услуг, существует некоторая корреляция между общей торговлей двусторонними услугами и странами происхождения студентов. Эта тесная связь особенно актуальна для следующих направлений исследования: Канада, Япония, Китай, Южная Корея, Индия и Швейцария. Однако некоторые страны в меньшей степени соответствуют этой корреляции, например Малайзия, Нигерия, Гонконг и Индонезия. В Соединенном Королевстве, как правило, имеется доля общего числа выездных мобильных студентов с определенных рынков происхождения – Индии, Нигерии, Малайзии, Гонконга, Шри-Ланки, Ирландии и ОАЭ – которые намного превышают ее долю в двусторонней торговле с этими странами. Это иллюстрирует дополнительную важность исторических и культурных связей и языка в объяснении двусторонних студенческих потоков.

Литература

1. Education at a Glance. Highlights. – Paris : OECD, 2020. – 476 p.
2. UNDP Development Report 2020 [Electronic resource]. – Access mode : <https://report.hdr.undp.org/>. – Access date : 21.01.2022.
3. Donetskaya, S. S. Internationalization of higher education in China: modern trends / S. S. Donetskaya, Z. Yan // Высшее образование в России. – 2019. – № 6. – С. 63–74.
4. Choudaha, R. Three waves of international student mobility (1999–2020) / R. Choudaha // Studies in Higher Education. – 2017. – № 42 (5). – P. 825–832.
5. Knight, J. The Lure of Europe for International Higher Education Cooperation / J. Knight // International Higher Education. – 2007. – № 48. – P. 25–39.
6. Wende, M. C. Internationalization of higher education in the OECD countries : challenges and opportunities for the coming decade / M. C. Wende // Journal on Studies in International Education. – 2007. – № 11 (3–4). – P. 27–289.

УДК 37.091.33-028.22:811'243:005.336.2-057.86:37.091.12

Повышение профессиональной компетенции учителя иностранного языка на основе использования технологии наблюдения за уроком и его анализа

А.Ф. БУДЬКО¹, Д.К. БАРТОШ²

В статье рассматривается технология наблюдения за уроком и сопутствующий ему анализ. Цель использования наблюдения – повышение профессиональной компетенции учителя иностранного языка. В качестве инструмента наблюдения и анализа используется видеурок. Авторы описывают использование карт или листов наблюдений, которые позволяют сделать анализ урока максимально конкретным и понятным. В статье дано определение карты наблюдений, приведены примеры листов наблюдений и обоснована целесообразность и необходимость использования данных карт при наблюдении и анализе урока иностранного языка.

Ключевые слова: наблюдение, анализ, повышение квалификации учителей, видеурок, этапы проведения наблюдения, объекты наблюдения, карты наблюдения.

The article deals with the technology of observing the lesson and the accompanying analysis. The purpose of using observation is to increase the professional competence of a foreign language teacher. A video lesson is used as a tool for observation and analysis. The authors consider the use of maps or observation sheets that allow you to make the analysis of the lesson as specific and understandable as possible. The article defines an observation map, gives examples of observation sheets, and substantiates the expediency and necessity of using these maps when observing and analyzing a foreign language lesson.

Keywords: observation, analysis, advanced training of teachers, video lesson, stages of observation, objects of observation, observation maps.

Переход современного образования в интерактивную образовательную плоскость затронул все направления в подготовке современного специалиста, в том числе и систему повышения квалификации учителя иностранного языка. Современный учитель должен не только хорошо знать свой предмет, но и ориентироваться в многочисленных психолого-методических концепциях, методах и средствах обучения; находить оптимальные варианты решения проблем, генерировать идеи, предлагать проекты; иметь представление о современных трендах в образовании и уметь применять в обучении современные технологии. Иными словами, учитель должен прийти в мир своих учащихся подготовленным к проведению урока.

Следует признать, что учителю сегодня невозможно достичь цели только по лекциям, учебникам, учебным пособиям или методическим рекомендациям. Учитель также учится, осознавая свои ошибки и видя удачные и неудачные моменты в работе других. Это неосуществимо, если он работает в школе сам по себе. Если не налажен обмен опытом между учителями, то большая часть учителей останавливается в своём профессиональном становлении. Чтобы это не произошло, он должен непрерывно обучаться и не только обучаться, но и самообучаться. Поэтому в данной статье мы рассматриваем одну из возможностей обеспечения качества преподавания иностранного языка в рамках освоения образовательных программ повышения квалификации – *технология* наблюдения за уроком и последующего его анализа.

Наблюдение – это преднамеренное, систематическое и целенаправленное восприятие «явлений с целью изучения их специфических изменений в определённых условиях и поиска смысла этих явлений, который непосредственно не дан» [1, с. 180]. *Анализ* – это «приём умственной деятельности, связанный с мысленным (или реальным) расчленением предмета, явления, процесса на части» [1, с. 16].

Методическое мастерство учителя предполагает не только умение подготовить и провести урок, но и умение анализировать свои уроки и уроки коллег, обобщать и перенимать положительный опыт преподавания иностранного языка. Наблюдение за уроком может дать научные сведения лишь в том случае, если оно используется целенаправленно, а наблюдаемое явление подвергается всестороннему изучению.

По мнению американского психолога Н. Фландерса [2], наблюдение за уроком является своего рода зеркалом, в котором преподаватель видит себя со стороны и которое помогает ему вносить коррективы в свою работу.

Каждое использование *технологии* строится на определённой теоретической основе, которая определяет её цели, задачи, приёмы, организационные формы и т. д. Отметим, на каких концептуальных положениях целесообразно строить использование *технологии* наблюдения и анализа урока иностранного языка.

Интерактивность. Наблюдение, индивидуализированное по своей сути, создает возможности взаимодействия всех участников данного процесса. Проведение наблюдения за уроком и его анализ основывается на сотрудничестве наблюдателей и наблюдаемого.

Самостоятельность. Использование наблюдения за уроком создаёт возможности для самообучения или самосовершенствования учителя за счет анализа урока, получения консультаций преподавателя. С помощью разработанных с целью проведения наблюдения и анализа задач и заданий учитель включается в активную познавательную деятельность, проявляет готовность анализировать и регулировать процесс собственного образования.

Индивидуализация. Наблюдение за уроком и последующий его анализ позволяют построить систему повышения квалификации учителя иностранного языка с учётом его индивидуальных особенностей; создать условия для интенсификации личностного роста учителя. На основе наблюдения и последующего анализа урока учитель может построить траекторию своего дальнейшего развития и повышения творческой, познавательной, интеллектуальной активности.

Системность отражает взаимосвязь и взаимообусловленность процессов, этапов, заданий, форм, необходимых для проведения наблюдения за уроком и его анализа, создания необходимой образовательной среды; для проектирования собственного урока с целью достижения образовательных, развивающих и воспитательных целей.

Эти закономерности должен знать и учитывать учитель, организуя систему наблюдения за уроками своих коллег, чтобы

- анализ урока не превратился в критическое рассмотрение деловых и профессиональных качеств наблюдаемого учителя;
- подмеченные недостатки урока не связывались непосредственно с личностью учителя, допустившего их;
- акцент не делался на самом учителе, ведущем урок, а на том, как учащиеся учатся;
- после наблюдения учитель знал и понимал, что у него получается хорошо, а что нужно исправить, и сделал соответствующие выводы по изменению собственного речевого и неречевого поведения и др.

Многих погрешностей при анализе урока можно избежать, если наблюдающий учитель придерживается следующих советов:

- уделяет больше внимания тому, что позитивного было на уроке, тем самым мотивируя наблюдаемого учителя на дальнейший поиск методов, приёмов, технологий;
- не использует замечания, содержащие критику негативного характера; во время обсуждения увиденного урока стремится к тому, чтобы учитель чувствовал себя комфортно;
- избегает интерпретации и оценочных суждений, старается лишь описывать увиденное; не использует такие обобщения, как «Вы слишком строги и непоследовательны», «Вы предъявляете завышенные требования к учащимся» и др.;
- старается вместе с учителем найти ответы на интересующие его вопросы, а не давать ему уже готовые советы.

Наблюдению можно и нужно учиться, и обучать. С этой целью мы предлагаем видеозаписи уроков. Накопленный опыт применения видеуроков в целях подготовки учителя иностранного языка показывает, что методика анализа видеуроков является эффективной и для целей повышения квалификации учителей иностранного языка: позволяет учителю ознакомиться с самыми современными методиками организации уроков и на их основании создавать свои модели уроков с учетом особенностей условий их проведения.

Технология наблюдения и анализа видеозаписей уроков иностранного языка – многофункциональная технология, позволяющая:

- увидеть и оценить уровень проявления всех компетенций учителя: как учитель реализует свои профессиональные навыки и умения; какие отношения он выстраивает с учащимися (доброжелательность, партнёрство, взаимопонимание, поддержку); как он организует учебное взаимодействие и т. д.
- предоставить возможность учителю совершенствовать свою профессиональную компетентность там и тогда, когда это возможно;
- организовать консультационную помощь учителю в проектировании собственных уроков;

- восполнять существующие профессиональные дефициты: познакомить учителя с новыми трендами в языковом образовании и их применении в образовательном процессе;
- наблюдать и анализировать уроки в условиях семинара, а затем переносить полученные навыки в сферу школьной практики.

Наблюдение за уроком проводится с несколькими целями. Мы рассматриваем – обучающую цель – предоставить учителю возможности для обучения и самообучения с тем, чтобы он смог построить траекторию своего индивидуального развития; обеспечить в рамках курса повышения квалификации возможности для формирования или совершенствования профессиональной компетенции учителя; для ознакомления с другим опытом; для оказания помощи учителю в проектировании своих уроков. Все эти цели сформулированы с одной комплексной целью: обеспечить качество повышения профессиональной компетентности учителя.

Почему видеоурок? Отвечая на этот вопрос мы попытались сравнить наблюдение и анализ видеоурока и реального урока и представить результаты сравнения в таблице 1:

Таблица 1 – Особенности видеоурока и реального урока

<i>Особенности видеоурока</i>	<i>Особенности реального урока</i>
Видеоурок можно воспроизвести в любых аудиториях при наличии большого экрана	Реальный урок проводится только в школе и по определённому расписанию
Присутствие наблюдателя не влияет на атмосферу на уроке	Присутствие наблюдателя на уроке является причиной изменения атмосферы в классе: учитель волнуется, переживает, что влияет на качество урока
Перед началом наблюдения не надо договариваться с учителем о том, каким образом оно будет проходить и на что следует обратить особое внимание	Чтобы посетить реальный урок в школе нужно найти учителя и получить его согласие. Без согласия учителя на урок нельзя привести учителей-слушателей
Видеоурок или фрагмент урока можно смотреть несколько раз	Реальный урок трудно повторить; чувства, отношение учащихся также трудно воспроизвести
Можно организовать наблюдение как за целым уроком, так и за определённым этапом урока	На реальном уроке более эффективным является наблюдение за целым уроком, а затем провести его анализ
Видеоуроки можно создавать с определёнными целями; с учётом современных тенденций развития и модернизации методики обучения ИЯ	Реальным уроком управляет учитель в соответствии с задачами, содержанием урока и психологическими особенностями учащихся

Таким образом, из перечисленного следует, что видеозаписи уроков и их анализ позволяют реализовать целый ряд задач для обеспечения качественной профессиональной деятельности учителя. Обучая учителя наблюдать за уроком и анализировать его, происходит формирование или совершенствование его профессиональной компетенции.

Наблюдение и анализ видеоуроков – это не что иное как процесс решения сложных взаимодействующих, переплетающихся и дополняющих задач в комплексе. Наименьшей единицей педагогического процесса является методическая задача и её решение рассматривается как поступательное последовательное движение от решения теоретических задач к решению теоретико-практических задач в целях изменения качественного состояния всех субъектов образовательного процесса. Решая конкретные задачи, учитель двигается в процессе наблюдения и анализа урока к созданию своего урока. Чем конкретнее задачи, тем удобнее осуществлять наблюдение и анализ, а затем и проектирование собственных уроков, где проявляются в действии конкретные знания и умения учителя. Исходя из задач отбираются средства и приёмы, необходимые и достаточные для наблюдения. При отборе методических задач важно учитывать, насколько они лично-значимы для учителя.

Включение учителя в процесс наблюдения и анализа видеоурока иностранного языка осуществляется поэтапно с использованием системы методических задач, которые предполагают определённые действия учителя.

Для успешного проведения наблюдения большое значение имеет предварительная подготовка к нему наблюдающего учителя, его опыт и знания. Следовательно, *первым этапом* в использовании *технологии* наблюдения и анализа может быть этап подготовки учителя к восприятию видеоурока. На данном этапе определяется потребностно-мотивационный план учителя. С помощью сформулированных задач и заданий преподаватель как руководитель образовательной программы по повышению квалификации учителя уточняет уровень знаний учителей, участников образовательной программы, с тем, чтобы далее планировать проблемное наблюдение за уроком и его анализ. На данном этапе учитель-наблюдатель получает информацию о том:

- с какой целью проводится наблюдение;
- за чем или кем проводится наблюдение;
- какие требования предъявляются к наблюдению;
- какие методы или приёмы используются для решения задач наблюдения.

Здесь также происходит актуализация профессионального опыта учителя. Например,

– У Вас, несомненно, имеется опыт в использовании метода наблюдения за уроком и его анализ. Какие чувства, воспоминания Вы связываете с наблюдением и анализом коллегами Вашего (открытого) урока?

– Какое мнение у Вас сложилось по отношению к методу наблюдения за уроком? И др.

Второй этап – глобальное наблюдение за уроком. Учителя просматривают весь видеоролик. На данном этапе происходит развитие или совершенствование умений учителя наблюдать за уроком и анализировать его. Это умения определять целенаправленность урока (выделять главное, существенное); целостность урока, т. е. соподчинённость частей урока друг другу; динамику урока, т. е. движение по этапам урока; связность урока, единство материала по содержанию; причинно-следственные связи между структурными компонентами урока и содержанием учебного материала и др.

Выделенные умения могут стать объектами наблюдения и анализа. Приведём некоторые примеры в карте наблюдения:

Объекты наблюдения	Анализ учителя-наблюдателя
<i>Целеполагание:</i> сколько и какие задачи поставлены на уроке; как осуществлялось ознакомление учащихся с задачами, их доступность	– сформулированы две основные задачи; учащиеся учатся извлекать основную информацию из текста; формулировать вопросы, чтобы задать своему сверстнику в Германии и др.
<i>Структурирование урока:</i> сколько и какие этапы выделены на уроке; как соблюдались целостность и связность урока	– урок чётко спланирован; учитель чувствует план и держит его под контролем
<i>Технология обучения:</i> соответствие приёмов, форм, задачам урока, психологическим особенностям учащихся; какие формы учебного взаимодействия были использованы на уроке	– умелая организация работы в парах, в малых группах; активное использование коммуникативных средств и приёмов; использование лексико-грамматических игр и др.
<i>Самостоятельная деятельность учащихся на уроке:</i> каким образом она осуществлялась; как учитель обеспечивал самостоятельную работу учащихся	– для управления самостоятельной работой учащихся использовались памятки, проблемные вопросы, эвристическая беседа; учащиеся получили карточки и ссылку на Интернет и т. д.
<i>Активность учителя и учащихся:</i> соотношение активности учителя и учащихся; как стимулировалась активность учащихся.	Учитель создавал на уроке атмосферу сотрудничества, дружелюбия; его речь доступна и понятна; чувствовалась психологическая поддержка усилий учащихся; с помощью вопросов стимулировал активность учащихся и т. д.

По проведенному анализу преподаватель может судить о сформированности у учителя умений наблюдать за уроком и анализировать урок.

Третий этап – это этап подготовленного целенаправленного наблюдения за отдельными этапами или фрагментами урока и их анализ. Например, наблюдение за тем, как проходит начало урока.

В качестве объектов наблюдения выступают:

- установление учителем контакта с учащимися и учащихся между собой;
- ознакомление с задачами урока; совместная деятельность учащихся и учителя по определению задач урока и подготовке учащихся к работе над темой урока;
- создание мотивационной готовности учащегося включиться в тему;
- актуализация языкового или речевого опыта учащихся;
- ориентация учащихся на планируемые результаты, в качестве которых выступает решение познавательных и коммуникативных задач.

Приведём пример карты наблюдения на данном этапе:

Объекты наблюдения	Приёмы, формы работы	Достигнутый результат
установление контакта с учащимися и учащихся между собой	микробеседа, вопросы; приветствия	создана атмосфера дружелюбия, сотрудничества
создание мотивационной готовности учащегося включиться в тему	чтение ключевых слов на доске; рассказ о каком-то событии	по ключевым словам, учащиеся определили тему и содержание урока (что будет сделано)
.....	.....	....

«Человек только тогда начинает обладать компетентностью, когда он анализирует результаты своей деятельности и делает выводы, то есть оказывается в рефлексивной позиции» [3, с. 33].

Поэтому *четвёртый этап* мы определяем, как рефлексивно-оценочный этап анализа урока или фрагмента урока. В рефлексивной позиции находится учитель-наблюдатель. На данном этапе он осмысливает структуру и содержание урока, осуществляет его оценку с позиций достижения личностных результатов учащихся и корректировку процесса обучения при помощи обратной связи. На основе оценивания урока учитель корректирует и свой образовательный маршрут.

Чтобы дать оценку просмотренному уроку, преподаватель – руководитель образовательной программы – проводит беседу с учителями-наблюдателями по проблеме: какой урок является хорошим уроком и предлагает некоторые особенности хорошего урока.

Хороший урок – это результативный урок. Это урок, на котором учащиеся достигли результатов, которые несомненно будут расширяться, изменяться и дополняться на других уроках по теме. Это урок, на котором создана атмосфера заинтересованности каждого учащегося в своих результатах и результатах группы; создана ситуация общения на уроке, позволяющая каждому учащемуся проявлять инициативу, самостоятельность, избирательность в способах работы; созданы условия для естественного самовыражения учащегося; оценка деятельности учащегося происходит не только по конечному результату, но и по процессу его достижения; учащиеся творчески выполняют задания, выражают свои мнения без боязни ошибиться, получить неправильный ответ.

В рамках данного этапа учителям-наблюдателям предлагается ответить на вопросы и сделать предложения по совершенствованию как структуры, так и содержания урока. Например,

– Какие моменты увиденного Вами урока Вы считаете настолько хорошими и увлекательными, что Вы бы с удовольствием подтвердили успешную работу учителя?

– Что в увиденном Вами уроке осталось для Вас неясным? О чем бы Вам хотелось расспросить учителя? Какие вопросы Вы бы задали непосредственно учителю, а какие были бы направлены обучаемым?

Пятый этап – учитель создаёт свои видеозаписи и методические рекомендации по их использованию.

По каким аспектам увиденного Вами урока Вы хотели бы внести дополнения [4, с. 73]?

Принимая во внимание важность каждого из перечисленных этапов, следует обратить более пристальное внимание на необходимость или возможность фиксации полученных на уроке наблюдений. В качестве такой основы некоторые методисты рассматривают комплекс анкет, применимых в различных ситуациях наблюдения за уроком [5]. Для экспертного наблюдения и анализа видеоурока могут использоваться также карты или листы наблюдений, которые позволяют сделать анализ урока максимально конкретным и понятным. Карта наблюдений – это таблица, включающая показатели анализа и оценивания разработанных видеозаписей урока. Видеоанализ уроков или фрагментов уроков посредством карты наблюдения позволяет учителю управлять собственным познанием; служить опорой для наблюдателя; производить те или иные записи во время наблюдения или сразу же по его завершении; целенаправленно обращать внимание на объекты наблюдения, которые могут быть объектом обсуждения по завершении наблюдения и в дальнейшем использованы при подготовке к наблюдению; помогать учителю проектировать свои собственные уроки. Некоторые примеры карт наблюдений приведены выше в тексте статьи.

Литература

1. Азимов Э. Г. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения иностранным языкам / Э. Г. Азимов, А. Н. Шукин. – М. : Русский язык. Курсы, 2018. – 496 с.
2. Ziebell, B. Unterrichtsbeobachtung und Lehrerverhalten. Fernstudieneinheit. Goethe-Institut. Langenscheidt / B. Ziebell. – München, 1999. – 171 s.
3. Криштофик, И. С. Развитие и оценка коммуникативной компетентности будущего педагога / И. С. Криштофик // Международный исследовательский журнал. – 2017. – № 5 (59), ч. 2. – С. 32–34.
4. Бартош, Д. К. Организационно-методологические принципы госпитации в структуре подготовки учителя / Д. К. Бартош // Иностранные языки в школе. – 2010. – № 3. – С. 69–75.
5. Flanders, N. A. Analyzing teaching behavior / N. A. Flanders. – California, 1970. – 448 p.

¹Минский государственный лингвистический университет

²Московский государственный лингвистический университет

Цифровые средства оценки методической подготовки будущего учителя математики

Э.Х. ГАЛЯМОВА

В статье описывается эксперимент по внедрению диагностического комплекса, состоящего из цифрового тренажера по решению геометрических задач и симулятора педагогической деятельности, в образовательный процесс педагогического вуза. Комплекс предназначен для диагностики уровня сформированности методической компетентности будущего учителя математики. Приводится конструктивная модель. Задачи экспериментальной части исследования нацелены на реализацию мониторинга формируемых методических компетенций учителя. Приводится оценка внедрения диагностического средства.

Ключевые слова: диагностический комплекс, методическая компетентность, цифровой тренажер, симулятор педагогической деятельности.

The article describes an experiment on the introduction of a diagnostic complex consisting of a digital simulator for solving geometric problems and a simulator of pedagogical activity into the educational process of a pedagogical university. The complex is designed to diagnose the level of formation of methodological competence of a future mathematics teacher. A constructive model is given. The tasks of the experimental part of the study are aimed at the implementation of monitoring of the teacher's methodological competencies being formed. An assessment of the implementation of the diagnostic tool is given.

Keywords: diagnostic complex, methodological competence, digital simulator, simulator of pedagogical activity.

Стратегия и тактика развития образования в РФ обозначены в ряде важных документов, принятых в последнее время. К примеру, с 2018 г. реализуется Государственная программа РФ «Развитие образования», в соответствии с которой происходит внедрение современной образовательной среды. В феврале 2022 г. Министерство просвещения Российской Федерации опубликовало документ «О направлении методических рекомендаций» по введению обновленных федеральных государственных образовательных стандартов начального общего и основного общего образования. В условиях внедрения цифровой образовательной среды и новых ФГОС различного уровня роль методической подготовки будущего учителя возрастает. Отслеживание эффективности методической подготовки будущего учителя с ее последующей корректировкой в образовательном процессе в педагогическом вузе становится актуальным. К результатам методической подготовки будущих учителей математики относят не только методические знания о компонентах содержания, но и умения, которые позволят эффективно применить знания, умения и опыт в профессионально-педагогической деятельности.

Вопрос диагностики уровня сформированности методической компетентности будущего учителя математики рассматривался в ряде исследований. В исследованиях Т.В. Сясиной в качестве методической компетентности будущего учителя математики рассматривается интегративная многоуровневая характеристика его личности, обеспечивающая единство психолого-педагогической, предметной, методической подготовки [1].

Диагностика как деятельность должна быть направлена на изучение педагогических процессов и предназначена для оценки результатов обучения будущих учителей в педагогическом вузе. По результатам диагностики методической компетентности предполагается принятие коррекционных мер. В этом и заключается образовательная цель проверки уровня сформированности знаний и умений. В условиях активной цифровизации процесса образования проектирование новых диагностических средств может быть направлено на уточнение предмета диагностики, ее результата, средств и методов. Е.А. Суховиенко отмечает, что для реализации диагностики на основе внедрения информационных технологий необходимо в первую очередь отражение в ее содержании требований федерального государственного образовательного стандарта. В данном случае ФГОС выполняет роль внешней нормы диагностической деятельности, которая определяет постановку целей методической подготовки студентов [2].

В условиях цифровизации и распространения интерактивных технологий и средств обучения содержание предмета дидактика включает в себя обучение в различных средах с овладением функций преподавателя в цифровом пространстве. Для создания инструмента предупреждения профессиональных дефицитов будущих учителей математики в процессе их подготовки в педагогическом университете средством диагностики их методической и предметной подготовки может стать интегрированный инструмент – цифровой тренажер в симуляторе педагогической деятельности.

В современной практике образования используются различные виды тренажеров, симуляторов, в том числе математические [3], [4], [5]. Термином «тренажер» пользуются для описания разных по своему назначению обучающих систем в образовательном процессе. В ряде исследований под тренажерами понимаются не только средства формирования и закрепления профессиональных навыков, но и средства обучения, которые способствуют приобретению знаний и формированию навыков [5]. Проблема внедрения симуляторов и тренажеров в системе профессионального образования в условиях распространения дистанционного обучения подробно представлена в статье [4]. Автор отмечает, что под словом «тренажер» часто рассматриваются компьютерные задачки и практикумы, предназначенные для отработки умений решения типовых задач, а также развития связанных с ними способностей. С этой точки зрения тренажер является действенным инструментом для овладения навыком при условии сформированности умения.

Анализ исследований, посвященных выявлению эффективности применения цифровых средств, показывает, что обучающие тренажеры достаточно широко используется в сфере реализации подготовки пилотов, медиков, операторов сложных технических систем [6], [7], [8]. Заметим, что в настоящее время в цифровой образовательной среде РФ обучающие тренажеры и симуляторы в качестве дидактических средств подготовки преподавательских кадров применяются очень редко, можно даже утверждать, что недостаточно. В качестве одной из причин можно указать недостаточный уровень геймификации существующих цифровых тренажеров, имитирующих действия обучаемых. Разработка симуляторов, имитирующих деятельность учителя математики и учеников, особенно комплексных с тренажерами по формированию компетенций в профессиональной области, требует привлечение программистов высокого уровня, создание отечественной платформы и крупных инвестиций. Профессиональная ориентация на узкий круг пользователей (педагогические вузы) влияет на повышение стоимости тренажерной системы. Для многих образовательных учреждений и педагогических университетов (по сравнению с некоторыми отраслями производств) такие обучающие системы становятся недоступными. Эффективность и технологии внедрения различных компьютерных тренажеров, цифровых симуляторов, теории моделирования в систему обучения математике исследуется достаточно давно. В настоящее время широко используются возможности тестов-тренажеров в области математической подготовки студентов [9]. Актуальны также вопросы теории и практики моделирования различных тренажеров по решению некоторых математических задач. Как показывает практика, разработка таких тренажеров ограничена возможностями применяемых систем компьютерной алгебры и специализированных математических программ [10]. Технология создания и рекомендации по применению компьютерных тренажеров педагогической деятельности в отечественных исследованиях практически не описаны, но стоит отметить их популярность в зарубежных образовательных практиках [3]. Положительный эффект внедрения виртуальных тренажеров в подготовку будущего учителя и анализ результатов использования в образовательном процессе описан в ряде исследований.

Диагностика с применением цифрового комплекса «тренажер в симуляторе педагогической деятельности» была ориентирована на выявление деятельностного компонента методической компетентности. В цифровой симулятор педагогической деятельности заложены такие компоненты методической компетентности, как конструктивные, коммуникативные, проектировочные, организаторские, оценочные и рефлексивные умения.

Диагностический комплекс представлен цифровым тренажером, в котором студент решает задачу повышенной сложности, используя для построения чертежа виртуальный конструктор. При условии успешного прохождения тренажера, то есть решив задачу и верно выполнив задания методического плана в предметном разделе цифрового диагностического

комплекса, пользователь программы допускается к прохождению второй части – симулятора педагогической деятельности. Данный диагностический комплекс создан на основе идеи совмещения двух дисциплин и связности предметной и методической подготовки будущего учителя математики. Преимущества интеграции курсов «Методика обучения математике» и «Элементарной математики» обозначены в ряде исследований. Г.И. Ковалева утверждает, что на формирование у будущих учителей математики методических приемов по обучению школьников решению задач влияет не только использование системы задач при изучении дисциплины «Элементарная математика», но и обсуждение методики обучения каждой из задач по отдельности [11]. В сюжетную линию симулятора заложены приемы анализа условия задачи, учебная ситуация сбора информации об объекте, описанном в геометрической задаче, организация поиска решения, этап проверки решения и «развитие задачи». Все это смоделировано в диалоговом режиме с виртуальными учениками. Во второй части симулятора студент уже не решает задачу, а самостоятельно проектирует урок и организует деятельность виртуального класса по решению задачи, направляет класс к выбору способа решения. Для организации диалога с виртуальным классом в левом углу в специальном окошке предлагается на выбор перечень некоторых вопросов (верных и неверных).

В ходе работы на тренажере по решению геометрической задачи студент-пользователь программы, отвечая на вопросы методического характера, уже продумывает стратегию построения методики обучения поиску решения задачи с классом. Вопросы типа: «Какое утверждение является математической основой метода решения?», «Когда используется метод (прием)?» и т. п. позволяют начать проектирование фрагмента урока уже на стадии решения задачи.

В процессе проектирования модели цифрового симулятора педагогической деятельности применялись подходы к отбору содержания, к разработке структуры диагностической работы для проведения оценки методических компетенций учителей математики, предложенные Федеральным институтом оценки качества образования. Содержание заданий соотнесено с проектированием и проведением виртуального урока по решению конкретной геометрической задачи повышенной сложности, которую пользователь решал на этапе работы на цифровом тренажере, который входит в комплекс диагностического средства «Тренажер в симуляторе педагогической деятельности».

Задание на первом этапе прохождения цифрового симулятора педагогической деятельности нацелено на проверку умения планировать результаты обучения на основе ФГОС: пользователь должен выбрать верную формулировку результатов изучения конкретной темы. Задание второго этапа нацеливает на выбор формулировки учебной задачи в соответствии с планируемым результатом. Задания третьего и четвертого этапов сочетают в себе элементы планирования учебной деятельности, поскольку пользователь программы определяет ведущую форму работы с классом и подбирает дидактические материалы из предложенных в соответствии с выбранным возрастом учеников. Задание пятого этапа представляет собой ситуацию применения методик и технологий обучения для достижения предметного результата учебной работы на виртуальном уроке. Задание шестого этапа требует осуществления выбора специфических методических приемов, обеспечивающих освоение учебного материала некоторыми обучающимися. Задания седьмого и восьмого этапов проверяют знание организации процесса поиска решения математической задачи и методики работы с конкретной геометрической задачей, которую пользователь решал в процессе работы первой части диагностического комплекса – тренажера. Задание девятое требует оценить предложенный ответ виртуального ученика или предложенный им чертеж к задаче, проанализировать ошибки и предложить способ предупреждения подобных ошибок. Десятое задание предполагает на основе ошибочных ответов виртуальных учеников объяснить причины допущенных ошибок.

Таким образом, для определения уровня сформированности методической компетентности будущего учителя математики необходимо диагностировать уровни сформированности когнитивного и деятельностного компонентов. Апробация цифрового тренажера в комплексе с симулятором педагогической деятельности проводилась в условиях констатирующего эксперимента со студентами факультета математики и информатики Набережночелнинского государственного педагогического университета, обучающимися по направлению 44.03.05 Педагогического направления, профили «Математика и Информатика» и «Матема-

тика и Физика». Всего в диагностике принимали участие 90 студентов старших курсов, среди них 64 обучающихся очного отделения и 26 студентов заочников. Экспериментальная группа состояла из 42 студентов очного отделения, контрольная из 48 обучающихся.

Для диагностирования уровня сформированности когнитивного компонента мы использовали методику по изучению оценки значимых профессиональных знаний для самих студентов педагогического направления [12]. В качестве профессионально значимых исследователями выделены знание целей математического образования и соотнесение с учебными задачами; знание этапов проектирования урока; знание способов проверки знаний и умений обучающихся на уроке математики; знание методов и способов решения школьных математических задач; знание этапов и методических приемов работы с математической задачей; знание деятельностных приемов организации учебной деятельности школьников на уроках математики.

Используя сведения из сводных электронных ведомостей, мы распределили студентов по трем уровням: нормативный, продвинутый и высокий. Нормативный уровень предметных и методических знаний мы присвоили студенту, если им получена хотя бы одна оценка удовлетворительно по дисциплине предметно-методического модуля «Математика». К продвинутому, если имеет оценки не ниже «хорошо», и высокий, если 85 % оценок «отлично». На этом этапе были выявлены когнитивные уровни обучающихся, будущих учителей математики. В контрольной группе студентов с нормативным уровнем сформированности когнитивного компонента методической компетентности было незначительно больше. Преобладание студентов экспериментальной группы на высоком уровне тоже незначительно. По уровню сформированности когнитивного компонента методической компетентности экспериментальная и контрольная группа отличаются несущественно. Данные, полученные после прохождения студентами цифрового тренажера по решению геометрической задачи повышенной сложности, полностью подтвердили распределение студентов по уровням.

Статистическое исследование мониторинговых показателей методической компетентности будущего учителя может дать оценку готовности студентов к реализации учебной деятельности в ходе производственной педагогической практики. В качестве статистической базы анализа приняты перечисленные выше умения методического характера (x_1, x_2, x_3, x_4, x_5) и также такие показатели, как навыки работы с виртуальным конструктором, уровень предметных (геометрических) знаний и теории изображений – x_6 , способность анализировать последовательность математических суждений в процессе решения геометрических задач – x_7 .

Статистическая обработка результатов в исследовании осуществлялась с использованием статистических критериев различия, тем более что математические методы оптимальны в качестве описательных и поисковых методов в педагогических исследованиях. Кроме этого проведен статистический анализ трех измерений по принятым показателям связной выборки с использованием критерия Фридмана.

Для усиления методов оценки эффективности цифрового тренажера в комплексе с симулятором педагогической деятельности использовались элементы многомерного анализа, такие как факторный анализ по методу главных компонент, кластерный анализ. Результаты анализа приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Расчетные эмпирические значения критерия Фридмана

	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7
$\chi_{эм}^2$	7,7973	9,6433	4,7105	0,2984	18,9677	8,3962	6,2154

Приведем формулу расчета эмпирического значения критерия Фридмана:

$$\chi_{эм}^2 = \frac{12}{n \cdot c \cdot (c + 1)} \cdot \sum_{i=1}^c R_i^2 - 3n \cdot (c + 1),$$

где введены следующие переменные: n – объем выборки, c – количество измерений связной выборки, R_i – сумма рангов i -го измерения.

Здесь объем выборки равен 90, количество измерений составляет 3. Для анализа полученных экспериментальных значений выборки используем критические значения $\chi_{кр}^2 = 7,815$

при уровне значимости 0,05, и $\chi_{кр}^2 = 11,345$ при уровне значимости 0,01. Из приведенной таблицы видно, что в зоне значимости находятся показатели, такие как x_2 – способность верно указывать на допущенные учениками виртуального класса ошибки в ответах, x_6 – показатель навыков работы с приемами проверки знаний и умений обучающихся на уроке математики, x_5 – уровень владения пользователем дидактическими единицами. Показатель x_1 – способность пользователя передавать знания или побуждать к размышлениям находится близко к зонам разграничения. Для показателей x_4 , x_3 , характеризующих общие способы управления действиями виртуального класса, подтверждается гипотеза H_0 – отсутствие различия, что и характерно для начинающих учителей математики. Известно, что критерий Фридмана позволяет установить уровень статистической достоверности различий нескольких измерений, но не дает возможности выявить направление изменений. Для определения динамики показателей, для которых подтверждается гипотеза H_1 применен критерий знаков G . При этом типичными сдвигами оказались положительные сдвиги, что подтверждает целесообразность применения рассматриваемого тренажера-симулятора.

Статистический анализ показывает эффективность диагностики методической подготовки учителей математики с помощью комплекса «цифровой тренажер в симуляторе педагогической деятельности»: показатели, влияющие на формирование методических компетенций, выражаются в основном положительными сдвигами.

В целом можно констатировать эффективность предлагаемого комплекса тренажер с симулятором педагогической деятельности в качестве цифрового средства диагностики методической компетентности. Рассматриваемый диагностический комплекс «тренажер-симулятор» максимально приближен к реальной практике и позволяет оценивать методическую компетентность будущего учителя математики с точки зрения предмета, психологии, методики. Применение этого метода оценки планируется ввести с нового учебного года в программу подготовки учителя математики ФГБОУ ВО «НГПУ».

Также рассмотрена возможность использования многомерного статистического анализа для оценки результатов применения цифрового комплекса «тренажера в симуляторе педагогической деятельности» на курсах повышения квалификации при университете. В качестве методов оценки будет привлечен широкий спектр статистических методов, таких как факторный анализ по методу главных компонент, кластерный анализ, а также критерии различия. Реализация методов оценки планируется с использованием свободно распространяемого программного обеспечения Statistica.

Отметим, что диагностика методической компетентности будущего учителя только на цифровых тренажерах и симуляторах неэффективна, поскольку не учитываются психологические моменты компьютерного мониторинга, а также возможности этого способа контроля ограничены в содержательном плане на данном этапе исследования. Поэтому внедрение подобных цифровых диагностирующих и обучающих средств необходимо рассматривать в качестве дополнения к традиционным формам проверки готовности будущих учителей к обучению математике.

Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Формирование профессиональных компетенций будущих педагогов и педагогов, работающих в условиях сельской местности, включая малокомплектные школы, с применением Цифрового симулятора педагогической деятельности».

Литература

1. Сяпина, Т. В. Диагностика сформированности методической компетентности преподавателя математики / Т. В. Сяпина // Вестник Тихоокеанского гос. ун-та. – 2012. – № 4 (27). – С. 249–258.
2. Суховиенко, Е. А. Информационные технологии в диагностике методической подготовки будущего учителя математики / Е. А. Суховиенко // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 12-1. – С. 104–120.
3. Галиакберова, А. А. Методические основы проектирования цифрового симулятора педагогической деятельности / А. А. Галиакберова, Э. Х. Галямова [и др.] // Вестник Мининского ун-та. – 2020. – Т. 8. – № 3 (32). – С. 2.
4. Дудырев, Ф. Ф. Симуляторы и тренажеры в профессиональном образовании : педагогические и технологические аспекты / Ф. Ф. Дудырев, О. В. Максименкова // Вопросы образования. – 2020. – № 3. – С. 255–276.
5. Клыков, В. В. Интерактивные компьютерные тренажеры по интегральному исчислению и дифференциальным уравнениям / В. В. Клыков, А. А. Ельцов, К. Г. Шатлов // Известия Томского политех. ун-та. Технический инжиниринг. – 2006. – Т. 309, № 2. – С. 255–260.

6. Дьячук, П. П. Динамическое адаптивное тестирование как способ самообучения студентов в электронной проблемной среде математических задач / П. П. Дьячук, Л. В. Шкерина, И. В. Шадрин, [и др.] // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. – 2018. – № 1 (43). – С. 48–59.
7. Ключко, В. И. Технологии виртуальной реальности : современные симуляторы и их применение в медицине / В. И. Ключко, Н. В. Кушнир [и др.] // Научные труды КубГТУ. – 2016. – № 15. – С. 94–104.
8. Мартынова, Н. А. Медицинские тренажеры как базис для отработки хирургических навыков / Н. А. Мартынова, А. Г. Кузьмин [и др.] // Здоровье и образование в XXI в. – 2018. – № 1. – С. 108–113.
9. Жигалова, О. П. К вопросу об использовании симулятора в системе профессиональной подготовки учителя / О. П. Жигалова, Т. Л. Копусь // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 3. – С. 141.
10. Постников, М. В. Кроссплатформенные системы управления дистанционным обучением / М. В. Постников // Ученые записки ИСГЗ. – 2013. – Т. 11, № 1-1. – С. 380–383.
11. Ковалева, Г. И. Теория и практика обучения учителей математики конструированию систем задач : монография / Г. И. Ковалева. – Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2012. – 214 с.
12. Стефанова, Н. Л. Теоретические основы развития системы методической подготовки учителей математики в педвузе : дисс. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / Н. Л. Стефанова. – СПб, 1996. – 366 с.

ФГБОУ ВО «Набережночелнинский
государственный педагогический университет»

Поступила в редакцию 24.03.2022

УДК 316.356.2:316.346.32-053.6

Семейно-брачная идентичность современной молодежи: механизм формирования, тенденции изменения и инструменты исследования

Н.В. ЕРМАЛИНСКАЯ

В статье описан механизм формирования семейно-брачной идентичности, исследованы факторы воздействия и состав семейно-брачных установок, представлена анкета для анализа семейно-брачных установок молодежи, обоснованы этапы процесса реализации роли семьянина и контуры социальной работы с молодежью.

Ключевые слова: семья, брак, идентичность, установки, молодежь, анкета.

The article describes the mechanism of family and marriage identity formation, examines the impact factors and the composition of family and marriage attitudes, presents a questionnaire for analyzing family and marriage attitudes of young people, substantiates the stages of the process of realizing the role of a family man and the contours of social work with young people.

Keywords: family, marriage, identity, position, youth, questionnaire.

Введение. В условиях динамично меняющейся социально-экономической среды изменениям также подвергаются социальные институты и система ценностных ориентаций в обществе. По оценке В.В. Кириенко [1], семья как базовый социальный институт играет в этих процессах важнейшую роль, так как именно в семейной среде «переплетаются политические, экономические, социокультурные и интимно-личностные связи и отношения». При этом, как утверждает Е.А. Данилова [2], семейное благополучие выступает ключевым условием счастливой жизни даже при ухудшении других ее составляющих.

Большинство социологов сходятся во мнении, что особое внимание должно быть уделено исследованию состояния и механизмов формирования ценностного мира молодого поколения. Это обусловлено рядом причин: противоречивостью характера формирования ценностных ориентиров в молодежной среде; более высокой скоростью и кардинальным характером изменения системы ценностей молодежи; высокой значимостью молодого поколения в сохранении целостностей общества и выборе направлений его развития в перспективе.

Важность более глубокого изучения проблемы отношения молодежи к семье и браку также обусловлена преобладающими тенденциями в построении семейно-брачных отношений между молодыми людьми, зачастую характеризующимися отступлением от традиционных принципов. Обобщая результаты исследований ряда авторов, в качестве ключевых тенденций можно выделить следующие: смещение приоритетов в назначении семьи с ведения общего хозяйства и рождения детей в сторону гармоничных отношений между супругами и психологической поддержки членов семьи; смену норм сексуального поведения и моральных установок (терпимость к добрачным половым связям, одобрение нетрадиционных форм семейно-брачных отношений); нарастание сложности в межпоколенческих (протестное отношение молодых к опыту старшего поколения) и внутрисемейных (неумение искать компромиссы) отношениях; ослабление роли семейного воспитания и возрастание значимости других общественных институтов в социализации молодежи; изменение в социокультурных стереотипах мужского и женского поведения и ослабление их поляризации; стремление молодых женщин сочетать репродуктивную и профессиональную деятельность и пр.

В данном контексте исследование социальной сущности, факторов и механизмов формирования семейно-брачной идентичности молодежи, а также процесса реализации социальной роли семьянина является своевременным и востребованным.

Механизм формирования семейной идентичности. По оценке таких ученых, как М. Аргайл, Н.В. Лукьянченко [3], семья, как базовая форма организации бытия человека в социуме, формируется на основе особого вида отношений с проявлением новых системных качеств, в которых социальное получает интимно-личностное наполнение. В данном контексте понятие «семейная идентичность» может быть определено двумя параметрами: социальное (интегрированное) и индивидуальное (субъективное) в существовании человека (рисунок 1).

Рисунок 1 – Механизм формирования семейной идентичности

Примечание: рисунок составлен автором на основе источника [3].

Основываясь на выводах Н.В. Лукьянченко и Э. Эриксона [3, с. 285], понятие «*семейная идентичность*» можно охарактеризовать как особую форму личностно-групповой идентичности, которая имеет интегративную роль и является способом ассимиляции социального опыта в жизнедеятельности человека.

Таким образом, по нашей оценке, сущность семейной идентичности проявляется в следующей причинно-следственной связи: *во-первых*, семейная идентичность формируется в результате интеграции личностной и социальной идентичности, т. е. оставаясь индивидуумом, человек отождествляет себя со своей семьей как ее член; *во-вторых*, семья, являясь ближайшим окружением человека, в котором он развивается, создает условия для формирования новой идентичности, лежащей в основе его социальной жизни.

А.К. Лукьянов, А.А. Цатуров [4], Т.Ю. Сорокина [5] оперируют в исследованиях понятием «брачно-семейная установка», которому дают следующее определение: «брачно-семейная установка – это позиция личности в отношении брака и семьи, сформированная на основе опыта взаимодействия с социальной средой, определяющая состояние готовности к браку и поведение человека в семье» [5].

Таким образом, приведенное определение расширяет состав формирующих семейную идентичность компонентов: кроме определения ролевой принадлежности к социальной группе, значимое влияние оказывает психологическая готовность индивида к браку.

Факторы и современные условия формирования семейно-брачной идентичности. Большинство авторов, исследующих факторы, влияющие на формирование семейно-брачной идентичности, в качестве ключевых выделяют следующие [4], [5]: 1) матримониальный менталитет (передается из поколения в поколение – культура, религия, фольклор, идеология), 2) родительская среда, 3) образовательная среда, 4) средства массовой информации.

При этом многие исследователи отмечают тенденции ослабления влияния одних и усиления воздействия других факторов на формирование представлений и убеждений о семье и браке у современного молодого поколения. В качестве преобладающих изменений можно выделить: возникновение новых форм семейно-брачных отношений, деформация стереотипов мужского и женского поведения; ослабление роли семейного воспитания и возрастание значимости других общественных институтов; усиление влияния получаемого образования (в т. ч. его уровня и отрасли) на формирование представлений о семье и браке; «навязывание» моделей гендерного поведения и построения семейно-брачных отношений и пр.

Необходимо отметить тот факт, что в современных условиях активной информатизации общества неизбежным является изменение форм проявления рассмотренных факторов. Для

молодежи, как наиболее восприимчивой к изменениям и активной группы потребителей «цифровых благ», информационно-сетевые ресурсы становятся ведущей средой социализации наряду с родительской семьей и образовательной средой.

Основной тенденцией становится перемещение коммуникационной, информационной и развлекательной сред из реального в виртуальное пространство. Это открывает перед молодежью новые *возможности* в построении межполовых отношений: доступность информации, устранение межличностных барьеров, безграничные возможности коммуникации и др.

Однако, как отмечают исследователи, в условиях цифровой коммуникации формирование системы семейно-брачных установок молодого поколения может быть сопряжено с рядом *негативных проявлений*: созданный в сети социально привлекательный образ может не соответствовать его реальному носителю; массовые коммуникации могут «навязывать» молодежной аудитории нетрадиционные модели семейно-брачных отношений; повышение значимости среди молодежи ценностей жизненного комфорта и личных интересов с закреплением индивидуалистической модели поведения; смена отношения к знаниям: от ценности самой по себе к средству карьерного роста, высокого дохода и успешности в жизни. Такие проявления могут привести к увеличению социального «разрыва» между поколениями; снижению ответственности молодых людей в интимно-личностных и детско-родительских отношениях; заимствованию моделей гендерного поведения и реализации ролевых установок, несвойственных традиционным представлениям о семье.

Структура семейно-брачной идентичности. Ряд таких авторов, как А.К. Лукьянов, А.А. Цатуров [4], Т.Ю. Сорокина [5], сходится в определении составляющих семейно-брачной идентичности, выделяя следующие компоненты: *знания, эмоции и действия*. Н.В. Бибарсова и С.В. Мерзлякова [6] дополнили этот состав *мотивационным и рефлексивным* компонентами (таблица 1).

Таким образом, по результатам исследования структурно-содержательных характеристик семейно-брачной идентичности нами установлено, что семейное самоопределение современной молодежи, выступающее основой построения семейно-брачных отношений, формируется в результате сложного процесса, включающего: накопление достаточных знаний о семейной жизни → определение важнейших ценностных ориентиров и эмоциональное восприятие роли семьянина → побуждение к действиям на основе выбранных стимулов и мотивов → достижение осознанных целей в семейно-брачных отношениях → критическую оценку результатов и прогнозирование перспектив в семейной жизни.

Таблица 1 – Структурно-содержательные характеристики семейно-брачной идентичности

Содержание характеристики	Оцениваемые качества
1. Когнитивный компонент (составляющие образа – «Я-будущий семьянин»)	
Необходимые знания о жизнедеятельности семьи, представления о себе как семьянине и брачном партнере;	выполнение обязанностей, заботливость, ответственность, сексуальность (внешняя привлекательность), терпеливость, трудолюбие, уважение к другому человеку, уравновешенность (самоконтроль), эмпатия (сопереживание, сочувствие другому человеку);
2. Ценностно-эмоциональный компонент (ценности семейных отношений, смысложизненные ориентиры)	
Отвечает за восприятие семейно-брачных отношений, позиционирование человека по отношению к браку и жизни в целом;	<i>семейные ценности</i> (счастливая семейная жизнь, любовь, родительская семья, моя будущая семья); <i>оценка и восприятие семейно-брачных отношений</i> (отношение к семье, положению личности в семье, браку, матери, отцу, партнеру, детям, себе, семейному отдыху); <i>смысложизненные ориентации</i> (цели в жизни, результативность жизни, осмысленность жизни);
3. Регулятивно-поведенческий компонент (представления о временной перспективе, способы достижения осознанной цели деятельности, ориентация в семейных ролях)	
Содержит набор операций и способов, с помощью которых осуществляется достижение осознанной цели деятельности;	построение жизненных планов во временной перспективе; ориентация в социальных семейных ролях и межличностных отношениях; коммуникативная инициатива и активность во взаимодействии, навыки эффективной коммуникации и разрешения конфликтов в семье; самоконтроль;
4. Мотивационный компонент (брачные мотивы)	
Отражает мотивы вступления в брак;	безопасность, сексуальные отношения, долг, достижение успеха, любовь, материальное благополучие, общение, признание окружающими, счастье;
5. Рефлексивный компонент (объективная оценка и внутренний контроль своей деятельности)	
Критичность оценки достигнутого и прогнозирование последующих результатов.	уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений); locus контроля – Я, locus контроля – жизнь, самооценка, выраженность внутриличностного конфликта в сфере «счастливая семейная жизнь» и пр.

Примечание: таблица составлена автором на основе источников [4], [5], [6].

Состав семейно-брачных установок. По результатам исследований установлено, что большинство подходов к определению состава семейно-брачных установок можно сгруппировать по трем подходам: мотивационному, ролевому и функциональному (таблица 2).

Таблица 2 – Подходы к определению состава семейно-брачных установок

Виды установок	Форма реализации установки
Мотивационный подход (в зависимости от внутренних потребностей и мотивов) <i>Представители:</i> Г.М. Андреева, М.С. Мацковский, Т.Ю. Сорокина [5], А.С. Спиваковская, С.Л. Франкл	
Эгоцентрические установки (потребности в отношении к самому себе)	удовлетворение потребностей в личном благополучии, самоопределении, в психофизиологическом комфорте и пр.;
Социоцентрические установки (потребности, отражающие отношение к другим)	удовлетворение потребностей в общении, взаимодействии, эмоционально-психологической близости с другими и пр.;
Традиционноцентрические установки (отношение человека внешнему миру)	удовлетворение потребностей в передачи семейного образа жизни из поколения в поколение и пр.;
Ролевой подход (в зависимости от роли в брачно-семейных отношениях) <i>Представители:</i> Е.Е. Карташева [7]	
Общие брачные установки (роли супруга и супруги)	значение семьи, мотивы вступления в брак, формы брака, стиль отношений в семье, отношение к разводу;
Установки в интимных отношениях (роли мужчины и женщины)	значение секса, интимные отношения до брака, однополый секс, секс без любви, возможность аборта, внебрачные связи;
Установки на отношения с прародительской семьей (роли зятя и невестки)	помощь родителей, образ родительской семьи;
Детско-родительские установки	количество детей в семье, ориентиры воспитания детей и пр.
Функциональный подход (в соответствии с функциями, которые должна реализовывать семья) <i>Представители:</i> Ю.Е. Алешина, И.А. Антонов, В.А. Борисов, В.Н. Дружинин, Т.И. Дымнова, О.М. Здравомыслова, И.С. Кон, Т.Ю. Сорокина [5], В.А. Сысенко, А.Г. Харчев, Л.Б. Шнейдер, З.А. Янкова	
Установка на супружество (хозяйственная, репродуктивная и рекреативная функция); установка на деторождение (репродуктивная и воспитательная функции); полоролевая установка (рекреативная и коммуникативная функции семьи); установка на семейные ценности (регулятивные функции семьи).	

Примечание: таблица составлена автором на основе источников [5], [7].

Таким образом, по результатам исследований научных подходов к определению состава брачно-семейных установок нами получены следующие выводы: *во-первых*, общим в выделенных подходах является то, что они охватывают наиболее значимые сферы семейного взаимодействия (коммуникативную, половую, репродуктивную, регулятивную), реализуя при этом концептуально отличающиеся позиции к изучению семейной идентичности как социального явления (с позиций мотивов и удовлетворяемых потребностей, функций семьи и брачно-семейных отношений как формы взаимодействия людей); *во-вторых*, мотивационный и ролевой подходы реализуют *субъективную концепцию* в определении структуры брачно-семейных установок, в которой восприятие субъектом семейно-брачных отношений является первоосновой их реализации. В функциональном подходе осуществлен переход от субъективного к *объективному восприятию семьи* как первичной формы социального бытия человека, обеспечивающей реализацию жизненных функций. Такой подход ориентирован на раскрытие сути института брака и семьи как форм реализации брачно-семейных установок.

По результатам проведенных исследований нами разработана анкета для анализа семейно-брачной идентичности (таблица 3).

Таблица 3 – Структура анкеты для выявления семейно-брачных установок молодежи

Вид установки	Вопросы для анализа
Общие установки на супружество и семейные ценности	Что для вас значит семья? В каком возрасте лучше вступать в брак? Какие причины являются достаточными для создания семьи? Какие условия вы считаете наиболее важными для счастливой семьи? Как вы относитесь к незарегистрированному браку? Какие из семейных обязанностей должна выполнять жена (муж)? Какие из семейных ценностей наиболее значимы? Какие причины могут привести к разводу?
Установки в интимных отношениях	Как вы относитесь к возможности интимных отношений до брака? Какими качествами должен обладать партнер? Каковы причины неверности в браке?
Установки на отношения с прародительской семьей	Хотели бы вы строить свою семью по образу и подобию семьи своих родителей? Нужна ли помощь родителей в решении проблем семьи своих детей? Каким должно быть отношение взрослых детей, имеющих свою семью, к своим родителям?

Окончание таблицы 3

Детско-родительские установки	Сколько детей в семье вы бы хотели иметь? Какие факторы влияют на желание заводить детей? Кто из супругов должен заниматься воспитанием детей? Какие качества необходимо поощрять и развивать у детей в семье?
Условия формирования брачно-семейных установок	Ваш возраст? Ваш пол? Каков состав вашей родительской семьи? В каких условиях вы чаще всего заводите знакомства с представителями противоположного пола? Что является наиболее значимым фактором в укреплении молодых семей?

Примечание: таблица составлена по результатам собственных исследований.

Научная новизна разработанной анкеты для анализа семейно-брачных установок молодежи (см. таблицу 3) определяется подходом к выбору и систематизации анкетных вопросов, ориентированному на: *во-первых*, определение ключевых установок, обуславливающих способы и модели построения семейно-брачных отношений; *во-вторых*, выявление доминирующих факторов и условий формирования убеждений о семье и браке у молодого поколения. Практическая значимость разработки заключается в возможности выявления на ее основе тенденций и основных приоритетов в построении семейно-брачных отношений между молодыми людьми, а также определения степени изменения их семейно-брачных установок в современных условиях развития общества относительно традиционных принципов.

Механизм социального управления подготовкой молодежи к семейной жизни. Ранее нами было отмечено, что формирование семейно-брачной идентичности молодежи как важнейшего этапа процесса социализации молодых людей в обществе носит системный характер и задействует различных его субъектов (от государственных органов и социальных служб до родителей и сверстников). В такой ситуации научное обоснование эффективных мер по оптимизации семейно-брачных установок молодежи обуславливает необходимость:

– *во-первых*, определения ключевых **этапов** формирования и реализации социальной роли семьянина (рисунок 2), среди которых, по оценкам многих социологов, связующим звеном выступает *готовность* молодого человека реализовывать принятые им установки в процессе вступления в брак, освоения роли семьянина, воспитания детей. Следует отметить, что, проходя указанные этапы семейной социализации, молодой человек из субъекта, «впитывающего» семейные ценности и установки, превращается в их носителя для следующего поколения (своих детей);

– *во-вторых*, выявления **контуров социальной работы** с молодежью по вопросам брака и семьи, требующих использования различных социальных технологий и вовлечения различных социальных институтов на каждом этапе семейной социализации (рисунок 2);

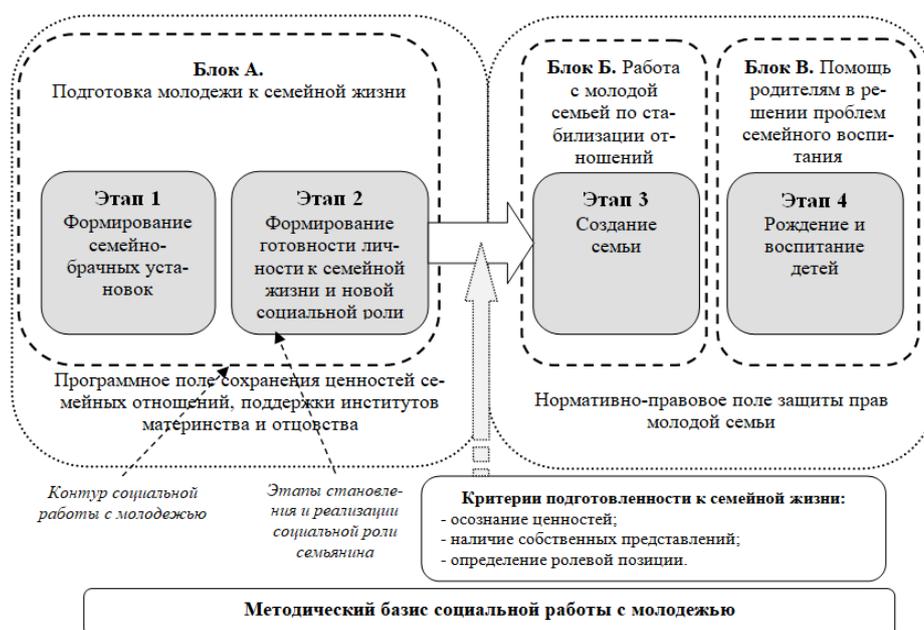

Рисунок 2 – Концептуальная схема процесса реализации социальной роли семьянина

Примечание: рисунок составлен автором на основе результатов собственных исследований.

– *в-третьих*, установления **программно-правового поля**, создающего условия и определяющего направления работы с молодежью в Беларуси по вопросам брака и семьи. Стратегией развития государственной молодежной политики в Республике Беларусь до 2030 года [8] определены следующие задачи по формированию семейных ценностных ориентаций молодого поколения: укрепление связей между поколениями; продвижение позитивного образа семьи и брака, осознанного родительства; обеспечение социально-психологической подготовки к семейной жизни и поддержки молодой семьи; создание условий для сочетания мужчинами и женщинами профессиональных и семейных обязанностей в молодых семьях;

– *в-четвертых*, подборе **методических инструментов**, позволяющих как оценивать эффективность применяемых социальных методик и программ работы с молодежью, так и выявлять преобладающие тенденции и динамику их ценностных ориентаций. Среди последних особую значимость приобретают критерии и методики определения готовности молодого человека к семейной жизни. Формирование готовности к семейной жизни как один из этапов семейной социализации закладывает основу реализации усвоенных семейных ценностей и обуславливает успешность выполнения молодыми людьми роли семьянина в будущем.

Заключение. Таким образом, по результатам проведенных исследований можно сделать следующие выводы: *во-первых*, семейно-брачная идентичность человека формируется в результате интеграции личной и социальной идентичности под воздействием ряда факторов (матримониального менталитета, родительской и образовательной сред, средств массовой информации), влияние которых изменяется в современной системе социальных отношений; *во-вторых*, в основе семейно-брачной идентичности лежит ряд базовых компонентов (когнитивный, ценностно-эмоциональный, регулятивно-поведенческий, мотивационный, рефлексивный), сформированность которых обуславливает состав и формы реализации семейно-брачных установок; *в-третьих*, в составе семейно-брачных установок можно выделить ряд групп (установки на супружество и семейные ценности, установки в интимных отношениях, установки на отношения с прородительской семьей, детско-родительские установки), анализ которых позволит выявить преобладающие тенденции и основные приоритеты в построении семейно-брачных отношений среди современной молодежи; *в-четвертых*, в основе успешной реализации программ семейного воспитания молодежи лежит согласование направлений проводимой социальной работы с процессом становления и реализации социальной роли семьянина молодыми людьми, подкрепленное оценкой эффективности применения выбранных социальных технологий.

Литература

1. Кириенко, В. В. Семья и семейные ценности в современной Беларуси: состояние, проблемы, перспективы / В. В. Кириенко // Беларусь в современном мире : материалы III Международной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Гомель, 20 мая 2010 г. – Гомель, 2010. – С. 7–11.
2. Данилова, Е. А. Социодинамика ценностей молодежи Республики Беларусь / Е. А. Данилова // Социология. – 2008. – № 4. – С. 99–107.
3. Лукьянченко, Н. В. Семейная идентичность супругов на этапе перехода от молодой семьи к зрелой / Н. В. Лукьянченко // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 9. – С. 283–294.
4. Лукьянов, А. К. Особенности семейно-брачных установок современной молодежи [Электронный ресурс] / А. К. Лукьянов, А. А. Цатуров // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 6. – Режим доступа : <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=14224>. – Дата доступа : 08.10.2019.
5. Сорокина, Т. Ю. Особенности брачно-семейных установок студенческой молодежи [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 19.00.05 / Т. Ю. Сорокина. – Самара, 2007. – Режим доступа : <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-05/dissertaciya-osobennosti-brachno-semeinyh-ustanovok-studencheskoj-molodezhi>. – Дата доступа : 10.10.2019.
6. Мерзлякова, С. В. Этнокультурная идентичность как фактор формирования семейного самоопределения студенческой молодежи / С. В. Мерзлякова, Н. В. Бибарсова // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Том 8, № 11. – С. 98–116.
7. Карташева, Е. Е. Особенности брачно-семейных установок современной молодежи / Е. Е. Карташева // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2011. – № 129. – С. 54–69.
8. Проект Стратегии развития государственной молодежной политики в Республике Беларусь до 2030 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://edu.gov.by/proekty/proekt-strategii-razvitiya-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki/>. – Дата доступа : 01.10.2020.

Время выбрало их

Ф.В. КАДОЛ

*«Чтобы дать ученикам искорку знаний,
учителю надо впитать море света»*

В.А. Сухомлинский

В статье рассматриваются социальные и психолого-педагогические особенности профессионального становления и жизнедеятельности В.А. Сухомлинского и М.А. Дмитриева. Характеризуются основные направления их научно-педагогической и образовательной практической деятельности, как учителей и руководителей учреждений общего среднего образования. Сделаны акценты на преемственность педагогики и образовательной практики второй половины XX ст. и современных образовательных систем XXI в.

Ключевые слова: педагогика, педагог, обучение, нравственное воспитание, честь и достоинство личности, педагогическая теория, образовательная практика, учитель, воспитатель, руководитель, учреждение образования, семья, родители, дети, обучающиеся.

The article deals with social and psychological-pedagogical peculiarities of V.A. Sukhomlinsky's and M.A. Dmitriev's professional formation and life activity. The main directions of their scientific-pedagogical and educational practical activities as teachers and heads of institutions of general secondary education are characterized. The emphasis is made on the continuity of pedagogy and educational practice of the second half of the 20th century and the modern pedagogical science and new educational systems of the 21st century.

Keywords: pedagogy, teacher, education, moral education, personal honor and dignity, pedagogical theory, educational practice, teacher, educator, leader, educational institution, family, parents, children, students.

Последние два учебных года были юбилейными (100-летие со дня рождения) целого ряда известных отечественных педагогов. Среди них профессор М.А. Дмитриев (1921–2001) и классик мировой педагогики В.А. Сухомлинский (1918–1970). Юбилейные события были отмечены целым рядом научных конференций, в том числе и в Гомельском государственном университете имени Франциска Скорины. Но в особенности знаменательным фактом к этим событиям можно назвать издание книги известным белорусским публицистом Л.И. Новиковым под символическим названием: «В.А. Сухомлинский. М.А. Дмитриев: отданные детям сердца. Педагоги – новаторы» [1]. Название книги перекликается с одной из знаковых монографий В.А. Сухомлинского «Сердце отдано детям», которая в 70-е гг. прошлого столетия получила мировую известность. Название книги подтверждает отношение М.А. Дмитриева и В.А. Сухомлинского к детям, своим коллегам, педагогам, к своей профессии в целом. Следует отметить пророческий смысл этой книги для В.А. Сухомлинского. Известно, что его жизнь оборвалась от проникновенного в сердце снарядного осколка, который находился в его груди со времен Великой Отечественной войны. Этот факт отражен в названной выше книге Л.И. Новикова.

Более 15 лет профессор М.А. Дмитриев работал на кафедре педагогики Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Он являлся потомственным педагогом. Отец М.А. Дмитриева работал учителем в Залужской семилетней школе и в довоенное время был награжден орденом Ленина, высшей наградой Советского Союза. Сам Михаил Афанасьевич образование получил в Рогачевском педучилище и учительском институте в конце 40-х гг. прошлого столетия. Некоторое время работал учителем в Литвиновичской восьмилетней общеобразовательной трудовой школе, которая в настоящее время носит имя П.К. Лепешинского.

В годы военного лихолетья М.А. Дмитриев участвовал в открытых боях в составе Журавичской партизанской бригады. За боевые заслуги был награжден орденом «Славы» 3-й степени и «Отечественной войны» 2-й степени, медалями «Партизану Великой Отечественной войны»

2-й степени. «За отвагу», «За победу над Германией». После освобождения Беларуси от фашистских оккупантов Михаил Афанасьевич в качестве инспектора школ Гомельской области восстанавливал разрушенную войной систему народного образования в Кормяном и Журавичском районах. В 1944–1946 гг. работал директором Журавичской средней школы, а после окончания Республиканской партийной школы возглавил Кормянский районный отдел образования.

Наиболее полно педагогический талант М.А. Дмитриева раскрылся на посту директора Кормянской школы-интерната, опыт работы которой с течением времени получил широкую известность. Все это дало основания для присвоения Михаилу Афанасьевичу Дмитриеву в августе 1964 г. почетного звания «Заслуженный учитель Белорусской ССР», а в последующее время М.А. Дмитриеву было присвоено звание Героя Социалистического труда.

В 1974 г. М.А. Дмитриев был назначен ректором Мозырского педагогического института имени Н.К. Крупской. Этот период трудовой биографии М.А. Дмитриева был отмечен большой организаторско-хозяйственной деятельностью в сфере высшего педагогического образования. В Мозырском пединституте был открыт факультет трудового обучения, построены 2 новых учебных корпуса, значительно усилился кадровый потенциал института за счет обучения творчески работающих преподавателей в целевой аспирантуре и приглашения специалистов с учеными степенями.

На протяжении многих лет в своем творческой жизнедеятельности в системе народного образования и педагогической науки М.А. Дмитриев поддерживал дружеские и профессиональные связи с В.А. Сухомлинским. Как отмечает Л.А. Новиков, В. А. Сухомлинский обладал особой харизмой, был открытым и трудолюбивым человеком. В своих письмах М.А. Дмитриеву и в личных беседах с ним советовал обращать внимание на те методы и приемы воспитания детей в школе-интернате, которые могут компенсировать им отсутствие материнского тепла и родительской заботы. Он посоветовал М.А. Дмитриеву заняться исследованием роли труда в жизни детей. М.А. Дмитриев под влиянием В.А. Сухомлинского уже в зрелом возрасте защитил на эту тему кандидатскую, а затем докторскую диссертацию по теории и истории трудового обучения и воспитания.

Важнейшим требованием к профессии учителя они считали культуру взаимодействия и сотрудничества с учащимися и коллегами на работе, то что в современной системе образования принято называть коммуникативной компетентностью учителя. В данном требовании к учителю выдающиеся педагоги разделяли точку зрения Л.Н. Толстого, который считал, что «если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к детям, как отец, мать, он лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви к делу, к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам – он совершенный учитель». Все эти и другие классические постулаты были реализованы в практической работе М.А. Дмитриева и В.А. Сухомлинского.

В.А. Сухомлинский и М.А. Дмитриев придерживались демократического стиля управления учреждением образования. Этому стилю характерны такие принципы управления, как новаторство, коллективность и действенность, требовательность и уважение ко всем членам коллектива, в особенности, требовательность к себе. Вот как рисуют учителя портрет умудренного опытом руководителя педагогического коллектива: «Что можно сказать о нашем директоре? Главное в ней – человечность, доброта, благородство, подкупающая скромность. За три с лишним года работы в школе я не слышал, чтобы директор повысила на кого-нибудь голос. Это – человек большой души: и мать, и советчик, и друг. Умеет дорожить учителем и человеком вообще, умеет видеть в каждом человеке хорошее и поддержать это в нём. По любому вопросу в любую минуту можно обратиться с твердой уверенностью, что ты получишь и совет, и помощь. Очень ценит в людях инициативу, самостоятельность мышления. Глубоко знает дело, мастер-педагог. Руководит школой сообща. Тонко владеет искусством советоваться с человеком, в непринуждённой беседе, как бы мимоходом, выведать его мысли и настроения, учесть их в работе».

В этой связи можно однозначно утверждать, что оба выдающихся педагога своего времени были не только лучшими учителями, но и проявились как воспитатели детей и учащейся молодежи. Они были также яркими примерами служителей своей профессии, педагогическому долгу, чести и достоинству. Учителя с большой буквы с большим уважением относились ко

всем без исключения ученикам, принимали их такими, какими они были в жизни. Вот характерные взгляды В.А. Сухомлинского на эту проблему: «Все, что мы называем воспитанием, есть великое творчество повторения себя в Человеке». «Что самое главное было в моей жизни? Без раздумий отвечаю: любовь к детям». «Альфой и омегой моей педагогической веры является глубокая вера в то, что человек таков, каково его представление о счастье». «Подлинное воспитание – это прежде всего забота о настоящем человеческом счастье».

Взгляды М.А. Дмитриев переплетались и перекликались не только с гуманистическими постулатами его близкого друга и товарища В.А. Сухомлинского, но и директоров столичных школ (Москвы, Минска, Киева и других городов). Близкими по духу были им такие педагогические практики, как К.Н. Волков, Э.Г. Костяшкин, С.Е. Хозе, В.Г. Караковский, С.Г. Карклина, Ю.А. Азаров, братья Л.Ю., А.Ю. Гордины, Е.А. Ямбург др. И в практическом отношении, и в научном плане все названные руководители защитили кандидатские, а затем и докторские диссертации, точно также, как В.А. Сухомлинский и М.А. Дмитриев. Вот уж действительно время выбрало в учителя и руководители учреждений образования истинных педагогов-тружеников, выросших, как было принято говорить, в «гуще народной». Именно заботами таких выдающихся личностей формировалась система отечественного образования, благодаря которой наше отечество, как пел В.С. Высоцкий, было «впереди планеты всей».

Как показало время, в своих педагогических поисках все выдающиеся отечественные педагоги интуитивно руководствовались древней китайской мудростью, которую более чем три тысячи лет назад высказал китайский мыслитель Гуан Жун: «Если рассчитываешь на один год – то можно собрать лишь один урожай; если рассчитываешь на десять лет – то можно вырастить дерево; но если рассчитываешь на сотни лет – то для этого необходимо воспитывать таланты» [2, с. 88].

Успехи учеников и научных последователей В.А. Сухомлинского и М.А. Дмитриева подтвердили педагогическую жизнеспособность этого философского тезиса. Общепринятая значимость выдающихся педагогов состояла в том, что их многогранная жизнь и деятельность соответствовала гуманистическим тенденциям развития педагогической науки и образовательной практики, в особенности идеи воспитания у обучающихся чувств самоуважения и достоинства личности. В.А. Сухомлинский и М.А. Дмитриев рассматривали и достоинства личности школьника как базисные качества нравственного развития детей и учащейся молодежи. В.А. Сухомлинский обобщил свои взгляды на эту проблему. Обращаясь к ученикам, он писал: «Есть такая тонкая и нежная, сильная и мужественная, неприкасаемая и негибкая вещь – достоинство человеческой личности. В жизни человек соприкасается с красотой и подлостью, радостью и горем; в его духовной жизни бывают часы торжества и часы страдания; душу его потрясает всепоглощающая любовь и чувство мерзости; бывают такие повороты и стечения обстоятельств, когда необходимо отказаться от удовольствия и пойти на жертву ... возвыситься силой своих мыслей, убеждений над чувствами и эмоциональными порывами. Все это требует достоинства» [3, с. 160–161].

Проблема чести и достоинства личности обучающихся, поставленная в научном и практическом наследии В.А. Сухомлинского и М.А. Дмитриева, получила дальнейшее развитие и методическую разработку на уровне воспитательных технологий в творческих работах учителей-новаторов (В.Ф. Шаталов, Е.Н. Ильин, Н.П. Гузик и др.). В психолого-педагогических исследованиях «Педагогика достоинства» рассматривается как фундаментальное направление современной педагогической науки и образовательной практики, а уровень сформированности понятия чести и чувства личного достоинства как базисный критерий социально-нравственной компетентности учащейся молодежи [4]. Заслуга Сухомлинского и М.А. Дмитриева в данном направлении состоит в том, что они весьма своевременно сделали акцент на принципах гуманизма, который получил развитие в педагогике в XXI ст.

К сожалению, время неумолимо, как и человеческая жизнь оно имеет свои границы. Ученые живут в отведенное им время, которое выбирает в свою знаковую систему наиболее целеустремленных тружеников и профессионалов. Такими самоотверженными и одержимыми тружениками в сфере отечественного образования были В.А. Сухомлинский и М.А. Дмитриев. Их

научные и практические результаты в области педагогики были созвучны образовательным проблемам второй половины 20-го ст. Их в полной мере можно считать отцами отечественной педагогики, которые взрастили и передали свой опыт и знания новым поколениям педагогов-практиков и педагогам-исследователям. Имена В.А. Сухомлинского и М.А. Дмитриева, их научные педагогические труды, оригинальный практический опыт помогают находить главный вектор в развитии и совершенствовании современной системы образования Республики Беларусь.

Литература

1. Новиков, Л. И. В.А. Сухомлинский, М.А. Дмитриев: отданные детям сердца. Педагогические новаторы / Л. И. Новиков. – Минск : Белорусская Энциклопедия имени Петруся Бровки, 2021. – 104 с.
2. Кадол, Ф. В. Взаимосвязь обучения и воспитания в школах Китая: история и современность / Ф. В. Кадол, Я. Шивей // Адукацыя і выхаванне. – 2013. – № 6. – С. 86–93.
3. Сухомлинский, В. А. Как воспитать настоящего человека (совесть воспитателя) / В. А. Сухомлинский. – Минск : Нар. асвета, 1978. – 288 с.
4. Кадол, Ф. В. Честь и достоинство личности как базисные критерии социально-нравственной компетентности обучающихся / Ф. В. Кадол // Адукацыя і выхаванне. – 2021. – № 11. – С. 40–50.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 20.06.2022

К вопросу дистанционного обучения иностранному языку

О.Н. КАРЕБО

Рассматриваются вопросы обращения к дистанционной форме обучения иностранному языку. Определены специфика и основные принципы организации работы в удаленном формате. Названы условия достижения положительного эффекта в изучении иноязычной дисциплины на фоне широкого применения телекоммуникационных средств. В качестве примера организации академической деятельности в рамках сетевого взаимодействия приведена модель системы управления обучением. Обоснована оправданность использования ее ресурсов в деле развития коммуникативной компетенции при обучении студентов иностранному языку.

Ключевые слова: дистанционное обучение, удаленный формат работы, информационная коммуникационная компетенция, учебный форум, интерактивное взаимодействие.

The issues of distance teaching a foreign language are considered. The specific features and basic principles of organizing work in a remote form are determined. The conditions of successful learning a foreign language with the use of telecommunication technologies are specified. A model of a learning management system is given as an example of arranging academic activities within the framework of network interaction. The suitability of this model for the development of communicative competence while teaching a foreign language is proved.

Keywords: distance teaching, remote work, information and communication competence, teaching forum, interactive cooperation.

Традиционно под дистанционной формой в образовании понимают удаленное взаимодействие преподавателя и обучаемого при общем сохранении всех присущих учебному процессу компонентов: целей, содержания, методов и приемов организации учения, средств обучения. Основное отличие дистанционного обучения от очного формата работы состоит в способах реализации, организации учебной деятельности посредством интерактивных возможностей телекоммуникационных технологий.

Обращение к дистанционной форме обучения становится возможным благодаря специфическим компьютерным средствам, которые позволяют не только организовать учение, но и вывести его на качественно новый уровень содержательного и образовательного характера. Существующие удаленные формы обучения призваны «разбавить» устоявшуюся урочную систему преподавания. Это позволяет избежать монотонности учебных действий и преобразует саму их суть, делая более мотивированными и потому значительно более продуктивными. Иначе говоря, дистанционный подход рассматривается сегодня в качестве одной из наиболее перспективных возможностей модернизации обучения в целом и изучения иностранного языка в частности, поскольку компьютерные технологии позволяют обеспечить наиболее оптимальные условия для развития востребованной в современном обществе иноязычной коммуникативной компетенции.

Полноценный переход на дистанционную форму обучения иностранному языку требует несколько иного подхода к организации как деятельности преподавателя, так и к работе студента. В отличие от эпизодического удаленного формата, в рамках которого можно провести видеолекцию или организовать веб-занятие, длительное использование информационных технологий с целью проведения дистанционной работы предполагает соблюдение определенных принципов, которые позволят гарантировать достаточно высокий уровень усвоения изучаемого материала.

В качестве основного принципа дистанционного обучения иностранному языку определяется требование непосредственного интерактивного взаимодействия субъектов учебного процесса. Студент должен иметь возможность присутствовать на занятии, понимаемом в традиционном смысле и организованном в виртуальном пространстве. Занятие обязательно проводится в условиях визуального и текстового подкрепления, когда актуальное сопровождение графическими и аудиоматериалами в совокупности с эмоциональным фоном обеих сторон создает эффект классического академического формата занятия [1].

Не менее важен принцип создания условий изучения иностранного языка, максимально полно имитирующих естественные обстоятельства его усвоения. Способ натурального овладения новой языковой системой предполагает произвольный путь усвоения теоретических знаний путем выполнения разнообразных тренировочных заданий. Преимущество использования телекоммуникационных технологий в дистанционном формате позволяет достичь эффекта погружения в языковую среду благодаря возможности многократного воспроизведения и прослушивания изучаемого материала в удобном для каждого режиме. Гарантом продуктивности выполняемых действий являются наличие советующих технических средств, надлежащее методическое сопровождение учебного процесса, ориентация на индивидуальную мотивацию в самостоятельной работе [2].

На фоне компьютеризации учебного процесса наиболее актуальной видится проблема дидактически обоснованного использования телекоммуникационных средств. В случае отсутствия четких представлений касательно их дидактической нагрузки и опыта практического применения в условиях организации удаленной работы над иностранным языком может возникнуть риск бессистемного, необоснованного использования информационных технологий. Не все преподаватели осознают их возможности, а также представляют задачи психолого-педагогического характера, решению которых наиболее адекватно будут содействовать те или иные компьютерные средства. Исследователи полагают, что именно педагогический, а не ресурсный аспект является ведущим при определении роли и места информационных компьютерных технологий в процессе обучения [3, с. 5].

Отсутствие или недостаточность педагогических навыков при реализации дистанционного обучения может иметь весьма негативные последствия для всего процесса учения. Многообразие моделей удаленной работы, отличающихся по методике подготовки и проведения, по формам взаимодействия своих участников, способу организации и презентации учебных материалов, предполагает наличие у преподавателя советующих знаний и опыта. Иными словами, неумение организовать удаленное занятие с надлежащим ему методическим содержанием, неспособность учесть специфику интерактивного взаимодействия при дистанционном обучении значительно редуцирует потенциально высокие возможности применения компьютерных технологий. Преподаватель в случае необходимости проведения опосредованного занятия сталкивается с рядом трудностей, решение которых не является одномоментным действием. Ему требуется время на вдумчивое знакомство со спецификой и практическое изучение необходимой формы с тем, чтобы впоследствии удаленное занятие не сводилось к передаче-приему электронных материалов через Интернет-сеть.

Вследствие этого актуализируется проблема соответствующей методической подготовки преподавателей, которая позволит сформировать необходимую информационно коммуникационную компетенцию. Данная компетенция преподавателей имеет в основе динамическое ядро, т. е. предполагать непрерывную и постоянную работу по овладению спектром постоянно обновляющихся информационных обучающих технологий, а также по знакомству с актуальной информацией психолого-педагогического характера, отвечающей за дидактически верное и практически обусловленное применение компьютерных ресурсов [4, с. 4].

Обучение иностранным языкам ориентируется прежде всего на ведущую концепцию современного языкового образования, которая направлена на подготовку учащихся к свободной межкультурной коммуникации, когда язык выступает в качестве функционального инструмента информационного обмена и социокультурного общения. К процессу преподавания иноязычной дисциплины в дистанционном формате предъявляются более высокие требования нежели к традиционному очному подходу. Помимо того, что дистанционное обучение должно реализовывать идею коммуникативного становления обучаемого, от него ожидают более быстрого и надежного результата как от более перспективного и глобального педагогического ресурса. Наличие разнообразных программных курсов, обилие информационных источников и большой выбор альтернативных стратегий овладения иностранным языком создает ошибочное представление простоты организации оптимального процесса обучения. Однако основная проблема кроется не столько в лингво-дискурсивном и социокультурном наполнении занятий, сколько в обеспечении компетентного руководства и адекватных условиям работы контроля за действиями студентов.

Направленность дисциплины «Иностранный язык» на практическое владение, на освоение способов, а не готовых результатов деятельности выделяет предмет из общего курса и диктует свои правила организации удаленных занятий. Структура содержания обучения иноязычной дисциплине традиционно представлена лингвистическим, психологическим и методологическим компонентами. Последний ориентирует преподавателя на работу по передаче обучаемому не только знаний, но и сообщение ему приемов получения необходимой информации, выработки нужных умений [5, с. 30].

В условиях удаленного обучения ИЯ необходимость следования положениям данного компонента еще более актуализируется, т. к. образовательная эффективность находится в прямой зависимости от степени сформированности навыков самостоятельного учебного труда студентов. Интерактивность дистанционного формата реализуется по двум направлениям – преподаватель-студент и студент-студент (группа). Однако сетевое взаимодействие существенно сокращает функции преподавателя, сводя их к управлению работой с дидактическими материалами. Компенсировать дефицит управления позволяет потенциал методических средств учебных материалов, а также принятие возможности делегировать часть координационных действий самим студентам. Задача преподавателя помимо объяснительной и организационно-контрольной работы заключается в предоставлении студенту алгоритмов работы, в обучении его самостоятельным действиям с целью рационализации учебного труда в вопросах самообучения и саморегуляции.

Ключевым понятием дистанционного обучения является понятие интерактивности, означающее регулярное и систематическое взаимодействие всех участников учебного процесса. Его реализация, согласно исследованиям лаборатории ДО ИСМО РАО, возможна на двух уровнях: в ходе организации сотрудничества между преподавателем и студентами между собой и за счет совместного решения задач студентами, использующих находящиеся в их распоряжении средства обучения [3, с. 14]. Для того, чтобы добиться соблюдения принципа истинной интерактивности, необходимо досконально знать и уметь использовать обучающие возможности технологий. Более того, в случае увеличения объема самостоятельно выполняемой работы, необходимым опытом должны обладать и студенты, результативность действий которых будет напрямую зависеть от используемых ими источников, средств, форм работы. В преподавании иностранных языков обеспечение интерактивности учебного процесса является неременным условием, гарантом успешной работы по формированию коммуникативной компетенции, сама суть которой заключена в возможности осуществления межличностного взаимодействия.

Обращение к информационным технологиям дистанционного формата обучения иностранным языкам позволяет избежать одностороннего «включения» только в коммуникативную деятельность, обогатив процесс учения предметной связью языка с действительностью. Построение обучения в рамках субъект-субъектных и субъект-предметных систем отношений, как это происходит при усвоении родного языка, исключает абстрагирование от неродного понятия, принятие его на сугубо рациональном, а не эмоциональном уровне. Благодаря предметно-коммуникативному, а не отвлеченно-понятийному характеру деятельности значительно повышается степень усвоения получаемых знаний и скорость их последующей актуализации в общении [6, с. 29].

Телекоммуникационные технологии располагают необходимыми ресурсами увеличения количества и разнообразия индивидуальных образовательных траекторий, способных удовлетворить требования к современному подходу овладения иностранным языком. Обеспечение интерактивности, увеличение плотности и сферы общения возможно благодаря обращению к сети Интернет, мультимедийным средствам, Веб 2.0. технологиям. Интернет, как источник получения аутентичных видео-, аудио- и текстовых материалов, не только способствует обогащению содержания изучаемого, но обеспечивает актуальность и своевременность подачи информации. Взаимодействие в письменной форме в рамках общения в чате, блоге или на форуме, обмен мнениями по скайпу обеспечивает необходимую плотность общения, расширяет диапазон собеседников и погружает в естественную среду, придавая процессу учения необходимые предметно-коммуникативные черты. Виртуальное пространство предоставляет безграничные возможности организации интеракции, создавая благоприятные условия для выполнения исследовательски-творческих проектных заданий устного или письменного формата реализации.

Помимо содействия эффективному решению дидактических задач и оказания положительного влияния на становление и поддержание мотивационной составляющей учения, использование медиаресурсов содействует формированию информационно-коммуникационной компетенции студентов. Учебное взаимодействие в дистанционном режиме подразумевает наличие соответствующих навыков поиска и обработки информации, работы с определёнными технологиями. Отсутствие таковых или их недостаточная сформированность способно оказать негативное влияние на достижение положительного результата при решении учебной задачи [7].

Эффективность дистанционного формата работы во многом зависит от условий организации и осуществления контрольных мероприятий за ходом учебной деятельности. Оцениванию подлежат не столько количественные показатели сетевой активности или объемов обрабатываемой информации, сколько реальные достижения студентов по формированию и развитию компонентов коммуникативной компетенции. Одним из наиболее важных требований к удаленному контролю, помимо традиционно предъявляемых условий регулярности, объективности, дифференцированного подхода и пр., является требование оперативной реакции преподавателя на выполненное задание. Быстрое реагирование не только реализует принцип интерактивности обучения, имитируя привычную учебную среду, но и положительно влияет на динамику процесса, позволяя вносить своевременные коррекционные правки как в работу студента, так и в деятельность преподавателя.

Определенные трудности вызывает организация контрольных действий, когда в ходе выполнения заданий, например, в режиме веб-квеста, промежуточные результаты оцениваются самими учащимися. Несмотря на сложность осуществления такой взаимопроверки, преподавателю нельзя отказываться от возможности демонстрации студентами своей автономности на разных стадиях выполнения задания. Делегирование контрольных полномочий не только повышает процент объема самостоятельно регулируемых действий, но и стимулирует дальнейшее развитие интеракции обеих сторон.

В условиях многообразия моделей и форм дистанционного обучения актуальным представляется вопрос определения верной стратегии и условий обучения. Неуместность выбора, неумение организовать работу в правильном формате (незнание возможностей технологий и их дидактической нагрузки) могут нанести скорее вред, чем дать положительный результат. Наиболее перспективным, по мнению исследователей, в деле формирования речемыслительной деятельности на иностранном языке видится сегодня использование такой системы управления обучением как *Moodle (Modular Object Oriented Dynamic Learning Environment)* – модульной объектно-ориентированной динамической учебной среды [8, с. 47]. Назначение системы заключается в предоставлении преподавателям и студентам платформы для осуществления интерактивного академического взаимодействия. Виртуальная учебная среда позволяет в полной мере задействовать сетевые технологии, способствуя становлению системы знаний пользователя и порядка его взаимодействия с другими участниками процесса. К преимуществам *Moodle* относят в первую очередь возможности сочетания традиционных технологий обучения с информационными ресурсами. В деле преподавания иностранного языка данная открытая сетевая платформа важна прежде всего своими средствами, инструментами обучения, которыми не всегда располагает привычный очный формат занятий.

Особого внимания с точки зрения эффективности работы по формированию речемыслительных навыков учащихся заслуживает форум как действенный инструмент создания условий для выполнения заданий дискуссионного характера, когда решение поставленной задачи предполагает активное обсуждение и выражение собственного мнения [9, с. 47]. К рабочим достоинствам форума относят и наличие синхронной / асинхронной связи. Первый вид коммуникации необходим в случае выполнения речевых заданий, требующих быстрой реакции, направленных на формирование умений говорения. Асинхронность означает отсроченный доступ к информации, что в свою очередь предполагает более вдумчивую, сфокусированную работу, необходимую при выполнении заданий письменного формата, заданий на ознакомление с информацией, ее обработку. Асинхронность важна и в деле координирования совместных действий студентов, эффективного планирования своей учебной деятельности, в вопросах управления самостоятельной работой.

Форум, как виртуальная среда, обладает неограниченным потенциалом обновления учебных материалов, когда для их актуализации достаточно просто предоставить ссылку на новый источник. Такой подход к работе не только увеличивает скорость подачи информации и обеспечивает ее высокой степенью аутентичности, но и способствует развитию критического мышления студентов, предполагая дополнительные когнитивные усилия по отбору и анализу получаемых данных.

Таким образом, обладая рядом преимуществ перед традиционным подходом в деле формирования коммуникативной компетенции, удаленная работа требует особого отношения к своей организации. Положительный эффект возможен при условии достаточно сформированной информационно коммуникационной компетенции преподавателя, которая позволит ему не только дидактически верно выстраивать режим работы, но и адекватно реагировать на его актуальные изменения, а со стороны студента ожидается умение поддерживать и развивать медийный контакт, демонстрируя достаточную степень групповой и личной инициативы. В этом случае использование дистанционного формата при обучении иностранному языку способно в значительной мере содействовать повышению качества языковой подготовки студентов, т. к. интерактивность виртуальной среды значительно увеличивает объем не только совместных, но и самостоятельных действий, сопровождаемых закономерным ростом коллективной и индивидуальной ответственности.

Литература

1. Львова, О. В. Дистанционное обучение иностранным языкам [Электронный ресурс] / О. В. Львова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2011. – № 1. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/distantsionnoe-obuchenie-inostrannym-yazykam>. – Дата доступа : 09.01.2022.
2. Нейман, С. Ю. Принципы построения системы дистанционного обучения иностранным языкам [Электронный ресурс] / С. Ю. Нейман, С. Г. Дальке // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2017. – № 2 (6). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiyu-postroeniya-sistemy-distantsionnogo-obucheniya-inostrannym-yazykam>. – Дата доступа : 09.01.2022.
3. Полат, Е. С. Теория и практика дистанционного обучения : учебное пособие для студентов высших педагогически учебных заведений / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева ; под ред. Е. С. Полат. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 416 с.
4. Калинин, Д. А. Трудности, испытываемые преподавателями в условиях дистанционного обучения [Электронный ресурс] / Д. А. Калинин // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». – 2015. – Т. 7, № 3. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-ispytyvaemye-prepodavatelyami-v-usloviyah-distantsionnogo-obucheniya/viewer>. – Дата доступа : 18.11.2021.
5. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам : базовый курс : пособие для студентов педагогических вузов и учителей / Е. Н. Полат. – М. : АСТ : Астрель : Полиграфиздат, 2010. – 238 с.
6. Зимняя, И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе / И. А. Зимняя. – М. : Просвещение, 1991. – 222 с.
7. Владимирова, Л. П. Дистанционное обучение иностранным языкам : специфика и перспективы [Электронный ресурс] / Л. П. Владимирова // Институт содержания и методов обучения Российской Академии Образования. – Режим доступа : <https://mgimo.ru/upload/iblock/3fb/distantsionnoe-obuchenie-inostrannym-yazykam.pdf>. – Дата доступа : 04.01.2022.
8. Коваленко, Н. А. Использование учебного форума в процессе обучения иностранному языку [Электронный ресурс] / Н. А. Коваленко // Современные исследования социальных проблем : электронный научный журнал. – 2017. – Т. 8, № 10-2. – Режим доступа : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29677560>. – Дата доступа : 15.11.2021.
9. Назарова, Н. Б. Новые информационные технологии в обучении иностранным языкам [Электронный ресурс] / Н. Б. Назарова, О. Л. Мохова // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 3. – Режим доступа : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=24564>. – Дата доступа : 15.11.2021.

Сравнительный анализ динамики уровня физической подготовленности учащихся лицея МЧС

А.В. Ключников¹, В.А. Михалевич², О.В. Осипенко²

Статья посвящена определению уровня физической подготовленности учащихся лицея МЧС. Акцент сделан на динамику исследуемых показателей по годам обучения и в структуре учебного года. Показаны пути совершенствования профессиональной физической подготовки специалистов МЧС.

Ключевые слова: чрезвычайные ситуации, учащиеся лицея МЧС, профессионально-прикладная физическая подготовка.

The article is devoted to determining the level of physical fitness of students of the lyceum of the Ministry of Emergency Situations. The emphasis is placed on the dynamics of the studied indicators according to the year of study and in the structure of the academic year. The ways of improving the professional physical training of specialists of the Ministry of Emergency Situations are shown.

Keywords: emergencies, students of the Lyceum of the Ministry of Emergency Situations, professional and applied physical training.

Глобальной проблемой для общества в современных условиях являются природные и техногенные катастрофы, которые увеличиваются и расширяются с каждым годом. В этой связи обеспечение безопасности жизнедеятельности представляется одной из важных задач государственного значения, так как, к сожалению, наблюдается негативная тенденция увеличения количества чрезвычайных ситуаций, которые порой невозможно предотвратить [1].

На сегодняшний день во всех странах мира существуют специальные подразделения спасателей. В Республике Беларусь эта задача возложена на подразделения МЧС. Профессиональные пожарные и спасательные формирования способны качественно проводить аварийные спасательные работы, которые направлены на спасение жизни людей, снижение размеров ущерба окружающей природной среде, ликвидацию зон чрезвычайных ситуаций и прекращение действий опасных факторов [2].

Следует подчеркнуть, что условия работы и многообразие чрезвычайных ситуаций предъявляют высокие требования к уровню профессиональной подготовленности спасателей, а эффективность их действия напрямую зависит от наличия специальных знаний и степени сформированности профессионально важных качеств, умений и навыков [3].

Общеизвестно, что при решении боевых задач в экстремальных условиях пожарные и спасатели испытывают значительные физические нагрузки, поэтому необходимо предъявлять высокие требования к их физическому воспитанию и, особенно, к профессиональной прикладной физической подготовке будущих специалистов МЧС.

Общезначимая направленность физического воспитания лицейцев в государственном учреждении образования «Специализированный лицей при университете гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь» является актуальной проблемой, которую надо решать в процессе физического воспитания, изменив его ориентацию на повышение уровня профессионально-прикладной физической культуры. Актуальность темы исследования обусловлена еще и тем, что необходимость поиска новых подходов к повышению значимости профессиональной физической подготовки при поступлении в университет гражданской защиты МЧС Беларуси будет способствовать успешной профессиональной деятельности в будущем.

Следует обратить внимание на то, что иногда между высокими требованиями к физическому и функциональному состоянию будущих курсантов отмечается недостаточный уровень общефизической подготовки выпускников школ, для которых характерны более низкие нагрузки общефизической направленности занятий по дисциплине «Физическая культура и здоровье», характерными для школьных программ [4].

Необходимо отметить, что работа спасателей в большей степени зависит от уровня профессиональной подготовленности [5], при этом их умения и навыки позволяют эффективно решать возникающие проблемы в экстремальных условиях. В связи с этим высокие требования предъявляются к их физическому состоянию в целом и, в частности, к их профессионально-прикладной подготовке [6].

Понимание требований к функциональной и физической подготовленности специалистов МЧС, определение их должного уровня готовности к выполнению профессиональной деятельности позволяют совершенствовать структуру и содержание профессионально-прикладной физической подготовки [7], [8].

Проведенное исследование показало, что освоение элементов технического мастерства в упражнениях двоеборья пожарно-спасательного спорта (преодоление 100-метровой полосы с препятствиями и подъеме по штурмовой лестнице в окно 3 этажа учебной башни) напрямую зависит от уровня физической подготовленности, так как в большей степени это удается тем курсантам, которые имеют хорошие и отличные оценки в скоростных и силовых тестах. Курсанты, имеющие более низкие показатели в этих тестах, в меньшей степени осваивали элементы пожарно-спасательного двоеборья [9].

Методы исследования. Для оценки уровня физической подготовленности учащихся лица нами проведено педагогическое тестирование согласно учебной программе «Физическая культура и здоровье». Оценивался уровень таких двигательных качеств, как скорость, сила, выносливость, ловкость, гибкость и скоростно-силовые способности. Так, скоростные качества определялись по результатам бега на 30 м со старта, скоростно-силовые – по результатам прыжка в длину с места, силовые – по результатам подтягивания из виса на высокой перекладине, ловкость – в челночном беге 4 × 9 м, выносливость – 1000 и 1500 м, гибкость – наклон вперед из положения стоя. В тестировании принимали участие 54 учащихся лица 1 курса, 50 – 2 курса, 50 – 3 курса, 48 – 4 курса и 48 – 5 курса. Фиксировались исходные (в начале учебного года) и итоговые (в конце учебного года) показатели (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика показателей физической подготовленности учащихся лица МЧС по годам обучения

Курс	Виды контрольных нормативов					
	Осень (исходные данные)					
	Наклон вперед (см)	Челночный бег (сек)	Подтягивание (кол-во раз)	Бег 1000 / 1500 м (м)	Бег 30 метров (сек)	Прыжок в длину с места (см)
1	6,22	10,15	4,69	4,10	5,59	170,23
2	8,58	9,78	6,45	4,19	5,24	192,91
3	10,88	9,37	9,10	6,07	4,87	215,20
4	12,57	9,21	13,06	6,22	4,61	229,98
5	14,38	8,85	14,88	6,09	4,39	246,43
	Весна (конечные данные)					
1	8,30	9,88	5,94	4,24	5,17	178,41
2	9,02	9,54	10,60	4,16	4,94	203,11
3	10,84	9,24	10,50	6,13	4,66	218,96
4	13,21	9,03	12,88	6,05	4,50	236,18
5	15,72	8,75	16,43	5,46	4,22	248,91

Из представленного материала следует, что у учащихся лица в основном из года в год была зафиксирована положительная динамика показателей. Вместе с тем была отмечена и отрицательная динамика: в беге на 1500 м у лицеистов 4 курса в сравнении с 3 курсом (с 6,07 мин – 3 курс до 6,22 – 4 курс), в то время как конечные результаты показали значительное повышение среднегруппового показателя у лицеистов 4 курса (6,05 м соответственно).

На наш взгляд, анализ учебной программы по физической подготовке можно в большей степени осуществить, определив динамику физической подготовленности в течение учебного года, приняв исходный среднегрупповой показатель за 100 % (таблица 2).

Таблица 2 – Динамика показателей физической подготовленности учащихся лицея МЧС по годам обучения, % прироста за учебный год

Тесты	Курсы				
	1	2	3	4	5
Наклон вперед	25,1	4,9	0,3	4,9	8,6
Челночный бег	2,7	2,7	1,4	1,9	1,1
Подтягивание на высокой перекладине	20,9	39,2	13,4	-7,2	9,5
Бег 1000 (1500) м	-0,1	0,7	-0,1	2,8	11,5
Бег 30 м	5,9	4,7	4,5	2,4	4,0
Прыжок в длину с места	4,6	5,1	1,8	2,7	1,0

Примечание: учащиеся 1–2 курса лицея выполняют тест «Бег 1000 м», учащиеся 3–5 курсов лицея – тест «Бег 1500 м».

Анализ выявил неодинаковую процентную динамику по ряду показателей. Так, при исследовании качества гибкости у лицейстов обнаружено снижение данного показателя на 3 курсе до 0,3 %, стабилизация на 2 и 4 курсах – по 4,9 % соответственно. Неодинаковая динамика среднегрупповых показателей была выявлена нами в приросте показателей в тесте «Челночный бег 4 × 9 м». При определенной стабилизации на 1 и 2 курсах (по 2,7 %) было зафиксировано незначительное улучшение (до 1,4 %) на 3 курсе, при некотором снижении данного показателя на 4 курсе (1,9 %) и определенном улучшении на 5 курсе – 1,1 %.

Небезынтересным для нас было исследование годичной динамики силовых способностей. Так, если на 1, 2 3 и 5 курсах мы имели положительную динамику (20,9 %, 39,2 %, 13,4 %, 9,5 %), то на 4 курсе была зафиксирована отрицательная динамика, выразившаяся в снижении на 7,2 %.

Отрицательная динамика в среднегрупповых показателях и в тесте на выносливость (-0,1 % на 1 и 3 курсах), в то время как на других курсах этого замечено не было: 0,7 % на 2 курсе, 2,8 % на 4 курсе, 11,5 % – на 5 курсе.

В целом была выявлена положительная динамика в тесте на скорость (бег 30 м): 5,9 % – 1 курс; 4,7 % – 2 курс; 4,5 % – 3 курс; 2,4 % – 4 курс; 4,0 % – 5 курс, а также скоростно-силовых способностей (прыжок в длину с места): 4,6 % – 1 курс; 5,1 % – 2 курс; 1,8 % – 3 курс; 2,7 % – 4 курс; 1,0 % – 5 курс.

Таким образом, можно констатировать, что проведенное исследование показало наличие проблемных моментов, на которые следует обратить внимание преподавателей физической культуры. Зафиксированная нами отрицательная годичная динамика показателей (-0,1 % в беге на 1000 м и 1500 м, а также -7,2 % в подтягивании на высокой перекладине) указывает на то, что не всегда предъявляемые объем и интенсивность физической нагрузки в этих направлениях дает желаемый результат.

В результате анализа полученных данных по итогам проведенного исследования можно отметить, что особе внимание следует уделить развитию таких физических качеств, как сила и выносливость, которые крайне необходимы для успешного выполнения своих функциональных обязанностей с учетом специфики работы по специальности в будущем. Следует добавить, что годичная динамика показателей отражает ответную реакцию организма учащихся лицея на предложенную нагрузку, и, соответственно, такой контроль за развитием физических качеств будет способствовать своевременной коррекции уровня подготовленности с учетом будущей профессиональной деятельности, обеспечит должный уровень готовности.

Литература

1. Владимиров, В. А. Природные опасности и общество / В. А. Владимиров, Ю. Л. Воробьев, В. И. Осипов, С. К. Шойгу. – М. : Крук-Престиж, 2002. – 245 с.
2. Ключников, А. В. Построение учебного процесса по предмету «Физическая культура» курсантов инженерных институтов Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / А. В. Ключников ; Московский городской педагогический университет. – М, 2014. – 168 с.

3. Гавриленко, Е. С. Психолого-педагогические особенности профессионально-прикладной физической подготовки спасателей МЧС России / Е. С. Гавриленко // Психология обучения. – 2007. – Вып. 3. – С. 100–107.
4. Могилинец, С. Н. Развитие общей и силовой выносливости у обучающихся общеобразовательных организаций МО РФ : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / С. Н. Могилинец ; ФГКВООУВО «Военный институт физической культуры». – СПб, 2019. – 28 с.
5. Зайцев, А. Н. Методика оценки готовности сотрудника МЧС к действиям в чрезвычайных ситуациях / А. Н. Зайцев // Актуальные проблемы обеспечения безопасности в Российской Федерации : межведомственная науч.-практ. конф. : материалы. – Екатеринбург, 2009. – 4.1. – С. 147–150.
6. Сукманов, С. В. Методика обеспечения боевой готовности подразделений государственной противопожарной службы МЧС России : автореф. дис. ... канд. техн. наук : 05.13.10 / С. В. Сукманов ; Санкт-Петербургский институт государственной противопожарной службы. – СПб., 2005. – 21 с.
7. Ткачев, В. И. Педагогические условия, необходимые для повышения эффективности процесса подготовки сотрудников ГПС МЧС России / В. И. Ткачев // Профессионал : научно-методический информационный журнал. – 2006. – № 10. – С. 107–109.
8. Дворкин, Л. С. Физическое воспитание студентов : учеб. пособие / Л. С. Дворкин, К. Д. Чермит, О. Ю. Давыдов ; под общ.ред. Л. С. Дворкина. – Ростов н/Д : Феникс ; Краснодар : Неоглори, 2008. – 700 с.
9. Ключников, А. В. Анализ физической подготовленности курсантов университета гражданской защиты МЧС Беларуси и пути ее совершенствования / А. В. Ключников, В. И. Васильцов, А. С. Бобылев // Физическая культура и спорт в современном мире : сб. науч. ст. К 70-летию факультета физической культуры ; редкол.: Г. И. Нарский (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2019. – С. 454–457.

¹Филиал «Институт профессионального образования» Университета гражданской защиты МЧС Республики Беларусь

²Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 07.06.2022

Дискуссионные аспекты конструирования музыкальной предметно-развивающей среды детского сада Китая на основе национальных традиций

Ни Ша

Дошкольный возраст является наиболее сензитивным к обучению периодом в жизни человека. Изучение практики музыкального воспитания детей-дошкольников, пересмотр целей, задач, содержания и форм его организации приблизят педагогов к решению вопроса об эстетическом развитии детей. Корректная предметно-пространственная среда в дошкольном учреждении представляет собой мощный стимул для творческого развития и осознания культурной идентичности ребенка. Музыкальная предметно-развивающая среда должна обладать потенциалом ведения спонтанной музыкальной деятельности и быть отражением культурного «бэкграунда» дошкольника. Модель модификации музыкальной предметно-развивающей среды на основе использования народных традиций предполагает четыре способа применения национальных традиций в музыкальном образовании: декоративный, иллюстративный, сравнительно-видовой и креативный.

Ключевые слова: дошкольное образование, музыкальное образование, национальные традиции, предметно-развивающая среда, народная музыка.

Preschool age is the most sensitive period for learning in a person's life. Studying the practice of musical education of preschool children, revising the goals, objectives, content and forms of its implementation can bring teachers closer to solving the issue of the aesthetic development of children. A correct material spatial developing environment in a preschool institution is a powerful stimulus for the creative development and awareness of children's cultural identity. The musical material spatial developing environment should have the potential for spontaneous musical activity, and be a reflection of the cultural background of a preschooler. The model of modifying the musical material spatial developing environment based on the use of folk traditions suggests four ways of applying national traditions in music education: decorative, illustrative, comparative-specific and creative.

Keywords: preschool education, music education, national traditions, material developing environment, folk music.

На сегодняшний день становится очевидным, что современные системы дошкольного музыкального образования не располагают целенаправленной, эффективной и единой системой деятельности дошкольников, которая была бы способна в полной мере раскрыть весь потенциал созидательных сил человека, его музыкальных способностей и талантов. Негативным фактором, помимо прочих, является то, что на долю музыкальной практики, с небольшими колебаниями по странам и регионам мира, приходится лишь около десяти процентов времени, проводимого ребенком в детском саду.

Творчество, *de jure* декларируемое как обязательный элемент деятельности ребенка в детском саду, оказывается *de facto* лишенным свободы; тем не менее, без творчества личность ребенка не может самоопределиваться и, следовательно, развиваться как субъект. Сама суть творчества исходит из произвольности, спонтанности; из этого следует вывод, что музыкальное творчество нельзя сводить к выполнению исключительно предписанных и контролируемых паттернов. В противном случае происходит утрата креативности музыкального образования в принципе в результате подмены творческих способностей техническими навыками (вокала, музицирования, хореографии). Кроме того, налицо тенденция вытеснения музыкального образовательного «слоя» за рамки занятий в пользу факультативных форм обучения, точечных, приуроченных к конкретному празднику, несистематических репетиций, кружковой работы. Дефицит музыкальной творческой практики не позволяет выполнить такие критерии музыкального дошкольного образования, как самореализация и самовыражение.

Вышеописанная проблема характерна не только для педагогической практики детского сада; попытки «загнать» творчество в рамки традиционной практической деятельности имеют, как ни парадоксально, склонность к преемственности, будучи характерными и для школьных дисциплин эстетического цикла. Тем не менее, данная проблема представляется нам особенно важ-

ной именно в контексте дошкольного образования, ведь именно дошкольный возраст является наиболее сензитивным к обучению периодом в жизни человека. Изучение практики музыкального воспитания детей-дошкольников, пересмотр целей, задач, содержания и форм его организации приблизят педагогов к решению вопроса о личностном эстетическом развитии детей [1].

По нашему мнению, выходом из сложившейся проблемы является предоставление детям возможности самостоятельной музыкальной активности. Как правило, наибольшую самостоятельность дошкольник получает вне занятий с воспитателем, в игровых зонах, творческих уголках. Это обстоятельство актуализирует проблему оснащения развивающей предметно-пространственной музыкальной среды в дошкольном образовательном учреждении. Согласимся с А.М. Сумароковой: корректно «организованная развивающая предметно-пространственная среда, обладая большим потенциалом, амплифицирует сознание ребенка, создавая благоприятные условия для его развития» [2, с. 409].

Официальные нормативные массивы многих стран в большинстве своем декларируют в качестве целей формирования музыкальной развивающей среды развитие творческих проявлений средствами, побуждающими к самовыражению. Тем не менее, степень практической имплементации подобной цели в разных странах крайне вариативна. Педагоги-теоретики уже предпринимали попытки переосмысления сущности и функционала музыкальной предметно-развивающей среды в сторону возможности ведения спонтанной творческой деятельности. Э.П. Костина, к примеру, приходит к выводу о том, что среда музыкально-творческой деятельности – это, в первую очередь, среда нерегламентированная [3, с. 18].

Векторы обновления предметно-развивающей среды дошкольного учреждения.

Налицо тенденция к стереотипизации народной культуры в дошкольных учреждениях, упрощения понимания сущности национальных традиций, потери собственного индивидуального почерка в творчестве и снижения творческой инициативы. Одним из важнейших факторов, обеспечивающих самостоятельность дошкольника и развитие его инициативности, источником социального опыта, является именно предметная среда. Т.А. Космачева справедливо отмечает, что корректная предметно-пространственная среда в дошкольном учреждении представляет собой мощный стимул для развития, а устаревшая развивающая среда, выполненная «для галочки», исключительно для следования нормативным требованиям, предъявляемым к дошкольным учреждениям государства, становится преградой для проявления творческих способностей [4, с. 461]. Неправильно организованная предметно-развивающая музыкальная среда, не учитывающая двух выделенных нами критериев – возможности реализации творческой спонтанности, импровизации и включения элементов национальных традиций – может сформировать искажённые представления об окружающем мире, подорвать «ростки» инициативности и творческой натуры ребенка-дошкольника.

Обобщение существующих в методической литературе подходов к конструированию музыкальной предметно-развивающей среды позволяет представить перечень выполняемых данной средой задач:

- возможность совместной музыкальной деятельности взрослых и детей;
- обеспечение индивидуальной и совместной деятельности детей;
- получение и закрепление знаний о музыке;
- развитие музыкальности, любознательности;
- учет возрастных и индивидуальных особенностей [5, с. 54].

В большинстве теоретических источников представлены именно такие задачи создания и функционирования музыкальной предметно-развивающей среды дошкольного учреждения. Тем не менее, данный список требует расширения: музыкальная предметно-развивающая среда, несомненно, должна обладать потенциалом спонтанной музыкальной деятельности, и, кроме того, среда должна быть отражением культурного «бэкграунда» дошкольника.

Обновление музыкальной предметно-пространственной развивающей среды должно предусматривать расширение возможностей включения в нее элементов национальных традиций. Культурная глобализация, коснувшаяся и дошкольного образования, все чаще подвергается критике культурологов, педагогов, социологов, психологов. Организация же обратного процесса – сохранение и развитие культурного разнообразия (*cultural diversity* [6]) – заключается в правильном моделировании музыкальной развивающей среды.

Категорию «элементы культурно-ориентированной музыкальной развивающей среды» не следует, по нашему мнению, интерпретировать слишком буквально, как набор народных инструментов или картотеку с народными песнями. Элементы национальных традиций могут присутствовать как в общем дизайне помещения (интерьер комнат, эстетика оформления), так и в функциональных зонах [5, с. 57]. Расширение спектра и увеличение доли национальных музыкальных традиций в предметно-развивающей среде детского сада актуализирует требования вариативности и доступности. Вариативность предполагает свободный выбор детей; кроме того, под вариативностью можно понимать сменяемость музыкального материала и атрибутики в зависимости от расширения круга интересов и возможностей; появление в среде незнакомых предметов – музыкальных игрушек, инструментов, костюмов, стимулирующих познавательную и творческую активность. По нашему мнению, вариативность также подразумевает динамику среды, к примеру, в соответствии с народными календарными праздниками. Традиционные народные праздники обладают значительным воспитательным, развивающим и образовательным потенциалом для детей дошкольного возраста. В них синтезированы практически все виды народной культуры: устное народное творчество, песенное, музыкальное творчество, фольклорный театр, декоративно-прикладное искусство, народный танец.

Доступность подразумевает следование четким критериям при отборе элементов национальных традиций в музыкальное образование дошкольников и в предметно-развивающую среду учреждения.

Потенциал национальной традиционной музыки в контексте обогащения содержания дошкольного музыкального образования заключается в следующем. Во-первых, народные песни имеют высокую степень адаптивности музыкального материала; будучи доступным и наглядным ресурсом познания особенностей музыкального языка, традиционных эстетических и этических ценностей народа, знаний об уникальных исторических и культурных особенностях развития нации, поэтому данный жанр является ценным источником формирования национальной идентичности ребенка, воспитания эстетического и нравственного начала его личности. Народная инструментальная музыка способствует обогащению музыкального опыта детей посредством использования различных музыкальных инструментов с отличительными национальными особенностями и насыщенными красочными тембрами. Традиционная танцевальная культура характеризуется образностью, живостью и символичностью, она основана на глубоком восприятии, визуализации и творческом воплощении природных явлений и животного мира, понятна и интересна детям, доступна их восприятию и творческому переосмыслению и воплощению.

Подведем промежуточный итог: две обозначенные нами проблемы – нивелирование культурной идентичности ребенка (вплоть до ее полной утраты) и недостаток творческого компонента в музыкальном образовании представляются вполне решаемыми за счет привлечения фольклорного контента и материальной атрибутики как части предметно-развивающей среды.

Модель конструирования музыкальной предметно-развивающей среды групповых помещений с учетом использования народных традиций. Типовая модель конструирования предметно-развивающей среды групповых помещений обладает собственной спецификой; в частности, очевидна высокая статичность данной среды. Как правило, развивающая предметно-пространственная среда формируется к началу учебного года и не меняется в течение 12 месяцев; как следствие, дети начинают терять к ней интерес. Используются знакомые предметы, игрушки, материалы, стенды. В пользу подобного подхода исследователи утверждают, что визуальная и функциональная «стабильность» придает детям уверенность в окружающей обстановке [7, с. 410]. Данная проблема влечет за собой проблему пассивности среды: подобная предметно-развивающая музыкальная среда не является стимулирующим фактором для проявления детской активности.

Формирование музыкально-эстетической культуры творческой личности наиболее эффективно в условиях развивающей этносоциальной среды [8]. В общих чертах оснащение музыкальной предметно-развивающей среды с учетом использования народных традиций можно представить следующим образом:

Таблица 1 – Оснащение музыкальной предметно-развивающей среды с учетом использования народных традиций (старшая группа)

Музыкальная предметно-развивающая среда группового помещения старшей группы детского сада	
Задачи	Элементы оснащения
1) Приобщение к народному искусству. 2) Развитие интереса к музыке и инициативы к творчеству.	1. Музыкальные игрушки – озвученные народными мелодиями (музыкальная книжка, шкатулка), озвученные фиксированными звуками (молоточек, волчок, погремушка); игрушки со звуковыми кнопками; не озвученные игрушки, являющиеся макетами музыкальных инструментов, самодельные игрушки и инструменты. 2. Народные музыкальные инструменты: металлофоны, бубны, барабаны, колокольчики, дудочки + картинки с изображением народных музыкальных инструментов; 3. Народный театр кукол (батлейка в Беларуси, театр петрушек в России, театр теней в Китае и др.), настольный театр, плоскостной, театр на фланелеграфе, пальчиковый театр, театр «на палочках», «на перчатке». 4. Ширмы, фланелеграф. 5. Элементы национальных костюмов, маски и полумаски.

Модель модификации музыкальной предметно-развивающей среды на основе использования народных традиций предполагает четыре способа применения национальных традиций в музыкальном образовании: декоративный, иллюстративный, сравнительно-видовой и креативный. Декоративный способ применяется в том случае, когда национальная традиция (к примеру, музыка, национальные костюмы) являются своеобразным фоном, создающим эмоционально-образный настрой. Иллюстративный способ используется с целью пояснения содержания художественного образа, песни, стихотворения, музыкальным произведением. Сравнительно-видовой способ направлен на выявление сюжетно-тематической и композиционной близости произведений народного искусства. Наиболее продуктивный способ применения национальных традиций в музыкальном образовании дошкольников – это творческий (креативный); он обозначает создание собственных произведений на основе усвоенных народных образцов.

Ядром музыкального образования дошкольников с учетом использования народных традиций является народная песня. При подборе песенного репертуара необходимо учитывать, что содержание народной песни должно отражать круг интересов дошкольника и быть понятным ему. Следует убедиться, что тексты песен не содержат излишне сложных слов и сочетаний, избыточного количества архаизмов. Подбор народного песенного репертуара также сопряжен с выполнением критерия техники вокала: диапазон мелодий народных песен, исполняемых дошкольной группой, не должен превышать возможности естественного певческого диапазона голоса. Мелодии песен для младшей дошкольной группы строятся на 2–5 нотах; мелодии для детей средней и старшей групп имеют диапазон до 6–8 нот. Ритмический рисунок также может незначительно усложняться по мере перехода в старшую группу. Помимо вышеизложенного, усложнение содержания народных песен идёт по линии возрастания степени самостоятельности детей в творчестве.

Модификация музыкальной предметно-развивающей среды подразумевает вовлечение культурных артефактов в музыкальную деятельность детей. Среди подобных артефактов – традиционные игрушки, пригодные для использования детьми дошкольного возраста, народные музыкальные инструменты для исполнения мелодий как индивидуально, так и в составе небольших ансамблей. Игра на народных инструментах представляет собой важный аспект музыкального образования дошкольника. В широком понимании детским музыкальным инструментом фактически может являться любой объект, который дети могут использовать для воспроизведения музыки, звуков или ритма. Одна из основных целей музыкального образования на последующих этапах дошкольного возраста (средняя и старшая группа) – заинтересовать детей музицированием на народных инструментах, прослушиванием народной музыки. В ходе неконтролируемой воспитателем деятельности в «музыкальном уголке» дети могут увидеть и услышать звучание народных инструментов, придумать новые мелодии. Под контролем воспитателя и/или родителей дети способны сами создать аналоги народных инструментов из бросового или природного материала (в частности, шумовых).

Заключение. Важно, чтобы музыкальная предметно-развивающая среда имела характер открытой, незамкнутой системы, способной к корректировке и развитию. При любых об-

стоятельствах предметный мир, окружающий ребенка, необходимо делать культурно значимым. Главным принципом подобных преобразований является ориентация на креативность в обучении и культурно-ориентированный подход. При формировании музыкальной развивающей среды на первый план выходит нематериальный аспект. В контексте музыкальной среды важно следовать интерактивности – участию дошкольников в создании и использовании среды. В народных песнях и танцах в легко интерпретируемой форме транслируют ценности и психологические модели поведения; они представляют собой стабильные, доступные и воспроизводимые элементы социокультурного опыта. Недостатком множества современных инновационных моделей трансформации музыкального образования дошкольников, реализуемых в детских садах, является снижение доли национального музыкального искусства в пользу современных и западных музыкальных и танцевальных композиций. Тем не менее, очевидно, что в музыкальном образовании детей дошкольного возраста следует обращаться, в первую очередь, к народным образцам музыкального искусства, поощряя при этом самостоятельное, креативное осмысление народного искусства.

Литература

1. Самохвалова, С. Ю. Эстетическое развитие младшего школьника в условиях музыкально-практической деятельности : дисс. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / С. Ю. Самохвалова ; Ростовский государственный педагогический университет. – Ростов-на-Дону, 2001. – 169 с.
2. Сумарокова, А. М. Обновление развивающей предметно-пространственной образовательной среды в соответствии с ФГОС ДО / А. М. Сумарокова // Молодой ученый. – 2017. – № 49 (183). – С. 409–411.
3. Костина, Э. П. Креативная педагогическая технология музыкального образования дошкольников : дисс. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / Э. П. Костина. – М., 2007. – 568 с.
4. Космачева, Т. А. Роль педагога в организации предметно-пространственной среды как фактора развития самостоятельной игры дошкольников / Т. А. Космачева // Молодой ученый. – 2017. – № 1 (135). – С. 461–464.
5. Сафина, Л. В. Музыкальная развивающая предметно-пространственная среда в ДОУ в соответствии с ФГОС ДО / Л. В. Сафина, С. В. Чумаченко // Молодой ученый. – 2018. – № 13.1 (199.1). – С. 54–59.
6. Reid, J. L. A better start why classroom diversity matters in early education / J. L. Reid, S. L. Kagan // National Center for Children and Families. – New York : Teachers College, 2015. – 34 p.
7. Родь, Я. И. Формирование музыкально-эстетической культуры личности в условиях развивающей этносоциальной среды (на материалах этносов ханты и манси) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Я. И. Родь. – Саратов, 2002. – 142 с.
8. Предметно-пространственная развивающая среда в учреждении дошкольного образования / сост. Н. А. Ковтун, Е. Н. Шутова. – Гомель, 2017. – 51 с.

УДК 796.015.82:796.418.6-053.2

Критерии отбора детей в прыжках на батуте

О.В. ОСИПЕНКО, Г.И. НАРСКИН, В.А. МИХАЛЕВИЧ

Статья посвящена определению критериев отбора детей в группы начальной подготовки прыжков на батуте. Опрос ведущих специалистов убедил в необходимости расширения исследуемых показателей по общей физической подготовке тестами по психомоторике. Намечены пути совершенствования комплексного отбора детей для наполнения учебно-тренировочных групп.

Ключевые слова: прыжки на батуте, комплексный отбор, психомоторика, группы начальной подготовки.

The article is devoted to the determination of the criteria for the selection of children in the groups of initial trampoline jumping training. The leading experts' survey convinced of the need to expand the studied indicators for general physical training with psychomotorics tests. The ways of improving the complex selection of children for filling training groups are outlined.

Keywords: trampoline jumping, complex selection, psychomotorics, initial training groups.

Введение. На современном этапе развития спорта многие теоретики и практики повышение мастерства спортсменов связывают, как правило, с совершенствованием учебно-тренировочного процесса. При этом, анализ практики спортивных достижений показывает, что основа высших и стабильных результатов во многих видах спорта закладывается в детском и юношеском возрасте.

Прыжки на батуте являются зрелищным, «полетным», завораживающим видом спорта, который впервые был представлен на XXVII Олимпийских играх в Сиднее, где были разыграны медали в индивидуальных соревнованиях среди мужчин и женщин. Уже тот факт, что он является олимпийским видом спорта, повышает значимость научных исследований по проблеме спортивной подготовки батутистов.

Ряд специалистов (Л.П. Сергиенко (2013); С.Е. Бакулев (2012); Н.Ж. Булгакова (2000)) считают, что способности детей к определенной спортивной деятельности можно выявить в раннем возрасте, при этом можно констатировать, что изучению этой проблемы в специальной литературе отводится крайне мало места. В этой связи экспериментальное обоснование методики отбора из групп начальной подготовки в группы спортивной специализации является актуальной в прыжках на батуте [1], [2], [3].

Основная цель отбора сводится к определению соответствия между специфическими требованиями конкретного вида спорта, определенными способностями и узкой специализацией, необходимой для высокого спортивного результата в будущем [4], [5].

Следует отметить, что отбор в спорте необходимо рассматривать как многолетний управляемый педагогический процесс, а не разовое явление [6].

В отечественной и зарубежной литературе наблюдается крайне мало исследований, которые всесторонне раскрывают содержание и организацию отбора в прыжках на батуте. При этом, не решен вопрос к предпочтению выбора тестов по комплексной оценке компонентов общей и специальной подготовленности на начальных этапах спортивной тренировки, где возможно определение перспективности начинающих батутистов. В связи с этим, экспериментальное обоснование отбора детей из групп начальной подготовки в учебно-тренировочные группы является актуальной задачей как для теории, так и для практики прыжков на батуте.

По анализу научно-методической литературы можно выделить основные признаки классификации прыжков на батуте как вида спорта, среди которых: динамические упражнения с вращениями, с удержанием равновесия; индивидуальные и командные (синхронные) прыжки. Упражнения выполняются в безопорном положении с преимущественными вращениями в горизонтальной и вертикальной плоскостях. Отгалкивание проводится с неустойчивой опоры (сетка).

Следует отметить, что ведущая способность батутиста – высокий уровень развития координации, которая позволяет прыгуну быстро, точно, целесообразно и экономно решать

двигательные задачи, овладевать большим запасом движений для объединения их в сложные комбинации при организации управления движениями, а также других психомоторных способностей, выступающих факторами успешности батутиста.

Необходимо подчеркнуть, что прыжки на батуте, являясь сложнокоординационным видом спорта, предъявляют исключительно высокие требования к психике спортсмена и основаны на тончайших элементах движений, где требуется отменная выдержка и концентрация внимания. Развитие координационных возможностей опираются на ловкость и гибкость. Освоение принципиально новых сложных движений зависит от моторики и психологического обеспечения тренировочного процесса [7].

Управление движениями в прыжках на батуте требует развития специализированных восприятий (чувств): времени, темпа, ритма, пространства, снаряда (батута) и других, а также зрительно-моторной координации, высокого уровня бокового глазомера в синхронных прыжках. При многократном повторении элементов в тренировке батутиста необходимы: настойчивость, терпеливость, исполнительность, а при разучивании рискованных элементов – смелость.

Еще одной характерной особенностью прыжков на батуте является то, что соревновательная программа не позволяет спортсменам непосредственно влиять на выступление соперников, создает условия неопределенного представления о результате, связанного с субъективной оценкой судей, это предъявляет повышенные требования к самоконтролю и самонаблюдению. Необходимо отметить, что работа в синхронной паре предусматривает их совместимость по психофизиологическим и психологическим признакам.

Изучение Программы для специализированных учебно-спортивных учреждений и училищ олимпийского резерва по прыжкам на батуте (далее – Программа) показало [8], что в системе отбора на начальных этапах подготовки предусматривается только проведение тестирования развития физических качеств и тестов по гимнастике и акробатике. Однако, проведенное нами анкетирование ведущих тренеров Республики Беларусь по прыжкам на батуте по информативности батареи тестов, предусмотренных в Программе для определения перспективности и дальнейшей работы с юными батутистами, показало, что большинство тренеров-практиков не удовлетворены направлениями отбора юных батутистов, а необходимость разработки новых подходов к отбору считают актуальным и необходимым [9].

В батарею тестов были включены общепринятые тесты для определения уровня развития физических качеств (согласно государственной Программе по прыжкам на батуте. Среди них: мост из положения стоя, шпагат продольный, сгибание и разгибание рук в упоре лежа, приседание, поднимание ног в висе на гимнастической стенке, бег 10 м с высокого старта. А также тесты для определения психомоторных процессов батутистов, согласно мнению тренеров-практиков, на основании анкетного опроса.

Среди них:

1. Проба Ромберга. Методика проведения тестирования. При изучении координационной функции нервной системы использовались статические координационные пробы. При выполнении простой пробы Ромберга испытуемый стоял с опорой на две ноги (пятки вместе, носки немного врозь), глаза закрыты, руки вытянуты вперед, пальцы несколько разведены. Определяется время и степень устойчивости (неподвижно стоит исследуемый или покачивается) в данной позе, а также обращают внимание на наличие дрожания – тремора – век и пальцев рук.

2. Волевые качества. Предложенный тест позволил оценить различные показатели волевых качеств юных спортсменов. Принимая продолжительность физической монотонной работы в качестве ведущего показателя, определяется уровень качеств воли.

Методика проведения тестирования. Спортсмен встает перед мячом, положение рук – произвольно, одновременно поднимая обе ноги, перепрыгивает через мяч, поворачивается на 180 % и снова прыгает. Упражнение выполняется многократно до отказа самим ребенком.

3. Концентрация внимания (по методике Пьерона-Рузера). Методика проведения тестирования. Для оценки распределения и переключения внимания юного спортсмена в методике было предназначено задание. В задании показывали и объясняли геометрический рисунок. Работа заключалась в том, чтобы в каждой геометрической фигуре (треугольник, кружок, квадрат, ромбик) спортсмен должен был поставить тот знак, который задан на образце (черту, галочку, точку или плюс). Испытуемые работали в течение 2 минут, выполняя задание. Геометрические фигуры, не помеченные соответствующими знаками, а так же неправильно представленные или пропущенные знаки считались ошибками.

4. Чувство ритма (выявление уровня сформированности метроритмической способности). Методика проведения тестирования. Педагог прохлопывает произвольный ритм и предлагает ребёнку повторить, прохлопать в ладоши ее метрический рисунок.

5. Проба Яроцкого. Для оценки состояния вестибулярного анализатора используют простые координационные и вращательные пробы, где имеет место повышенное раздражение вестибулярных рецепторов. Среди вращательных проб самой простой является проба Яроцкого.

Методика проведения тестирования. Спортсмен выполняет вращательные движения головой в одну сторону со скоростью 2 вращения в 1 секунду. По времени, в течение которого обследуемый в состоянии выполнить эту пробу, сохраняя равновесие, судят об устойчивости вестибулярного анализатора.

6. Творческое мышление (беглость, гибкость творческого мышления). Методика проведения тестирования. Использовалась модификация тестов Гилфорда и Торренса. При составлении тестирования мы опирались на факторы, установленные в исследованиях Гилфорда. Беглость (легкость, продуктивность) – этот фактор характеризует беглость творческого мышления и определяется общим числом ответов. Гибкость – фактор характеризует гибкость творческого мышления, способность к быстрому переключению и определяется числом классов (групп) данных ответов. Тесты проводились как индивидуально, так и в группе. Для того чтобы избежать беспокойства испытуемых и создать благоприятную психологическую атмосферу, работу с тестами называют занятиями. В предварительной инструкции, которая дается в свободной форме, мы просили испытуемых предложить как можно больше разнообразных ответов на вопросы, проявить свой юмор и воображение, постараться придумать такие ответы, которые не сможет придумать никто другой. Тесты предназначены для возрастной группы от 5 до 15 лет.

Субтест 1. Использование предметов (варианты употребления).

В инструкции было дано задание: газета используется для чтения. Ты же можешь придумать другие способы ее использования. Что из нее можно сделать? Как ее можно еще использовать? Инструкция зачитывалась устно. Время выполнения субтеста – 3 минуты. При индивидуальной форме проведения все ответы дословно записывались. При групповой форме проведения ответы записывали сами испытуемые. Время фиксировалось после прочтения инструкции.

Субтест 2. Последствия ситуации.

В инструкции было дано задание: перечислить различные последствия гипотетической ситуации. Вообрази, что случится, если животные и птицы смогут разговаривать на человеческом языке. Время выполнения субтеста – 3 минуты.

Субтест 3. Слова.

Субтест проводился индивидуально. Необходимо было придумать слова, которые начинаются или оканчиваются определенным слогом.

Инструкция:

1 часть. Придумай слова, которые начинаются на слог «по», например «полка». На ответ дается 2 минуты.

2 часть. Придумай слова, которые оканчиваются слогом «ка», например «сумка».

На ответ дается 2 минуты. Время выполнения всего субтеста – 4 минуты.

Оценка общефизической и психомоторной подготовленности юных батутистов осуществлялась по сумме баллов шести исследуемых параметров общей физической подготовки и шести параметров психомоторики. Каждый тест оценивался от 1 до 5 баллов, согласно общепринятой Программы] (таблица 1) [8, с. 41].

Таблица 1 – Суммарная оценка развития общей физической подготовленности батутистов

Сумма баллов	Уровень развития
26–30	отличный
21–25	хороший
16–20	удовлетворительный
15 и меньше	неудовлетворительный

Исследования проводились нами в группах начальной подготовки СДЮШОР-4 г. Гомеля первого (n = 10), второго (n = 15) и третьего (n = 15) годов обучения (таблицы 2, 3, 4).

Таблица 2 – Результаты тестирования уровня общефизической и психомоторной подготовленности батутистов 1 года обучения

ФИО	Общая физическая подготовка							Психомоторные показатели								
	Мост из положения стоя	Шагак продольный	Отжимание в упоре лежа	Приседания	Углы на гимнастической стенке (30 сек.)	Бег 10 м	Сумма баллов	Уровень развития	Проба Ромберга	Волевые качества	Концентрация внимания	Чувство ритма	Проба Яроцкого	Творческое мышление (беглость, гибкость)	Сумма баллов	Уровень развития
Г-й	5	3	3	5	3	1	20	уд	3	5	1	1	3	3	16	уд
Л-а	5	5	3	5	5	5	28	отл	4	5	5	3	5	4	26	отл
П-я	5	5	1	3	4	5	23	хор	4	1	1	3	5	4	18	уд
П-в	5	3	2	3	5	5	23	хор	4	1	5	3	5	2	20	уд
С-к	5	5	1	5	2	5	23	хор	4	5	5	3	5	4	26	отл
С-в	5	5	5	5	5	5	30	отл	5	5	5	5	2	3	25	хор
Ф-о	4	5	3	1	5	5	23	хор	2	3	5	1	3	4	18	уд
В-а	4	2	2	4	5	2	19	уд	4	3	5	5	5	4	26	отл
Ш-ч	5	5	3	3	4	2	22	хор	4	4	5	3	4	5	25	хор
Н-й	4	5	5	5	4	5	28	отл	3	4	3	2	3	3	18	уд

Таблица 3 – Результаты тестирования уровня общефизической и психомоторной подготовленности батутистов 2 года обучения

ФИО	Общая физическая подготовка							Психомоторные показатели								
	Мост из положения стоя	Шагак продольный	Отжимание в упоре лежа	Приседания	Углы на гимнастической стенке (30 сек.)	Бег 10 м	Сумма баллов	Уровень развития	Проба Ромберга	Волевые качества	Концентрация внимания	Чувство ритма	Проба Яроцкого	Творческое мышление (беглость, гибкость)	Сумма баллов	Уровень развития
Б-й	5	5	5	5	5	5	30	отл	2	1	4	5	2	3	17	уд
М-а	5	5	4	4	5	4	27	отл	3	2	5	5	5	3	23	хор
А-а	5	5	4	4	5	4	27	отл	2	3	5	4	2	2	18	уд
Б-б	5	5	3	5	5	4	27	отл	4	4	5	5	3	3	24	хор
М-а	5	5	5	5	4	5	29	отл	1	4	3	4	2	2	16	уд
П-ч	5	5	4	5	5	5	29	отл	3	2	4	5	4	3	21	хор
Ж-о	5	5	4	5	5	4	28	отл	3	3	3	5	2	3	19	уд
К-о	5	5	3	5	5	3	26	отл	3	1	4	2	2	3	15	неуд
А-к	5	5	1	4	5	3	23	хор	3	2	2	4	3	3	17	уд
Л-а	5	5	3	4	5	5	27	отл	3	2	5	5	2	1	18	уд
Б-а	5	5	3	3	5	5	26	отл	3	5	5	5	1	2	21	хор
Б-а	5	5	4	4	5	4	27	отл	3	1	4	2	2	2	14	неуд
К-а	5	5	5	5	5	3	28	отл	5	3	5	1	3	3	20	уд
О-о	4	3	4	3	5	5	24	хор	5	4	2	4	3	2	20	уд
П-к	5	5	3	4	5	5	27	отл	3	5	5	5	3	1	22	хор

Таблица 4 – Результаты тестирования уровня общефизической и психомоторной подготовленности батутистов 3 года обучения

ФИО	Общая физическая подготовка								Психомоторные показатели							
	Мост из положения стоя	Шагак продольный	Отжимание в упоре лежа	Приседания	Углы на гимнастической стенке (30 сек.)	Бег 10 м	Сумма баллов	Уровень развития	Проба Ромберга	Волевые качества	Концентрация внимания	Чувство ритма	Проба Яроцкого	Творческое мышление (беглость, гибкость)	Сумма баллов	Уровень развития
В-а	5	5	5	5	5	4	29	отл	5	4	3	5	5	2	24	хор
П-а	5	5	4	5	5	4	28	отл	5	4	3	4	5	2	23	хор
Па-а	5	5	5	4	5	5	29	отл	4	4	5	4	5	2	24	хор
Р-а	4	5	3	3	5	5	25	хор	5	4	5	4	5	3	26	отл
Т-а	5	5	5	4	5	5	29	отл	5	4	5	5	4	3	26	отл
Д-я	5	5	5	5	5	4	29	отл	5	3	5	5	4	2	24	хор
М-о	5	5	5	5	5	5	30	отл	5	5	4	5	5	1	25	хор
Г-ч	5	5	5	5	5	5	30	отл	5	5	4	5	5	2	26	отл
Б-ь	5	5	4	4	5	5	28	отл	5	4	4	5	5	2	25	хор
Ж-к	5	5	4	5	5	5	29	отл	4	4	5	5	5	1	24	хор
Я-а	5	5	3	5	5	3	26	отл	4	5	4	5	4	3	25	хор
С-в	5	5	4	5	5	4	28	отл	5	5	3	5	5	3	26	отл
Ш-й	5	5	4	5	5	4	28	отл	4	5	5	5	4	2	25	хор
Б-и	5	5	4	5	5	4	28	отл	4	5	5	5	5	1	25	хор
М-о	5	5	4	5	5	5	29	отл	4	4	5	5	5	1	24	хор

Из полученного материала следует, уровень общефизической подготовки и психомоторики занимающихся батутистов в группах начальной подготовки по годам обучения не всегда совпадают.

Так, в группе НП первого года обучения можно констатировать: 30 % – отличный; 50 % – хороший 20 % – удовлетворительный уровень общей физической подготовленности. При этом, по состоянию психомоторики этот уровень выглядит следующим образом: 30 % – отличный; 20 % – хороший и 50 % – удовлетворительный. Необходимо подчеркнуть, что не всегда эти уровни совпадают у одного и того же занимающегося (таблица 2).

Анализ проведенного тестирования в группе НП второго года обучения выявил следующее соотношение: уровень общефизической подготовленности – 87 % – отличный и 13 % – хороший, Однако, уровень психомоторики в этой группе такой: отличных показателей не зафиксировано, хороших – 33 %, удовлетворительных – 54 % и неудовлетворительных – 13 % (таблица 3).

В свою очередь, анализ показанных результатов в группе НП третьего года обучения зафиксировал следующее соотношение: уровень общефизической подготовленности – отлично – 93 % и хорошо – 7 %; уровень психомоторики – отлично – 27 % и хорошо – 73 % (таблица 4).

Заключение. В результате проведенного исследования и анализа полученных данных можно сделать ряд выводов.

Во-первых, не всегда уровень общефизической подготовки совпадает с уровнем психомоторных реакций юных батутистов.

Во-вторых, тестирование в группе НП второго года обучения показало, что при высоком уровне общей физической подготовки (87 % отличных и 13 % хороших отметок) уровень психомоторных процессов находятся на низком уровне (только 33 % хороших оценок, при этом, 56 % – удовлетворительных и даже 13 % – неудовлетворительных, отличные оценки отсутствуют). По-видимому, объем и интенсивность направленных средств подготовки на

втором году обучения требует серьезной коррекции. Чего не скажешь об итоговых результатах батутистов 3 года обучения, где, кроме высокого уровня общефизической подготовки (93 % – отличных, 7 % – хороших оценок и отсутствие удовлетворительных), можно с удовлетворением отметить результаты психомоторных процессов (27 % – отличных, 73 % – хороших и отсутствие удовлетворительных показателей). Следует отметить, что организация тренировочных занятий батутистов на третьем году обучения находится на должном уровне и это немаловажно для подготовки узко ориентированных спортсменов в учебно-тренировочных группах для повышения уровня спортивного мастерства в последующие годы.

В-третьих, предложенный нами подход к дополнительному тестированию психомоторных показателей батутистов позволяет всесторонне подойти к качественному отбору молодых спортсменов для повышения спортивного мастерства, а также рекомендовать в другие виды спорта.

Таким образом, с учетом изложенного полагаем, что предложенная методика отбора детей в прыжках на батуте может быть использована на практике тренерами для качественного отбора в учебно-тренировочные группы.

Литература

1. Сергиенко, Л. П. Спортивный отбор : теория и практика : монография / Л. П. Сергиенко. – М. : Советский спорт, 2013. – 1048 с. : ил. (Серия «Спорт без границ»).
2. Бакулев, С. Е. Прогнозирование индивидуальной успешности спортсменов-единоборцев с учетом генетических факторов тренируемости : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.04 / С. Е. Бакулев – СПб., 2012. – 49 с.
3. Булгакова, Н. Ж. Отбор и ориентация пловцов в системе многолетней подготовки / Н. Ж. Булгакова, В. Н. Платонов // Плавание. – Киев, 2000. – С. 150–188.
4. Пилюк, Н. Н. Теория и методика избранного вида спорта (гимнастика) : курс лекций для студентов 3–4 курса / Н. Н. Пилюк, Г. М. Свистун, Н. В. Берселовская [и др.]. – Краснодар : ФГБОУ ВПО КГУФК СТ, 2015. – Ч. 2. – 163 с.
5. Платонов, В. Н. Периодизация спортивной тренировки : Общая теория и ее практическое применение / В. Н. Платонов. – Киев : Олимпийская литература, 2013. – 62 с.
6. Тихомиров, А. К. Управление тренировкой в спорте : монография / А. К. Тихомиров. – Малаховка : МГАФК, 2010. – 460 с.
7. Попов, А. Л. Преимущество субъективности и объективности оценок результатов в избранном виде спорта при освоении психологии студентами физкультурного вуза / А. Л. Попов, Н. С. Шумова // Теория и практика физической культуры. – 2006. – № 6. – С. 12–14.
8. Прыжки на батуте. Программа для специализированных учебно-спортивных учреждений и училищ олимпийского резерва / ГУ РУМЦ ФВН. – Минск, 2007. – 103 с.
9. Осипенко, О. В. Первичный отбор в прыжках на батуте: мнения специалистов / О. В. Осипенко, Г. И. Нарскин // Мир спорта. – 2021. – № 2. – С. 86–90.

УДК 37.013.43(476)

Факторы, определяющие развитие поликультурного образования (на примере Беларуси)

Т.В. ПАЛИЕВА

В статье исследованы факторы, влияющие на функционирование поликультурного образования и обуславливающие его специфику в каждой конкретной стране. На примере Беларуси показано значение исторических, теоретико-мировоззренческих факторов и факторов социального сеттинга на определение сущности, структуры и содержания поликультурного образования.

Ключевые слова: поликультурное образование, глобальные компетенции, коэволюционный подход, исторические, теоретико-мировоззренческие, демографические, социолингвистические, социально-экономические, технологические и собственно педагогические факторы.

The article presents the factors that influence the functioning of multicultural education and determine its specificity in each particular country. The example of Belarus shows the importance of historical, theoretical and ideological factors and social setting factors in determining the essence, structure and content of multicultural education.

Keywords: multicultural education, global competencies, coevolutionary approach, general historical, ethnogenetic, geographical and confessional factors; demographic, sociolinguistic, socio-economic, technological and actually pedagogical factors.

Поликультурное образование является одним из актуальных направлений в мировой педагогической теории и практике. Проведенный нами анализ широкого круга научных источников выявил полисемию (т. е. многозначность, многовариантность) определений понятия «поликультурное образование», что объясняется сложной природой данного явления, обусловленной влиянием множества факторов.

Современное понимание поликультурного образования учитывает не только полиэтнический состав внутри каждого конкретного государства, но и мультикультурность мира. Также в исследованиях в области поликультурного образования все чаще встречается подход, рассматривающий его с позиции гетерогенности образовательной среды, причем в основе не только языковая, этническая и религиозная гетерогенность, но и социальная.

Важным для развития современной педагогической науки является определение сущности поликультурного образования с позиции теории коэволюции, направленной на поиск оптимального соотношения интересов человечества и всей остальной биосферы. Только через стратегию коэволюции общества и природы, обретение прочного глобального единства посредством диалогического взаимодействия различных культурных традиций, при гармоничном сочетании идеи планетарного единства человечества с признанием самобытности локальных социально-природных систем можно изменить мировоззрение людей в общечеловеческом масштабе. Такая трансформация необходима для обеспечения будущего для всего человечества.

Российский исследователь Г.Ж. Даутова отмечает: «Искать пути преодоления глобальных проблем возможно только при организации сотрудничества всех стран и народов, что предполагает активный диалог между представителями социокультурных общностей, имеющими разные общественные и культурные ценности. Новые поколения должны быть готовы к диалогу – это условие выживания человечества и его развития. ... Готовность к продуктивному диалогу всех этнических общностей цивилизации и стран планеты не является реальностью. Мир сотрясают этнические и межгосударственные конфликты, которые ухудшают экологическую, демографическую, экономическую ситуации и нагнетают социально-культурную напряженность» [1, с. 30–35].

В этой связи важным является задача формирования у подрастающего поколения глобальных компетенций. Под глобальными компетенциями понимаются не конкретные навыки, а сочетание знаний, умений, взглядов, отношений и ценностей, успешно применяемых при личном или виртуальном взаимодействии с людьми, которые принадлежат к другой

культурной среде и при участии отдельных лиц в решении глобальных проблем (т. е. в ситуациях, требующих от человека понимания проблем, которые не имеют национальных границ и оказывают влияние на жизнь нынешнего и будущих поколений) [2, с. 3]. Действенным средством формирования глобальных компетенций является поликультурное образование.

Особенности реализации поликультурного воспитания и обучения в каждой конкретной стране зависят от целого ряда факторов, непосредственно влияющих на теоретические подходы и практическую деятельность. Проведенное исследование генезиса поликультурного образования в отечественной педагогической традиции позволяет выделить следующие группы факторов, обусловивших теоретико-методические основы и содержательное наполнение его осуществления, а именно:

- 1) исторические факторы (процессы развития белорусской государственности);
- 2) теоретико-мировоззренческие факторы (утверждение христианской картины мира и византийской учительской доктрины; распространение католичества, протестантизма и униатства; возникновение культурного дискурса, аксиологически связанного с идеологией Ренессанса и Просвещения);
- 3) факторы социального сеттинга (демографические, социолингвистические, социально-экономические, технологические и собственно педагогические).

Вектор влияния группы *исторических факторов* проявляется в создании собственно системы просвещения (с приходом христианства), а также в определении социально востребованных целей функционирования образования, в той или иной степени имеющего поликультурный характер. (Отметим, что сам термин «поликультурное образование» стал широко употребляться только во второй половине XX в., поэтому при его использовании в описании тенденций образовательного процесса в более ранние исторические периоды мы имеем в виду сущностное наполнение данной дефиниции в современном значении).

Появление первых государственных образований на белорусских землях (Полоцкое и Туровское княжества) сопровождалось становлением соответствующей социальной структуры общества и распространением монотеистической религии – христианства. Крещение Руси открыло новую эпоху в цивилизационном развитии восточнославянских земель: при монастырях создавались школы, появилась собственно славянская письменность, для образованных людей стали доступны произведения античных философов в интерпретации византийских мыслителей. Кроме того, геополитическое положение белорусских земель на пограничье Запада и Востока, динамичная внешняя политика первых княжеств-государств объективно диктовали необходимость такого образования правящей элиты, которое бы давало ей возможность на равных выстраивать дипломатические, экономические и культурные связи с другими государствами. Это в свою очередь и обусловило придание содержанию образования значимый поликультурный контекст.

Процессы культурного взаимодействия и взаимовлияния в отечественной педагогической традиции еще более усилились в период нахождения белорусских земель в составе Великого княжества Литовского, Русского и Жамойтского. Исторически сложилось так, что в крупнейшем федеративном государстве Средневековья объединились земли, на которых проживали представители разных этносов: литовцы, белорусы, поляки, русские, украинцы, цыгане, евреи, татары и др.

В XVI – первой половине XVII вв. в экономической, социально-политической и культурной жизни Беларуси произошли большие изменения, они были связаны с развитием городов, внутренней и внешней торговли. Укрепляются не только экономические, но и культурные связи белорусских земель с Московским государством и странами Западной и Центральной Европы. Данное обстоятельство существенно повлияло на содержание образования в действовавших школах, востребованной стала подготовка людей, владеющих несколькими языками и, самое главное, - умеющих вести диалог, налаживать коммуникацию с представителями других культур. Особо в этом плане, на наш взгляд, примечательны протестантские школы и типографии, где широкое распространение получили старобелорусский, польский и латинский языки.

Социальной основой Реформации в Беларуси являлась шляхта. Именно из шляхетской среды вышли высокообразованные мыслители, книгоиздатели, учителя, большинство из которых получили образование в западноевропейских университетах, что объективно содействовало усилению поликультурной и светской направленности образования на Беларуси в данный период.

Вхождение белорусских земель в состав Речи Посполитой повлекло за собой усиление окатоличивания и полонизации во всех сферах жизни общества. С наступлением Контрреформации преимущество в развитии школьного дела на Беларуси получили иезуиты. Педагогическая система Общества Иисуса ставила своей целью воспитать у учеников абсолютную преданность и покорность католической церкви. Под влиянием иезуитов были закрыты многие кальвинистские, арианские и православные школы. Сопrotивление тотальному окатоличиванию и полонизации оказывали православные братства. Культурно-просветительская деятельность братств выражалась в организации типографий, школ, издании учебников на церковнославянском и старославянском языках, а также в создании полемической литературы. Определенное влияние на развитие поликультурного образования на белорусских землях оказала деятельность Эдукационной комиссии, созданной сеймом Речи Посполитой в 1773 г. В результате проведенных реформ образование приобрело практически светский характер, в содержании школьного обучения расширился спектр гуманитарных дисциплин, предполагающих изучение различных языков, культуры и истории других стран.

Разделы Речи Посполитой и последовавшее за ними присоединение белорусских земель к Российской империи открыло новый этап в развитии педагогической мысли и практики на Беларуси. Нашли отражение особо выстроенные отношения этнокультурного и общероссийского компонентов в педагогической геополитике, которые повлияли на основные тенденции развития образования в крае. На территории Беларуси стали открываться учебные заведения различных видов и типов, в том числе по этнодифференцирующему признаку, что было продиктовано многонациональным составом населения. Во многих из них предполагалось изучение достаточно широкого круга учебных дисциплин, включающих иностранные языки, географию, мировую историю. Доступность образовательных учреждений для различных слоев населения, отсутствие этнических и конфессиональных ограничений для поступления – всё это являлось новой чертой в развитии образования на Беларуси.

Кроме того, в течение первой трети XIX в. на белорусских землях продолжали функционировать учебные заведения, где основным языком преподавания являлся польский (униатские школы, иезуитские коллегии и академии до 1820 г.). Такое положение дел фактически сохранялось до польского восстания 1830–1831 гг., после которого начались процессы замещения польского языка на русский в делопроизводстве, судопроизводстве, образовании и культуре.

В XIX в. появляются фундаментальные исследования по истории, этнографии, фольклору и языку белорусского народа, что способствует процессу преобразования белорусской народности в нацию, который завершился в начале XX в. В этот период происходит становление современного белорусского литературного языка и белорусской литературы. Особенности образовательной политики этого периода являются обязательное введение русского языка в учреждения, как языка государственного управления, науки, культуры и межнационального общения.

Принципиально новые подходы к развитию системы образования появляются в советский период развития белорусской государственности. Согласно первым декретам советского правительства по развитию просвещения, полностью изменилась система школ, просвещение отделялось от церкви, отменялись сословные, религиозные, национальные и другие ограничения в получении образования, всем народам бывшей Российской империи предоставлялось право на создание национальной школы с преподаванием на родном языке и др. Активное развитие белорусской культуры и национальной системы образования связано с проведением политики белорусизации (вторая половина 1920-х – начало 1930-х гг.), когда были созданы основы системы высшего и среднего образования в БССР, национальный театр и кинематограф.

Ключевой парадигмой советской системы образования выступало формирование нового типа личности – советского человека. Идеологема пролетарского интернационализма обусловила избирательное, на основе классового подхода, усвоение достижений других культур и определялась исключительно в контексте теории строительства коммунизма.

Влияние *теоретико-мировоззренческих факторов* генезиса поликультурного образования направлено, прежде всего, на понимание сущности смыслового ядра поликультурной личности (образ мира, ценностные ориентиры миропознания и мировосприятия и др.). В этой

связи ключевым мировоззренческим фактором становления поликультурного образования в отечественной педагогической традиции является утверждение христианской картины мира. Христианство позволило отдельному человеку и обществу увидеть перспективу социально-культурного развития, духовного роста, нравственного совершенствования. Крещение содействовало обогащению культуры Древней Руси византийской философией, староболгарской книжностью, античным наследием в интерпретации византийских философов V–X вв. На столетия вперед ведущей парадигмой образования становится идеи Иоанна Златоуста о единстве обучения и воспитания, о «любомудрии», которое есть размышление о духовных предметах, слушании и изучении слова Божия, устремленности к добрым делам [3]. Нравственный смысл постижения окружающего мира, овладения не только церковным, но и светским знанием отмечали Иоанн Дамаскин, Георгий Амартол. Большое значение для развития педагогики в целом и идей поликультурного образования, в частности, имеет вывод Иоанна Дамаскина о том, что человек, сотворенный Богом, это «некий второй мир: малый – в великом». Человек – середина между духовным и вещественным, «он связует собой зримое и незримое, чувственное и умопостигаемое творение» [4, с. 212].

Появление и утверждение на белорусских землях католичества, а затем протестантизма и униатства привело к доминированию концепта индивидуализма, индивидуальной свободы и ответственности в выстраивании личностной картины мира, определения характера взаимодействия человека с социумом и природой с позиций зарождающегося культурного плюрализма. В XV–XVI вв. на Беларуси окончательно утверждается религиозная и культурная толерантность, что создает предпосылки для формирования поликультурности и развития поликультурного образования. Распространение идеологии гуманизма и связанных с ней этических, философских учений Ф. Скорины, С. Будного, М. Литвина, А. Волана и др. постепенно подводит к восприятию человека как центра мира, признания за ним права на свободу и раскрытие своего внутреннего потенциала. Это априори утверждает педагогическую целесообразность антропоцентристской направленности культуры, восприятие личности как субъекта диалога культур, проектирования мировосприятия человека с позиций приобщения к культурному многообразию современной ему эпохи с одновременным осознанием и сохранением своей национальной самобытности. Именно Ф. Скорина стал одним из создателей и выразителей новоевропейской концепции духовной свободы [5, с. 238].

Данная тенденция усиливается с наступлением эпохи Просвещения, в идеологии которой разум, просвещенность провозглашаются основой не только личностного бытия человека, но и социального, политического устройства. В культурном дискурсе Беларуси XVIII в., по мнению С.А. Подокшина, наблюдается эклектика, т. е. «компромисс традиционного религиозно-философского мировоззрения с передовыми научно-философскими достижениями» [6, с. 236]. Примечательно, что в области методологии выдвигается требование философской свободы. Следовательно, постепенно утверждается интеллектуальный плюрализм, ставший импульсом для синтеза различных философских теорий, объединенных общей идеей – противостояние средневековой схоластики и догматизму. Идея культурно-философского синтеза переросла в концепцию «множественности истин» [6, с. 237]. Происходит своего рода синергия христианских, гуманистических, пантеистических и деических учений, главным итогом которой стало последующее утверждение в отечественной педагогической мысли духовной свободы человека. А это, в свою очередь, в дальнейшем содействует разработке научно-методических основ формирования поликультурной личности.

Третья группа факторов – *факторы социального сеттинга* (т. е. непосредственно влияющие в конкретных временных условиях). Первым и важным фактором этой группы является *демографический*. В Республике Беларусь проживают представители более 130 народов и народностей. По данным переписи населения 2019 г. белорусы составляли 84,9 % (7 990 719 чел.) от общего количества населения (9 413 446 чел.), русские – 7,5 % (706 992 чел.), поляки – 3,1 % (287 693 чел.), украинцы – 1,7 % (159 656 чел.), евреи – 0,15 % (13 705 чел.). Такие народы, как армяне (9 392 чел.), татары (8 445 чел.), цыгане (6 848 чел.), азербайджанцы (6 001 чел.), литовцы (5 287 чел.), туркмены (5 231 чел.), составляли лишь около 0,1 % от общего населения республи-

ки. Немцы (3 058 чел.), грузины (2 730 чел.), молдаване (2 407 чел.), китайцы (1 788 чел.), латыши (1 534 чел.), узбеки (1 441 чел.), казахи (1 068 чел.), арабы (1 037 чел.), таджики (1 013 чел.) представлены в незначительной степени от общей численности населения [7, с. 31]. Однако сопоставительный анализ национального состава населения Беларуси по результатам переписей прошлых лет показывает усиление тенденции к моноэтничности.

Влияние демографического фактора следует также рассматривать и в связи с *интенсификацией миграционных процессов*. Их активизация обусловлена экономическими, политическими и социально-культурными причинами. Расширение миграционных процессов в мире актуализирует поиски путей эффективной социализации мигрантов в социокультурное пространство, что осуществимо только через образовательные системы. Однако, проблемы связанные с мигрантами (в том числе нелегальными) и беженцами, которые часто представляют угрозу безопасности и стабильности общества, требуют от поликультурного образования новых решений и комплексного подхода, связанных с защитой интересов титульных наций.

В Республике Беларусь миграционные процессы осуществляются не столь интенсивно. Так, сальдо миграции (разность числа лиц, прибывших на какую-либо территорию, и числа лиц, выбывших оттуда за один и тот же промежуток времени) в 2017 г. был только 3 874 человека. В 2019 г. данный показатель вырос до 13870 человек [8], однако остается невысоким по сравнению с другими странами мира.

Социолингвистический фактор также непосредственно влияет на направленность поликультурного образования. Для нашего исследования представляют особый интерес статистические данные переписи населения по следующим позициям: численность населения отдельных национальностей в Республике Беларусь по языку, на котором обычно разговаривают дома; распределение населения по использованию белорусского и русского языков.

Так, из общей численности населения в качестве языка, на котором обычно разговаривают дома, указали язык своей национальности 31,7 %. Из белорусов только 28,5 % отметили, что говорят дома на белорусском языке. На польском языке говорят дома только 1,2 %. Используют украинский только 4 %. На еврейском говорят дома только 0,2 % евреев, проживающих в республике.

Основным языком общения в семье, по данным переписи населения, является русский – 64,1 % от общей численности населения указали русский в качестве языка, на котором обычно говорят дома. Этот показатель выше по сравнению с переписью населения 1999 г. (51,9 %) и 2009 г. (62,2 %). При этом по результатам переписи населения 2019 г. в качестве родного указали язык своей национальности 60,3 % респондентов. Русский язык считают родным 35,1 % от общего количества населения. Среди белорусов в качестве родного языка указали белорусский 61,2 %.

Приведенные показатели существенно изменились в сравнении с результатами предыдущих переписей населения. Так, в 1999 г. 81,9 % населения отметили в качестве родного язык своей национальности. Среди белорусов этот показатель составлял 85,6 %. Русский язык указали в качестве родного только 13,8 %. В 2009 г. 59,9 % от общего количества населения отметили в качестве родного язык своей национальности, а 33,6 % отметили в качестве родного русский. Среди белорусов только 60,8 % указали в качестве родного белорусский язык [7, с. 40]. Таким образом, мы видим тенденцию уменьшения значимости национального языка для идентификации личности и постепенное увеличение роли и значения русского языка.

К *социально-экономическим факторам* развития теории и практики поликультурного образования следует отнести нарастающую глобализацию, вызванную необходимостью международной интеграции вследствие экономической взаимозависимости современного мира. По мнению доктора наук, оригинального мыслителя современности Юваля Ной Харари, «глобализация оказывает беспрецедентное давление на наше поведение и наши нравственные принципы. Мы опутаны вездесущей паутиной, которая, с одной стороны, ограничивает нашу подвижность, а с другой – передает наши малейшие вибрации на огромное расстояние» [9, с. 12].

Технологические факторы актуализируют задачу формирования поликультурного социального пространства, в том числе и в моноэтнических обществах. Это обусловлено широким спектром воздействия информационно-коммуникативных технологий на общество,

имеющим как положительное, так отрицательное значение. С одной стороны, информационно-коммуникативные технологии стирают границы, предоставляя возможность каждому человеку и отдельной общности включиться в цивилизационное поликультурное пространство, использовать достижения различных культур и др. С другой стороны, они несут определенную опасность, создавая препятствия в формировании социальной идентичности, сохранении традиционных национально-культурных ценностей и др.

В мире культурной гетеротопии постоянно происходит диффузия культур, т. е. осуществляется взаимопроникновение разнообразных форм как материальной, так и духовной культуры. Расширяя диапазон идентификаций, мы формируем человека более адаптированного к социуму, способного эффективно взаимодействовать с представителями других национальностей, проявлять толерантность и др. Именно поликультурное образование имеет потенциал регулирования процесса становления идентичности развивающейся личности, мягко балансируя между потребностью укоренения традиционной этнической и формированием транскультурной идентичности, позволяющей выйти за пределы «своей» культуры, создать что-то принципиально новое, синтезируя достижения различных культур, успешнее конкурировать. Поликультурное образование, ориентирующее на культурное многообразие мира, усиливает значимость национальной идентификации, формирования национального самосознания и патриотизма в аспекте общегосударственного подхода и защиты от разрушительного влияния глобализации.

Собственно педагогические факторы, влияющие на реализацию поликультурного образования в каждой конкретной стране, основаны на образовательных традициях и современных приоритетах, отражающихся в образовательной государственной политике.

Беларусь имеет богатый исторический педагогический опыт деятельности образовательных систем в условиях этнического, лингвистического, культурного и религиозного многообразия. Отметим также, что, по нашему мнению, именно образовательная практика в немалой степени способствовала формированию толерантности как своеобразной ментальной характеристики белорусов.

Деятельность всей современной системы образования регулируется Кодексом Республики Беларусь об образовании. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 14.01.2022 № 154-З в стране с 01.09.2022 (за исключением отдельных положений) будет действовать новый «Кодекс Республики Беларусь об образовании» в котором нашли отражение основные концептуальные положения поликультурной направленности образования. Так, в Кодексе неоднократно подчеркивается важность приобщения подрастающего поколения к культурным традициям и ценностям белорусского народа, а также необходимость усвоения достижений мировой культуры (гл. 3, ст. 17; гл. 9, ст. 81). Приобщение к общечеловеческим и национальным ценностям предусмотрено как в процессе обучения, так и в процессе воспитания. В Кодексе выделяется в качестве одного из составляющих компонентов процесса воспитания «поликультурное воспитание», которое направлено на формирование у обучающихся толерантного отношения к представителям других культур, национальностей, вероисповеданий (гл. 3, ст. 17, п. 5.13) [10].

В Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи, утвержденной Постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 15 июля 2015 № 82, поликультурное воспитание рассматривается как обязательное направление воспитательной работы. Пятая глава документа, посвященная поликультурному воспитанию, определяет содержание, условия и специфику его осуществления в зависимости от возрастных и индивидуальных особенностей. Особое внимание уделяется формированию у обучающихся «умения жить в поликультурном мире, противостоять политическому и религиозному экстремизму» [11].

Таким образом, специфику реализации поликультурного воспитания и обучения в каждой конкретной стране определяет совокупность трех групп факторов: исторических, теоретико-мировоззренческих и факторов социального сеттинга. Данные факторы оказывают влияние на определение сущности поликультурного образования в Республике Беларусь, понимаемого нами как образование, в котором представлены две или более культур, отличающиеся по языковому, этническому и национальному признаку, направленное на приобщение подрастающего поколения к этнической, национальной и мировой культурам, развитие на

этой базе основ общепланетарного мировоззрения, усвоение культурно-исторического и социального опыта различных стран и народов, формирование готовности и умения жить в глобализационном мире с сохранением и укреплением национальной идентичности. В структуру поликультурного образования мы включили: полилингвальное обучение (обучение этническому, национальному и иностранному языкам, культуре межнационального общения и др.) и поликультурное воспитание (воспитание уважения к различным национальностям и культурам, формирование умений жить в поликультурном мире, в условиях этнического, лингвистического, культурного, конфессионального и социального многообразия), включающее формирование национального самосознания (усвоение ценностей этноса и общенациональных (государственных) ценностей для обеспечения консолидации и гуманитарной безопасности общества). Выдвинутое и обоснованное значение поликультурного образования, ориентирующее на культурное многообразие мира, усиливает значимость национальной идентификации, формирования национального самосознания и патриотизма в аспекте общегосударственного подхода и защиты от разрушительного влияния глобализации.

Литература

1. Даутова, Г. Ж. Развитие поликультурного образования в Поволжье : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Г. Ж. Даутова. – Казань, 2004. – 435 с.
2. Функциональная грамотность : глобальные компетенции : отчет по результатам Междунар. исслед. PISA-2018. – М., 2020. – 54 с.
3. Иоанн Златоуст. Иже во святых отца нашего Иоанна архиепископа Константина града Златоустого избранные творения : беседы на Евангелие от Иоанна Богослова / Иоанн Златоуст. – М. : Изд. отд. Моск. Патриархата, 1993. – Кн. 1. – 463, [17] с.
4. Лейн, Т. Христианские мыслители / Т. Лейн. – СПб. : Мирт, 1997. – 349 с.
5. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі / рэдкал. : С. А. Умрэйка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Нар. асвета, 1968. – 621 с.
6. Падокшын, С. А. Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры / С. А. Падокшын. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – 316 с.
7. Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь [Электронный ресурс] : стат. бюл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа : <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/471/471b4693ab545e3c-40d206338ff4ec9e.pdf>. – Дата доступа : 30.11.2021.
8. Общие итоги миграции населения [Электронный ресурс] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа : <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/migratsiya/>. – Дата доступа : 12.05.2022.
9. Харари, Ю. Н. 21 урок для XXI века / Ю. Н. Харари ; пер. с англ. Ю. Гольдберга. – М. : Синдбал, 2021. – 416 с.
10. Об изменении Кодекса Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14.01.2022 г., № 154-З. – Режим доступа : <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/177587/#M100011>. – Дата доступа : 12.05.2022.
11. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи : утв. постановлением М-ва образования Респ. Беларусь, 15.07.2015, № 82 // 36. нармат. дак. М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь. – 2015. – № 19 (кастр.). – С. 3–41.

УДК 37.07.336.2-057.86:351/.354

Профессиональная компетенция руководителя в системе государственного управления

Т.В. Починок

В статье рассматривается профессиональная компетенция руководителя в системе государственного управления. Автор описывает современного руководителя как управленца в управляемой сфере, как личность и как профессионала. Указано содержание лидерских характеристик управленца и обосновано их влияние на эффективность работы организации. Отмечена важность для руководителя обладать формальным и неформальным авторитетом, как интегрирующей характеристики профессиональных, личных и деловых качеств, отражающих оценку руководителя и его деятельности подчиненными. Приведены результаты анкетирования руководителей и специалистов ОАО «Гомельмаш» и ОАО «Милкавита» на тему «Формирование положительного имиджа руководителя в системе государственного управления» и определены факторы по укреплению роли руководителя, и выработаны предложения по формированию имиджа руководителя для обеспечения эффективности государственного управления.

Ключевые слова: руководитель, профессиональная компетенция, государственное управление, авторитет, лидерство, имидж.

The article deals with the professional competence of a manager in the system of public administration. The author describes a modern leader as a manager in a managed area, as a person and as a professional. The content of the leadership characteristics of a manager is indicated and their influence on the efficiency of the organization is substantiated. The importance for the manager to have a formal and informal authority is noted, as an integrating characteristic of professional, personal and business qualities, reflecting the assessment of the manager and his activities by subordinates. The results of the survey of the managers and specialists of JSC «Gomselmash» and JSC «Milkavita» on the topic «Formation of a positive image of the manager in the system of public administration» are given, the factors to strengthen the role of the manager are identified, and proposals to form the image of the manager to ensure the effectiveness of public administration are made.

Keywords: manager, professional competence, public administration, authority, leadership, image.

В современном обществе управление выступает как необходимый элемент жизнедеятельности. Управление относится к наиболее важным и ответственным сферам интеллектуальной и практической деятельности. Управленческий труд требует высокой профессиональной компетенции, наличия определенных деловых и личных качеств, позволяющих максимально эффективно и результативно реализовывать цели организации.

Эффективность государственного управления, результативность реализации государственной политики зависит от профессионализма, высокого уровня управленческой компетенции, определенных деловых и личных качеств руководителей, которые оказывают непосредственное целенаправленное влияние на вектор движения общественных процессов.

Руководитель, обладающий высоким уровнем профессиональной квалификации, лидерским потенциалом, мощными деловыми и личными качествами, способен генерировать и принимать эффективные управленческие решения, придавать импульс динамическому развитию организации и выводить ее на качественно новый уровень развития.

Главной целью руководителя является направление усилий коллектива на достижение общих целей при любых условиях. Именно руководитель формирует коллектив, ставит задачи и рекомендует варианты их решения, консультирует, выделяет под каждую задачу необходимые материально-финансовые и трудовые ресурсы. Руководитель государственного органа решает задачу интеграции усилий других, вносит согласованность в их действия с тем, чтобы каждый исполнитель максимально проявил свои возможности в совместной деятельности коллектива. Поэтому при оценке качеств руководителя определяющее значение имеет его умение осуществлять организационную (управляющую) деятельность коллектива. Следовательно, оценивать труд руководителя необходимо на основании результатов работы его лично и его коллектива.

Современного руководителя можно рассматривать через призму трех составляющих [1, с. 35]:

1. Руководитель как управленец. К этой составляющей относятся управленческие навыки руководителя. Четкость и оперативность в принятии решений, расстановка и выбор приоритетов в работе, грамотная постановка задач сотрудникам и делегирование им полномочий, навыки организации и мотивации подчиненных и др. Следует отметить особую роль проактивности: грамотный руководитель не ждет возникновения нежелательной ситуации, а просчитывая возможное развитие событий, он принимает соответствующее управленческое решение и направляет свои усилия на минимизацию негативных последствий и максимальное использование благоприятных возможностей.

2. Руководитель как личность. Предполагает наличие у руководителя определенных качеств. К ним обычно относятся требовательность руководителя к себе и к подчиненным, целеустремленность и активность, сочетание реалистичности и оптимистичности, коммуникабельность, интеллектуальная и поведенческая гибкость, чувство юмора, стрессоустойчивость.

3. Руководитель как профессионал в той сфере деятельности, которой занимается организация.

В последнее время в зарубежных и отечественных психологических и социологических работах, посвященных вопросам управления, все больше внимания уделяется влиянию личности руководителя на успешность деятельности объекта им возглавляемого. Под личностью руководителя можно понимать динамическую систему качеств и свойств, которые проявляются относительно постоянно как действия в различных ситуациях. Личные характеристики руководителя (интеллектуальные, психические и физические) влияют на результативность деятельности и обеспечивают ее эффективность [2, с. 104]. Рассматривая личность руководителя, речь идет о масштабе личности, способной эффективно реализовывать государственную политику и принимать значимые управленческие решения. В менеджменте широкую известность получил так называемый Принцип Питера (2002, Лоуренс Питер, канадский профессор), который заключается в том, что в иерархии каждый индивидум имеет тенденцию подниматься до своего уровня некомпетентности [3, с. 38].

Основными показателями масштаба личности руководителя являются цели, которые он ставит перед собой и результаты, которых он достигает. Цель, даже самая масштабная и амбициозная, рассматривается отдельно от результата и является недостаточной для анализа. Важны действия, которые совершает руководитель, его уровень активности и особенности реакции на возникновение различных ситуаций в процессе достижения цели.

Эффективное управление неразрывно связано с проявлением лидерского потенциала руководителя. Лидерство является важным аспектом управления. Способность быть лидером является одним из ключевых условий стать эффективным руководителем. Эффективный руководитель должен использовать все возможности для объединения своих подчиненных и мотивирования их на достижение четко сформулированной цели.

Сущность лидерства заключается в наличии последователей, которые готовы следовать за лидером, в создании других лидеров из последователей и реализации их лидерского потенциала в трудовые достижения команды [4, с. 252–253]. Уверенные лидеры-руководители развивают лидерский потенциал у своих сотрудников, воздействуя личным примером. Лидерство – это мощный управленческий статус, который позволяет оказывать руководящее влияние и принимать решения, которым подчиняется большинство. Руководитель – лидер должен уметь выступать в роли знаменосца и вдохновителя, имеющего собственное видение реальности и тенденций его развития, выдвинуть концепцию, идею, способную привлечь сторонников, и своим влиянием направить их за собой.

Понятие руководителя – лидера неразрывно связано с понятием «авторитет». Авторитет – это особенный социальный статус человека вообще и руководителя в частности, основанный на уважении его личности, уважения его суждений и действий, следования его поведению и решениям. Это интегрирующая характеристика его профессиональных, личных и деловых качеств, отражающая их оценку большинством окружающих (прежде всего подчиненными). Главное условие авторитета руководителя – соответствие этих качеств требованиям, предъявляемым к нему характером профессиональной деятельности и занимаемой должностью [5, с. 47–48].

Различают формальный (должностной авторитет, авторитет власти) и неформальный авторитет (авторитет лидера коллектива).

Формальный авторитет руководителя определяется как сумма его прав и власти, принадлежащих конкретной должности. Такой авторитет является необходимым условием налаживания и осуществления организационных отношений в системе управления. Как правило, должностной авторитет очерчен достаточно четко.

Неформальный авторитет руководителя – это отражение его реального влияния на положение дел в органе, уважения окружающих. Утрата руководителем неформального авторитета – один из источников дестабилизации коллектива, снижения эффективности его деятельности.

Как ни велико значение интеллектуальной и профессиональной составляющей авторитета руководителя – лидера, но очень важной составляющей является и духовно-нравственная. Справедливость, честность, искренность, человеческое достоинство, служение, непрерывный рост и постоянное развитие – это незыблемые атрибуты руководителя в системе государственного управления. Духовно-нравственная составляющая имиджа современного руководителя в системе государственного управления наравне с высокой профессиональной компетенцией является необходимым компонентом его высокого авторитета и влияния.

Таким образом, мощный личностный стержень, высокий уровень энергетики, здоровая амбициозность, готовность к риску, нацеленность на результат, поведенческая гибкость – это одни из ключевых черт, которые должны быть присущи современному руководителю. Целенаправленная, скурпулезная, грамотно организованная и последовательно реализуемая работа руководителя по своему личностно-профессиональному росту приведет к развитию масштаба его личности, что позволит ему перейти на качественно новый организационно-управленческий уровень, принимать эффективные решения и успешно решать новые масштабные задачи.

Имидж руководителя является основным элементом имиджа организации, которой он руководит. Имидж руководителя представляет собой совокупность определенных качественных внутренних характеристик (характер, мировоззрение, уровень интеллекта, образование и т. д.) и внешних характеристик (манера одеваться, умение преподнести себя, знание протокола, владение тайм-менеджментом и т. .), посредством которых формируется устойчивое восприятие его личности окружающими его людьми (сотрудниками организации).

Одной из распространённых классификаций имиджа руководителя является деление имиджа на персональный (личный) и профессиональный (деловой). Персональный имидж – это устойчивое оценочное представление о руководителе, как о личности. Под профессиональным имиджем понимается способность руководителя компетентно и качественно выполнять организаторские задачи, которые в ответственности лидера [6]. Личный и профессиональный имиджи руководителя должны находиться в гармоничном и равнозначном сочетании.

Для определения факторов по укреплению роли руководителя и выработке предложений по формированию имиджа руководителя для обеспечения эффективности государственного управления было проведено анкетирование руководителей и специалистов предприятий ОАО «Гомсельмаш» и ОАО «Милкавита» в общем количестве 73 человека. Для проведения социологического опроса была разработана анкета на тему «Формирование положительного имиджа руководителя в системе государственного управления». В анкету были включены следующие вопросы:

1. Принято считать, что современный руководитель рассматривается через призму трех составляющих: руководитель-управленец; руководитель как личность; руководитель как профессионал (в управляемой сфере). Расположите данные параметры в порядке значимости, обозначая очередность порядковым номером:

- руководитель как управленец;
- руководитель как личность;
- руководитель как профессионал (в управляемой сфере);
- все три составляющие равнозначно важны.

2. Укажите 5 важных личных качества руководителя, которые, на Ваш взгляд, охарактеризуют «масштаб» личности руководителя.

3. Кому Вы отдадите предпочтение при назначении на руководящую должность:

а) руководителю с высоким уровнем управленческой компетенции, но менее значимыми личными качествами;

б) руководителю со значимыми личными качествами, но меньшим уровнем управленческой компетенции.

4. Укажите 5 характеристик, которые, по Вашему мнению, в большей мере определяют руководителя как лидера: 1) принципиальность; 2) организаторские способности; 3) жизнестойкость; 4) профессиональная интуиция; 5) потребность в постоянном обучении; 6) способность мотивировать, вдохновлять и быть примером; 7) установление сотрудничества для реализации единой цели; 8) физическая и эмоциональная выносливость; 9) проактивная позиция и энергичность; 11) твердая профессиональная воля; 12) высокие моральные ценности и нравственные качества; 13) новаторство; 14) высокая работоспособность; 15) (указать дополнительно).

5. Авторитет руководителя – лидера включает профессиональную и духовно-нравственную составляющую. Дополните качества, которые на Ваш взгляд, характеризуют духовно-нравственную составляющую авторитета руководителя: 1) честность; 2) справедливость; 3) чувство долга и высокой ответственности за дело; 3) высокое уважение к людям; 4) (указать дополнительно); 5) (указать дополнительно).

6. Считаете ли Вы, что неформальный авторитет руководителя (авторитет лидера коллектива) так же важен для эффективности управления, как и формальный авторитет (должностной авторитет, авторитет власти)?

а) да, равнозначно важны;

б) да, но более важное значение имеет формальный авторитет;

в) формальный авторитет имеет первостепенное значение.

7. Из приведенных личностно-деловых качеств модели компетенций руководителя выделите пять наиболее важных для эффективного управления: а) решительность; б) ориентация на реализацию общих целей организации; в) дипломатичность; г) целеустремленность; д) склонность к продуманному риску; е) стрессоустойчивость; ж) адаптивность к изменяющимся условиям и управление изменениями; з) самокритичность; и) уверенность в себе; к) умение получать, анализировать и использовать информацию; л) высокий уровень культуры речи и общения; м) результативность; н) харизматичность; о) четкое планирование; п) (указать дополнительно).

8. Выразите свое мнение к тому, что руководители с высокими показателями эмоционального интеллекта (эмоциональный интеллект – это гибкий навык, который реализуется в способности распознавать эмоции, понимать намерения, мотивацию и желания других людей и свои собственные, а также способность управлять своими эмоциями и эмоциями других людей в целях решения практических задач) являются более успешными в построении межличностных отношений, мотивации коллектива, к использованию творческого подхода и в адаптации к изменениям:

а) согласен;

б) не согласен;

в) затрудняюсь ответить.

9. Какие качества Вы хотели бы развить в себе, чтобы стать успешным руководителем? (необходимо указать три качества).

10. Считаете ли Вы, что СМИ в различных формах и форматах (тематические передачи, информационные встречи, интервью, дискуссионные площадки, переговоры и др.) в достаточной мере освещают специфику деятельности руководителей?

а) да, в полной мере;

б) да, но не в полной мере;

в) эта тема рассматривается в недостаточной мере.

11. Выделите и дополните мероприятия, которые, на Ваш взгляд, повысили бы эффективность работы с перспективным кадровым резервом в организации, в которой Вы работаете?

1) обучение, повышение квалификации и качественная подготовка;

2) механизмы аттестации и подведения итогов работы;

3) функционирование системы наставничества;

4) (указать дополнительно);

5) (указать дополнительно).

12. Выделите характеристики, определяющие престиж и позитивный имидж государственной службы на современном этапе: 1) служение, социальная значимость и общественная

польза; 2) доверие, социальное признание и востребованность результатов труда; 3) высокая профессиональная компетенция; 4) возможности самореализации и перспективы карьерного роста; 5) высокий уровень ответственности; 6) высокие морально-нравственные нормы и принципы; 7) материальная и социальная защищенность; 8) (указать дополнительно).

В заключении анкеты респондентам необходимо было указать некоторые сведения о себе, сфере своей деятельности, управленческом опыте для руководителей и профессиональном опыте для специалистов.

Опрос производился анонимно. Респондентам необходимо было обозначить номер выбранного ответа или дописать в свободной строке свой вариант. В опросе участвовали 57 % мужчин и 43 % женщин. Из 73 респондентов 81 % являлись руководителями, 19 % – специалистами. Большинство руководителей имело управленческий стаж – 5–10 лет (56 %), от 10–15 лет – 34 %, до 5 лет и более 10–15 лет – 5 %. Представим полученные результаты анкетирования.

При ответе на первый вопрос 47 % респондентов полагают, что более важное значение имеет руководитель с развитой управленческой компетенцией, 40 % – руководитель как профессионал, 7 % – руководитель как личность, 6 % – все составляющие одинаково важны.

При ответе на второй вопрос для характеристики «масштаба» личности руководителя, 49 % считают, что важен перевод управляемой системы на качественно новый уровень, 25 % – принятие эффективных управленческих решений, 26 % – высокая результативность. Также респонденты указывали такие важные параметры как лидерство, умение создавать команду, стратегическое мышление.

На третий вопрос анкеты 76 % анкетированных отдают предпочтение руководителю с высоким уровнем управленческой компетенции, но менее значимыми личными качествами, 24 % полагают, что руководитель должен иметь более значимые личные качества, но меньший уровень управленческой компетенции.

При определении пяти наиболее значимых характеристик руководителя – лидера (вопрос 4) ответы распределились следующим образом: 1) принципиальность и твердая воля – 20 %; 2) организаторские способности – 16 %; 3) способность мотивировать, вдохновлять и быть примером – 12 %; 4) новаторство и профессиональная интуиция – 10 %; 5) высокая работоспособность – 9 %. Затем последовали другие качества: установление сотрудничества для реализации единой цели – 6 %, высокие моральные ценности – 5 %, проактивная позиция и энергичность – 4 %, жизнестойкость – 1 %.

Рассматривая духовно-нравственные качества авторитета руководителя (вопрос 5), все респонденты подтверждают необходимость таких качеств как честность, справедливость, чувство долга и высокой ответственности, высокое уважение к людям, умение вдохновлять и быть примером. Также респонденты обозначили необходимость патриотизма, умения решать проблемные, спорные и конфликтные ситуации.

При ответе на шестой вопрос о степени важности формального и неформального авторитета для руководителя 87 % ответили, что неформальный и формальный авторитеты равнозначно важны, 12 % указали, что более важное значение имеет формальный, должностной авторитет, 1 % считает, что неформальный авторитет не имеет существенное значение.

При выделении наиболее важных личностно-деловых качеств руководителя для эффективного управления (вопрос 7) 19 % выбрали решительность, 17 % – целеустремленность и результативность, 15 % – четкое планирование, 14 % – стрессоустойчивость и 13 % – умение получать, анализировать и использовать информацию, 9 % – адаптивность к изменяющимся условиям и управление изменениями, 5 % – высокий уровень культуры речи и общения, 3 % – харизматичность, 2 % – склонность к продуманному риску, 1 % – ориентация на реализацию общих целей организации.

На восьмой вопрос о значимости гибкого навыка эмоционального интеллекта для руководителя 99,9 % согласились в необходимости владеть данным навыком, только 0,1 % затруднились ответить, ни один респондент не ответил, что данный навык не требуется в управленческой деятельности руководителя.

Вопрос девять был направлен на выделение качеств, которые респонденты хотели бы развить в себе для более успешного руководства. Наиболее частотными ответами были: 1) стрессоустойчивость – 55 %; 2) решительность – 23 %; 3) творческие навыки – 15 %. В других ответах указывались необходимость четкости планирования, умение расставлять приоритеты, дипломатичность и др.

На вопрос десять о степени освещения деятельности руководителей и управляемых организаций в СМИ 45 % ответили, что специфика деятельности руководителей освещена в полной мере, 37 % – в недостаточной мере и 18 % указали, что данная тема представлена в СМИ не в полной мере.

51 % респондентов считают, что обучение, повышение квалификации и качественная подготовка необходимы для повышения эффективности работы с перспективным кадровым резервом (вопрос 11). Высоко оценивается и необходимость использования института наставничества – 37 %, действенность механизмов аттестации и подведения итогов работы оценили 9 % респондентов. Также были предложены такие меры как направления в другие организации для обмена опытом, стажировки и практики, проведение профессионально ориентированных семинаров, оценка качеств и компетенций резервистов, ротация кадров и другие.

Вопрос двенадцать был направлен на определение характеристик, которые определяют престиж и позитивный имидж государственной службы на современном этапе. Соотношение распределилось следующим образом: служение и социальная значимость – 24 %; доверие, социальное признание и востребованность результатов труда – 21 %; высокая профессиональная компетенция – 19 %; возможности самореализации и перспективы карьерного роста – 12 %; материальная и социальная защищенность – 11 %; высокий уровень ответственности – 7 %; высокие морально-нравственные нормы и принципы – 6 %.

Таким образом, результаты социологического опроса в форме анкетирования позволили выделить факторы и компоненты, которые составляют положительный имидж эффективного руководителя.

Итак, высокий уровень профессиональной компетенции, деловые и личные качества, необходимые для реализации управленческих полномочий, высокий уровень интеллекта, духовно-нравственная и высокоморальная составляющая личности управленца, гражданская и гуманистическая мировоззренческая позиция служения народу и своей стране составляют положительный имидж эффективного руководителя в системе государственного управления. Именно такой руководитель способен формировать и проводить конструктивную государственную политику, эффективно руководить своей организацией и способствовать прогрессивному развитию общества.

Литература

1. Повышение эффективности работы государственного аппарата в условиях современных тенденций и вызовов : сб. науч. тр. / редкол.: М. Г. Жилинский [и др.] ; под общ. ред. М. Г. Жилинского. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2017. – 344 с.
2. Бурганова, Л. А. Теория управления : учеб. пособие / Л. А. Бурганова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФА-М, 2013. – 160 с.
3. Трус, А. А. Управленческие решения: психологический аспект : учеб. пособие / А. А. Трус. – Минск : Изд-во Гревцова, 2011. – 144 с.
4. Бабосов, Е. М. Социальный портрет современного руководителя / Е. М. Бабосов, А. А. Трус // Проблемы управления. – 2015. – № 1 (54). – С. 47–53.
5. Русаков, С. А. Основы управленческой деятельности : учеб. пособие / С. А. Русаков. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – 240 с.
6. Ананьева, С. Е. Формирование имиджа руководителя в государственной службе : автореф. дисс. .... канд. политич. наук : 22.00.08 / С. Е. Ананьева ; Российская Академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. – М., 1996. – 25 с.

Особенности функциональной подготовленности спортсменок, занимающихся современным пятиборьем

С.В. СЕВДАЛЕВ, С.В. КОТОВЕНКО, М.М. ВЫРСКИЙ

В статье рассматриваются вопросы функциональной подготовленности высококвалифицированных спортсменок, специализирующихся в современном пятиборье. Полученные в ходе исследования данные показывают достаточно высокий уровень функциональной подготовленности исследуемого контингента. В процессе исследований определены наиболее информативные показатели функциональной подготовленности пятиборцев – скорость на уровне порога анаэробного обмена, максимальная частота сердечных сокращений, максимальная концентрация лактата. Среди них показатель скорости на уровне порога анаэробного обмена определен как наиболее информативный, интегральный, позволяющий контролировать как физическую, так и техническую и функциональную подготовленность. Полученные результаты также могут быть использованы для разработки нормативных уровней оценки функциональной подготовленности высококвалифицированных спортсменок-пятиборцев. Это позволит повысить эффективность контроля и управления тренировочным процессом с учетом их индивидуальных особенностей и текущего уровня функциональной подготовленности спортсменок.

Ключевые слова: современное пятиборье, спортивная подготовка, высококвалифицированные спортсменки, функциональная подготовленность, эргоспирометрические исследования.

The article deals with the issues of functional readiness of highly qualified sportswomen specializing in modern pentathlon. The data obtained in the course of the study show a fairly high level of functional readiness of the studied subjects. In the process of the research, the most informative indicators of the functional readiness of pentathletes were determined – speed at the level of anaerobic metabolism threshold, maximum heart rate, maximum lactate concentration. Among them, the indicator of speed at the level of the anaerobic metabolism threshold is defined as the most informative, integral, allowing you to control both physical and technical and functional fitness. The results obtained can also be used to develop normative levels for assessing the functional fitness of highly qualified pentathlon athletes. This will increase the efficiency of control and management of the training process, taking into account their individual characteristics and the current level of functional fitness of athletes.

Keywords: modern pentathlon, sports training, highly qualified female athletes, functional fitness, ergospirometric studies.

Введение. Поиски современных направлений повышения эффективности тренировочного процесса в течение последних десятилетий остаются достаточно актуальными в сфере спорта высших достижений. Подготовка высококвалифицированных спортсменов представляет собой многогранный процесс интеграции множества компонентов спортивной деятельности.

Отличительной особенностью спортивной деятельности в комплексных видах многоборий является прежде всего ее многоплановость и мультидисциплинарность. Программа соревнований в комплексных многоборьях включает в себя выполнение двигательных действий, различающихся между собой как по характеру локомоций (выполняются циклические, ациклические движения), различной направленности (аэробной, смешанной, анаэробно-аэробной), так и по функциональным механизмам обеспечения двигательной деятельности [1], [2].

Одним из красивейших олимпийских видов спортивных многоборий по праву можно считать современное пятиборье. Белорусские и Российские спортсменки, как правило, входят в число сильнейших многоборцев мира. На чемпионатах мира с 2017 по 2021 золотые награды завоёвывали спортсменки сборных команд России и Беларуси – Г. Губайдуллина, А. Прокопенко, О. Силкина [3], [4].

Проблема эффективного планирования подготовки в современном пятиборье стала более сложной в силу того, что в последнее время неоднократно изменялись правила соревнований. Согласно новому формату (2022 г.) соревнования по современному пятиборью проходят практически без перерыва, виды современного пятиборья следуют один за другим, крупнейшие турниры включают в себя три этапа проведения соревнований (четверть финалы, полуфиналы и финал).

По мнению авторов, при таком формате соревнований спортсменам необходим высокий уровень аэробной производительности, который позволит ускорить восстановительные процессы [5].

В то же время следует также учитывать длительность соревновательного периода и высокую плотность проведения соревнований. Так, соревновательный период пятиборцев начинается с января розыгрышем Кубка страны, затем на протяжении семи месяцев проходят этапы и финал Кубка мира, Чемпионат страны, Чемпионат Европы и заканчивается, как правило, в августе-сентябре Чемпионатом мира (перечислены только наиболее значимые старты).

В свою очередь, авторами при оценке соревновательной деятельности в современном пятиборье указывается на особую важность последнего вида многоборья – комбинированной эстафеты, влияющей на результативность соревновательной деятельности в целом. Утомление, возникающее в ходе соревнований, влияет на скорость развертывания и устойчивость функционального обеспечения работы и, как следствие, на работоспособность спортсменов во время бега и эффективность стрельбы [3], [6], [7], [8].

Все вышеобозначенное в значительной степени увеличивает напряженность соревновательной борьбы и, по мнению ряда авторов [9], [10], [11], высокие результаты в спортивных многоборьях смогут показать только спортсмены с высокой функциональной готовностью важнейших систем организма.

Как отмечает И.Н. Солопов с соавторами, «...высокий уровень функциональной подготовленности является основой не только для роста спортивного мастерства, но также и предпосылкой к высокой специальной физической работоспособности и потенциальной способности организма эффективно приспосабливаться к соревновательным и тренировочным нагрузкам» [12].

При этом известно, что у спортсменов высокой квалификации показатели технико-тактической подготовленности на этапах годичного цикла тренировки более стабильны, чем функциональное состояние физиологических систем, обеспечивающих высокий уровень специальной работоспособности [13].

Таким образом, весьма актуальным в системе спортивной подготовки высококвалифицированных спортсменов является контроль функциональной подготовленности спортсменов, отражающий успешность адаптации организма к предъявляемым тренировочным нагрузкам.

В свою очередь, определение наиболее информативных показателей функциональной подготовленности позволит тренеру без больших временных затрат оценить функциональное состояние организма спортсмена и своевременно вносить коррективы в тренировочный процесс, избежать перетренированности и ускорять восстановительные процессы.

Цель исследования: изучить особенности функциональной подготовленности высококвалифицированных спортсменов, специализирующихся в современном пятиборье.

Методы и организация исследований. Исследования проводились на базе научно-исследовательской лаборатории олимпийских видов спорта Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины.

В исследовании приняли участие 9 высококвалифицированных спортсменов (мастера спорта международного класса), специализирующихся в современном пятиборье.

Для оценки функциональной подготовленности спортсменов нами использовался тест со ступенчато-возрастающей нагрузкой «до отказа». Спортсменки после стандартной разминки выполняли предложенный тест, моделирующий заключительное соревновательное упражнение современного пятиборья (комбинированная эстафета 5 × 600м).

Регистрация параметров газообмена и внешнего дыхания осуществлялась при помощи портативного эргоспирометра «Cortex MetaMax 3B» (Германия). Нами регистрировались следующие показатели: жизненная емкость легких (VC, ml), частота сердечных сокращений в покое (HR, уд/мин), частота сердечных сокращений на уровне порога анаэробного обмена (HR (AT), уд/мин), максимальное потребление кислорода (VO₂ max, ml/kg/min), максимальная частота сердечных сокращений (HR max, beats/min).

Также определялось концентрация лактата (La max, ммоль/л), скорость на ПАНО (V HR, м/сек), жизненный индекс (ЖИ).

Изучение динамики концентрации лактата в крови осуществлялось после пробегания каждого отрезка с помощью портативного прибора Lactate Scout (Германия). Для анализа использовалась капиллярная кровь.

Статистическая обработка полученных данных проводилась с использованием программы Statistica 10.0

Результаты исследования и их обсуждение. Как показал анализ полученных данных, среднее значение жизненной емкости легких (VC) составило у квалифицированных пятиборцев $4107 \pm 245,66$ мл, частота сердечных сокращений в покое (HR) составила $57,71 \pm 3,61$ уд/мин, частота сердечных сокращений на уровне порога анаэробного обмена (HR (AT)) – $179 \pm 4,92$ уд/мин, максимальное потребление кислорода ($VO_2 \max$) – $55,25 \pm 5,27$ мл/мин/кг, а также максимальная частота сердечных сокращений (HR max) – $191,4 \pm 8,55$ уд/мин. Максимальная концентрация лактата ($La \max$) – $9,68 \pm 1,75$ ммоль/л. Также нами определялась средняя скорость на ПАНО ($V \text{ HR (AT)}$), данный показатель составил – $4,45 \pm 0,21$ м/сек.

Наибольшая разница между максимальными и минимальными величинами выявлена в показателях максимальной концентрации лактата ($La \max$) – 76,55 % и максимального потребления кислорода ($VO_2 \max$) – 32,65 %. Затем следуют показатели частоты сердечных сокращений в покое (HR) – 24,49 %, жизненной емкости легких (VC) – 19,72 %, максимальной частоты сердечных сокращений (HR max) – 18,34 %, частоты сердечных сокращений на уровне порога анаэробного обмена (HR (AT)) – 11,18 %, средней скорости на ПАНО ($V \text{ HR (AT)}$) – 11,06 %.

Таблица 1 – Функциональные показатели высококвалифицированных спортсменов, специализирующихся в современном пятиборье

Показатели	$\bar{X}$	σ	V%	Min	Max
VC, ml	4107	245,66	5,98	3600	4310
$VO_2 \max$, ml/kg/min	55,25	5,27	9,54	49	65
$V \text{ HR (AT)}$, м/сек м/с	4,45	0,21	4,72	4,25	4,72
HR (AT), beats/min	179,8	4,92	2,74	170	189
HR, beats/min	57,71	3,61	6,26	49	61
HR max, beats/min	191,4	8,55	4,47	169	200
La , ммоль/л mmol/l	9,68	1,75	18,08	7,08	12,5

Анализируя вариативность (V %) исследуемых показателей, можно выделить показатели максимальной концентрации лактата ($La \max$) – 18,08 % и максимального потребления кислорода ($VO_2 \max$) – 9,54 %, имеющие наибольший значимый коэффициент вариации (посредственная вариативность). В остальных исследуемых показателях определен незначительный разброс значений.

Рассматривая наиболее информативные характеристики нагрузок и работоспособности спортсменов, занимающихся индивидуальными видами спорта, авторы выделяют следующие показатели: скорость передвижения на уровне ПАНО, мощность работы и потребления кислорода на уровне ПАНО.

Особо специалисты выделяют скорость передвижения на уровне ПАНО, определяя ее как зависимость между скоростью, при которой проявляется максимальное устойчивое состояние по лактату (4 ммоль/л.) и уровнем аэробной работоспособности. Чем лучше подготовлен спортсмен, тем выше скорость, которую спортсмен способен поддерживать в течение нескольких десятков минут при максимально устойчивом состоянии по лактату [5].

Для определения наиболее информативных показателей функциональной подготовленности пятиборцев нами исследовалась корреляционная взаимосвязь между результатами в видах современного пятиборья и показателями функциональной подготовленности (таблица 2).

Таблица 2 – Корреляционная связь (ρ) между результатами в комбинированной эстафете и показателями функциональной подготовленности

Показатели	Комбинированная эстафета		
	Общее время	Бег	Стрельба
Максимальное потребление кислорода ($VO_2 \max$, ml/kg/min)	-0,488	-0,388	-0,332
Скорость на ПАНО ($V \text{ HR}$, м/сек)	-0,587	-0,731	0,537
ЧСС на уровне порога анаэробного обмена (HR (AT), уд/мин)	-0,067	-0,198	0,446
Частота сердечных сокращений в покое (HR, уд/мин)	0,353	0,199	0,656
Максимальная частота сердечных сокращений (HR max, beats/min)	-0,515	-0,553	-0,034
Максимальная концентрация лактата ($La \max$, ммоль/л)	0,505	0,634	-0,544

Примечание: жирным шрифтом отмечены коэффициенты, имеющие статистически значимую (при $P < 0,05$) корреляционную связь.

В следствии того, что ряд функциональных показателей, в частности ПАНО, являются специфическим и измерять их следует, используя в преимуществе только соревновательные упражнения, а исследования параметров газообмена и внешнего дыхания осуществлялось в процессе выполнения теста моделирующего комбинированную эстафету (5×600 м), корреляционная связь определялась нами только между результатами в комбинированной эстафете и показателями функциональной подготовленности.

Следует отметить выявленную статистически значимую корреляционную связь ($p < 0,05$) между результатами, показанными спортсменками в видах, входящих в состав комбинированной эстафеты и показателями функциональной подготовленности. Так, выявлена высокая отрицательная корреляционная связь результата в беге (5×600 м) и показателем скорости на ПАНО ($\rho = -0,731$). Данный показатель ($V_{HR(AT)}$) отражает функциональное разворачивание метаболических реакций энергетического обеспечения организма спортсмена с преимущественным образованием быстро выводимых метаболитов, что сохраняет энергетические резервы для анаэробного финишного ускорения, этот факт подтверждается высокой отрицательной корреляционной связью показателя с результатом.

Максимальная частота сердечных сокращений определяет объём циркулирующей крови и мощность ее транспортной функции, особенно на частотах до 175–180 ударов в минуту, которые в нашем исследовании и попадали в границы ПАНО, что объясняет среднюю корреляционную связь с результатом ($\rho = -0,553$).

Показатель МПК весьма вариативен и может значительно меняться от состояния спортсмена и многих субъективных факторов, что выразилось в его умеренной отрицательной связи с результатом ($\rho = -0,388$).

Положительная корреляционная связь (средняя) была выявлена в показателе максимальной концентрации лактата ($\rho = 0,634$). В наших исследованиях положительная корреляционная связь данного показателя с результатом в беге следует трактовать как раннее разворачивание анаэробных механизмов с накоплением одноименных метаболитов, угнетающих нервную систему спортсмена.

Результат, показанный спортсменками в комбинированной эстафете (общее время), также отрицательно коррелирует (средняя корреляция) с показателями скорости на ПАНО ($\rho = -0,587$) и максимальной частоты сердечных сокращений ($\rho = -0,515$), положительно коррелирует с показателем максимальной концентрации лактата ($\rho = 0,505$).

Таким образом, чем выше показатель скорости на ПАНО, тем меньше времени спортсмен затрачивает на пробегание дистанции (отрицательная корреляционная связь). В тоже время, чем выше показатель максимальной концентрации лактата, тем хуже результат в беге.

Результат, показанный в стрельбе, положительно коррелирует (средняя корреляционная связь) с показателем частоты сердечных сокращений в покое ($\rho = 0,656$), отрицательно с показателем максимальной концентрации лактата ($\rho = -0,544$). Полученные данные заслуживают внимания, но, по нашему мнению, требуют уточнения в виде дополнительных исследований.

Заключение. Полученные в ходе исследования данные говорят о достижении достаточно высокого уровня функциональной подготовленности высококвалифицированных пятиборок на этапе подготовки к основным соревнованиям.

Следует обратить внимание на показатель скорости на уровне порога анаэробного обмена ($V_{HR(AT)}$). Данный показатель можно определить как интегральный, изучение его динамики позволит контролировать как физическую, так и техническую, и функциональную подготовленность. Его интегральная сущность позволяет соединить понятные для тренера временной период и результат адаптационных тренировочных сдвигов системных процессов энергообеспечения спортсмена в виде концентрации лактата в капиллярной крови. Также следует отметить относительную простоту выполнения данной тестирующей работы, не требующей использования газоанализатора и максимальных нагрузок на организм спортсмена, что обеспечивает максимально комфортные и физиологичные условия теста, а также его высокую воспроизводимость и низкую чувствительность к отклоняющим факторам экзогенного и эндогенного характера.

Диагностика функциональной подготовленности позволяет оценивать изменения физического состояния спортсменов и в рамках индивидуализации спортивной подготовки позволит своевременно предложить индивидуальные рекомендации по коррекции тренировочных нагрузок.

Литература

1. Чернова, Т. С. Структура функциональной подготовленности спортсменок, специализирующихся в легкоатлетическом многоборье разной спортивной квалификации / Т. С. Чернова // Вестник АГУ. – 2017. – Вып. 3 (206). – С. 42–50.
2. Севдалев, С. В. Индивидуализация в подготовке квалифицированных спортсменок, специализирующихся в комплексных видах многоборий / С. В. Севдалев, М. С. Кожедуб, Е. А. Алейник // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2021. – № 2 (125). – С. 31–37.
3. Нарский, Г. И. Специфика соревновательной деятельности высококвалифицированных спортсменок, специализирующихся в современном пятиборье / Г. И. Нарский, С. В. Севдалев // Прикладная спортивная наука. – 2021. – № 1 (13). – С. 4–11.
4. Силкина, О. В. Особенности индивидуальной соревновательной деятельности высококвалифицированных спортсменок-пятиборок / О. В. Силкина, С. В. Севдалев // Олимпийский спорт, физическая культура, здоровье нации в современных условиях : материалы XVII Международной научно-практической конференции, 14 мая 2020 г., г. Луганск ; редкол.: М. С. Скляр [и др.]. – Луганск : Книга, 2020. – С. 312–318.
5. Маженов, С. Т. Характеристика функциональных показателей лыжников-гонщиков высокой квалификации / С. Т. Маженов, Р. А. Бекембетова, Т. А. Макогонова, М. С. Степанов, Р. Ж. Нарибай // Теория и методика физической культуры. – 2017. – № 1 (47). – С. 20–23.
6. Ефременко, А. В. Повышение работоспособности спортсменов в соревновательных микроциклах в современном пятиборье / А. В. Ефременко // Физическое воспитание студентов. – 2011. – № 2. – С. 40–43.
7. Севдалев, С. В. Моделирование соревновательной деятельности высококвалифицированных спортсменов, специализирующихся в современном пятиборье / С. В. Севдалев // Мир спорта. – 2021. – № 2 (83). – С. 54–59.
8. Севдалев, С. В. Моделирование соревновательной деятельности высококвалифицированных спортсменок (на примере современного пятиборья) / С. В. Севдалев, М. С. Кожедуб, Е. В. Гусинец // Эпоха науки. – 2020. – № 24. – С. 332–341.
9. Брук, Т. М. Корреляционная матрица выявления информативных показателей оценки функционального состояния, анаэробной работоспособности и физической подготовленности высококвалифицированных спортсменов / Т. М. Брук, П. А. Терехов, А. А. Николаев // Вестник Российской военно-медицинской академии. – 2018. – № 2 (62). – С. 154–159.
10. Харитонова, Л. Г. Теоретическое и экспериментальное обоснование типов адаптации в спортивном онтогенезе лыжников-гонщиков / Л. Г. Харитонова, В. И. Михалев, Ю. В. Шкляев // Теория и практика физической культуры. – 2000. – № 10. – С. 24–28.
11. Стрелец, В. Г. Технология управления спортсменами специальными двигательными действиями / В. Г. Стрелец // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2007. – № 18. – С. 76–81.
12. Физиологические основы функциональной подготовки спортсменов : монография / И. Н. Солопов [и др.] ; под общ. ред. И. Н. Солопова. – Волгоград : ВГАФК, 2010. – 351 с.
13. Квашук, П. В. Критерии оценки функционального состояния гребцов на байдарках высокой квалификации / П. В. Квашук, С. В. Верлин, Г. Н. Семаева // Вестник спортивной науки. – 2008. – № 4. – С. 20–26.

УДК 796.412+796-055.2

Учет фазности индивидуального биологического цикла при построении оздоровительных занятий шейпингом с женщинами первого периода зрелого возраста

А.А. Скидан

В статье представлена оценка психоэмоционального состояния и двигательных способностей женщин репродуктивного возраста на протяжении овариально-менструального цикла. Выявлены специфические особенности динамики исследуемых показателей в зависимости от фазности индивидуального биологического цикла. Представлена катаболическая и анаболическая направленность тренирующих воздействий в соответствии с индивидуальной биоритмикой организма женщин 21–35 лет.

Ключевые слова: индивидуализация, овариально-менструальный цикл, тренирующие воздействия, психоэмоциональное состояние, двигательные способности.

The article presents an assessment of the psycho-emotional state and motor abilities of women of reproductive age throughout the ovarian-menstrual cycle. The specific features of the dynamics of the studied indicators depending on the phase of the individual biological cycle are revealed. The catabolic and anabolic orientation of training effects is presented in accordance with the individual biorhythm of the body of women aged 21–35.

Keywords: individualization, ovarian-menstrual cycle, training influences, psycho-emotional state, motor abilities.

Введение. Выявление индивидуальных особенностей организма человека, обуславливающих его адаптацию к физическим нагрузкам и в целом к условиям жизнедеятельности является особо актуальным вопросом исследований. Женский организм имеет наиболее сложную физиологическую организацию процессов с целым комплексом циклических гомеостатических изменений и проявлений [1]. Совершенствование научно-теоретических, методических и технологических основ физкультурно-оздоровительной практики женщин требует акцентированного поиска оптимальных организационно-педагогических условий тренировочного процесса, нацеленных на сохранение женского репродуктивного здоровья [2], [3].

Современные фитнес-технологии до сих пор не в полной мере реализовывают свой оздоровительный потенциал на практике с контингентом занимающихся женщин репродуктивного возраста. Важнейшим условием эффективности использования оздоровительных программ является оценка индивидуальных функциональных состояний женского организма в течение овариально-менструального цикла [1], [4], [5].

Специфика гормонального статуса женщин определяет функционирование всех систем ее организма, в том числе и поведенческих реакций. Системные динамические изменения центральной нервной системы и скелетной мускулатуры обуславливаются гормональными колебаниями женского организма. Овариально-менструальный цикл является одним из основополагающих факторов, регулирующих кардиореспираторную систему, метаболические процессы, когнитивные и эмоциональные функции [1], [4], [6].

Особое внимание отводится изменениям психоэмоционального состояния занимающихся женщин в течение овариально-менструального цикла, являясь важной составляющей тренировочного процесса в достижении его эффективности. У женщин психоэмоциональные состояния и проявления имеют особую специфику выраженности, оказывающие влияние на функционирование организма в целом. Чрезвычайно важным и актуальным представляется изучение индивидуального профиля не только физической, но и психической работоспособности женщин репродуктивного возраста в динамике овариально-менструального цикла [2], [4], [6], [7].

Цель исследования – обоснование специфической направленности тренирующих воздействий на основе индивидуализации оздоровительных занятий шейпингом в соответствии с особенностями биоритмики организма женщин 21–35 лет.

Основная часть. Исследования проводились в группах коррекционно-консультативных оздоровительных занятий шейпингом на базе научно-исследовательской лаборатории современных физкультурно-оздоровительных и рекреативных технологий при учреждении образования «Гомельской государственной университет им. Ф. Скорины». Участниками исследования являлись женщины ($n = 48$) в возрасте 21–35 лет, у которых продолжительность овариально-менструального цикла (ОМЦ) в среднем составляла 28 дней и в течение трех месяцев оставался стабильным. Расчет фаз ОМЦ производился календарным методом. Для определения психоэмоционального состояния женщин в различные фазы ОМЦ применялась методика тестирования «Самочувствие, активность, настроение» (САН), направленная на дифференциальную самооценку занимающимися своего функционального состояния: сила, здоровье, утомление (самочувствие), подвижность, скорость и темп протекания функций (активность), эмоциональные характеристики (настроение) [8]. Оценка отдельных (скоростно-силовых, общей выносливости) двигательных способностей у женщин на протяжении ОМЦ проводилась по результатам двигательного теста прыжок вверх «по В.М. Абалакову» и Гарвардского степ-теста, которые выполнялись до занятий шейпингом. Выбор данных тестов обусловлен тем, что они являются информативными для оценки преобладания анаболических и катаболических процессов в организме [9], [10].

Для каждой участницы исследования разрабатывался индивидуальный план диагностики основных составляющих функционального психоэмоционального состояния и физической подготовленности в зависимости от особенностей протекания специфического биологического цикла женского организма. Для выявления динамики психоэмоционального состояния и двигательных возможностей женщин репродуктивного возраста исследование проводилось в каждую фазу ОМЦ (менструальную, постменструальную, овуляторную, постовуляторную, предменструальную).

Полученные результаты свидетельствуют о наличии существенных изменений в психоэмоциональном состоянии женщин в различные фазы ОМЦ. В процессе исследования отмечается высокая вариабельность в динамике показателей по каждой категории «самочувствие», «активность», «настроение» на протяжении овариально-менструального цикла (рисунок 1).

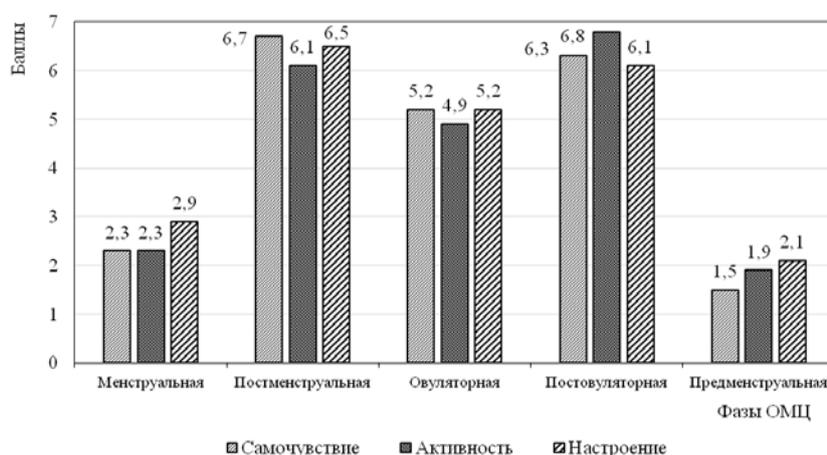

Рисунок 1 – Показатели психоэмоционального состояния женщин 21–35 лет в различные фазы ОМЦ

Выявлено, что в постменструальной и постовуляторной фазах цикла женщины отмечали высокую степень проявления по каждому из критериев психоэмоционального состояния. Средний балл составил 6,4. В предменструальную и менструальную фазы женщины ощущали низкое проявление всех исследуемых характеристик (самочувствие, активность, настроение) – средний балл 1,8 и 2,5. Овуляторная фаза определяется женщинами как промежуточная со средней степенью выраженности своего состояния (5,1 балла соответственно).

В процессе анализа полученных результатов прыжка вверх «по В.М. Абалакову» по фазам ОМЦ у женщин зафиксированы существенные изменения в показателях проявления скоростно-силовых способностей. По результатам индекса Гарвардского степ-теста (ИГСТ) также установлена прямая связь между фазами ОМЦ и работоспособностью женщин. Выявлен схожий волнообразный характер динамики показателей в разные фазы ОМЦ женщин (рисунок 2).

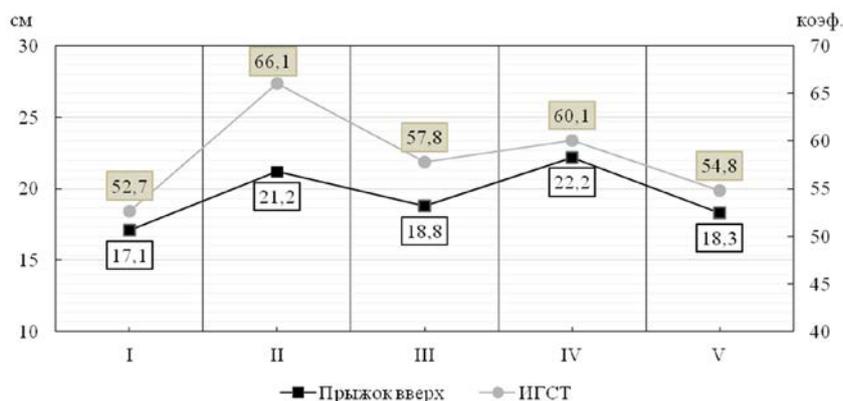

Рисунок 1 – Динамика показателей высоты прыжка вверх и индекса Гарвардского степ-теста по фазам ОМЦ у женщин 21–35 лет: I – менструальная фаза; II – постменструальная фаза; III – овуляторная фаза; IV – постовуляторная фаза; V – предменструальная фаза

Так, в менструальной (I) фазе зарегистрированы самые низкие результаты двигательных тестов. В предменструальной (V) фазе наблюдается аналогичное проявление физических способностей, но с наименее выраженной динамикой снижения. В постменструальной (II) фазе цикла отмечается пик физической работоспособности – ИГСТ достигает наибольших величин, при этом в данный период зафиксирован достаточно высокий уровень проявления скоростно-силовых способностей. Следует отметить, что в процентном соотношении показатели аэробной производительности в эту фазу превышали на 25,4 % аналогичные в менструальной фазе. В постовуляторной (IV) фазе цикла проявление физических способностей наблюдается с менее выраженным улучшением показателей общей выносливости, при этом скоростно-силовые способности достигают наибольших величин. В овуляторной (III) фазе цикла наблюдается снижение результатов аэробной производительности и скоростно-силовых способностей на 12,5 % и 11,3 % относительно постменструальной фазы. Определено, что проявление физических возможностей зависит от общего психоэмоционального состояния женщин.

Результаты проведенного эксперимента позволили заключить, что для достижения эффективности оздоровительных занятий шейпингом с женщинами 21–35 лет целесообразно индивидуализировать программу занятий на основе подбора оптимальных тренирующих воздействий в соответствии с фазами ОМЦ женского организма с преимущественным использованием дифференцированных средств и рациональным нормированием параметров физических нагрузок в зависимости от психофизического состояния конкретной женщины.

Обобщая имеющиеся данные и на основании полученных результатов исследований, установлена специфическая направленность тренирующих воздействий на основе индивидуализации оздоровительных занятий шейпингом в соответствии с особенностями биоритмологических процессов женского организма (таблица 1).

Таблица 1 – Направленность тренирующих воздействий в зависимости от индивидуальной биоритмики организма женщин 21-35 лет

Фазы ОМЦ	Тренирующие воздействия	
	Катаболическая направленность	Анаболическая направленность
Предменструальная, менструальная	Нагрузка в зоне низкой и умеренной интенсивности	
	Средства классической (базовой) аэробики простых по координации шаговых движений с небольшой амплитудой	Динамические силовые упражнения на мышцы туловища и верхние конечности с весом собственного тела или отягощениями не более 2 кг (исходные положения лежа, сидя) в сочетании с упражнениями на растягивание
Постменструальная	Нагрузка в зоне большой и субмаксимальной интенсивности	
	Средства классической (базовой) аэробики, степ-аэробики, танцевальные комбинации с перемещениями в различных направлениях с точностью двигательного-ритмических действий	Динамические и статические силовые упражнения на все тело с весом собственного тела или отягощениями от 2 до 4 кг, упражнения на растягивание, корректирующие упражнения для динамической осанки

Окончание таблицы 1

Овуляторная	Нагрузка в зоне умеренной интенсивности	
	Средства классической (базовой) аэробики, танцевальные комбинации на основе базовых перемещений без выраженных маховых движений рук и ног	Динамические силовые упражнения на все тело с весом собственного тела или отягощениями не более 2 кг в сочетании с упражнениями на растягивание
Постовуляторная	Нагрузка в зоне умеренной и большой интенсивности	
	Средства классической (базовой) аэробики, танцевальные комбинации с перемещениями в различных направлениях, разучивание новых двигательных комбинаций	Динамические и статические силовые упражнения на все тело с весом собственного тела или отягощениями от 2 до 6 кг в сочетании с упражнениями на растягивание

Разработка экспериментальной методики оздоровительных занятий шейпингом для женщин 21–35 лет в различные фазы ОМЦ основана на системно-структурном подходе к построению тренировочного процесса, что позволяет исключить негативные влияния через специально организованную систему упорядоченных взаимосвязанных процессуальных компонентов: 1) выявление индивидуальных особенностей каждой женщины; 2) определение специфической катаболической и анаболической направленности тренирующих воздействий в зависимости от индивидуальной биоритмики организма женщины; 3) установление двигательного режима с оптимальным подбором средств, методов и рациональным нормированием параметров физической нагрузки; 4) контроль индивидуального психофизического состояния женщин и коррекция программы занятий.

Заключение. Динамика психоэмоционального состояния и двигательных возможностей женщин репродуктивного возраста в течение овариально-менструального цикла имеет специфические особенности. Оптимальное проявление исследуемых показателей приходится на постменструальную и постовуляторную фазы, что способствует наиболее благоприятному в данный период проведению развивающей катаболической и анаболической направленности тренирующих воздействий. Сниженное проявление исследуемых характеристик отмечается в предменструальной и менструальной фазах, что указывает на необходимость щадящего тренирующего воздействия. Средняя мера выраженности изучаемых показателей в овуляторной фазе обуславливает поддерживающую направленность катаболического и анаболического воздействия.

При построении оздоровительных занятий шейпингом с женщинами первого периода зрелого возраста необходимо осуществлять индивидуальный подход, основанный на биоритмологических особенностях женского организма, что позволит нивелировать неблагоприятные влияния физических упражнений и сохранить репродуктивное здоровье женщин.

Литература

1. Назаров, Н. О. Специфика формирования функциональных состояний организма женщин в течение овариально-менструального цикла : дис. ... канд. мед. наук : 03.03.01 / Н. О. Назаров. – Волгоград, 2016. – 108 с.
2. Савин, С. В. Оздоровительная тренировка лиц зрелого возраста : направленность, содержание, методики : монография / С. В. Савин, О. Н. Степанова, В. С. Соколова, И. В. Николаев. – М., 2017. – 200 с.
3. Венгерова, Н. Н. Физкультурно-оздоровительные технологии кондиционной направленности : учеб. пособ. / Н. Н. Венгерова, Л. Т. Кудашова, Л. В. Люлк. – СПб., 2015. – 91 с.
4. Севдалев, С. В. Организационно-методические аспекты индивидуализации оздоровительной тренировки женщин / С. В. Севдалев, А. А. Скидан, Е. П. Врублевский // Человек. Спорт. Медицина. – 2020. – Т. 20, № S1. – С. 69–76.
5. Пономарева, И. А. Физиология физической культуры и спорта : учеб. пособ. / И. А. Пономарева. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : ЮФУ, 2019. – 212 с.
6. Саитов, Р. М. Особенности использования круговой тренировки в фитнесе для женщин первого периода зрелого возраста : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Р. М. Саитов. – М., 2016. – 140 с.
7. Скидан, А. А. Особенности проведения шейпинг-тренировок с женщинами зрелого возраста / А. А. Скидан // Физическое воспитание и спортивная тренировка. – 2020. – № 4 (34). – С. 52–59.
8. Барканова, О. В. Методики диагностики эмоциональной сферы : психологический практикум / О. В. Барканова. – Красноярск : Литера-принт, 2009. – 237 с.
9. Немцев, О. Б. Об измерении результатов в прыжке вверх с места / О. Б. Немцев, М. Х. Коджешау, И. Н. Грекалова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 224–227.
10. Ланда, Б. Х. Методика комплексной оценки физического развития и физической подготовленности : учеб. пособ. / Б. Х. Ланда. – М. : Советский спорт, 2008. – 244 с.

Анталогія алімпійскай дзейнасці

У.М. СТАРЧАНКА

У артыкуле раскрываецца анталогія алімпійскай дзейнасці як працэсу матэрыялізацыі алімпійскай ідэі. Прадстаўлена анталагічная схема алімпійскай дзейнасці і яе элементаў: мыслядзейнасці і практычнай дзейнасці. Дана схема пашырагага ўзнаўлення алімпійскай дзейнасці. Указаны месцы і апісаны функцыі алімпійскай ідэі, алімпійскага руху, алімпійскай культуры ў алімпійскай дзейнасці.

Ключавыя словы: алімпійская дзейнасць, алімпійская ідэя, алімпійскі рух, алімпійская культура, алімпійская мыслядзейнасць, алімпійская практычная дзейнасць, анталогія.

The article reveals the ontology of Olympic activity as a process of materialization of the Olympic idea. The ontological scheme of Olympic activity and its elements is presented: mental activity and practical activity. The scheme of expanded reproduction of Olympic activity is given. The places and the functions of the Olympic idea, Olympic movement, Olympic culture are indicated in the Olympic activity.

Keywords: Olympic activity, Olympic idea, Olympic movement, Olympic culture, Olympic mental activity, Olympic practical activity, ontology.

Уводзіны. Актуальнасць праблемы распрацоўкі даследчыкам алімпійскай дзейнасці яе анталогіі ўяўляецца відавочнай. Гэта абумоўлена тым, што даследаванне алімпійскай дзейнасці патрабуе наяўнасці тэарэтычнай канструкцыі, якая адлюстроўвае анталагічныя прадстаўленні аб ёй у выглядзе сутнаснай структурна-функцыянальнай мадэлі, якая павінна выступаць у якасці працоўнага інструментарыя даследчыка. Нам уяўляецца, што распрацоўка структурна-функцыянальнай мадэлі алімпійскай дзейнасці магчымая з пазіцыі сістэмадзейнаснага падыходу, шырока прадстаўленага ў сучаснай педагагічнай навуцы [1]–[4].

Мэтай нашай работы была распрацоўка і апісанне структурна-функцыянальнай мадэлі алімпійскай дзейнасці.

Дасягненне мэты было спалучана з вырашэннем наступных **задач**:

– даць вызначэнне алімпійскай дзейнасці з пазіцыі сістэмадзейнаснага падыходу;

– распрацаваць структурна-функцыянальную мадэль алімпійскай дзейнасці;

– указаць месцы і апісаць функцыі структурных элементаў і працэсаў алімпійскай дзейнасці.

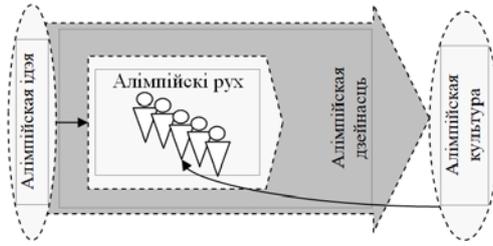
Метадыка праведзенага намі тэарэтычнага даследавання ляжала ў паслядоўным выкарыстанні сістэмадзейнаснага падыходу, метадаў аналізу, сінтэзу, мадэлявання падчас распрацоўкі анталагічнай структурна-функцыянальнай мадэлі алімпійскай дзейнасці.

Ход і вынікі даследавання. Алімпійская дзейнасць у сістэмадзейнасным падыходзе прадстаўляе сабой працэс матэрыялізацыі алімпійскай ідэі алімпійскім рухам з выкарыстаннем алімпійскай культуры [5]. Алімпійская дзейнасць у выглядзе анталагічнай схемы прадстаўлена на малюнку 1.

Схема (мадэль) не толькі паказвае на структурныя элементы алімпійскай дзейнасці (алімпійская ідэя, алімпійскі рух, алімпійская культура), але працэсуальна раскрывае яе механізм.

Алімпійская ідэя стварае алімпійскі рух, авалодвае ім і пры яго пасрэдніцтве матэрыялізуецца ў алімпійскай культуры, якая з’яўляецца не толькі вынікам алімпійскай дзейнасці, але і сродкам з дапамогай якога алімпійскі рух ажыццяўляе алімпійскую дзейнасць. Алімпійская культура выступае як сталае адзінства алімпійскай ідэі і сацыяльна-прыроднага матэрыялу, на якім яна матэрыялізавалася.

Па законах сістэмы трансфармацыя аднаго з элементаў сістэмы (алімпійскай культуры) у сваю чаргу выклікае трансфармацыю алімпійскай ідэі і алімпійскага руху, што непазбежна выклікае да жыцця новы акт алімпійскай дзейнасці, у якім абноўленая алімпійская ідэя пры пасрэдніцтве абноўленага і ўзброенага новымі культурнымі сродкамі алімпійскага руху матэрыялізуецца ў абноўленай алімпійскай культуры. Гэтак адбываецца алімпійскае развіццё, якое можа быць прадстаўлена як працэс пашыранага ўзнаўлення алімпійскай дзейнасці.

Малюнак 1 – Схема алімпійскай дзейнасці

Такім чынам, алімпійская дзейнасць паступова, але няўхільна захоплівае ўсё больш складаную структуру ідэальнага двухмернага свету (развівае алімпійскую ідэю), пры пасрэдніцтве ўзброенага алімпійскай культурай калектыўнага носбіта алімпійскай ідэі і дзейнасці (алімпійскага руху) накладвае іх як матрыцу на трохмерны матэрыяльны (у тым ліку і сацыяльны) свет і структурыруе яго ў адпаведнасці з ёй. Так ствараецца новая больш складаная алімпійская культура, якая ў сваю чаргу абнаўляе і паглыбляе не толькі алімпійскую ідэю, але і алімпійскі рух.

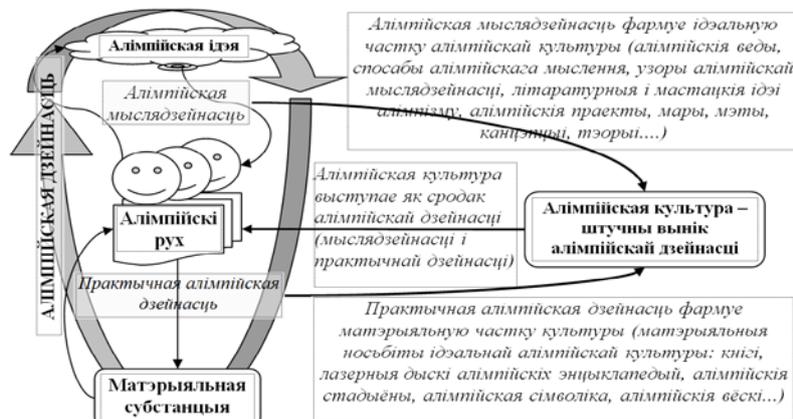
Далейшае раскрыццё анталогіі алімпійскай дзейнасці патрабуе прад'яўлення механізмаў фармавання алімпійскай культуры і яе ўздзеяння на алімпійскую ідэю і алімпійскі рух. Для гэтага давядзецца па іншаму прадставіць схему алімпійскай дзейнасці і раскласці апошняю на два ўзаемазвязаныя структурна-функцыянальныя элементы: алімпійскую мыслядзейнасць і практычную алімпійскую дзейнасць (малюнак 2).

Малюнак 2 – Алімпійская дзейнасць складае своеасаблівы «ланцуг» з практычнай алімпійскай дзейнасці і алімпійскай мыслядзейнасці

Пры гэтым алімпійская мыслядзейнасць вызначаецца намі як абумоўлены алімпійскай культурай і ажыццяўляемы пры пасярэдніцтве алімпійскага руху працэс фармавання ідэальнага кампанента алімпійскай культуры. А алімпійская практычная дзейнасць – як абумоўлены алімпійскай культурай і ажыццяўляемы пры пасярэдніцтве алімпійскага руху працэс фармавання матэрыяльнага кампанента алімпійскай культуры.

Сумяшчэнне двух прад'яўленых вышэй анталогічных малюнкаў алімпійскай дзейнасці дае наступную разгорнутую анталогічную схему алімпійскай дзейнасці (малюнак 3).

Малюнак 3 – Разгорнутая анталогічная схема алімпійскай дзейнасці

Адпаведна схеме, ідэальную частку алімпійскай культуры фармуе алімпійская мыслядзейнасць, вынікам якой з'яўляюцца атрымаўшыя актуальнае жыццё ідэальныя алімпійскія сутнасці: алімпійскія веды, спосабы алімпійскага мыслення і практычнай дзейнасці, ідэальныя ўзоры алімпійскай мыслядзейнасці, літаратурныя і мастацкія эманцыі алімпійскай ідэі, алімпійская ідэялогія, алімпійскія праекты, канцэпцыі і тэорыі, алімпійскія каштоўнасці, нормы, прыватныя думкі і меркаванні ўдзельнікаў алімпійскага руху, грамадскія і індывідуальныя ўяўленні аб алімпійскай дзейнасці і алімпійцах. Матэрыяльную частку алімпійскай культуры фармуе практычная алімпійская дзейнасць, вынікам якой з'яўляюцца матэрыяльныя носьбіты адпаведных ідэальных алімпійскіх сутнасцяў: алімпійцы як носьбіты алімпійскай ідэі, кнігі аб алімпійскай дзейнасці, ідэалогіі руху і культуры, лазерныя дыскі з алімпійскімі энцыклапедыямі, алімпійскія спартыўныя пабудовы, алімпійская матэрыяльная інфраструктура, будынкі і экспазіцыі музеяў алімпійскай славы, алімпійская сімволіка, алімпійскі спартыўны інвентар, алімпійскія медалі, узнагароды і сувеніры.

Аднак алімпійская культура з'яўляецца не толькі вынікам, але і сродкам алімпійскай дзейнасці. Прычым ідэальная частка алімпійскай культуры выступае як сродак алімпійскай мыслядзейнасці алімпійскага руху, а матэрыяльная – як сродак практычнай алімпійскай дзейнасці алімпійскага руху. Вось чаму ўсякае абнаўленне алімпійскай культуры ў працэсе алімпійскай дзейнасці цягне за сабой абнаўленне алімпійскай ідэі і алімпійскага руху, што ў сваю чаргу ініцыюе новы акт абнаўленай алімпійскай дзейнасці.

Адзначым, што анталагічная схема алімпійскай дзейнасці прадугледжвае існаванне трох структурна-функцыянальных месцаў (алімпійская ідэя, алімпійскі рух, алімпійская культура) і двух працэсаў (алімпійская мыслядзейнасць і практычная алімпійская дзейнасць). Што тычыцца вылучэння ў асобны топ схемы матэрыяльнай субстанцыі, то гэта зроблена намі толькі для зручнасці адлюстравання прыняцця работы схемы і спрашчэння яе ўспрымання чытачом, які непазбежна падыходзіць да яе прачытання з антрапацэнтрычнай пазіцыі. З паслядоўна дзейснай пазіцыі нельга заўважыць апазіцыю «штучнае – натуральнае» або «прыроднае – культурнае», бо яны зліваюцца ў адно. З гэтай пазіцыі топы «алімпійская культура» і «матэрыяльная субстанцыя» адно – алімпійская культура (малюнак 1). З гэтай пазіцыі алімпійскі рух непасрэдна працуе з культурай (структураванай першаснымі агентамі і чалавекам матэрыяй).

Прадстаўленая вышэй разгорнутая схема алімпійскай дзейнасці раскрывае яе анталагію і выкарыстоўвалася намі ў якасці мадэлі-канфігуратара, з дапамогай якой праводзілася сістэмнае сумяшчэнне поліпрадметных ведаў як аб самой алімпійскай дзейнасці, гэтак і аб яе структурных элементах. Далей мы выкарысталі анталагічную схему алімпійскай дзейнасці для сістэмнага апісання кожнага з трох галоўных яе элементаў, для чаго «выварочвалі» схему з пазіцыі гэтых элементаў.

Для пачатку вызначым месца і функцыі *алімпійскай ідэі* ў алімпійскай дзейнасці. Алімпійская ідэя – нематэрыяльная, ідэальная рэальнасць, якая авалодвае алімпійскім рухам, аб'ядноўвае і структуруе яго, якая тэлеалагічна задае накірунак яго алімпійскай дзейнасці [6]. Алімпійская ідэя выступае як ідэальная сутнасць двухмернага свету, якая задае пачатак і накірунак алімпійскай дзейнасці, задае яе мэту. У алімпійскай дзейнасці алімпійская ідэя займае месца арганізуючага пачатку, ініцыятара, каталізатара і рэгулятара дзейнасці. Для сваёй матэрыялізацыі (рэалізацыі) ідэі патрэбны агент-пасрэднік. Таму алімпійская ідэя праз механізм алімпійскай мыслядзейнасці пачынае актуальна існаваць на сацыяльна арганізаваным чалавечым матэрыяле, гэтак яна стварае алімпійскі рух (мабілізуе людзей – носьбітаў алімпійскай ідэі), авалодвае ім, структуруе і арганізоўвае яго дзейнасць. Алімпійская ідэя матэрыялізуецца ў алімпійскай культуры як яе ідэальная, але прывязаная да матэрыяльных носьбітаў частка. У гэтай сваёй якасці яна прыдатная да капіравання, распаўсюджвання, перадачы-засваення (трансляцыі) і сацыяльнага ўзнаўлення. Праз алімпійскую культуру алімпійская ідэя авалодвае новымі носьбітамі і трансліюецца з пакалення ў пакаленне, гэта значыць існуе як гістарычны феномен.

Алімпійская ідэя актуальна існуе для чалавека толькі як звязаная з пэўным матэрыяльным субстратам, як ідэальная структура, накладзеная на пэўны матэрыял, кажучы інакш – як культурны феномен. Пры тым ступень матэрыялізацыі алімпійскай ідэі можа быць рознай, бо ў сваёй завершанай паўнаце яна не можа матэрыялізавацца адразу, а толькі паступова, хоць і стахастычна-непаслядоўна (ад прасцейшых праяваў да ўсё больш складаных і разгорнутых эманцыяў). Таму

можна гаварыць аб развіцці алімпійскай ідэі як аб незваротным, мэтанакіраваным і заканамерным мыслядзейнасным працэсе, у які ўцягнуты носьбіты алімпійскай ідэі і які ажыццяўляецца пры дапамозе алімпійскай культуры, якая выступае як сродак алімпійскай мыслядзейнасці.

Матэрыялізацыя ў культуры ўсё больш складаных эманаций алімпійскай ідэі дазваляе выкарыстоўваць іх у працэсе мыслядзейнасці ў якасці больш эфектыўных сродкаў, што вядзе да спараджэння яшчэ больш складаных і разгорнутых яе ідэальных праяваў, якія ў сваю чаргу матэрыялізуюцца ў алімпійскай культуры. Гэтак ажыццяўляецца пашыранае ўзнаўленне (развіццё) алімпійскай ідэі.

У звязку з алімпійскай ідэяй існуе алімпійская ідэялогія, пад якой мы разумеем сукупнасць ідэй, якія разам з алімпійскай ідэяй актуальна матэрыялізуюцца ў працэсе рэальнай алімпійскай дзейнасці. Справа ў тым, што алімпійская дзейнасць у працэсе свайго развіцця дыферэнцыруецца на асобныя віды і падвіды, якія абслугоўваюць тры ці іншыя яе аспекты. Аднак кожны від або падвід дзейнасці – гэта працэс матэрыялізацыі асобнай ідэі. Так, у працэсе алімпійскай дзейнасці пад эгідай алімпійскай ідэі матэрыялізуюцца адкрытая сукупнасць сістэмна звязаных з ёй ідэй. Акрамя таго, практыка сведчыць, што ў працэсе алімпійскай дзейнасці могуць матэрыялізоўвацца ідэі, якія з алімпійскай ідэяй звязаны не сістэмна, а эклектычна, выпадкова і нават канкурэнтна. Тым не менш, яны традыцыйна (або эпізадычна) уваходзяць у алімпійскую ідэялогію, негледзячы на тое, што могуць перашкаджаць алімпійскай дзейнасці [6], [7].

З функцыянаваннем алімпійскай ідэі і існаваннем адпаведнай ёй ідэялогіі звязана існаванне алімпійскіх каштоўнасцяў. Ідэі, якія актуальна матэрыялізуюцца ў працэсе алімпійскай полідзейнасці, знаходзяцца ў стане канкурэнтнай барацьбы, бо кожная ідэя імкнецца аднаасобна авалодаць носьбітамі і матэрыялізавацца ў максімальнай ступені. З гэтай прычыны для нармальнага ажыццяўлення менавіта алімпійскай дзейнасці, як полідзейнасці павінна існаваць сістэма прыярытэтаў. Алімпійскія каштоўнасці і задаюць гэтую сістэму прыярытэтаў, задаюць іерархію ідэй у алімпійскай дзейнасці. Алімпійскія каштоўнасці могуць існаваць як сістэма прынцыпаў, якія рэгламентуюць алімпійскую дзейнасць і зберагаюць яе ад спустошвання і перараджэння.

Цяпер вызначым месца і функцыі *алімпійскага руху* ў алімпійскай дзейнасці. Алімпійскі рух у алімпійскай дзейнасці займае спецыфічнае месца агента-пасрэдніка, носьбіта гэтай дзейнасці. Алімпійскі рух выступае як калектыўны агент-носьбіт алімпійскай дзейнасці, носьбіт алімпійскай ідэі і творца алімпійскай культуры.

Алімпійскі рух узнікае і арганізуецца тады, калі ў соцыуме ўзнікаюць носьбіты алімпійскай ідэі. З гэтага моманту ўзнікае неабходнасць і магчымасць алімпійскай дзейнасці.

Функцыянальна алімпійскі рух ажыццяўляе цэласную алімпійскую дзейнасць, а менавіта – алімпійскую мыслядзейнасць і практычную алімпійскую дзейнасць. Вынікам яго дзейнасці з’яўляецца алімпійская культура, якую ён выкарыстоўвае ў якасці сродка дзейнасці.

Алімпійскі рух як рух сацыяльны складаецца са шматлікіх сацыяльных адзінак – людзей, якія займаюць у ім розныя сацыяльныя пазіцыі і выконваюць розныя функцыі. Алімпійскі рух іманентна схільны да сацыяльнай дыферэнцыяцыі і структуравання сваіх удзельнікаў у звязку з аналагічнымі працэсамі дыферэнцыяцыі самой алімпійскай дзейнасці на віды і падвіды. У прыватнасці адны групы ўдзельнікаў алімпійскага руху займаюцца пераважна алімпійскай мыслядзейнасцю, а іншыя – практычнай алімпійскай дзейнасцю. Аднак трэба ўлічваць, што падзяленне алімпійскай дзейнасці на мыслядзейнасць і практычную дзейнасць настолькі ўмоўнае, што ў рэальнасці наўрад ці атрымаецца адшукаць чыстых пазіцыянераў-носьбітаў названых падвідаў алімпійскай дзейнасці.

Алімпійскі рух іманентна імкнецца да пашырэння (экспансіі) шляхам трансляцыі алімпійскай ідэі на соцыум, што пастаўляе яму ўсё новых і новых адэптаў. Для дасягнення гэтай мэты алімпійскі рух стварае спецыяльныя механізмы трансляцыі і ўзнаўлення алімпійскай культуры з выкарыстаннем разнастайных форм сацыяльнай камунікацыі.

Што тычыцца месца і функцыі *алімпійскай культуры* ў алімпійскай дзейнасці, то яна займае месца выніку і сродку, што і вызначае яе функцыі. Яна тое, што ствараецца, і тое, што выкарыстоўваецца для свайго стварэння. Гэткім чынам, алімпійская культура двума спосабамі ўключана ў алімпійскую дзейнасць. Па-першае, яна ёсць матэрыялізаваная алімпійская ідэя (вынік), па-другое, яна матэрыял алімпійскай дзейнасці (сродак). Прычым ідэальная частка алімпійскай культуры выступае як вынік і сродак алімпійскай мыслядзейнасці алімпійскага руху, а матэрыяльная – як вынік і сродак практычнай алімпійскай дзейнасці алімпійскага руху [8].

Апісаны вышэй феномен патрабуе тлумачэнняў. Узнікшая ў выніку мыслядзейнасці канкрэтная эманация алімпійскай ідэі пры пасрэдніцтве алімпійскага руху матэрыялізуецца ў алімпійскай культуры (ідэальная ідэя-матрыца пераструктуруе пэўны матэрыяльны субстрат і звязваецца з ім). Цяпер гэтая эманация алімпійскай ідэі пачынае актуальна і ў даступнай для спажывання форме існаваць для соцыуму, і можа быць ім скарыстана ў працэсе далейшай дзейнасці. У прыватнасці ўжо матэрыялізаваная ў культуры ідэя можа быць выкарыстана як сродак мыслядзейнасці, што спараджае новую больш складаную і разгорнутую эманацию алімпійскай ідэі, якая колькасна-якасна адрозніваецца ад той, якая была выкарыстана ў якасці сродку, бо вынік дзейнасці заўсёды большы за яе сродак. З другога боку, звязаная з ідэальнай часткай матэрыяльная частка культуры можа быць выкарыстана для практычнай дзейнасці з аналагічным эфектам.

Такім чынам, алімпійская культура звязвае ў адзіны ланцуг алімпійскую мыслядзейнасць і практычную дзейнасць і забяспечвае пашыранае ўзнаўленне алімпійскай дзейнасці – алімпійскае развіццё.

Цяпер звернемся да аналізу і апісання працэсуальных арганізаванасцяў алімпійскай дзейнасці: мыслядзейнасці і практычнай дзейнасці.

Алімпійская мыслядзейнасць на схеме алімпійскай дзейнасці займае месца працэсуальна арганізаванай сувязі паміж алімпійскай ідэяй і алімпійскім рухам.

Алімпійская мыслядзейнасць – гэта абумоўлены алімпійскай культурай і ажыццяўляемы пры пасрэдніцтве алімпійскага руху працэс развіцця алімпійскай ідэі і фармавання ідэальнага кампанента алімпійскай культуры. Алімпійская мыслядзейнасць працэсуальна звязвае паміж сабой такія арганізаванасці алімпійскай дзейнасці, як алімпійская ідэя і алімпійскі рух. Без алімпійскай мыслядзейнасці такая сувязь была б немагчыма. Адсюль і яе функцыі ў алімпійскай дзейнасці – пашыранае ўзнаўленне (развіццё) алімпійскай ідэі і «звязванне» яе з алімпійскім рухам.

Мыслядзейнасць можа быць прадстаўлена як працэс барацьбы ідэальных сутнасцяў двухмернага свету за агента дзейнасці. Алімпійская мыслядзейнасць – як працэс барацьбы розных эманаций алімпійскай ідэі за алімпійскі рух. Прычым гэта барацьба вядзецца па правілах, якія задаюцца логікай (фармальнай, дыялектычнай, зместава-генетычнай...) і алімпійскімі каштоўнасцямі.

У працэсе мыслядзейнасці выкарыстоўваюцца разнастайныя ідэальныя сродкі: спосабы і логікі мыслення, розныя навуковыя падыходы і метады, канцэпцыі, прынцыпы і правілы, анталагічныя схемы і веды. Выкарыстанне тых ці іншых сродкаў прама ўплывае на эфектыўнасць і вынікі мыслядзейнасці. Прычым гэтыя сродкі бяруцца з культуры і вяртаюцца ў культуру, але вяртаюцца не такімі, як былі, а ў абноўленым выглядзе, бо таксама з'яўляюцца аб'ектам мыслядзейнасці.

Алімпійская практычная дзейнасць на схеме алімпійскай дзейнасці займае месца працэсуальна арганізаванай сувязі паміж алімпійскім рухам і матэрыяльным субстратам трохмернага свету. Адпаведна гэтаму месцу алімпійская практычная дзейнасць выступае як абумоўлены алімпійскай культурай і ажыццяўляемы пры пасрэдніцтве алімпійскага руху працэс фармавання матэрыяльнага кампанента алімпійскай культуры.

Алімпійская практычная дзейнасць працэсуальна звязвае паміж сабой такія арганізаванасці алімпійскай дзейнасці, як алімпійскі рух і матэрыя. Без алімпійскай практычнай дзейнасці такая сувязь была б немагчыма. Адсюль і яе функцыі ў алімпійскай дзейнасці – пашыранае ўзнаўленне (развіццё) алімпійскай культуры і «звязванне» яе з алімпійскім рухам.

Практычная алімпійская дзейнасць можа быць прадстаўлена як працэс пераструктуравання алімпійскім рухам матэрыяльнага свету ў адпаведнасці з алімпійскай ідэяй, якая выступае ў ролі ідэальнай матрыцы-структуры. Паспяхова практычная алімпійская дзейнасць мае сваім вынікам матэрыяльную частку алімпійскай культуры, якая ўключае ў сябе структурна перааформленую ў адпаведнасці з алімпійскай ідэяй матэрыяльную субстанцыю. Алімпійская ідэя матэрыялізуецца ў алімпійскай культуры як яе ідэальная, але звязаная з матэрыяльным носбітам частка.

У працэсе практычнай алімпійскай дзейнасці выкарыстоўваюцца разнастайныя матэрыяльныя сродкі, якія запазычваюцца з культуры і вяртаюцца ў культуру. Але вяртаюцца яны ў культуру ў абноўленым выглядзе, бо самі з'яўляюцца аб'ектам практычнай дзейнасці.

Нагадаем, што з паслядоўна дзейнаснай пазіцыі культура (штучнае) і матэрыяльная субстанцыя (натуральнае) зліваюцца ў адно – культуру. З гэтай пазіцыі алімпійскі рух непас-

рэдна працуе з культурай (структураванай першаснымі агентамі і чалавекам матэрыяй). Толькі з антрапацэнтрычнай пазіцыі можна падзяляць матэрыяльную субстанцыю на натуральную (прырода) і штучную (культура).

Прад'яўленая намі анталагічная структура-функцыянальная мадэль алімпійскай дзейнасці, як ужо паказана вышэй, можа выкарыстоўвацца ў якасці мадэлі-канфігуратара, а таксама для стварэння план-карты сістэмнага даследавання алімпійскай дзейнасці.

Высновы.

1. Алімпійская дзейнасць у сістэмадзейнасным падыходзе прадстаўляе сабой працэс матэрыялізацыі алімпійскай ідэі алімпійскім рухам з выкарыстаннем алімпійскай культуры.

2. Анталагічная структура-функцыянальная мадэль алімпійскай дзейнасці прадугледжвае існаванне трох структура-функцыянальных месцаў (алімпійская ідэя, алімпійскі рух, алімпійская культура) і двух працэсаў (алімпійская мыслядзейнасць і практычная алімпійская дзейнасць). Мадэль апісвае структурныя элементы алімпійскай дзейнасці і працэсуальна раскрывае яе механізм.

3. Анталагічная схема алімпійскай дзейнасці прыдатна для выкарыстання ў якасці мадэлі-канфігуратара, з дапамогай якога можна ажыццяўляць сістэмнае сумяшчэнне поліпрадметных ведаў як аб самой алімпійскай дзейнасці, гэтак і аб яе структурных элементах, а таксама для стварэння план-карты сістэмнага даследавання алімпійскай дзейнасці.

Літаратура

1. Анисимов, О. С. Язык теории деятельности: становление / О. С. Анисимов. – М., 2001. – 484 с.
2. Громыко, Ю. В. Мыследеятельностная педагогика (теоретико-практическое руководство по освоению высших образцов педагогического искусства) / Ю. В. Громыко. – Минск : Технопринт, 2000. – 376 с.
3. Щедровицкий, Г. П. Философия. Наука. Методология / Г. П. Щедровицкий. – М. : Школа культурной политики, 1997. – 656 с.
4. Старчанка, У. М. Сутнасць дзейнаснага падыходу і яго значэнне для педагагічнай тэорыі і практыкі / У. М. Старчанка // Становление социальной и профессиональной компетентности личности : рец. сб. науч. ст. / редкол.: Ф. В. Кадол (науч. ред.), В. П. Горленко (отв. ред.), Л. И. Селиванова ; М-во образования Респ. Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2012. – С. 95–102.
5. Старченко, В. Н. Состав и содержание категориального аппарата исследователя олимпийского движения / В. Н. Старченко // Мир спорта. – 2013. – № 4 (53). – С. 33–37.
6. Старчанка, У. М. Алімпійская ідэя ў кантэксце алімпійскай дзейнасці / У. М. Старчанка // Взаємодія духовного й фізічнаго виховання в становленні гармонійно развіненай асобы : збірнік статей за матэрыяламі IV Міжн. навукова-практычнай онлайн-конференцыі, Слов'янськ, Украіна, 23–24 березня 2017 р. : у 2 т. ; гол. ред. В. М. Пристинський. – Слов'янськ : ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний університет», 2017. – Т. 2. – С. 414–421.
7. Столяров, В. И. Судьба гуманистического олимпийского проекта Кубертена в современном олимпийском движении / В. И. Столяров // Взаємодія духовного й фізічнаго виховання в становленні гармонійно развіненай асобы : збірнік статей за матэрыяламі IV Міжн. навукова-практычнай онлайн-конференцыі, Слов'янськ, Украіна, 23–24 березня 2017 р. : у 2 т. ; гол. ред. В. М. Пристинський. – Слов'янськ : ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний університет», 2017. – Т. 2. – С. 421–430.
8. Старченко, В. Н. Структурно-функциональная модель олимпийской культуры участника олимпийского движения / В. Н. Старченко // Мир спорта. – 2014. – № 3 (56). – С. 36–42.

УДК 796.015.132-053.67:796.42

On the necessity to master physical fitness among young athletes practicing track-and-field in specialized sports classes

I.I. TRAFIMOVICH

The article contains the data on promising directions to master physical fitness by young athletes practicing track-and-field in specialized sports classes. The data obtained show that there are low growth rates of physical fitness indicators in meeting control standards. It happens because coaches-teachers use out-of-date programs for specialized educational and sports institutions and schools of the Olympic reserve. In their turn, the above-mentioned programs do not take into account the peculiarities of training of athletes in specialized sports classes.

Keywords: track-and-field; preparatory stage, physical qualities, specialized sports classes, control exercises, specialized educational and sports institutions.

В статье представлены сведения о перспективных направлениях совершенствования физической подготовленности юных спортсменов, занимающихся лёгкой атлетикой в специализированных по спорту классах. Полученные данные свидетельствуют о невысоких темпах прироста показателей физической подготовленности при выполнении контрольных нормативов в силу использования тренерами-преподавателями программ для специализированных учебно-спортивных учреждений и училищ олимпийского резерва, которые, в свою очередь, не учитывают особенности подготовки спортсменов в специализированных по спорту классах.

Ключевые слова: лёгкая атлетика, этап подготовки, физические качества, специализированные по спорту классы, контрольные упражнения, специализированные учебно-спортивные учреждения.

Introduction. Nowadays preparing of sporting reserve in track-and-field is relevant and it is one of the main tasks of athletic and sports organizations [1]. Numerous research in the field of training track-and-field athletes [2], [3] shows that reaching high results is necessary to follow the process of systematic longstanding preparation which starts from primary school age.

A coach-teacher is required to use various means, methods, and even certain organizational forms for conducting training sessions during the constant search for gifted athletes at the initial stages of long-term preparation and the further improvement of their physical qualities in specific types of track-and-field at subsequent stages. At present, there are a lot of forms for organizing track-and-field training sessions [4], [5]. Lessons and training sessions in specialized sports classes can be marked out due to their peculiarities.

The analysis of scientific methodological literature carried out allowed us to find out that the program for individual types of track-and-field is the main document determining purposefulness and content of the educational process in track-and-field in specialized educational and sports institutions and schools of the Olympic reserve (SESI) [6], [7]. It should be noted that in some cases under the conditions of SESI work (availability of material, technical and territorial base, climatic conditions) the administration and the teachers' meeting can make private changes to the content of these programs with the consent of the Founder. But the focus of the program should be saved. Therefore, in practice, the process of systematic long-term preparation (regardless of the organizational forms of training sessions), in addition to these programs, is also based on different scientific developments, methodological recommendations, as well as on the coach-teacher's own practical experience.

The content of these programs (they were published in the period from 2007 to 2013) was also studied in detail and it was revealed that the programs developed for the SESI do not consider the features of planning and composing the educational and training process that is envisaged for specialized sports classes [8]. Moreover, the existing requirements for completing training groups; approximate volumes of the distribution of the teaching load; regulatory requirements determining the levels of general and special physical fitness nowadays may not correspond to the current reality after the amendments to the decree «On establishing the recommended minimum age for practicing sports» [9] that came into force in 2017 (training sessions in track-and-field can be held among children from the age of 7).

It is also important that so far there has not been a generalization of the advanced practical experience of coaches-teachers on issues related to the training of young athletes in the conditions of a specialized sports class in the Republic of Belarus. The available methodological recommendations and scientific developments do not allow to fully get answers to the questions related to the need to improve physical fitness among young athletes studying in specialized sports classes.

The goal of research. The revealed features determine the further direction of our research, which consists in determining the promising courses for improving the physical fitness of young athletes practicing track-and-field in the conditions of specialized sports classes. The research is based on a questionnaire survey of coaches-teachers of the Republic of Belarus and an analysis of the dynamics of control and transfer standards. The features identified determine the further direction of our work.

Research management. To achieve the goal to be sought, we analyzed special scientific methodological literature, record books, and journal books of coaches-teachers in track-and-field. We summarized the results and made a comparative analysis of the control and transfer standards for 5 years among young athletes practicing track-and-field in specialized sports classes and training groups of specialized educational and sports institutions. We also determined the dynamics of their physical fitness for the analyzed period. We surveyed coaches-teachers who had practical work experience and total work experience of at least 5 years.

To identify promising directions for improving physical fitness, the results of control and transfer standards shown by young athletes ($n = 105$) were analyzed. The athletes attended specialized sports classes in the Republic of Belarus from September 2013 to August 2018 (5 years of training, stages of initial and advanced sports specialization). These indicators were compared with the results of athletes ($n = 78$) involved in education and training groups (ETG) in specialized educational and sports institutions. The results were taken over the same period. It should be noted that the sports training of all athletes participating in the study was carried out taking into account further orientation in the speed-strength types of track-and-field (sprint and jumps).

The following exercise indicators were analyzed: «20 m running from a high start», «Standing long jump», «Pull-ups» for boys and «Push-ups» for girls; «10 m zigzag running»; «Countermovement double beat jump»; «Toe touch bending from sitting position»; «5 minutes' running». These control and transfer standards allow assessing a wide range of physical qualities and they are included in the content of training programs for certain types of track-and-field. They are also approved by the coaching council of specialized educational and sports institutions in which young athletes were trained. Based on the results of the 7 control exercises, the average score was calculated. It reflects the general level of physical fitness in the studied groups. The dynamics of the studied indicators was shown separately for boys and girls.

The dynamics of the level of physical fitness (in points) for boys involved in specialized sports classes and educational and training groups at the stages of primary and advanced sports specialization (5 years of training) is shown in Figure 1.

Having carried out a comparative analysis of the obtained average group indicators for boys at the end of the first year of training, we found that the athletes involved in specialized sports classes had a higher level of physical fitness (3,30 points). At the same time, this indicator was 3,09 points among the athletes who attended educational and training groups. The average group results shown by the boys of both groups correspond to a satisfactory rating, and the difference between the groups was 0,21 points.

Most likely, a higher level of physical fitness, which is observed at this stage of training among athletes who attended specialized sports classes, is due to the preliminary selection of them. The athletes who have achieved the best performance in fulfilling the standards for physical training are enrolled in these classes (the most promising of the athletes of the SESI are admitted for further sports training at the stage of initial sports specialization in specialized sports classes).

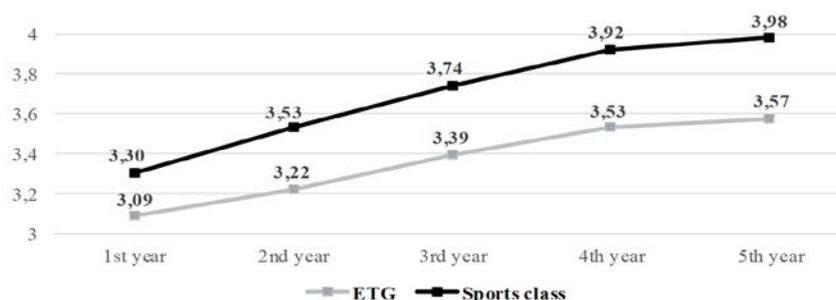

Figure 1 – Dynamics of the level of physical fitness among young athletes for the studied period

Having analyzed the indicators obtained at the end of the second year of training, we can state that the overall level of physical fitness has increased. It reached 3,53 points for those involved in specialized sports classes and 3,22 points for the athletes from educational and training groups. The increase in indicators compared to the previous year for the boys of the first group was 0,23 points, and for the second group – 0,13 points. The difference between the average group indicators was already 0,31 points and it was more significant. It should be noted that the identified features at this stage of training, in our opinion, can be facilitated by the distinctive features of the plan of training sessions in specialized sports classes (in contrast to the first year of training, in which the difference in the average group results could be associated with a higher initial level of physical fitness among the athletes involved in specialized sports classes, because of their selection).

At the end of the stage of initial sports specialization (the 3rd year of training) the average group indicator of physical fitness reached 3,74 points for the boys who attended specialized sports classes and for the athletes of the training groups – 3,39 points. Moreover, the increase in the results compared to the second year of training was 0,21 point for the boys who attended specialized sports classes, (the result increased by 0,17 point for the athletes from educational and training groups). The differences between the groups in average indicators by the end of this stage were up to 0,35 point.

According to the analysis of the results shown by the boys at the stage of advanced sports specialization (the 4th year of training), it was found that the overall level of physical fitness increased at this stage in both groups. Thus, this indicator was 3,92 points for the athletes undergoing training in specialized sports classes, and 3,53 points – for the athletes involved in the training groups of specialized educational and sports institutions. The level of physical fitness is assessed as satisfactory in both groups. The differences between the groups at this stage were 0,39 point. At the same time, the increase in the results, compared with the 3rd year of training, was 0,18 point in the first group, and 0,14 point – in the second.

By the end of the fifth year of training, the results shown by the athletes of both groups still correspond to a satisfactory assessment. They were 3,98 points among the boys who attended specialized sports classes and 3,57 – among the athletes in educational and training groups. At the same time, the difference in the average group indicators of the level of physical fitness was 0,41 point. It should be noted that this annual macrocycle is characterized by the lowest growth rates in the overall level of physical fitness, which was up to 0,06 point in the first group and 0,04 point – in the second group in comparison to the previous year. In our opinion, this dynamics can be explained by the fact that the training process includes a large volume of special physical, technical and tactical training at the stage of advanced sports specialization (in comparison with the previous training period and even the previous annual macrocycle). This corresponds to the future narrow specialization in track-and-field. And the means aimed at the development of overall physical fitness are used to a lesser extent. As a result, the growth rates in exercises that do not correspond to the specifics of the future specialization in the chosen type of track-and-field can decrease noticeably.

The analysis of the dynamics of the level of physical fitness among the girls of both groups is shown in Figure 2. It makes possible to establish a practically similar situation with an increase in the results.

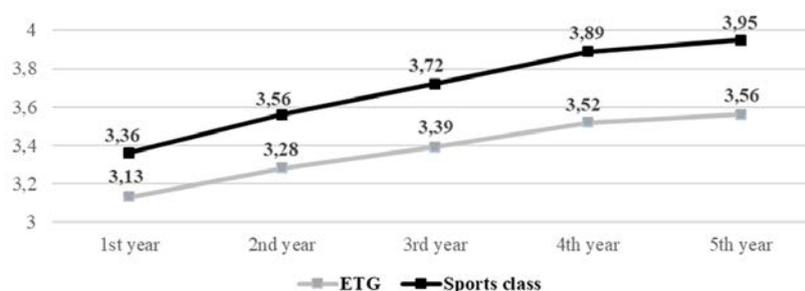

Figure 2 – Dynamics of the level of physical fitness among girls for the studied period

So, at the end of the first year of training, the girls who attended specialized sports classes have a higher level of physical fitness (3,36 points; «satisfactory» rating), in comparison with the girls from educational and training groups of specialized educational and sports institutions (3,13 points; «satisfactory» rating). The difference between the average group indicators was 0,19 point.

By the end of the second year, the difference in the indicators of both groups reached 0,28 point. The general level of physical fitness among the girls of the first group reached 3,56 points; the studied indicator was 3,28 points among the girls of the second group. The increase in the results in comparison with the previous year was 0,20 point among the girls who attended specialized sports classes, and 0,15 point – among the girls from educational and training groups.

The results of testing, which was carried out at the end of the stage of initial sports specialization (the 3rd year of training), show an increase in the overall level of physical fitness among the girls of both groups. So, this indicator was 3,72 points for those who attended specialized sports classes, 3,39 points – for the girls from educational and training groups. The increase in indicators for the year was up to 0,16 point and 0,11 point, respectively. The difference in the physical fitness indicators between the two groups at this stage was 0,37 point. At the same time, the physical fitness of both groups was at a satisfactory level.

The overall level of the physical fitness, shown by the girls who attended specialized sports classes, reached 3,89 points by the end of the fourth year of training; this indicator was 3,52 points among the girls from educational and training groups. The difference in the indicators between the groups at this stage was 0,37 point, and the increase in the results, compared to the third year of training, was 0,17 point in specialized sports classes and 0,13 point in educational and training groups.

By the end of the fifth year of training, the level of physical fitness reached 3,95 points among the girls who attended specialized sports classes, and the level of physical fitness was 3,56 points among the girls from educational and training groups (the difference was 0,39 points). As well as for the boys, the growth rates in the results at this stage are the lowest for the entire period of the research and were up to 0,06 point among the girls of the first group and 0,04 point among the girls of the second group.

In addition to the research based on the research of the dynamics of the results of control and transfer standards the coaches-teachers of the Republic of Belarus were surveyed to identify promising areas for improving the physical fitness of young athletes. These coaches have significant work experience in the classes specialized in track-and-field and in specialized educational and sports institutions. Based on the results of the analysis of the questionnaire survey data, we obtained the following information.

Most specialists, namely 31,48 %, referred to a single training regimen of the day as the most important distinguishing features of the organization of the educational and training process for all those athletes who practice sports in specialized sports classes. 24,07 % considered that the most important thing was the presence of a preliminary selection of children from among the most trained athletes when forming a class specialized in sports. 20,37 % chose the option that noted the possibility of increasing the mode of the training process by 2 academic hours per week. 12,97 % considered the opportunity to have training sessions 2 times a day at later stages of preparation as the most important feature. 11,11 % admitted the ability to organize the transfer period of training most optimally for young athletes.

The analysis of the answer to the question «Do you think the existing forms of sports training and teaching methods are developed and scientifically substantiated for specialized sports classes sufficiently?» showed that 68,52 % of the interviewed coaches-teachers answered negatively; 24,07 % answered positively; 7,41 % of the respondents found it difficult to answer that question.

When answering the question «Is it necessary to develop a program (method) for the training of young athletes attended a specialized sports class?», 53,70 % of the respondents gave a positive answer; 27,78 % of the coaches-teachers considered that it would be enough to adjust the current program, taking into account the peculiarities of training of athletes in the conditions of specialized sports classes; and 18,52 % did not see the need to develop a separate program (method) for the athletes of educational and training groups of specialized sports classes.

When answering the question: «What are you guided by when planning and building the educational and training process with young athletes attending specialized sports classes?», 42,59 % of the coaches-teachers indicated that they used sports programs for specialized educational and sports institutions and schools of the Olympic reserve, approved by Decree of the Ministry of Sports and Tourism of the Republic of Belarus, 22,22 % of the respondents used their own practical experience, 16,68 % – used scientific developments, and 14,81 % – methodological recommendations, 3,7 % of the respondents used all of the above-mentioned means and tools.

The results of the answer to the question «What level of development of physical fitness do young athletes have at the stage of initial sports specialization?» showed that a significant part, namely 48,14 and 35,19 % of the respondents, noted that the athletes had an average level and a level above the average, respectively.

The answers to the question «Why was not it still possible to achieve higher indicators in the level of physical fitness, when training athletes in the conditions of specialized sports classes?» indicate that a significant proportion of coach-teachers prefer to use track-and-field-specific programs for SESI. These programs determine the purposefulness, as well as the content of the educational and training process. Some of the trainers still tried to solve that problem using their own practical experience, as well as available scientific developments in the area. However, during the survey of this contingent, it was found that the means used by them in the organization and composition of the educational and training process had a limited range of influences, not contributing to the full extent of the complex physical development of athletes. We believe that these circumstances are associated with an insufficient number of scientific developments and recommendations for planning, organizing, and composing of the educational and training process in the conditions of specialized sports classes.

The analysis of the answers to the question: «What, in your opinion, ensures the effectiveness of training of young athletes (who have future specialization such as sprint and jumps) at the stage of initial sports specialization?» showed that the preference of all the proposed options is given to: development of physical qualities – 59,27 %; technique training – 31,48 %; tactics training – 3,7 %; all the above-mentioned directions – 3,7 %; theoretical training – 1,85 %.

It is of high importance to note that 40,74 % of the coaches participating in the research believe that, first of all, the attention should be paid to the comprehensive development of physical qualities and components of technical fitness at the physical training of young athletes. 35,19 % of the respondents believe that it is necessary to develop lagging physical qualities and components of technique readiness, and 24,07 % prefer to pay attention to leading physical qualities.

The answers to the question: «What means do you most often use to develop physical qualities among young athletes at the stage of initial sports specialization?» indicate that in most cases the respondents use exercises of a general developmental nature, as well as outdoor and sports games (38,89 and 31,48 %, respectively).

The opinions of the specialists about what additional training sessions (additional two academic hours) should be aimed at with young athletes who attended specialized sports classes differ. 37,04 % of the respondents believe that additional training hours should be used to restore young athletes. Most of the respondents (40,74 %) use this time as additional lessons aimed at developing general physical fitness. 14,81 % of the coaches who participated in the survey set the goal at these lessons to improve the technique preparedness of the athletes and 7,41 % of the coaches use additional hours as theoretical training sessions. At the same time, when answering the question: «Do additional training sessions influence the accumulation of fatigue among young athletes?», 90,74 % of the coaches-teachers indicated that excessive fatigue among trainees could be avoided with rational planning of training loads.

As a result of our research, it was found that, depending on the annual macrocycle of preparation and the means of sports training used during it, the level of physical fitness of the athletes participating in the research (boys and girls) gradually increased. The increase over the entire research period was 0,68 point (from 3,30 to 3,98 points) among the young athletes who attended specialized sports classes. At the same time, this indicator increased by 0,48 point (from 3,09 to 3,57 points) among the boys-athletes who were trained in the training groups of the specialized educational and sports institutions. The level of physical fitness increased from 3,36 to 3,95 points (an increase of 0,59 point) among the girls-athletes who attended specialized sports classes, and it increased from 3,13 to 3,56 points (an increase of 0,43 point) among the athletes from educational and training groups.

It can be noted that the achievement of a higher level of physical fitness among the athletes who attended specialized sports classes (the difference in the indicators between specialized sports classes and educational and training groups over the fifth year of training reached 0,41 point for boys and 0,39 point for girls), contributed to the distinctive features of the scheme of the educational and training process. Although the dynamics of the results of control exercises (the growth rates of the indicators gradually decrease and reach their minimum values over the fifth year) corresponds to the patterns of sports training, in which the increase in the indicators in control exercises can decrease with an increase in the level of physical fitness. None of the groups of the athletes who participated in the research did not reach the indicators corresponding to a good and excellent level of physical fitness for the entire period of training.

These features can be associated with the fact that a significant part of the coaches-teachers prefer to use programs for specific types of track-and-field for SESI. These programs determine the focus as well as the content of the educational and training process. Some coaches are still trying to solve this problem using their own practical experience, as well as the existing scientific developments in this area. However, when surveying this contingent, it was found that the means used by them in the organization and scheme of the educational and training process had a limited range of influences, not contributing to the full extent of the complex physical development of the athletes.

Conclusion. Based on the data of the research, it can be stated that the satisfactory level of physical fitness that the athletes of both groups have becomes one of the reasons for the low growth rates of physical fitness indicators. It may happen because the coaches-teachers use programs for individual types of track-and-field for SESI (as was indicated by 42,59 % of the respondents). Today these programs do not allow to fully reveal the potential of the distinctive features of the training of young athletes in specialized sports classes. There is also an insufficient number of scientific developments and the absence of similar programs for certain types of track-and-field, created directly for the athletes undergoing training in specialized sports classes.

In this regard, the problem of improving the physical fitness of young athletes actualizes the search for new scientific approaches and the rapid introduction into sports practice of innovative methods of physical training at the initial stages of long-term training, which would with the rational use of distinctive features contribute to the achievement of a higher level of physical fitness among those attended specialized sports classes in a much smaller amount of time.

References

1. On physical culture and sports [Electronic resource] : Law of the Republic of Belarus, 04.01.2014, № 125-3 // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. – Mode of access : https://www.pravo.by/upload/docs/op/H11400125_1390251600.pdf – Date of access : 06.02.2022.
2. Genetic, psychophysical and pedagogical technologies for training athletes : proceedings / Edited by V. A. Rogozkina. – St.-P. : St.-P-SRIPHC, 2006. – 143 p.
3. Kudinova, V. A. Strategy for long-term training of young athletes / V. A. Kudinova // Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. – 2011. – № 11 (81). – P. 80–83.
4. Mirakhmedov, F. T. Organizational and methodological features of training of athletes in sports schools / F. T. Mirakhmedov // Young scientist. – 2017. – № 12 (146). – P. 581–583.
5. Nikitushkin, V. G. Modern training of young athletes / V. G. Nikitushkin. – M. : Metodicheskoye posobiye, 2009. – 112 p.
6. The program «Sprinting» for specialized educational and sports institutions and schools of the Olympic reserve : approved by Decree of Ministry of Sports and Tourism of the Republic of Belarus, 09.12.2009, № 919. – Minsk : State institution «Scientific and research institute of physical culture and sports of the Republic of Belarus», 2009. – 103 p.
7. Trofimovich, I. I. Features of the organization of the educational and training process in sports specialized classes / I. I. Trofimovich, A. G. Narskin // Actual problems of physical education and sports training : proceedings of II International Virtual Conference of students, master's students and postgraduate students. – Grodno, 2020. – P. 281–285.
8. Shamardina, G. N. Rational combination of education in a general education school with the educational and training process in the SChYSS (based on the example of pupils of specialized classes) : dis. ... of can. of ped. sciences : 13.00.04 / G. N. Shamardina. – Leningrad, 1983. – 205 p.
9. On establishing a recommended minimum age for practicing sports [Electronic resource] : Decree of Ministry of Sports and Tourism of the Republic of Belarus and Ministry of Health of the Republic of Belarus, 16.01.2017, № 2/6 // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. – Mode of access : <http://www.pravo.by>. – Date of access : 18.05.2021.

Моделирование как дидактическая основа начального обучения математике: особенности, проблемы подготовки учителя, пути решения

М.А. УРБАН, А.С. ОБЧИНЕЦ

В статье представлены результаты теоретического анализа проблемы использования учебного моделирования в процессе обучения математике на I ступени общего среднего образования. Обобщены подходы к трактовке понятий «учебная модель» и «учебное моделирование» в психолого-педагогических и методических исследованиях, предложены авторские определения данных понятий, показаны проблемы методической подготовки студентов к использованию учебного моделирования на уроках математики, предложены пути их решения.

Ключевые слова: начальное обучение математике, учебная модель, учебное моделирование, умение моделировать.

The article presents the results of the theoretical analysis of didactic modeling using in Mathematics teaching at the first stage of general secondary education. The authors generalize different approaches to the interpretation of the concepts of «didactic model» and «didactic modeling» in psychological, pedagogical and methodological research; the authors' definitions of these concepts are given; the problems of teachers' methodological training to use didactic modeling in Mathematics are described and possible ways of their solving are proposed.

Keywords: primary mathematics education, didactic model, didactic modeling, modelling skills.

Введение. Постановка проблемы. Учебное моделирование в современном образовании применяется в процессе преподавания дисциплин с различным предметным содержанием и рассматривается экспертами как специальный метод обучения математике [1]. Средством познания в методе моделирования является модель, которую определяют в гносеологии как систему, «исследование которой служит средством получения информации о другой системе» [2, с. 48]. В психолого-педагогических исследованиях модели и моделирование стали системно изучаться со второй половины XX в., хотя уже начиная с XVII в. наглядное представление изучаемых понятий с помощью соответствующих моделей отмечалось как эффективный прием обучения в начальной школе. Одним из первых употребляет термин «модель» Я.А. Коменский. В своей работе «Великая дидактика» он пишет: «Подобные, доступные непосредственному рассмотрению препараты (то есть модели вещей, которых нельзя иметь в натуре) следовало бы заготовить по всем изучаемым предметам, так чтобы они всегда были под рукою в школе. И если бы даже изготовление этих моделей потребовало расходов и труда, то все же от этой работы последовала бы необыкновенная польза» [3, с. 156–157]. Выдающиеся ученые-педагоги прошлого отмечали необходимость использования специально изготовленных наглядных моделей при изучении различных дисциплин в начальной школе; на протяжении более двух столетий методические знания о преподавании арифметики обогащались новыми приемами и средствами обучения, которые позволяли строить различные модели изучаемых понятий и способов действий.

Во второй половине XX в. педагоги начали рассматривать учебные модели и учебное моделирование как объекты научного исследования. Анализ педагогических источников позволяет сделать вывод, что моделирование в большей степени интересовало ученых как метод *научного исследования* педагогических объектов, этой проблеме посвящены многочисленные публикации ([4]–[6] и др.). В дидактическом аспекте (как метод обучения) моделирование рассматривается значительно реже. При этом во многих исследованиях этому методу обучения дается только краткая характеристика, иногда дополняемая примерами использования учебных моделей в виде схем, графиков, таблиц и т. п. при описании наглядных методов обучения – в частности, метода иллюстраций ([7]–[11] и др.). В отдельных исследованиях авторы дают краткую характеристику каждому из направлений использования моделирования в педагогике – как исследовательскому, так и дидактико-методическому.

Анализ психолого-педагогических источников позволяет сделать вывод о том, что несмотря на интерес к проблеме учебного моделирования, который отмечается в последние десятилетия, до сих пор остаются не в полной мере решенными вопросы о сущности этого понятия в дидактическом аспекте и конкретных направлениях его использования в процессе преподавания различных учебных предметов.

Цель данной статьи – исследовать дидактические подходы к определению сущности учебной модели и учебного моделирования, сформулировать определения данных понятий с учетом специфики начального обучения математике, обосновать необходимость целенаправленной методической подготовки будущих учителей начальных классов к использованию учебного моделирования на уроках математики.

Дидактические подходы к определению понятий учебной модели и учебного моделирования. Выполненный анализ психолого-педагогических и методических источников позволил нам сделать вывод о том, что в большинстве из них упоминались понятия учебной модели и учебного моделирования, но этим понятиям не всегда давались определения. Многие авторы брали за основу философские трактовки модели и моделирования или ограничивались описанием характеристик учебной модели. Определения понятий учебной модели и учебного моделирования (в дидактическом, а не исследовательско-педагогическом аспекте) были обнаружены нами в относительно небольшом числе работ (таблицы 1 и 2).

Таблица 1 – Примеры трактовок понятия «учебная модель» в психолого-педагогических и методических исследованиях

Автор	Трактовка понятия
А.В. Белошистая	Построенный по определенным правилам аналог исследуемого объекта, который отражает структуру связей и отношений и замещает его так, что его изучение дает нам новую информацию об этом объекте
Н.В. Буренкова	Средство обучения при выявлении и фиксации в наглядной форме тех всеобщих отношений, которые отражают научно-теоретическую сущность изучаемых объектов
А.У. Варданян, В.В. Давыдов	Изображение, которое отражает некую систему, воспроизводя в каком-то отношении моделируемый объект, и охватывает те существенные признаки объекта, которые соответствуют целям моделирования
Л.А. Венгер	Схематизированный образ, который отражает связь элементов вне зависимости от частных особенностей этих элементов
С.Г. Воровщиков, Д.В. Татьянченко	Материальные и мысленно представленные объекты, которые в процессе изучения замещают объект-оригинал, сохраняя некоторые важные для определенного исследования свойства
Б.П. Есипов	Трехмерное изображение предмета или части его в увеличенном или уменьшенном масштабе, с точным соблюдением размеров и пропорций частей, допускающее некоторую схематизацию и условность
Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров	Искусственно созданный объект в виде схемы, таблицы, чертежа и т. п., который, будучи аналогичным исследуемому объекту, отображает и воспроизводит в более простом, уменьшенном виде структуру, свойства, взаимосвязи и отношения между элементами исследуемого объекта
И.Г. Обойщикова	Форма научной абстракции особого рода, в которой выделенные существенные отношения объекта закреплены в наглядно-воспринимаемых связях и отношениях каких-либо объектов
И.М. Осмоловская	Учебно-наглядное пособие, искусственно воспроизводящее натуральные объекты и передающее их структуру, существенные свойства, связи и отношения
Л.Г. Петерсон	Модели, используемые в преподавании
А.А. Столяр	Учебное средство, используемое в процессе математизации эмпирического материала
Л.М. Фридман	Объект, который в определенном отношении подобен оригиналу и используется человеком в соответствии с целями замещения оригинала, создания представления об оригинале, интерпретации или исследования оригинала

Анализ приведенных в таблице 1 трактовок показывает различия как в родовых понятиях, так и в перечне указанных видовых отличий учебной модели. Можно выделить три основных педагогических подхода к выделению родового понятия в определении учебной модели:

1. Учебная модель определяется как изображение, наглядное средство усвоения, схематизированный образ.

2. Учебная модель определяется как объект или его аналог.

3. Учебная модель определяется как средство обучения.

Первый подход (модель как изображение) является слишком узким и не учитывает вариативность средств построения учебной модели, которые могут быть не только изобразительными, но также словесными и математическими. Второй подход (модель как объект), наоборот, является предельно широким и уводит нас от специфики этого понятия для проблем образования. Третий подход является, с нашей точки зрения, корректным для дидактического фокуса, однако не оптимален для целей преподавания конкретного учебного предмета «Математика». Ни в одном из проанализированных нами определений учебная модель не соотносилась с понятием модели в ее гносеологическом понимании.

Таблица 2 – Примеры трактовки понятия «учебное моделирование» в психолого-педагогических и методических исследованиях

Автор	Трактовка понятия
А.Г. Асмолов	Преобразование объекта из чувственной формы в модель, где выделены существенные характеристики объекта, и преобразование модели с целью выявления общих законов, определяющих данную предметную область
А.В. Белошистая	Способ построения модели
Н.В. Буренкова	Универсальное учебное действие, способ познания при выявлении и фиксации в наглядной форме тех всеобщих отношений, которые отражают научно-теоретическую сущность изучаемых объектов
А.У. Варданын В.В. Давыдов	Этап работы над учебной задачей, учебное действие, которое позволяет показать существенные характеристики изучаемых понятий в предметной, графической или знаковой форме, чтобы затем перейти к непосредственному исследованию этих характеристик
Л.А. Венгер	Интеллектуальная способность ребенка
Е.И. Смирнов	Формирование адекватного сформулированной цели устойчивого результата внутренних действий обучаемого в процессе моделирования им существенных характеристик объекта
И.И. Ильясов	Средство обучения, представляющее собой отработку определенных психологических операций – прежде всего в научно-теоретической сфере – на системах, служащих отображением реальных процессов окружающей среды (моделях)
В.Н. Медведская	Конкретизация математического доказательства с помощью геометрических фигур
В.П. Мизинцев	Синтетический метод, с помощью которого осуществляется дискретизация (квантование), отображение и преобразование (по одной или нескольким характеристикам) структуры и функции объекта в соответствующие ему модели
И.Г. Обойщикова	Обобщенное интеллектуальное умение учащихся, отражающее специфику математического описания действительности и состоящее в замене математических объектов (их отношений, способов деятельности с ними) в виде изображений отрезками, числовыми лучами, схемами, значками и т. п.
Л.Е. Осипенко	Умение воспринимать, осмысливать, передавать, интерпретировать информацию посредством формальных языков, моделей и алгоритмов
В.Ф. Паламарчук	Метод исследования или обучения, который предполагает создание искусственных или естественных систем (моделей), иллюстрирующих существенные свойства оригинала
Л.Г. Петерсон	Процесс построения и исследования учебной модели учениками (под руководством учителя или самостоятельно)
Н.Г. Салмина	Знаково-символическая деятельность, заключающаяся в получении объективно новой информации за счет оперирования знаково-символическими средствами
Е.Е. Сапогова	Сложное, многоуровневое образование в сознании субъекта, позволяющее ему моделировать и преобразовывать объективный мир через конструирование идеализированной предметности знаково-символическими средствами. Умение строить идеализированную предметность, в моделях которой отражены существенные свойства вещей и явлений
Л.М. Фридман	Деятельность по построению (выбору или конструированию) моделей
И.И. Целищева	Замена действий с обычными предметами действиями с их уменьшенными образцами, моделями, муляжами, макетами, а также их графическими заменителями: рисунками, чертежами, схемами и т. п.

В трактовках понятия «учебное моделирование» в психолого-педагогических и методических исследованиях можно выделить три основных педагогических подхода:

1. Учебное моделирование определяется как учебное действие или учебное умение, этап работы над учебной задачей.

2. Учебное моделирование трактуется как деятельность по построению моделей.

3. Учебное моделирование определяется как метод обучения.

В первом подходе (учебное моделирование как учебное действие) моделирование трактуется достаточно узко, что не позволяет оценить в комплексе его учебный потенциал. Второй подход заслуживает внимания, однако в нем делается акцент исключительно на деятельностной природе моделирования, вне фокуса остается специфика учебного моделирования как метода обучения. Третий подход, в противоположность второму, относит учебное моделирование к методам обучения, в то же время в нем не учитывается его деятельностный характер. Ни в одном из проанализированных источников учебное моделирование не соотносилось с моделированием в гносеологическом аспекте.

Понятия «учебная модель и учебное моделирование» в начальном обучении математике. Выполненный анализ позволил определить понятия «учебная модель» и «учебное моделирование» с учетом специфики начального обучения математике. Учебная модель в начальном обучении математике – это вид модели, фиксирующий существенные стороны изучаемых математических понятий и способов действий преимущественно визуальными, но также вербальными и символическими средствами, и используемый в учебном познании в соответствии с целями обучения [12]. Особенности авторской трактовки заключаются в следующем: учебная модель определяется как вид модели в ее гносеологическом значении; отмечается, что учебная модель может быть построена с помощью различных знаково-символических средств с приоритетной ролью визуальных; указывается, что учебная модель предназначена как для получения новой информации об объекте, так и для достижения других целей обучения, имеющих весомое значение в начальном обучении математике (понимание, усвоение, применение учащимися математических понятий и способов действий). Учебное моделирование в начальном обучении математике представляет собой моделирование, которое используется в учебном познании дуально: как вид учебно-познавательной деятельности учащихся начальных классов, предполагающий использование учебных моделей для усвоения математического материала, а также как метод начального обучения математике, представляющий собой совокупность приемов работы педагога, направленных как на усвоение учащимися математического материала с помощью учебных моделей, так и на формирование умения моделировать [12]. Особенности авторской трактовки заключаются в следующем: учебное моделирование определяется как вид моделирования в его гносеологическом значении; оно рассматривается как вид учебно-познавательной деятельности учащихся начальных классов и как метод обучения математике в их взаимосвязи; деятельностный аспект учебного моделирования в начальном обучении математике признается приоритетным и определяющим приемами, входящие в состав метода учебного моделирования.

Подготовка студентов факультета начального образования к использованию учебного моделирования на уроках математики. Проблема подготовки будущих учителей начальных классов к использованию учебного моделирования может быть решена разными способами в зависимости от исходной методической предпосылки, сводящейся к ответу на вопрос «Способен ли ребенок в возрасте 6–10 лет научиться самостоятельно строить модели?» В зависимости от ответа (да или нет) могут быть предложены различные методические концепции начального обучения математике в школе, которые потребуют разных подходов к методической подготовке студентов – будущих учителей начальных классов. Если ответ отрицательный, то работа учителя будет направлена на применение учебных моделей в «готовом» виде и объяснение с их помощью изучаемых понятий и способов действий. Если ответ положительный, то усилия учителя будут направлены на формирование у ребенка умения самостоятельно моделировать.

В методической науке пока еще нет однозначного ответа на вопрос о возможностях овладения младшими школьниками умением самостоятельно моделировать. Ряд авторов заявляют о том, что дети в возрасте 6–10 лет еще не обладают достаточным уровнем сформированности мыслительных операций, необходимых для осуществления действия моделирования (И.Г. Обойщикова [13], Г. Штильман [14]). Примечательно, что этой позиции придерживаются

и некоторые эксперты сингапурской методической школы, которая добилась высоких показателей математической подготовки школьников (первые места в исследованиях TIMSS и PISA¹) благодаря эффективному использованию модельного метода обучения математике [15]. Другие исследователи считают, что учащиеся младшего школьного возраста могут овладеть умением моделировать на доступном для них уровне (А. Алсина [16], А.В. Белошистая [17], Л. Инглиш [18], Р. Лерер [19], А.А. Столяр [1]).

Методическая концепция начального обучения математике, которую разделяют авторы статьи, рассматривает учебное моделирование бинарно: как средство формирования математических понятий и как умение, которым овладевают выпускники начальных классов [12]. Эта концепция получила отражение в действующей учебной программе по математике для I ступени общего среднего образования, согласно которой обучение математике с опорой на деятельность моделирования признается одним из принципов начального обучения математике [20].

Чтобы сформировать у учащихся умение использовать учебные модели, учитель начальных классов должен сам иметь необходимые методические знания о сущности учебных моделей и видах заданий с ними. Для выявления степени готовности студентов к использованию моделирования в школе было выполнено исследование на базе факультета начального образования Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка. Исследование выполнялось в три этапа.

На *первом этапе* исследования в начале изучения темы «Методика обучения решению текстовых арифметических задач» студентам факультета была предложена проверочная работа. Будущим учителям предлагалось построить схематические учебные модели к десяти текстовым задачам из учебных пособий по математике для начальных классов. Результаты оценивались по 10-балльной шкале в соответствии с количеством корректно построенных учебных моделей. Из 100 студентов, выполнявших данную работу, 27 человек получили от 6 до 10 баллов, остальные – менее 6 баллов. Это указывает на достаточно низкий уровень владения студентами умением строить учебные модели.

На *втором этапе* исследования для установления причин низких результатов проверочной работы были проведены индивидуальные беседы с 15 студентами, набравшими наименьшее количество баллов. Приведем чаще всего упоминаемые студентами причины затруднений в построении учебных моделей к текстовым арифметическим задачам: студент не понимал, что такое модель, поэтому не мог уяснить, что требовалось сделать в задании; студент не определил существенные данные задачи и отношения между ними и искомым, поэтому не смог понять, что отражать в модели; студент не понимал, насколько подробно нужно показывать в модели элементы задачи, поэтому не смог установить, какие элементы надо представить в модели и как много их потребуется; студент не построил учебную модель к задаче, потому что не знал, как следует отражать на модели данные и искомое задачи; студент не захотел построить схематическую модель к задаче, потому что ему самому схема не помогает найти способ решения задачи.

Поскольку непонимание сущности понятия «модель» чаще всего называлось студентами причиной затруднений, на *третьем этапе* исследования мы уточнили степень понимания всеми респондентами, выполнявшими диагностическую проверочную работу (100 студентов), сущности этого понятия. Также был выявлен уровень сформированности у студентов умений распознавать учебную модель и выявлять дидактические задачи, которые можно решить с помощью учебной модели на уроках математики в начальных классах. Студентам была предложена анкета, которая содержала 10 вопросов, уточняющих понимание модели и ее функций в окружающей действительности и в начальном обучении математике. При ответе студенты могли выбрать один или несколько верных вариантов.

Выбранные респондентами ответы показали, что студенты часто опираются на интуитивное понимание модели, выделяя устойчивые словосочетания, встречавшиеся им со словом

---

¹Источники: TIMSS 2019 International results in mathematics and science [Electronic resource] // TIMSS and PIRLS. – Mode of access : <https://timss2019.org/reports/average-achievement-math-m4>. – Date of access : 20.04.2022; PISA 2018 assessment and analytical framework [Electronic resource] // OECD iLibrary. – Mode of access : <https://doi.org/10.1787/b25efab8-en>. – Date of access : 18.04.2022.

«модель» (например, глобус – модель Земли). Только 101 ответ из 500 (5 первых вопросов для 100 респондентов) был верным, то есть около 80 % ответов оказались ошибочными. Ответы также показали, что большинство студентов не разделяют модели на учебные и неучебные (например, при ответе на вопрос 6 многие студенты выбрали вариант «план рассадки деревьев, выданный работникам парка», что является моделью, но не представляет собой пример учебной модели). С другой стороны, было выявлено, что у большинства респондентов «сужен» объем понятия «учебная модель»: к ним студенты относят только схемы, построенные с помощью геометрических отрезков. Из 500 полученных во втором разделе ответов верными оказались только 92, то есть около 82 % ответов были ошибочными.

Указанные выше результаты диагностической проверочной работы и анкетирования подчеркивают необходимость специальной методической подготовки студентов к использованию учебного моделирования. Опосредованное обучение студентов распознавать и использовать учебные модели в начальном обучении математике начинается в процессе овладения ими содержания учебной дисциплины «Методика преподавания математики и практикум по решению задач». Формирование полноценного представления об учебном моделировании не является специальной задачей данной дисциплины, однако в ходе обучения студенты знакомятся с разными видами учебных моделей как средствами решения математических задач. Тем не менее в этом случае результативность обучения не отвечает в полной мере требованиям методической подготовки учителей к преподаванию математики в начальных классах. Совершенствование процесса подготовки будущих учителей начальных классов к использованию учебного моделирования на уроках математики возможно благодаря обогащению обучения специальной учебной дисциплиной «Моделирование в учебном процессе». Данная дисциплина обеспечивает непосредственное формирование у студентов компетенций в области использования учебного моделирования [21]. После завершения изучения студентами учебной дисциплины «Моделирование в учебном процессе» планируется выполнить диагностику степени их методической и мотивационной готовности использовать учебное моделирование в начальном обучении математике.

Заключение. Выполненный теоретический анализ позволяет сделать следующие выводы:

– несмотря на научный и практический интерес педагогов к проблеме исследования до сих пор не выработаны единые подходы к определению понятий учебной модели и учебного моделирования;

– понятия учебной модели и учебного моделирования в начальном обучении математике могут быть сформулированы через соотнесение их с понятиями «модель» и «моделирование» в гносеологическом аспекте и с учетом специфики предметной области и ступени образования;

– в научных исследованиях нет единого мнения о возможности формирования у младших школьников умения моделировать, однако большая часть экспертов считает, что при соответствующих педагогических условиях это умение может быть сформировано на доступном для учащихся данной возрастной группы уровне;

– в действующей белорусской учебной программе учебного предмета «Математика» для I ступени общего среднего образования опора на деятельность моделирования признается в качестве принципа начального обучения математике, что требует соответствующей подготовки студентов факультета начального образования;

– результаты исследования выявили проблемы в уровне подготовки будущих учителей начальных классов к использованию учебного моделирования на уроках математики;

– совершенствование процесса обучения студентов возможно через обогащение их методической подготовки учебной дисциплиной «Моделирование в учебном процессе», обеспечивающей непосредственное формирование компетенций в области использования учебного моделирования на уроках математики.

Литература

1. Столяр, А. А. Педагогика математики : учеб. пособие / А. А. Столяр. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Выш. шк., 1986. – 413 с.
2. Уемов, А. И. Логические основы метода моделирования / А. И. Уемов. – М. : Мысль, 1971. – 312 с.

3. Коменский, Я. А. Великая дидактика / Я. А. Коменский. – СПб. : Семья и шк., 1875–1877. – Разд. паг.
4. Дахин, А. Н. Моделирование в педагогике / А. Н. Дахин // Идеи и идеалы. – 2010. – № 1. – С. 11–20.
5. Казимирская, И. И. Проектирование как средство гуманитаризации высшего педагогического образования [Электронный ресурс] / И. И. Казимирская // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа : <http://elib.bsu.by/handle/123456789/18794>. – Дата доступа : 02.08.2021.
6. Котлярова, И. О. Метод моделирования в педагогических исследованиях : история развития и современное состояние / И. О. Котлярова // Вестник ЮУрГУ. – 2019. – Т. 11. – № 1. – С. 6–20.
7. Бабанский, Ю. К. Методы обучения в современной общеобразовательной школе / Ю. К. Бабанский. – М. : Просвещение, 1985. – 208 с.
8. Подласый, И. П. Педагогика : 100 вопросов – 100 ответов / И. П. Подласый. – М. : Владос-пресс, 2003. – 365 с.
9. Ядровская, М. В. Модели в педагогике / М. В. Ядровская // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2013. – № 366. – С. 139–143.
10. Мизинцев, В. П. Применение моделей и методов моделирования в дидактике / В. П. Мизинцев. – М. : Знание, 1977. – 52 с.
11. Русова, Н. Ю. Дидактический материал : теория и практика моделирования / Н. Ю. Русова. – Н. Новгород : Нижегород. гос. пед. ун-т, 2002. – 220 с.
12. Урбан, М. А. Методическая система начального обучения математике с использованием учебного моделирования : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / М. А. Урбан. – Минск, 2020. – 361 с.
13. Обойщикова, И. Г. Обучение моделированию учащихся 5–6 классов при изучении математики : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / И. Г. Обойщикова. – Пенза, 2002. – 167 л.
14. Research into mathematical applications and modelling [Electronic resource] / G. Stillman [et al.] // Research in mathematics education in Australasia 2012–2015 / ed.: K. Makar [et al.]. – Singapore, 2016. – Mode of access : https://doi.org/10.1007/978-981-10-1419-2_14. – Date of access : 15.02.2022.
15. Mathematical modeling: from theory to practice / ed.: Lee Ngan Hoe, Ng Kit Ee Dawn. – Singapore [etc.] : World Sci., 2015. – 256 p. – (Series on mathematics education ; vol. 8).
16. Alsina, A. Understanding Early Mathematical Modelling : First Steps in the Process of Translation Between Real-world Contexts and Mathematics [Electronic resource] / A. Alsina, M. Salgado // International Journal of Science and Mathematics Education. – Mode of access : <https://doi.org/10.1007/s10763-021-10232-8>. – Date of access : 02.03.2022.
17. Белошистая, А. В Теория и методика математического развития детей дошкольного возраста : учебник / А. В. Белошистая. – М. : Академия, 2017. – 271 с.
18. English, L. D. Learning through modelling in the primary years / L. D–A. English // Mathematical modeling : from theory to practice / ed.: N. Dawn, L. Hoe. – Singapore, 2015. – P. 99–124.
19. Lehrer R. Learning to play the modeling game / R. Lehrer, L. Schauble // Towards a competence-based view on models and modeling in science education / ed.: A. Upmeier zu Belzen, D. Krüger, J. van Driel. – Springer, Cham, 2019. – Vol. 12. – P. 221–236.
20. Учебная программа по учебному предмету «Математика» для IV класса учреждений общего среднего образования с русским и белорусским языком обучения и воспитания [Электронный ресурс] : постановление М-ва образования Респ. Беларусь, 27 июля 2017 г., № 90 // *іlex* : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
21. Моделирование в учебном процессе [Электронный ресурс] : учебная программа учреждения образования по учебной дисциплине (по выбору студента) для специальности 1-01 02 01 Начальное образование / сост.: М. А. Урбан, А. С. Обчинец // Репозиторий БГПУ. – Режим доступа : <https://elib.bspu.by/handle/doc/49920>. – Дата доступа : 20.03.2022.

Основные аспекты построения тренировочного процесса юных бегунов на короткие дистанции (результаты анкетного опроса тренеров Республики Беларусь и Республики Ирак)

Х.С. ХОРШИДАХМЕД

Цель исследования – определить основные аспекты построения тренировочного процесса юных бегунов на короткие дистанции Республики Беларусь и Республики Ирак. Анализ результатов анкетного опроса позволил выявить как общие тенденции при осуществлении подхода к тренировке юных бегунов на короткие дистанции, так и определенные различия. Использование иракскими тренерами опыта подготовки спринтеров в Республике Беларусь может быть потенциальным резервом для модернизации существующей системы подготовки спринтеров в стране.

Ключевые слова: анкетирование, юные бегуны, тренировочный процесс, Республика Беларусь, Республика Ирак, скоростные способности, средства тренировки.

The purpose of the study is to determine the main aspects of the construction of the training process of young short-distance runners of the Republic of Belarus and the Republic of Iraq. The analysis of the results of the questionnaire survey revealed both general trends in the implementation of the approach to training young runners for short distances, and certain differences. The use of the experience of training sprinters in the Republic of Belarus by Iraqi trainers can be a potential reserve for the modernization of the existing system of training sprinters in the country.

Keywords: questionnaire, young runners, training process, Republic of Belarus, Republic of Iraq, speed abilities, means of training.

Введение. Современная система подготовки спринтера включает в себя многочисленные средства и методы воздействия на процесс развития его скоростных способностей и средства обеспечения эффективности этого процесса, организованные в рамках отдельных этапов [1], [2], [3], [4], [5], [6]. Одним из важнейших условий своевременного начала занятий спортом должно быть правильное определение удельного веса различных средств физической подготовки в общей системе тренировочного процесса юного спортсмена. Для занятий спортом необходимо правильно, в рациональном соотношении, увязать не только специальную и общую физическую подготовку на всех этапах многолетнего планирования тренировочного процесса [7], [8], [9], но и соревновательную деятельность спортсменов [10].

Научно-методических работ, связанных с особенностями построения годичного макроцикла юных бегунов на короткие дистанции, встречается не так много в отличие от направленности тренировочного процесса взрослых спортсменов. В частности, G.O. Kristensen [11] указывает некоторые параметры объема и интенсивности тренировочных нагрузок для юных спринтеров, Э.С. Озолин [3] дает общую характеристику и схему построения тренировочного процесса спринтеров в многолетнем аспекте. Отдельные сведения о методике подготовки спринтеров различной квалификации можно найти в трудах В.Ф. Борзова [1], Т.П. Юшкевича [5], [12], Е.Д. Гагуа [2], А.А. Змачинского [13], В.Г. Ярошевича [14], В.В. Мехрикадзе [6], J.M. Cissik [15], S. Letzelter [16], R. Saunders [17] и других авторов.

Таким образом, литературные источники по вопросам построения учебно-тренировочного процесса юных бегунов на короткие дистанции, как правило, рассматривают различные аспекты развития двигательных качеств на отдельных этапах тренировки спортсменов. В то же время отсутствуют работы, в которых весь процесс многолетней подготовки бегуна на короткие дистанции был объединен общей методической линией.

В настоящее время в Республике Ирак наблюдается значительное отставание спортивных результатов в легкой атлетике от мировых достижений. В особенности это относится к результатам в спринте. Как пример, может служить показатель рекорда Ирака в беге на 100 м равный 10,66 с (для сравнения, рекорд Беларуси – 10,27 с, рекорд мира – 9,58 с). На основа-

нии вышеизложенного перед специалистами Ирака, занимающимися теорией и практикой спринта, насущным вопросом является дальнейшее изучение и улучшение методики подготовки юных спринтеров.

Анализ специальной литературы показал, что в Ираке проблемам, связанным с исследованием методов и средств тренировки юношей-спринтеров, уделено недостаточное внимание. В частности, отсутствуют данные о сравнительном анализе подготовки юношей-спринтеров Ирака с другими передовыми легкоатлетическими школами мира. Нет конкретных методических рекомендаций по организации специальной физической подготовки в годичном цикле для юных бегунов на короткие дистанции.

В то же время использование иракскими тренерами опыта подготовки спринтеров в Республике Беларусь может быть потенциальным резервом для модернизации существующей системы подготовки спринтеров в стране. Применение научного и практического багажа знаний, накопленного при подготовке в РБ юных бегунов на короткие дистанции, позволит иракским тренерам «конвертировать» данный опыт в спортивный результат спринтеров Ирака.

Цель исследования заключалась в определении основных аспектов построения тренировочного процесса юных бегунов на короткие дистанции Республики Беларусь и Республики Ирак.

Методы исследования. Опрос проводился в период с 2018 по 2019 гг. по разработанной нами анкете. Последняя учитывала необходимые для ее составления параметры [18]. Устанавливалось практическое осуществление подхода по организации круглогодичной подготовки, использовании средств скоростно-силовой направленности в различных структурных единицах макроцикла и основных тестов, которые применяют тренеры Республики Беларусь и Ирака для оценки специальной подготовленности бегунов на короткие дистанции и др. Группы респондентов составили тренеры Республики Беларусь ($n = 23$) и Республики Ирак ($n = 25$), которые проводят учебно-тренировочные занятия с юными спринтерами. Респондентам предлагалось выразить свое мнение по 16 вопросам, содержащимся в предлагаемой им анкете.

Основная часть. При сопоставлении данных анкетных опросов нами была выявлена общность подходов в работе специалистов обеих стран:

а) главной особенностью построения тренировочного процесса бегунов на короткие дистанции на этапе углубленной тренировки является развитие основных физических качеств;

б) основная направленность тренировочных занятий в возрасте на данном этапе многолетнего совершенствования связана с пропорциональным развитием двигательных способностей и необходимостью подтягивать отстающие качества подопечных;

в) большое внимание тренеры двух стран уделяют развитию специальной выносливости;

г) к сожалению, дополнительными показателями, которые тренеры двух стран упускают из вида при организации учебно-тренировочного процесса юных спортсменов, являются состояние их здоровья, мало учитывается мотивация, условия учебы и быта;

д) осуществление подхода к организации учебно-тренировочного процесса с юными бегунами на короткие дистанции, избранного тренерами как Республики Беларусь, так и Республики Ирак, реализуется в большинстве случаев на их личном практическом опыте.

Несмотря на большое количество сходных мнений у специалистов РБ и Ирака, выявлены и значительные различия. Так, большинство белорусских тренеров (45 %) предлагает начинать специализированную подготовку в спринте с 14 лет, в то время как 66 % иракских тренеров полагают, что начинать специализированную подготовку к скоростному бегу следует уже с 12–14 лет.

Оценивая физические качества в зависимости от того, какое внимание им уделяют тренеры в процессе тренировки, белорусские и иракские тренеры ранжируют их по-разному. Второе место после скоростных возможностей у белорусских тренеров занимают скоростно-силовые способности, а у иракских – развитие специальной выносливости. Причем белорусские тренеры оценивают скоростные возможности и скоростно-силовые способности примерно одинаково (разница оценок от 0,3 до 0,13), тогда как у иракских специалистов скоростно-силовые и, особенно, силовые способности оцениваются гораздо ниже.

Респонденты РБ используют почти в два раза больше нормативных показателей для оценки уровня развития двигательных способностей и для контроля хода учебно-тренировочного процесса юных бегунов в макроцикле. Тренеры Республики Ирак для оценки

силовых способностей используют показатели становой силы и кистевой динамометрии, которые по данным специалистов [3], [19] не являются для бегунов на короткие дистанции информативными тестами. Для юных спринтеров иракские тренеры считают возможным использовать пропорциональное развитие всех основных физических качеств и подтягивать отстающие качества. В то же время, определенный процент (34,5 %) респондентов РБ ставит перед собой приоритетную задачу в совершенствовании ведущих физических качеств своих подопечных.

Необходимым регулярное педагогическое тестирование при организации учебно-тренировочного процесса юных бегунов на короткие дистанции в годичном цикле подготовки считает 88 % тренеров РБ, против 57 % специалистов Ирака, которые оценивают двигательные способности учеников раз в год. Причем те, кто регулярно тестируют своих подопечных в Беларуси, делают это 3–5 раз в год, а в Ираке 19 % тренеров не имеет сколь угодно устоявшегося мнения о регулярном тестировании.

Наибольшие различия наблюдаются в организации годичного цикла подготовки юных бегунов и его структурных составляющих. Большинство белорусских тренеров считает, что уже в этом возрасте может использоваться двухцикловое планирование годичного цикла. При этом в подготовительных периодах необходимо больше внимания уделять развитию общей выносливости и специальной силовой подготовке, а в соревновательных периодах должны доминировать тренирующие воздействия, связанные с повышением объема скоростного бега. Несколько меньший процент специалистов РБ значительное внимания в подготовительных периодах рекомендует уделять различным играм и эстафетам, а так же общефизической подготовке, а в соревновательных периодах вначале должен, по их мнению, превалировать объем бега, направленный на повышение скоростной выносливости, а затем максимальной скорости. В то же время все опрошенные иракские тренеры считают, что в возрасте 14–15 лет еще рано использоваться двухцикловое планирование годичного цикла тренировки, при этом макроцикл состоит из подготовительного, соревновательного и переходного периодов.

В подготовительном периоде основное внимание на этапе углубленной тренировки в Ираке уделяется бегу с субмаксимальной скоростью и играм (включая подвижные) или применяется бег с различной скоростью в сочетании с общеразвивающими упражнениями. При этом скоростно-силовые и силовые упражнения используются совместно с бегом с субмаксимальной скоростью, что считается нежелательным [20], [21]. В соревновательном периоде используют в основном бег с максимальной скоростью и спортивные игры или чередование кроссового бега со скоростным бегом и прыжковыми упражнениями.

В тренировке с юными бегунами на короткие дистанции белорусские специалисты используют большее и более разнообразное количество средств скоростно-силовой направленности. Часть из них (49 %) считает, что необходимо применять такие средства на протяжении всего годичного цикла тренировки, определенный процент (46 %) отдает предпочтение их использованию только в подготовительном периоде. Большинство опрошенных иракских тренеров полагает, что необходимо применять средства скоростно-силовой направленности на протяжении всего годичного цикла.

Различия имеются также в продолжительности тренировочных занятий. Переходный период характеризуется примерно одинаковым количеством минут, а в подготовительном – тренеры Республики Беларусь проводят занятия продолжительностью от 100 до 150 мин., а тренеры Ирака от 60 до 90 мин. В соревновательном периоде время тренировки составляет 60–90 минут и в РБ, и 50–70 минут в Ираке.

Время, затрачиваемое на специализированную направленность подготовки к спринтерскому бегу в рамках одного занятия, имеет одинаковую динамику прироста вплоть до соревновательного периода. И если в подготовительном и соревновательном периодах у иракских спортсменов наблюдается практически одинаковый процент применения специализированной подготовки (использования бега с субмаксимальной и максимальной интенсивностью), то у юных спринтеров РБ в переходном и подготовительном периодах такой процент очень низкий и резко возрастает в соревновательном периоде. Различие выявлено и в выделении времени на использование скоростного бега в соревновательном периоде. В процентном выражении это составило 80,0 % в Республике Беларусь и 55,5 % в Ираке.

Осуществляя организацию учебно-тренировочного процесса юных бегунов на короткие дистанции в годичном цикле подготовки, тренеры РБ в большей степени учитывают также психологическую подготовку (32 %), сотрудничество тренера со спортсменом (30 %), в меньшей степени принимают во внимание сотрудничество с врачом и родителями, морально-волевые качества бегуна, тактическую и теоретическую подготовку и не используют форсированной подготовки.

При ответе на этот вопрос специалисты Ирака предусматривают в первую очередь отношение тренера со спортсменом и значительно в меньшую роль отводят психологической подготовке, сотрудничеству с врачом и родителями. Они считают возможным использовать форсированную подготовку, не принимать во внимание морально-волевые качества бегуна, не использовать тактическую и теоретическую подготовку.

Итак, можно сделать заключение, что большинство тренеров понимают важность физической подготовки при организации тренировочного процесса на этапе углубленной тренировки, однако еще существует ряд невыясненных вопросов (какие средства лучше использовать в том или ином возрасте, их объём на различных структурных единицах годичного цикла подготовки, разнородность задач, которые тренер должен решать при повышении подготовленности, контроль за её уровнем на этапах годичного цикла, определение «батарей» информативных тестов для оценки уровня специальной физической подготовленности спринтеров данного уровня мастерства и т. п.).

Проведенное нами анкетирование тренеров, занимающихся подготовкой юных бегунов на короткие дистанции в Республике Беларусь и Ираке, показало как общие черты в их работе, так и много различий. Одновременно был выявлен и ряд недостатков, устранение которых, по нашему мнению, помогло бы их воспитанникам добиться более высоких результатов. Это, прежде всего, недооценка методических разработок. В Республике Беларусь их использует 30 % тренеров, а в Ираке – 9 %. Больше внимания также следует уделять тестированию и шире использовать полученные данные в планировании нагрузок.

Как нам кажется, необходимо также увеличивать количество времени, выделяемое на индивидуальную подготовку, так как знание взаимосвязи состояния конкретного спортсмена и задаваемых тренирующих воздействий создаёт предпосылки для успешного выступления в соревнованиях. Важность оценивать изменение состояния юного спортсмена под воздействием тренирующих воздействий различной направленности отметило только 11 % белорусских и 8 % иракских тренеров. Учет динамики физиологических показателей в процессе тренировочных занятий, как нам представляется, также недооценивается тренерами обеих стран. Возможности для устранения этих недостатков имеются, так как тренеры двух стран отмечали, что индивидуализации при проведении учебно-тренировочного процесса с юными спринтерами уделяется пока мало внимания.

Особенно хотелось бы подчеркнуть тот факт, что лишь девять процентов опрошенных специалистов Ирака используют различные методические рекомендации и разработки. В то же время без повышения своих знаний в области организации подготовки спринтеров, решения вопросов развития физических способностей бегунов и совершенствования их технического мастерства трудно надеяться на рост мастерства своих подопечных.

Заключение. Анкетирование тренеров Республики Беларусь и Ирака и анализ полученных материалов позволил выявить основные аспекты построения тренировочного процесса юных бегунов на короткие дистанции двух стран. Более высокие спортивные результаты спринтеров Беларуси в зрелом возрасте, в сравнении с бегунами Ирака, обусловлены не только уровнем спортивных результатов в начале спортивного пути, но и, что особенно важно, влиянием сложившейся системы спортивной подготовки. Существуют объективные предпосылки для того, чтобы белорусский опыт многолетней подготовки спринтеров был взят на вооружение для совершенствования системы организации учебно-тренировочного процесса с юными иракскими спринтерами на этапе углубленной спортивной тренировки. Использование научного и практического опыта, имеющегося в Республике Беларусь по подготовке бегунов на короткие дистанции, позволит иракским тренерам трансформировать его в повышение спортивных достижений спринтеров Ирака.

Литература

1. Борзов, В. Ф. Особенности методики тренировочного процесса спринтера / В. Ф. Борзов // Наука в олимпийском спорте. – 2020. – № 3. – С. 86–91.
2. Гагуа, Е. Д. Тренировка спринтера / Е. Д. Гагуа. – М. : Олимпия Пресс ; Терра-Спорт, 2001. – 72 с.
3. Озолин, Э. С. Спринтерский бег / Э. С. Озолин. – М. : Человек, 2010. – 176 с.
4. Dasteridis, G. The effect of different strength training programmes on young athletes' sprint performance / G. Dasteridis, T. Piliandis, N. Mantzouranis // Stud Phys Cult Tourism. – 2011. – № 18 (2). – P. 141–147.
5. Юшкевич, Т. П. Научно-методические основы системы многолетней тренировки в скоростно-силовых видах спорта циклического характера : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.04 / Т. П. Юшкевич. – Минск, 1990. – 416 л.
6. Мехрикадзе, В. В. Тренировка юного спринтера / В. В. Мехрикадзе. – М. : Физкультура и спорт, 1999. – 150 с.
7. Севдалев, С. В. Динамика общей физической подготовленности юных хоккеистов в годичном цикле подготовки / С. В. Севдалев, С. В. Шеренда, Е. П. Врублевский // Игровые виды спорта : актуальные вопросы теории и практики : сборник научных статей 2-ой Международной научно-практической конференции, Воронеж, 23–24 октября 2019 г. / под ред. А. В. Сысоева, О. Н. Савинковой [и др.]. – Воронеж : Научная книга, 2019. – С. 95–99.
8. Врублевский, Е. П. Анализ общей физической подготовленности хоккеистов 11-12 лет в подготовительном периоде годичного макроцикла / Е. П. Врублевский, С. В. Севдалев, С. В. Шеренда // Игровые виды спорта : актуальные вопросы теории и практики : сб. науч. статей 1-й Международной научно-практической конференции, Воронеж, 23–24 октября 2018 г. ; редкол.: А. В. Сысоев [и др.]. – Воронеж : Научная книга, 2018. – С. 69–72.
9. Платонов, В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и ее практические приложения : учебник [для тренеров] : в 2 кн. / В. Н. Платонов. – К. : Олимпийская литература, 2015. – Кн. 1. – 680 с.
10. Севдалев, С. В. Моделирование соревновательной деятельности высококвалифицированных спортсменов (на примере современного пятиборья) / С. В. Севдалев, М. С. Кожедуб, Е. В. Гусинец // Эпоха науки. – 2020. – № 24. – С. 332–341.
11. Kristensen, G. O. Velocity specificity in early-phase sprint training / G. O. Kristensen, R. Van Den Tillar, G. Ettema // Journal of Strength and Conditioning Research. – 2006 – № 20 (4). – P. 833–837.
12. Юшкевич, Т. П. Перспективы улучшения результатов в легкоатлетическом спринте / Т. П. Юшкевич // Мир спорта. – 2019. – № 1 (74). – С. 42–47.
13. Змачинский, А. А. Дифференцированный подход к организации учебно-тренировочного процесса юных легкоатлетов 10–14 лет на основе их физического развития и физической подготовленности : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / А. А. Змачинский ; Акад. физ. восп. и спорта Респ. Беларусь. – Минск, 1997. – 19 с.
14. Ярошевич, В. Г. Метод сопряженного воздействия в физической подготовке легкоатлеток-спринтеров на начальном этапе спортивной специализации : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / В. Г. Ярошевич. – Минск, 1999. – 122 с.
15. Cissik, J. M. Means and methods of speed training : Part II Strength and Conditioning / J. M. Cissik // J. Colorado Springs (Col.). – 2005. – № 27. – P. 18–25.
16. Letzelter, S. Supramaximale sprints / S. Letzelter // Leichathletik Konkret. – 2001. – № 9. – P. 22–23.
17. Saunders, R. Five components of the 100 m sprint / R. Saunders // Modern Athlete and Coach. – 2004. – № 42 (4). – P. 23–24.
18. Stupnicki, R. Analiza i prezentacja danych ankietowych / R. Stupnicki. – Warszawa : AWF, 2003. – 65 s.
19. Бегай! Прыгай! Метай! Официальное руководство ИААФ по обучению легкой атлетике / Под общ. ред. В. В. Балахничева, В. Б. Зеличенка. – М. : Человек, 2013. – 213 с.
20. Врублевский, Е. П. Влияние направленности тренирующих воздействий на рост силы мышц юных бегунов на короткие дистанции / Е. П. Врублевский, А. Х. Хоршид, Д. А. Альбаркайи // Теория и практика физической культуры. – 2019. – № 4 (970). – С. 3–5.
21. Иссурин, В. Б. Подготовка спортсменов XXI века. Научные основы и построение тренировки / В. Б. Иссурин ; пер. с англ. – М. : Спорт, 2016. – 454 с.

УДК 37.017:176-057.875

К вопросу о половом воспитании обучающихся учреждений высшего образования

С.С. ЩЕКУДОВА

В статье рассмотрена роль полового воспитания обучающихся учреждений высшего образования. Представлены результаты эмпирического исследования установок к сексу у современных студентов, а также проведен сравнительный анализ установок к сексу у юношей и девушек.

Ключевые слова: половое воспитание, установки к сексу, студенты, юноши, девушки.

The article considers the role of sex education of students of higher education institutions. The results of an empirical study of modern students' attitudes to sex are presented, as well as a comparative analysis of boys' and girls' attitude to sex.

Keywords: sex education, attitudes to sex, students, boys, girls.

В современном мире актуализируется необходимость проведения работы, направленной на воспитание у студентов учреждений высшего образования здорового отношения к вопросам пола и половой жизни, так как вопросы полового воспитания являются важными для становления гармонически развитой личности.

Стихийное половое воспитание и просвещение является одним из факторов, детерминирующих возникновение нежелательных последствий сексуального опыта, в том числе восприятие сексуальности как враждебной силы, требующей подавления. Грамотно организованное половое воспитание и просвещение будет способствовать формированию здоровых установок к сексу, позволяющих избежать не только психофизиологического ущерба, но и нравственных страданий.

В эмпирическом исследовании приняли участие 96 студентов дневной формы обучения учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины». С целью изучения современных студентов применялась методика «Опросник Айзенка установок к сексу», позволяющая провести диагностику респондентов по следующим шкалам: «дозволенность», «реализованность», «сексуальная невротичность», «обезличенный секс», «порнография», «сексуальная застенчивость», «целомудрие», «отвращение к сексу», «сексуальная возбудимость», «физический секс», «агрессивный секс» [1].

Данные, полученные в результате применения методики «Опросник Айзенка установок к сексу», представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Количественные показатели шкал по методике «Опросник Айзенка установок к сексу» у студентов учреждений высшего образования (данные в %)

Шкалы	Показатели	
	Низкие	Высокие
Дозволенность	46	54
Реализованность	33	67
Сексуальная невротичность	89	11
Обезличенный секс	87	13
Порнография	27	73
Сексуальная застенчивость	66	34
Целомудрие	96	4
Отвращение к сексу	100	–
Сексуальная возбудимость	31	69
Физический секс	73	27
Агрессивный секс	96	4

Из таблицы 1 следует, что 46 % респондентов имеют низкие показатели по шкале *«дозволенность»*, что говорит об их серьезном отношении к половым связям, и уважительном отношении к браку. Установлено, что 54 % респондентов имеют более легкое отношение к половым связям, не разделяют общепринятых представлений о «правильном» поведении в этой сфере человеческих отношений. Они не озабочены проблемами девственности, приемлют добрачный секс (или даже внебрачные связи), уверены, что контрацептивные средства должны быть общедоступны, и рассматривают секс в целом как удовольствие, которое не должно волновать никого, кроме «согласных» сторон.

Определено, что 67 % респондентов имеют высокие показатели по шкале *«реализованность»*. Это свидетельствует об их общей удовлетворенности своей сексуальной жизнью в настоящий момент. Однако у 33 % респондентов отмечаются признаки сексуальной нереализованности и разочарования этой областью отношений между полами. Важно отметить, что причины разочарования могут заключаться как в самом человеке, так и в его партнере. Пути достижения более благоприятного положения в этой сфере в значительной степени зависят от конкретного сочетания тех или иных причин.

Результаты диагностики по шкале *«сексуальная невротичность»* демонстрируют, что 11 % респондентов отмечают неудовлетворенность и разочарование своей сексуальной жизнью. Это обстоятельство может детерминировать проявление невротических сексуальных реакций в виде некоторой разбалансированности или функциональных сдвигов в поведении. У данных лиц могут наблюдаться проблемы со своей сексуальной жизнью и сложности с контролем или подавлением внутренних импульсов. Они достаточно легко расстраиваются из-за своих собственных мыслей или поступков, а также постоянно озабочены какими-то проблемами, связанными с сексом.

Выявлено, что 13 % респондентов имеют высокие показатели по шкале *«обезличенный секс»*, что свидетельствует об их склонности рассматривать сексуального партнера только в качестве объекта для получения чувственного удовольствия, не принимая во внимание его личность, индивидуальные особенности характера, а также не пытаюсь войти с партнером в сколько-нибудь значимую личностную связь.

Установлено, что 27 % респондентов имеют низкие показатели по шкале *«порнография»*, что проявляется в неодобрении и нетерпимости к порнографии. Определено, что 73 % респондентов отмечают терпимость к порнографии или получение удовольствия от просмотра изображений, демонстрирующих сексуальные сюжеты, или словесного описания сексуальных сцен в максимально откровенной форме.

Результаты диагностики по шкале *«сексуальная застенчивость»* показывают, что 34 % респондентов отмечают сильную тревогу в отношениях с противоположным полом, их очень смущают разговоры о сексе.

Определено, что по шкале *«целомудрие»* 4 % респондентов предпочитают воздерживаться даже от самых незначительных проявлений сексуальной страсти, не любят думать на эту тему и вообще заниматься любовью.

По шкале *«отвращение к сексу»* не выявлено респондентов, реагирующих на половые контакты с явно выраженным отвращением. 100 % опрошенных имеют здоровые установки к сексу.

У 31 % респондентов выявлены низкие показатели по шкале *«сексуальная возбудимость (высокая сексуальная чувствительность)»*. Это означает, что чтобы им прийти в состояние сексуального возбуждения, необходим целый ряд определенных условий. 69 % респондентов возбуждаются достаточно легко.

Выявлено, что 27 % респондентов имеют высокие показатели по шкале *«физический секс»*. Это свидетельствует о том, что они активно стремятся к реальному половому контакту. У них может отмечаться тенденция оказаться на высоте в постели со своим партнером. Они ценят это гораздо выше, чем духовные качества. Секс ставится выше всего и самому половому акту уделяется особое внимание за счет других сторон любовных отношений.

Установлено, что 4 % респондентов имеют высокие показатели по шкале *«агрессивный секс»*. Это говорит, что данные респонденты более склонны к враждебности и агрессивным им-

пульсам по отношению к своим сексуальным партнерам. В некоторых случаях внимание фиксируется на враждебности в сексуальной связи, на желании подавить или унижить партнера.

В таблице 2 представлены результаты диагностики студентов по супершкалам: «**сексуальное влечение**», «**сексуальная удовлетворенность**».

Таблица 2 – Количественные показатели супершкал по методике «Опросник Айзенка установок к сексу» у студентов учреждений высшего образования (данные в %)

Супершкалы	Показатели	
	Низкие	Высокие
Сексуальное влечение	33	67
Сексуальная удовлетворенность	23	77

Из данных по супершкале «**сексуальное влечение**», представленных в таблице 2, следует, что 77 % респондентов имеют сильное либидо, то есть для них характерно сильное сексуальное влечение.

Определено, что по супершкале «**сексуальная удовлетворенность**» большинство (66 %) респондентов удовлетворены своей сексуальной жизнью.

В таблице 3 представлены результаты диагностики юношей и девушек по методике «Опросник Айзенка установок к сексу».

Таблица 3 – Количественные показатели шкал по методике «Опросник Айзенка установок к сексу» у юношей и девушек (данные в %)

Шкалы	Показатели			
	Низкие		высокие	
	юноши	девушки	юноши	девушки
Дозволенность	34	66	62	38
Реализованность	26	74	85	15
Сексуальная невротичность	95	5	13	87
Обезличенный секс	9	91	88	12
Порнография	7	93	78	22
Сексуальная застенчивость	38	62	31	69
Целомудрие	63	37	–	100
Отвращение к сексу	–	100	–	–
Сексуальная возбудимость	12	88	80	20
Физический секс	60	40	36	64
Агрессивный секс	71	29	50	50

При помощи многофункционального критерия Фишера установлены статистически значимые различия:

- по шкале «**дозволенность**» среди юношей и девушек с *низкими* ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,051$ при $\varphi^*_{\text{кр}} = 2,28$ ($\rho \leq 0,01$)) и *высокими* ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,444$ при $\varphi^*_{\text{кр}} = 2,28$ ($\rho \leq 0,01$)) показателями;
- по шкале «**реализованность**» среди юношей и девушек с *низкими* ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 4,778$ при $\varphi^*_{\text{кр}} = 2,28$ ($\rho \leq 0,01$)) и *высокими* ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 7,257$ при $\varphi^*_{\text{кр}} = 2,28$ ($\rho \leq 0,01$)) показателями;
- по шкале «**сексуальная невротичность**» среди юношей и девушек с *низкими* ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 10,636$ при $\varphi^*_{\text{кр}} = 2,28$ ($\rho \leq 0,01$)) и *высокими* ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 8,096$ при $\varphi^*_{\text{кр}} = 2,28$ ($\rho \leq 0,01$)) показателями;
- по шкале «**обезличенный секс**» среди юношей и девушек с *низкими* ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 9,468$ при $\varphi^*_{\text{кр}} = 2,28$ ($\rho \leq 0,01$)) и *высокими* ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 8,096$ при $\varphi^*_{\text{кр}} = 2,28$ ($\rho \leq 0,01$)) показателями;
- по шкале «**порнография**» среди юношей и девушек с *низкими* ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 9,777$ при $\varphi^*_{\text{кр}} = 2,28$ ($\rho \leq 0,01$)) и *высокими* ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 5,759$ при $\varphi^*_{\text{кр}} = 2,28$ ($\rho \leq 0,01$)) показателями;
- по шкале «**сексуальная застенчивость**» среди юношей и девушек с *низкими* ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,444$ при $\varphi^*_{\text{кр}} = 2,28$ ($\rho \leq 0,01$)) и *высокими* ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,672$ при $\varphi^*_{\text{кр}} = 2,28$ ($\rho \leq 0,01$)) показателями;
- по шкале «**сексуальная возбудимость**» среди юношей и девушек с *низкими* ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 8,096$ при $\varphi^*_{\text{кр}} = 2,28$ ($\rho \leq 0,01$)) и *высокими* ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 5,960$ при $\varphi^*_{\text{кр}} = 2,28$ ($\rho \leq 0,01$)) показателями;

– по шкале «**физический секс**» среди юношей и девушек с *низкими* ($F^*_{эмп} = 2,32$ при $F^*_{кр} = 2,28$ ($p \leq 0,01$)) и *высокими* ($F^*_{эмп} = 2,615$ при $F^*_{кр} = 2,28$ ($p \leq 0,01$)) показателями;
– по шкале «**агрессивный секс**» среди юношей и девушек с *низкими* ($F^*_{эмп} = 4,127$ при $F^*_{кр} = 2,28$ ($p \leq 0,01$)) показателями.

Установлены статистически незначимые различия по шкале «**агрессивный секс**» среди юношей и девушек с *высокими* ($F^*_{эмп} = 0,252$ при $F^*_{кр} = 2,28$ ($p \leq 0,05$)) показателями.

Результата проведенного исследования современных студентов демонстрируют необходимость продолжения работы, направленной на воспитание здорового отношения к вопросам пола и половой жизни молодежи. Следует отметить, что в рамках полового воспитания важно проводить работу не только направленную на нравственно-половое (гендерное) воспитание, но и на сексуальное просвещение. Так, на факультете психологии и педагогики для студентов преподается дисциплина «Основы сексологии», а для магистрантов читается дисциплина «Сексология и сексопатология», что вносит существенный вклад в гармоничное развитие юношей и девушек, а также способствует формированию нравственных межполовых отношений и ответственности за свои поступки, воспитывает уважение к другим людям и к близким.

Литература

1. Щекудова, С. С. Сексология / С. С. Щекудова. – Гомель : ГомГМУ, 2020. – 100 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 01.03.2022

Problems and prospects for the development of forms of direct democracy in Russia at the regional level

V.V. GONCHAROV

The article is devoted to the analysis of the current state and prospects for the development of forms of direct democracy in Russia at the level of the constituent entities of the Russian Federation. The article not only identifies the problems that hinder the development of forms of direct democracy at the regional level, but also develops and substantiates a system of measures to resolve them, which will allow the further development of the institution of direct democracy in Russia at the level of the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: direct democracy, forms, democracy, Russian Federation, region, elections, referendum, institute of recall, people's law-making initiative, people's veto.

Настоящая статья посвящена анализу современного состояния и перспектив развития форм прямой демократии в России на уровне субъектов Российской Федерации. В статье не только выявлены проблемы, препятствующие развитию форм прямой демократии на региональном уровне, но и разработана и обоснована система мер по их решению, которая позволит обеспечить дальнейшее развитие института прямой демократии в России на уровне субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: прямая демократия, формы, народовластие, Российская Федерация, регион, выборы, референдум, институт отзыва, народная правотворческая инициатива, народное veto.

Introduction. The Institute of Direct Democracy in the Russian Federation is widely studied in the works of Russian and foreign scientists, in particular, Kochetkova [1], Protsenko [2], Grib [3], Karimova [4], Pribudagova [5], Moros [6], Idrisova [7], Amelin [8], Khramushina [9], Gadoev [10], Denisov [11], Zalesny [12]–[13] and a number of other authors.

However, the share of studies devoted to the specifics of the consolidation and implementation of forms of direct democracy at the regional level is extremely small. At the same time, those few authors who study the institution of direct democracy at the level of the constituent entities of the Russian Federation, firstly, relatively rarely refer to the positive experience of the functioning of this institution in developed democracies (for example, the United States, the states of the European Union), secondly, they mainly focus on the research of the consolidation of forms of direct democracy in regional charters and constitutions, in particular, Komarova [14], Vlasenko [15], Sakhbieva [16] and a number of other scientists.

In this regard, the purpose of this research is to study the current state of consolidation and implementation of forms of direct democracy at the regional level in the Russian Federation, to study the main problems that hinder the development of this state-legal institution, as well as to develop and substantiate a system of measures that, on the one hand will help to resolve the above problems, and on the other hand, will ensure the optimal development of forms of direct democracy in Russia, taking into account the positive experience gained both in other states and reflected in international legal acts.

The main part. Forms of direct democracy have been inherent in a state-organized society since the inception of the institution of the state. This is largely due to the fact that the state was just formed as a product of the decomposition of the primitive communal organization of society. And, consequently, the pre-state democratic traditions were preserved for a long time even after the formation of the first states.

In particular, on the territory that is now occupied by the Russian Federation, the first ancient Russian states were distinguished by the strong influence of the community (as in the more democratic Novgorod and Pskov, where the people's veche decided by direct vote the most important issues in the organization and activities of the state and society, including calling on the reign of princes from other states, and less democratic principalities of Central, Eastern and Southern Russia).

With the development of the institution of the state, forms of direct democracy began to degenerate everywhere. In particular, in the era of slave-owning states, the forms of direct democracy took on a peculiar character: the influence of the people on the organization and activities of the so-

ciety and the state was preserved, but at the same time, people, for example, in the states of Ancient Greece, were understood only as personally free citizens of these states. Slaves did not take part in social and political life, being perceived only as a kind of objects of property rights.

With the transition of the states of the world from the slave-owning socio-economic formation to feudalism, the forms of direct democracy degraded even more. However, these forms of democracy retained a certain influence on the territory of large cities of Europe, when personally free townspeople won or bought up their right to independently determine the directions of development of these cities from nearby feudal lords.

With the emergence of the bourgeois class, the role of forms of direct democracy has increased dramatically. Relying on the will of the majority of the population, the bourgeoisie won power from the feudal class. A certain revolutionary innovation was the emergence of constitutions (written and unwritten), which enshrined, first of all, the basic rights and freedoms of citizens, including the right to exercise power by the population (a certain part of it, consisting of personally free citizens).

In a number of modern states, where the law limits the power of the monarchs, the institution of monarchy itself began to be rather decorative, and in most countries, as a result of bourgeois-democratic revolutions, a democratic system of organizing public power was consolidated, the basis of which is direct and indirect forms of democracy.

The Constitution of the Russian Federation of 1993 [17] completed the transition of Russian statehood from the omnipotence of the councils of people's deputies to the construction of a legal federal democratic state with a republican form of government. The cornerstone of the new democratic Constitution of Russia was the provision that the bearer of sovereignty in the country and the only source of power is the multinational people of the Russian Federation, which has the right to exercise its power both in the forms of direct democracy (through the institutions of free elections and referendums), and in the form of mediated democracy (through the activities of state authorities, local authorities, as well as their officials).

An important place in the system of forms of direct democracy in the Russian Federation is occupied by the people who take part in the management of the state affairs at the regional level (due to the fact that Russia is a federal state in which state power is represented not only by the federal level, but by the level of the constituent entities of the Russian Federation).

However, analyzing the forms of direct democracy in Russia as a whole, as well as at the level of the constituent entities of the Russian Federation, we can state that there are a significant number of problems of a subjective and objective nature. It seems that these problems are due to a number of reasons.

Firstly, the democratic organization of public power in Russia was consolidated in the country's Constitution and current legislation relatively recently, and «young» democracies are characterized by the «illnesses» of formation and growth caused by the search for alternative forms of direct and indirect democracy.

Secondly, the Constitution of the Russian Federation initially contained a relatively small list of forms of direct democracy (institutions of elections and referendums). And, although the possibility of the existence of other forms of direct democracy, for example, at the municipal level, is not denied, the lack of detailing of such forms has an extremely unfavorable effect on the dynamics of the development of the processes of institutionalization of forms of direct democracy, both in the Constitution itself and in the current legislation.

Thirdly, the Russian Federation is generally distinguished by a low level of development of legal culture and legal awareness (especially in comparison with the United States and the countries of the European Union), which prevents the development and formation of new forms of direct democracy (especially at the level of the constituent entities of the Russian Federation).

Fourthly, the development of new forms of direct democracy in Russia is also hindered by the problems associated with the development of a system of constitutional guarantees for the implementation and protection of the constitutional principle of democracy in the Russian Federation. For example, the institution of public control, which is the most important legal guarantee of the constitutional principle of democracy by the people, was incorporated into Russian legislation back in 2014 by Federal Law as of 21.07.2014 № 212-FL «On the Foundations of Public Control in the Russian Federation» [18], however, due to the fact that a number of objects of public control were

removed from the subject of its jurisdiction, under the pretext of the adoption of separate federal laws on public control over these objects (none of which have yet been adopted), its organization and functioning are impossible in relation to these objects.

Fifthly, the lack of consolidation in the Constitution of the Russian Federation of forms of direct democracy, implemented at the regional level, has led to the fact that in all 85 charters and constitutions of the constituent entities of the Russian Federation, there are different approaches to determining the list of such forms. Conventionally, Russian regions can be divided into several groups. The first group of regional charters and constitutions consolidates entire chapters on forms of direct democracy, fixing as forms of direct democracy not only the institution of free elections and referendums, but also the other forms. For example, the Charter of the city of Moscow contains Chapter 10 «Forms of direct democracy», where the following forms of direct democracy are enshrined in Article 60: referendum; elections; the right to legislative initiative, the other forms of direct democracy provided for by both federal and Moscow legislation [19]. The second group of charters and constitutions only copies the provisions of the Constitution of the Russian Federation, fixing only two forms of direct democracy (elections and referendum), for example, Article 15 of the Charter of the Krasnodar Territory [20]. At the same time, a clear dependence of the number of fixed forms of direct democracy at the regional level in the charters and constitutions of the constituent entities of the Russian Federation with the level of economic development of a particular region, the size of its population, as well as the level of legal awareness and legal culture of the population, as shown by a number of studies [21], [8], [22] is not traced. In addition, there is a tendency according to which the constituent entities of the Russian Federation rarely make changes and additions to their charters and constitutions concerning the consolidation of forms of direct and indirect democracy, as well as the mechanism of their implementation in a specific region of the country.

Sixthly, despite the fact that the Russian Federation actively participates in the activities of the United Nations, as well as most international governmental and non-governmental organizations, the level of influence of international legislation in the field of democracy and human rights on the development of Russian legislation, especially regarding the consolidation of forms of direct democracy at the regional level, remains low, which, on the one hand, creates difficulties in the development of the institution of human and civil rights and freedoms in Russia, and on the other hand, hinders the full cooperation of the Russian Federation with both other States and international governmental and non-governmental organizations [23]–[25].

Seventhly, in the Russian Federation there is no tendency to borrow from the legislation of other states forms of direct democracy, which have proven their effectiveness and efficiency, allowing the majority of the population to effectively influence both the formation and functioning of the mechanism of public power, especially at the regional level. In particular, in our opinion, the following is completely undeservedly ignored: the experience of the functioning of recalling deputies of regional parliaments, their dissolution, as well as the institution of recalling senior officials of regional executive bodies (state administration); the effectiveness of abrogative referendums (popular veto). An important role in the development of regional forms of direct democracy in Russia could be played by the positive experience of using the tools of digital democracy, which have become widespread in connection with the COVID-19 pandemic, which has engulfed all states of the world. This also applies to the possibility of online monitoring of voters' opinions on draft laws submitted for consideration by regional parliaments, the possibility of submitting draft laws mandatory for consideration by regional parliaments by groups of voters through the official Internet sites of regional parliaments; functioning of the institution of public control using remote technologies of interaction with regional government bodies.

Conclusion. Summarizing the above, we can draw the following conclusions, as well as formulate a system of measures to develop forms of direct democracy in the Russian Federation at the regional level:

1. Despite the fact that the Constitution of the Russian Federation proclaimed Russia a democratic legal federal state with a republican form of government, today the existence and development of direct democracy is associated with a number of objective and subjective problems.

2. The following can be distinguished as the main modern problems of the development of the forms of direct democracy in the Russian Federation: a) the consolidation in part 3 of Article 3 of the

Constitution of Russia of 1993 of a generally insufficient number of forms of direct democracy: institutions of free elections and referendums (despite the fact that the Basic Law of the country in a number of its articles, for example, in part 2 of Article 130 provides for the existence of other forms of direct expression of the will of the multinational people of the Russian Federation); b) the forms of direct democracy in relation to the exercise of democracy at the regional level in general are not detailed in the Constitution of Russia; c) certain federal constitutional laws and federal laws on the organization of public authority at the level of the constituent entities of the Russian Federation, in particular, Federal Law as of 06.10.1999 № 184-FL [26], also do not enshrine the forms of direct expression of the will of the people of Russia at the regional level; d) in the constitutions and statutes of the constituent entities of the Russian Federation, forms of direct democracy at the regional level (other than free elections and referendums) are mentioned, but they are not unified across Russia; e) since the adoption of the Constitution of the Russian Federation in 1993, numerous amendments to it (including the 2020 amendments initiated by the President of Russia V.V. Putin) contain no mention of any additional form of direct democracy; f) the lack of a variety of forms of direct democracy at the regional level does not allow the people of a constituent entity of the Russian Federation to exercise democracy, taking into account the regional national, ethnic, religious, cultural, historical and other specifics of a particular constituent entity of the Russian Federation; g) to date, there is no judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation regarding the interpretation of the provisions of the Constitution of the Russian Federation, constitutions (charters) of constituent entities of the Russian Federation regarding the specification of forms of direct democracy at the regional level.

3. To resolve these problems, it is necessary: a) to supplement the Constitution of the Russian Federation with provisions securing additional forms of direct democracy at the federal and regional levels, as well as detailing the forms of direct democracy at the municipal level (taking into account the positive experience of states with a high level of democracy, as well as the norms of international law); b) to carry out the analysis of the forms of direct democracy enshrined in regional charters and constitutions at the level of the constituent entities of the Russian Federation in order to identify the most effective of them for the subsequent unification of regional charters and constitutions on this issue (this task should be entrusted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation with a legal support and the support from the Ministry of Justice of the Russian Federation); c) to develop federal constitutional and federal laws dedicated to the implementation of new forms of direct democracy (including the regional level), for example, people's legislative initiative, recall of deputies of legislative (representative) bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation, popular veto, etc.; d) to fix the system of additional legal guarantees of realization, protection and defense of the new forms of direct democracy (including the regional level) in the Russian Constitution and current legislation.

References

1. Kochetkova, E. A. The problem of identifying the «direct form of democracy» / E. A. Kochetkova // Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy. – 2019. – Vol. 39. – P. 30–35.
2. Protsenko, A. V. The role of the referendum as a form of direct democracy in a modern democratic society / A. V. Protsenko, K. V. Krupa // Bulletin of Lugansk National University named after Vladimir Dal. – 2017. – Vol. 4-1 (6). – P. 178–182.
3. Grib, V. V. Actual problems of formation of legal bases of public control / V. V. Grib // Constitutional and Municipal Law. – 2014. – Vol. 12. – P. 32–37.
4. Karimova, K. Elections as a form of direct democracy / K. Karimova, E. S. Krotova // State and Legal Studies. – 2020. – Vol. 3. – P. 521–524.
5. Pirbudagova, D. S. Constitutional and legal forms of direct participation of citizens of the Russian Federation in the exercise of public power / D. S. Pirbudagova, A. A. Magomedova // Modern Law. – 2021. – Vol. 8. – P. 20–24.
6. Moros, E. Modern Dangers in the Development of the Russian Education System and Ways to Overcome Them : Socio-Philosophical Analysis / E. Moros, V. Goncharov // Wisdom. – 2020. – Vol. 15 (2). – P. 114–128.

7. Idrisova, F. A. Democracy as an expression of the sovereign will of the multinational people of the Russian Federation : concept and forms / F. A. Idrisova, Z. A. Khankarova // *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. – 2018. – Vol. 5. – P. 166–168.
8. Amelin, R. V. Direct electronic democracy in the Russian Federation : opportunities and prospects / R. V. Amelin, S. E. Channov // *Constitutional and Municipal Law*. – 2017. – Vol. 1. – P. 27–31.
9. Khramushin, V. V. On the prospects for the development of representative democracy in the era of the digital economy / V. V. Khramushin // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. – 2019. – Vol. 6 (131). – P. 77–84.
10. Gadoev, B. S. The concept and history of the development of the institution of direct democracy / B. S. Gadoev // *Academic Law Journal*. – 2014. – Vol. 2. – P. 24–35.
11. Denisov, Yu. V. Implementation of direct democracy in Russia / Yu. V. Denisov // *Bulletin of the Trans-Baikal State University*. – 2018. – Vol. 24 (3). – P. 50–62.
12. Zaleśny, J. Correlation Of Legal Regulation And Political Violence In The Social Concept Of Global Constitutionalism / J. Zaleśny, V. V. Goncharov // *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*. – 2020. – Vol. 23 (6). – P. 1–10.
13. Zaleśny, J. Model Of The Evolution Of Social Development In The Philosophy Of Global Constitutionalism / J. Zaleśny, V. V. Goncharov, M. Savchenko // *Wisdom*. – 2019. – Vol. 13 (2). – P. 51–61.
14. Komarova, V. V. Democracy in the constitutions and charters of the subjects of the Russian Federation / V. V. Komarova // *Lex russica (Russian Law)*. – 2017. – Vol. 1 (122). – P. 94–106.
15. Vlasenko, Yu. V. The legal mechanism of citizens' participation in the adoption and introduction of amendments to the constitutions of the subjects of the Russian Federation / Yu. V. Vlasenko // *The science. Society. The State*. – 2020. – Vol. 2 (30). – P. 44–51.
16. Sakhbieva, A. Some global economic realities and environmental impact in the context of the pandemic: causes and trends / A. Sakhbieva, V. Goncharov, E. Zatsarinnaya [et al.] // *E3S Web of Conferences*. – 2021. – Vol. 258. – P. 06054.
17. Constitution of the Russian Federation. – Moscow : Legal Literature, 1993.
18. On the Basics of Public Control in the Russian Federation : Federal Law, 21.07.2014, № 212-FL // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2014. – Vol. 30 (part 1). – Article 4213.
19. Charter of the City of Moscow dated 28.06.1995 [Electronic resource]. – Mode of access : https://constitution.garant.ru/region/ustav_moskv/chapter/d866c9989c75bef029b67e7a33698205. – Date of access : 16.04.2022.
20. Charter of the Krasnodar Territory as of 10.11.1993 [Electronic resource]. – Mode of access : <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1145>. – Date of access : 16.04.2022.
21. Zaleśny, J. View of the social concept of global constitutionalism on the legal system / J. Zaleśny, V. V. Goncharov // *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*. – 2020. – Vol. 23 (2). – P. 1–6.
22. Goncharov, V. The Place of a Person in the Ontological Principles of Global Constitutionalism / V. Goncharov, Z. Zalesny, S. Balashenko [et al.] // *Wisdom*. – 2020. – Vol. 15 (2). – P. 93–106.
23. Goncharov, V. Prohibition of abuse of rights in agribusiness / V. Goncharov, T. Mikhaleva, G. Vasilevich [et al.] // *E3S Web of Conferences*. – 2021. – Vol. 258. – P. 05033.
24. Goncharov, V. Problems of choosing the optimal system of executive power in the Russian Federation / V. Goncharov, T. Mikhaleva, G. Vasilevich [et al.] // *E3S Web of Conferences*. – 2021. – Vol. 258. – P. 05033.
25. Goncharov, V. Development of state ideology as a basis for improving the executive power / V. Goncharov, T. Mikhaleva, G. Vasilevich, S. Balashenko [et al.] // *E3S Web of Conferences*. – 2021. – Vol. 258. – P. 05031.
26. On the general principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation : Federal Law, 06.10.1999, № 184-FL // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 1999. – Vol. 42. – Article 5005.

К вопросу о применении отдельных принципов гражданского процессуального права

Н.А. ЖУРОВИЧ, Н.В. КОПЫТКОВА

В статье рассматриваются вопросы реализации отдельных принципов гражданского процесса при рассмотрении гражданских дел судами первой инстанции, а также в апелляционном и надзорном порядке. Поднимаются проблемы реализации гражданами права на судебную защиту самостоятельно или через представителя. Конкретизируются требования к субъектному составу представителей в суде. Анализируются вопросы территориальной подсудности и формулируются конкретные требования к письменному соглашению о договорной подсудности. Предлагается в перечень принципов гражданского процесса включить нормы об ответственности за неуважение к суду. Выявляются пробелы процессуального законодательства и предлагаются пути его совершенствования.

Ключевые слова: принципы, процесс, судопроизводство, суд, законодательство, права, обязанности, производство, постановление, подсудность, соглашение, представительство.

The article discusses the implementation of certain principles of civil procedure in the consideration of civil cases by courts of first instance, as well as in the appeal and supervisory procedure. The problems of realization by citizens of the right to judicial protection independently or through a representative are raised. The requirements for the subject-matter representation in the court are specified. The issues of territorial jurisdiction are analysed and specific requirements for a written agreement on contractual jurisdiction are formulated. It is proposed that the rules on contempt of court be included in the list of principles of civil procedure. The gaps in procedural legislation are identified, and the ways to improve it are suggested.

Keywords: principles, process, proceedings, court, legislation, rights, obligations, proceedings, procedure, ruling, jurisdiction, agreement, representation.

В соответствии со ст. 60 Конституции Республики Беларусь каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки [1]. Принимая дело к рассмотрению, суды должны руководствоваться нормами, изложенными в гл. 2 «Принципы гражданского судопроизводства» ГПК Республики Беларусь (далее – ГПК). Согласно ст. 9 ГПК, «правосудие по гражданским делам осуществляется только судом» [2]. Для того, чтобы заявление гражданина было принято, а дело рассмотрено и разрешено, необходимо правильно определить в какой суд следует обратиться.

Правила подсудности четко разграничивают компетенцию судов различных звеньев судебной системы и судов одного и того же звена. Однако в целях обеспечения права граждан на судебную защиту ст. 51 ГПК предусмотрены случаи принятия дела к производству с нарушением заявителем правил подсудности. Так, согласно ч. 1 указанной статьи, дело, принятое судом к своему производству, должно быть разрешено им по существу, хотя бы в дальнейшем оно стало подсудным другому суду. Однако из содержания ч. 2 п.3 ст. 51 ГПК следует, что если при рассмотрении дела в данном суде выяснилось, что оно было принято к производству с нарушением правил подсудности, то дело должно быть передано на рассмотрение другого суда. Согласно законодательству, суд должен рассматривать гражданское дело с соблюдением как процессуальных норм, так и норм материального права. Возникает вопрос: как поступить с решением суда, принятым в соответствие с нормами материального права, при соблюдении процессуальных норм, регулирующих вопросы рассмотрения и разрешения гражданского дела, но с нарушением правил подсудности? ГПК не дает ответа на этот вопрос. Так, ст. 424 ГПК не предусматривает в качестве одного из оснований отмены решения суда вследствие разрешения дела с нарушением правил подсудности. Однако сторона, участвующая в процессе, вправе обжаловать данное решение в суд вышестоящей инстанции именно в связи с указанным нарушением. В этой ситуации апелляционный суд рассмотрит жалобу и оставит решение суда без изменения, нерационально затратив время, силы и понеся судебные расходы. Такая правовая коллизия противоречит принципу процессуальной экономии и должна быть учтена при совершенствовании законодательства.

Согласно ст. 49 ГПК, стороны по письменному соглашению между собой могут установить договорную территориальную подсудность, кроме случаев исключительной подсудности. Однако гражданско-процессуальное законодательство не содержит нормы, определяющей специальные требования к такому соглашению и не устанавливает порядок его заключения, хотя правовые последствия, которые оно несет, являются существенными как для сторон, так и для суда. Наличие такого соглашения влечет за собой принятие иска к производству, но в случае некорректности и неполноты такого соглашения у суда не возникает оснований для принятия заявления и возбуждения дела. В силу ст. 246 ГПК суд откажет в возбуждении дела ввиду его неподсудности. Судебная практика может столкнуться с проблемой, возникшей в связи с соглашением о подсудности, и при этом судьи лишены возможности отыскать правовую основу для ее разрешения. *Предлагаем дополнить ст. 49 ГПК нормой следующего содержания: «соглашение должно содержать дату и место заключения, реквизиты сторон, материально-правовое требование, с которым они обращаются в суд, подписи сторон».*

Среди принципов гражданского судопроизводства, провозглашенных ГПК, важное значение имеет принцип, закрепляющий *«право пользования юридической помощью»* (ст. 14) в том числе право пользоваться помощью адвокатов и других представителей в суде. Согласно ст. 70 ГПК, граждане вправе вести свои дела в суде лично либо через представителей. Такое право выбора предоставляется только полностью дееспособным гражданам, а по некоторым делам – частично дееспособным (в возрасте от 14 до 18 лет и ограниченные в дееспособности судом). Интересы малолетних и недееспособных лиц всегда должны быть представлены другими лицами.

Согласно ч. 2 ст. 72 ГПК, представителями в суде могут быть:

- 1) адвокаты;
- 2) работники юридических лиц – по делам этих лиц;
- 3) уполномоченные общественных объединений (организаций), которым законом предоставлено право представлять и защищать в суде права и законные интересы членов этих общественных объединений (организаций) и других лиц;
- 4) уполномоченные организаций, которым законодательством предоставлено право представлять и защищать в суде права и законные интересы других лиц;
- 5) законные представители;
- 6) близкие родственники, супруг (супруга);
- 7) представители, назначенные судом;
- 8) один из процессуальных соучастников – по поручению этих соучастников;
- 9) патентные поверенные.

Часть 1 ст. 72 ГПК говорит о том, что представителем в суде может быть дееспособное лицо, имеющее надлежащим образом оформленное полномочие на ведение дел в суде, за исключением лиц, перечисленных в ст. 73 ГПК. Следует отметить, что не любое дееспособное лицо даже при наличии специально оформленных документов в качестве представителя может им быть, потому что, как указывалось выше, перечень является исчерпывающим. Полагаем, что указанные части данной статьи недостаточно согласованы и требуют конкретизации. Считаем целесообразным изложить ст. 72 ГПК без деления на части, исключив слова *«Представителями в суде могут быть:»* и, после слов *«...настоящего Кодекса»* дополнить словами *«а именно...»*, и далее по тексту. Данная редакция позволит четко определить, что представителем может быть не любое лицо, а только то, которое указано в перечне ст. 72 ГПК.

Кроме того, ст. 73 ГПК установлен исчерпывающий перечень лиц, которые не могут быть представителями в гражданском судопроизводстве. К ним относятся:

- 1) лица, не достигшие совершеннолетия, кроме несовершеннолетних родителей – по делам своих детей;
- 2) лица, признанные в установленном законом порядке недееспособными или ограниченно дееспособными;
- 3) судьи, следователи и прокуроры, кроме тех случаев, когда они участвуют в деле в качестве законных представителей недееспособных лиц, либо представителей суда, прокуратуры, либо другого органа расследования.

Участники гражданского судопроизводства вправе получить *разъяснение судом их прав и обязанностей*, что закреплено в ст. 15 ГПК. Суд не может подходить к разъяснению прав и обязанностей формально. Ведь не всегда участники процесса могут обратиться за помощью квалифицированного специалиста. Такие разъяснения проводятся как для юридически заинтересованных в исходе дела лиц, так и лиц, не имеющих такой заинтересованности. Права и обязанности юридически заинтересованных в исходе дела лиц содержатся в ст. 56 ГПК, к ним относятся: право подавать заявления, снимать копии представленных документов, обжаловать (опротестовать) судебные постановления и другие. Помимо общих прав и обязанностей стороны наделяются процессуальными (распорядительными) правами, закрепленными в ст. 61 ГПК, такими как: изменение предмета или основания иска, увеличение или уменьшение размера исковых требований, отказ от иска, признание иска ответчиком и прочие. Кроме того, ГПК содержит и другие обязанности, которые должны нести участники процесса, в частности, являться в суд по распоряжению председательствующего, соблюдать порядок судебного заседания и др.

Обязанность всех участников судопроизводства уважительно относиться к суду вытекает из содержания ст. ст. 271 и 272 ГПК. К мерам, применяемым к нарушителям порядка во время судебного заседания, относятся: предупреждение, удаление из зала судебного заседания и отложение разбирательства дела. А в случаях проявления неуважения или явного пренебрежения к суду участниками гражданского судопроизводства, а также гражданами, которые присутствуют в судебном заседании, применяются нормы административного принуждения. Так, согласно ст. 25.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) налагается штраф в размере до двадцати базовых величин, или общественные работы, или административный арест [3]. В таком случае, согласно ст. 10.2 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, делается соответствующая запись в кратком протоколе, протоколе судебного заседания и выносится постановление о наложении административного взыскания в виде отдельного процессуального документа [4].

Практика применения ст. ст. 272 ГПК и ст. 25.1 КоАП весьма обширна, о чем свидетельствует ежегодная судебная статистика. Так, в 2020 г. было рассмотрено 433 дела [5], в 2021 г. – 374 [6], в первом полугодии 2022 г. – 161 [7].

При анализе оснований, по которым суд был вынужден в рамках начатого административного, гражданского или уголовного судопроизводства выносить постановления об административном правонарушении наиболее частыми являются: явка в суд в состоянии алкогольного опьянения; нарушение порядка судебного заседания; неявка гражданина в судебное заседание, должным образом извещенного о времени и месте рассмотрения дела.

Так, гражданин К., будучи надлежащим образом извещенным о необходимости его явки в Суд Городокского района Витебской области в судебное заседание в качестве ответчика по гражданскому делу о выселении, явился в суд в состоянии алкогольного опьянения. Вину в совершении правонарушения признал полностью и был подвергнут административному взысканию в виде штрафа в доход государства в размере 2 (двух) базовых величин [8].

Нарушение порядка судебного заседания могут проявляться в громких комментариях к выступлениям других участников, несоблюдении порядка выступления, отказ от выступления стоя, в нецензурных выражениях и т. п. *Так, В., участвующая в судебном заседании в качестве ответчика по гражданскому делу о взыскании ущерба, при предоставлении слова в прениях без разрешения председательствующего покинула зал судебного заседания, выражаясь при этом нецензурной бранью. В результате суд Пуховичского района Могилевской области вынес постановление об административном правонарушении и подверг административному взысканию в виде штрафа размере 2 (двух) базовых величин [9].*

Часто граждане не являются в судебное заседание, несмотря на то, что они должным образом извещены о времени и месте рассмотрения дела. *Так, 14 февраля 2022 года судом Поставского района Витебской области было вынесено постановление об административном правонарушении П., будучи вызванным в суд в качестве заинтересованного лица по гражданскому делу о направлении в ЛТП. Лицо к указанному времени не явилось в судебное заседание, чем проявил неуважение к суду. Суд постановил подвергнуть П. административному взысканию в виде административного ареста сроком на десять суток [10].*

Институт ответственности за неуважение к суду известен законодательству большинства стран. Как правило, нормы, определяющие понятие, виды неправомерных действий и меры ответственности, близки по содержанию. Но есть и некоторые отличия. Например, в Англии неуважение к суду подразделяют на гражданско-правовое и уголовно-правовое. К гражданско-правовому относят невыполнение предписаний судов, а средствами реагирования могут быть тюремное заключение, конфискация имущества, штраф, судебный приказ-запрет. К уголовно-правовому относят критику судебной власти, которая подрывает доверие и заставляет сомневаться в справедливости и объективности решения; насилие или угрозу насилия судье или другим участникам процесса, преднамеренное оскорбление; публикация, создающая риск воспрепятствования осуществления правосудия [11].

Совершение лицами безответственных, противоправных поступков в суде, характеризующихся законодателем как неуважение к суду, не только умаляют авторитет судебной власти, но и препятствуют своевременному осуществлению правосудия, мешают восстановлению нарушенных или оспариваемых прав. Гражданско-процессуальное законодательство фиксирует обязанность суда уважать достоинство участников судопроизводства в качестве отраслевого принципа (ст. 13 ГПК). Как известно, принципы права являются нравственной основой действия всех правовых норм, поэтому полагаем, что норма ответственности за неуважение к суду должна занять свое место в гл. 2 ГПК в качестве самостоятельного принципа гражданского процесса.

Анализ статистических данных пересмотра судебных постановлений судов первой и апелляционной инстанций свидетельствуют о максимальной реализации *принципа надзора вышестоящих судов за судебной деятельностью*, который осуществляется Верховным Судом Республики Беларусь, а также Областными, Минским городским судами.

Не вступившие в законную силу постановления районных (городских) судов могут быть обжалованы (опротестованы) в Судебную коллегия по гражданским делам областных, Минского городского судов через суд первой инстанции, в котором рассматривалось данное дело. Решения и определения областных, Минского городского судов обжалуются (опротестовываются) в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Беларусь. Так, за 2021 г. областными, Минским городским судами в апелляционном порядке было рассмотрено 4537 гражданских дел. Верховным Судом – 28 дел.

Согласно ст. 440 ГПК, вступившие в законную силу судебные постановления могут быть опротестованы в Президиум областных, Минского городского судов, Судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Беларусь, Президиум Верховного Суда Республики Беларусь и Пленум Верховного Суда Республики Беларусь. Областными, Минским городским судами было рассмотрено 181 протестов в порядке надзора, где 168 было удовлетворено. Верховным Судом рассмотрено 10 протестов. Из них удовлетворено 4.

Всего за 2021 г. отменено 385 решений районных (городских) судов в апелляционном и надзорном порядках, в том числе 194 с вынесением нового решения. Также 163 решения районных (городских) судов было изменено в апелляционном и надзорном порядках [6]. Приведенные статистические данные свидетельствуют о большом количестве допускаемых ошибок судами при изучении материалов дела и применении норм материального и процессуального права.

Таким образом, при реализации принципов гражданского процесса возникают вопросы правильного применения отдельных норм и необходимости совершенствования процессуального законодательства для правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел, а также сокращения судебных расходов.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>. – Дата доступа : 20.04.2021.
2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь : 11 января 1999 г., № 238-3 : принят Палатой представителей 10 декабря 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 1998 г. : ред. Закона Респ. Беларусь от 27.05.2021 г., № 113-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 18-19. – 2/13.

3. Кодекс об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091>. – Дата доступа : 20.04.2021.
4. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК2100092>. – Дата доступа : 20.04.2021.
5. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2020 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/95f97011a1cc4ba2.html. – Дата доступа : 30.06.2021.
6. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2021 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/baa6161e8d3941a1.html. – Дата доступа : 30.06.2021.
7. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 1 полугодие 2022 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/e68fb9f933c547f0.html. – 30.06.2022.
8. Постановление по делу об административном правонарушении от 21 января 2022 года [Электронный ресурс] // Банк судебных решений (pravo.by). – Режим доступа : <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/bank-sudebnykh-resheniy/poisk/>. – Дата доступа 15.07.2022.
9. Постановление по делу об административном правонарушении от 03 февраля 2022 года [Электронный ресурс] // Банк судебных решений (pravo.by). – Режим доступа : <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/bank-sudebnykh-resheniy>. – Дата доступа : 15.07.2022.
10. Постановление по делу об административном правонарушении от 14 февраля 2022 года [Электронный ресурс] // Банк судебных решений (pravo.by). – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК2100092>. – Дата доступа : 15.07.2022.
11. Михайлов, А Независимость судей : понимание юридической традиции в Англии [Электронный ресурс] / А. Михайлов / Режим доступа : <https://blog.pravo.ru/blog/3164.html>. – Дата доступа : 20.04.2021.

Охранительные и защитные нормы трудового права

Е.А. КОВАЛЁВА

В статье проводится анализ трудового законодательства, мнений ученых о гарантиях реализации трудовых прав, нормах охраны и защиты трудовых прав работников. В результате исследования предлагается классификация гарантий с точки зрения охраны и защиты трудовых прав, даются авторские определения этим понятиям. Устанавливается, что нормы охраны трудовых прав содержатся в законе в виде государственных гарантий, запретов и ограничений. Они определяют границы дозволенного поведения, способствуют укреплению законности и правопорядка в трудовых отношениях. Нормы защиты трудовых прав предусмотрены в виде закрепления условий недействительности трудового договора, коллективного договора или соглашения, локальных правовых актов, а также последствий неправомерных действий, ответственности нанимателя.

Ключевые слова: гарантии, защита трудовых прав, наниматель, норма права, охрана трудовых прав, работник, трудовые права.

The article analyzes labor legislation, the scientists' opinions on guarantees of the realization of labor rights, norms of protection and defense of employees' labor rights. As a result of the study, a classification of guarantees is proposed from the point of view of the protection and defense of labor rights, the author's definitions of these concepts are given. It is established that the norms of labor rights protection are contained in the law in the form of state guarantees, prohibitions and restrictions. They define the boundaries of permissible behavior, contribute to the strengthening of law and order in labor relations. The norms for the protection of labor rights are provided in the form of fixing the conditions of invalidity of an employment contract, collective contract or agreement, local legal acts, as well as the consequences of illegal actions and the responsibility of the employer.

Keywords: guarantees, protection of labor rights, employer, rule of law, protection of labor rights, employee, labor rights.

Реализация гражданами права на труд, свободу труда и других трудовых прав имеет большое значение для укрепления стабильности в обществе. Вопросы охраны и защиты субъективных прав участников правоотношений характерны для каждой отрасли права. Они закреплены в различных нормативных правовых актах и исследуются учеными различных областей юридических знаний. Так, в соответствии со ст. 2 Конституции Республики Беларусь человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства, а ст. 60 гарантирует каждому защиту его прав и свобод [1].

Охрана и защита прав по отраслевой принадлежности зависит от предмета, метода правового регулирования и функций отрасли права. Специфика трудовых правоотношений заключается в неравном положении его субъектов, наличии возможности злоупотребления своим правом со стороны нанимателя, чем существенно могут ущемляться права работника. Именно поэтому трудовые права граждан нуждаются в надлежащей и специфической охране и защите. Учитывая это, и законодатель в ч. 4 ст. 7 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) устанавливает правило о том, что в случае противоречия норм законодательства о труде равной юридической силы применяется норма, содержащая более льготные условия для работников [2].

В ст. 2 ТК в качестве основной задачи Кодекса провозглашается защита взаимных прав и обязанностей работников и нанимателей. Под субъективным правом в общей теории права понимается вид и мера возможного поведения субъекта, а под юридической обязанностью – вид и мера должного поведения лица [3, с. 42]. Права работников закреплены в ст. 11 ТК, где среди прочих гарантируется право работника на защиту своих трудовых прав. Каждый работник может обратиться в компетентный государственный или общественный орган, а также в суд за защитой трудовых прав, исходя из ст. 60 Конституции Республики Беларусь и п. 9 ст. 11 ТК.

Для надлежащей и эффективной реализации субъективных прав законом предусмотрены юридические гарантии. Е.Б. Хохлов под гарантиями в широком смысле слова понимает

политические, идеологические, экономические и организационные условия, обеспечивающие нормальное функционирование субъекта права в целях беспрепятственного и эффективного осуществления тех социально значимых интересов, носителем которых и является данный субъект. Автор указывает, что с формально-юридической стороны правовые гарантии ничем не отличаются от тех субъективных прав лица, реализацию которых они призваны обеспечить, и направлены на защиту социально значимых интересов субъекта от неправомерного поведения других лиц [4, с. 292].

В соответствии со ст. 90 ТК гарантии – это средства, способы и условия, с помощью которых обеспечивается осуществление предоставленных работникам прав. В.В. Федин уточнил понятие юридических гарантий трудовых прав работника, обратив особое внимание, что это система правовых средств, способов и условий, создающих работнику реальные возможности для осуществления его трудовых прав [5, с. 219].

В науке трудового права приводились и классификации гарантий. Наиболее интересной для нашего исследования и разделяемой нами представляется система юридических гарантий, предложенная В.В. Фединым:

- 1) юридические гарантии, служащие препятствием нарушению трудовых прав работников (превентивные гарантии);
- 2) общие и специальные юридические гарантии, содействующие реализации трудовых прав работника;
- 3) гарантии, обеспечивающие восстановление нарушенных трудовых прав (восстановительные гарантии);
- 4) юридические гарантии, представляющие собой санкции, направленные на привлечение к ответственности лиц, виновных в нарушении трудового законодательства и локальных актов нанимателей (гарантии-санкции) [5, с. 220–221].

По нашему мнению, гарантии с точки зрения охраны и защиты трудовых прав работников связаны с поведением субъекта и делятся на:

- 1) гарантии охраны трудовых прав от правонарушений, способствующие призвать субъекта к правомерному поведению для надлежащей реализации трудовых прав другого лица;
- 2) гарантии защиты трудовых прав при их нарушении другим субъектом.

Это, называемые В.В. Фединым, превентивные и восстановительные гарантии, представляющие собой охрану и защиту трудовых прав.

Понятия охраны и защиты прав рассматриваются учеными в широком и узком смысле.

В общей теории прав человека отмечается, что в наиболее общем смысле защита есть противодействие незаконным нарушениям и ограничениям прав, свобод и интересов личности, предупреждение этих нарушений и ограничений, а также возмещение причиненного вреда в случае, если предупредить или отразить нарушения и ограничения не удалось [6, с. 169].

Специалисты по гражданскому праву указывают, что традиционно понятием «охрана гражданских прав» охватывается вся совокупность мер, обеспечивающих нормальный ход реализации прав. В него включаются меры не только правового, но и экономического, политического, организационного и иного характера, направленные на создание необходимых условий для осуществления субъективных прав. К правовым мерам охраны относятся все меры, с помощью которых обеспечивается как развитие гражданских правоотношений в их нормальном, ненарушенном состоянии, например, закрепление право-, дееспособности субъектов, установление обязанностей и т. п., так и восстановление нарушенных или оспоренных прав и интересов. Наряду с таким широким пониманием охраны в науке и в законодательстве используется и понятие охраны в узком смысле слова. В этом случае в него включаются лишь те предусмотренные законом меры, которые направлены на восстановление или признание гражданских прав и защиту интересов при их нарушении или оспаривании. В целях избегания терминологической путаницы, охрану в узком значении этого слова принято именовать защитой гражданских прав [7, с. 3–4].

Т.Ю. Барышникова под защитой субъективных трудовых прав и охраняемых законом интересов работников и работодателя понимает деятельность по реализации мер, направленных на восстановление нарушенных трудовых прав или устранение препятствий на пути осу-

ществления индивидуальных и коллективных трудовых прав и охраняемых законом интересов работников или работодателя, осуществляемая сторонами трудового правоотношения, а также компетентными государственными органами или общественными организациями [8, с. 7].

Н.С. Пилипенко указывает, что следует отличать защиту трудовых прав от их охраны. По мнению автора, защита предполагает комплекс мероприятий, направленных на пресечение какого-либо посягательства на законные интересы, и действует непосредственно после начала посягательства. Охрана включает комплекс мер, направленных не только на пресечение противоправных действий, но и на защиту законных прав и интересов вообще [9, с. 334].

Таким образом, мнения ученых по поводу охраны и защиты трудовых прав разделяются: кто-то считает, что охрана права более широкое понятие и включает в себя как нормы-гарантии по реализации прав, так и нормы по защите прав при их нарушении, а другие считают наоборот, что защита права более широкое понятие.

Такое разнообразие мнений, вероятно, основано на различных подходах и понимании функций права, включая и трудовое. Специалисты по трудовому праву, в частности, С.П. Маврин и Т.М. Петоченко указывают, что охранительная функция трудового права представляет собой направление правового воздействия на предмет трудового права и поведение людей в процессе труда, выражающееся во влиянии на их волю не только угрозой наказания, но и реализацией юридической ответственности [4, с. 216], [10, с. 98].

Для возможности осуществлять трудовые права необходим механизм защиты этих прав от нарушений. Таким механизмом являются юридические гарантии, которые призваны как охранять права сторон трудового отношения от правонарушений, так и защищать их в случае совершения нарушения. По нашему мнению, все гарантии с точки зрения охраны и защиты трудовых прав работников связаны с поведением субъекта: гарантии реализации субъективных прав при правоммерном поведении представляют собой охрану трудовых прав, а защита трудовых прав имеет место при неправоммерном поведении.

По нашему мнению, под охраной трудовых прав следует понимать условия, способы и средства предупредительного характера, позволяющие субъекту трудового права обеспечить надлежащую реализацию права другого субъекта до совершения нарушения этого права. Цель охраны – предотвратить нарушение права. Защита трудовых прав представляет собой способы, средства и формы, позволяющие субъекту трудового права обеспечить надлежащее восстановление права при его нарушении. Цель защиты заключается в восстановлении нарушенного права и в определении порядка его восстановления.

Специалисты по гражданскому праву совокупность связанных между собой форм, способов и средств защиты называют механизмом защиты гражданских прав. Под формой защиты прав понимается комплекс согласованных организационных мероприятий, юридическая деятельность компетентных органов по защите субъективных прав, протекающих в рамках одного правового режима.

Различают две формы защиты:

- 1) юрисдикционную, при которой лицо, право которого нарушено, обращается за защитой в государственный или иной компетентный орган;
- 2) неюрисдикционную, при которой лицо самостоятельно осуществляет действия правоохранительного характера, не обращаясь к управомоченному субъекту защиты права.

Способы защиты зависят от формы их защиты и представляют собой определенную возможность действий управомоченного лица по пресечению правонарушения и восстановлению нарушенного правонарушением интереса [11, с. 14–17].

Таким образом, формы защиты определяют круг компетентных органов и лиц, управомоченных осуществлять защиту нарушенного права, а способы защиты – это установленные законом возможные конкретные действия этих органов по восстановлению нарушенного права.

В российском трудовом праве механизм защиты трудовых прав сводится к способам защиты и предусматривает возможность защиты своих трудовых прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом. Основные способы защиты трудовых прав и свобод предусмотрены в ст. 352 Трудового кодекса Российской Федерации. К ним относятся: самозащита работниками

трудовых прав; защита трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами; государственный контроль и надзор за соблюдением трудового законодательства; судебная защита [12]. Таким образом, речь идет не о способах, а о формах защиты трудовых прав.

В ТК Республики Беларусь не содержится отдельных норм о способах и формах защиты трудовых прав работников. Исходя из анализа содержания ТК можно заключить, что формы защиты трудовых прав в Беларуси и России одинаковы. Это судебная и иная защита трудовых прав работников, что предусмотрено ст. 11 ТК. К иным формам защиты относится защита прав профессиональными союзами (ст. 46 ТК), органами государственного надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде (ст. 462 и 463 ТК), органами по рассмотрению трудовых споров (ст. 233 ТК), а также самозащита работниками своих трудовых прав.

Несмотря на отсутствие в белорусском ТК термина «самозащита» трудовых прав, такие нормы в нем предусмотрены, например, в ст. 40 ТК: по истечении срока предупреждения об увольнении по желанию работника он вправе прекратить работу, если наниматель не оформил увольнение надлежащим образом; в ст. 223 ТК: в случае возникновения непосредственной опасности для жизни и здоровья работника и окружающих; непредоставления ему средств индивидуальной защиты, непосредственно обеспечивающих безопасность труда, он вправе отказаться от выполнения порученной работы.

Рассматривая формы и способы защиты трудовых прав и интересов работников, А.А. Шувалова предложила классификацию форм защиты трудовых прав и правовых интересов в зависимости от того, осуществляется ли защита путем обращения в уполномоченные органы или лицом самостоятельно:

- судебная форма защиты (универсальный (общий) порядок защиты);
- административная форма защиты в виде государственного контроля и надзора за соблюдением трудового законодательства, осуществляемого государственными инспекциями труда;
- общественная форма защиты через обращения работников за защитой нарушенных прав и правовых интересов в профессиональные союзы;
- коллегияльная форма защиты – обращение в комиссии по трудовым спорам.

Самостоятельные действия по защите нарушенных трудовых прав и правовых интересов субъектов трудовых правоотношений охватываются неюрисдикционной формой – самозащитой трудовых прав и правовых интересов [13, с. 7–8].

Как уже отмечалось, способы и формы охраны и защиты трудовых прав в ТК Республики Беларусь не раскрываются. В то же время нормы охраны и защиты трудовых прав вытекают из законодательства. Так, в качестве охранительных норм можно назвать систему государственных гарантий по оплате и охране труда. Нормы охраны заработной платы перечислены в главе 6, ст. 107, 108 ТК:

- величина минимальной заработной платы, размер базовой ставки и тарифы оплаты труда для работников бюджетных и приравненных к ним организаций;
- дифференциация в оплате труда в зависимости от условий, отличающихся от нормативных;
- обеспечение своевременности и регулярности выплаты заработной платы;
- ограничения удержаний из заработной платы и их размеров;
- меры по поддержанию уровня реального содержания заработной платы, индексации заработной платы;
- ответственность нанимателей за нарушение условий коллективного договора, трудового договора, соглашения по оплате труда.

Реализация права работника на охрану труда осуществляется посредством государственного управления в области охраны труда, надзора за соблюдением законодательства об охране труда и установлением ответственности за нарушение этого законодательства, ст. 223 ТК. В настоящее время сформировано законодательство об охране труда, содержащее ряд гарантий и закрепляющее обязанности нанимателя по охране труда, например, при ухудшении состояния здоровья работника, обусловленного условиями труда, утраты профессиональной трудоспособности в связи с несчастным случаем на производстве или профессиональным заболеванием наниматель обязан предоставить работнику с его согласия работу в

соответствии с медицинским заключением или обеспечить направление работника на переподготовку, профессиональную подготовку с сохранением на период получения образования среднего заработка, а при необходимости и его реабилитацию [2].

Кроме того, в ТК предусмотрены запреты и ограничения, которые наниматель обязан соблюдать. В частности, к ним относятся следующие положения:

– запрещение необоснованного отказа в заключении трудового договора отдельным гражданам при определенных условиях, ст. 16 ТК;

– в трудовом договоре не могут предусматриваться условия, ухудшающие положение работника по сравнению с законодательством и коллективным договором, ст. 19 ТК;

– запрещение требовать выполнения работы, не обусловленной трудовым договором, ст. 20 ТК;

– запрещение отказывать женщинам в заключении трудового договора и снижать им заработную плату по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей в возрасте до трех лет, а одиноким родителям при наличии детей в возрасте до четырнадцати лет, детей-инвалидов – до восемнадцати лет, а также расторжение трудового договора по инициативе нанимателя по безвиновным основаниям увольнения, ст. 268 ТК;

– запрещение и ограничение тяжелых работ и работ с вредными и (или) опасными условиями труда, ночных, сверхурочных работ, работы в государственные праздники, праздничные, выходные дни и направления в служебную командировку женщин, ст. 262, 263 ТК;

– запрещение тяжелых работ и работ с вредными и (или) опасными условиями труда, ночных, сверхурочных работ, работы в государственные праздники, праздничные, выходные дни лиц, моложе восемнадцати лет, ст. 274, 276 ТК;

– ограничения при привлечении к работе в ночное время, к сверхурочной работе, ст. 117, 120 ТК;

– ограничения работы по совместительству и продолжительности рабочего времени, ст. 345 и 348 ТК и др.

К нормам защиты трудовых прав можно отнести, например:

– локальные правовые акты, содержащие условия, ухудшающие положение работников по сравнению с законодательством о труде, являются недействительными, ч. 2 ст. 7 ТК;

– условия коллективного договора, соглашения, ухудшающие положение работников по сравнению с законодательством, являются недействительными, ст. 362 ТК;

– недействительность трудового договора, ст. 22 ТК;

– недействительность отдельных условий трудового договора, ст. 23 ТК;

– прекращение работы работником, если по истечении срока предупреждения при увольнении по его желанию наниматель не оформил увольнение надлежащим образом, ч. 5 ст. 40 ТК;

– отказ от продолжения работы, ст. 223 ТК;

– восстановление на работе, ст. 243 ТК;

– выплата среднего заработка за время вынужденного прогула, ст. 244, 296, 303 ТК;

– выплата возмещения работнику в случае, если суд посчитает невозможным или нецелесообразным его восстановление на прежней работе по причинам, не связанным с совершением виновных действий, ч. 2 ст. 243 ТК;

– возмещение материального ущерба, ст. 79, 247 ТК;

– компенсация морального вреда, ст. 246 ТК;

– установление ответственности нанимателя за нарушение законодательства о труде, ст. 56, 78, 79, 465 и др.

В результате исследования можно сделать следующие выводы.

Под охраной трудовых прав мы понимаем условия, способы и средства предупредительного характера, позволяющие субъекту трудового права обеспечить надлежащую реализацию права другого субъекта до совершения нарушения этого права. Цель охраны – предотвратить нарушение права. Защита трудовых прав представляет собой формы, способы, средства, позволяющие субъекту трудового права обеспечить восстановление права при его нарушении. Цель защиты заключается в восстановлении нарушенного права и в определении порядка его восстановления.

Нормы охраны трудовых прав содержатся в законе в виде установленных государственных гарантий, а также запретов и ограничений. Они определяют границы дозволенного поведения, способствуют укреплению законности и правопорядка в трудовых отношениях. Нормы защиты трудовых прав предусмотрены в виде установления условий недействительности трудового договора, коллективного договора или соглашения, локальных правовых актов, последствий неправомерных действий, ответственности нанимателя. Закрепление форм и способов защиты трудовых прав работников придаст стабильность и определенность в правовом регулировании трудовых отношений.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19402875>. – Дата доступа : 20.04.2021.
2. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. с изм. и доп. // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН»: версия 6.5 / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. – 4- изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 2005. – 575 с.
4. Курс российского трудового права : Часть общая : в 3-х т. / А. В. Гребенщиков, С. П. Маврин, Е. Б. Хохлов ; под общ. ред.: С. П. Маврин, А. С. Пашков, Е. Б. Хохлов. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1996. – Т. 1. – 573 с.
5. Федин, В. В. Юридические гарантии трудовых прав работника / В. В. Федин // Проблемы защиты трудовых прав граждан : материалы науч.-практ. конф. ; ред. А. С. Леонов. – М. : Права человека, 2004. – С. 218–224.
6. Общая теория прав человека / В. А. Карташкин, Н. С. Колесова, А. М. Ларин [и др.] ; рук. авт. коллектива и отв. ред. Е. А. Лукашева. – М. : Норма, 1996. – 509 с.
7. Кутина, В. П. Гражданско-правовая защита имущественных прав субъектов гражданских правоотношений : монография / В. П. Кутина, М. В. Рыбкина, С. А. Сагателян, Л. В. Тихонравов ; под ред. В. П. Кутиной. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та управления и экономики, 2014. – 148 с.
8. Барышникова, Т. Ю. Формы и способы защиты трудовых прав и охраняемых законом интересов в российском трудовом праве : автореф. дис... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Т. Ю. Барышникова ; Пермский гос. ун-т. – Пермь, 2005. – 29 с.
9. Пилипенко, Н. С. Конституционные гарантии внесудебной защиты трудовых прав работников / Н. С. Пилипенко // Современные проблемы белорусского законодательства в условиях конституционных преобразований : монография / под общ. ред. Г. А. Василевича, А. Ф. Вишневого, В. А. Кучинского, К. Л. Томашевского. – Минск : Амалфея, 2022. – С. 332–342.
10. Курс трудового права. Общая часть : учеб. пособие / А. А. Войтик [и др.] ; под общ. ред. О. С. Курылевой, К. Л. Томашевского. – Минск : Тесей, 2010. – 602 с.
11. Зеленская, Л. А. Способы и формы защиты нарушенных прав граждан и юридических лиц : учеб. пособие / Л. А. Зеленская, Т. Ю. Якимова. – Краснодар : КубГАУ, 2018. – 101 с.
12. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 25.02.2022 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.
13. Шувалова, А. А. Способы судебной защиты трудовых прав и правовых интересов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / А. А. Шувалова ; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия». – М., 2019. – 21 с.

Возмещение морального вреда при незаконном дисциплинарном увольнении

Т.В. КОВАЛЁВА

В статье исследуются вопросы возмещения морального вреда в случаях нарушения отдельных трудовых прав работников, анализируется понятие морального вреда в трудовом праве, незаконное увольнение как основание его возмещения, делается вывод о необходимости изменения подхода к определению случаев, когда возможно возмещение морального вреда в трудовом праве, а также обобщения судебной практики в части критериев и методов оценки морального вреда, в том числе, при незаконных дисциплинарных увольнениях.

Ключевые слова: возмещение морального вреда, незаконное увольнение, физические и нравственные страдания.

The article examines the issues of compensation for moral damage in cases of violation of certain labor rights of employees, analyzes the concept of moral damage in labor law, illegal dismissal as the basis for its compensation. It is necessary to change the approach to determining cases when compensation for moral damage is possible in labor law, and also generalizations of judicial practice in terms of criteria and methods for assessing non-pecuniary damage, including in the cases of illegal disciplinary dismissals.

Keywords: compensation for moral damage, illegal dismissal, physical and moral suffering.

Право на труд является одним из неотъемлемых прав человека. При незаконном дисциплинарном увольнении работник лишается указанного права и может понести в связи с этим нравственные страдания. Также, в некоторых случаях затрагиваются и такие права человека, как неприкосновенность и достоинство личности, за нарушение которых возможно взыскание компенсации морального вреда.

Основополагающей нормой, регулирующей компенсацию морального вреда, является ст. 60 Конституции Республики Беларусь [1]. Дальнейшее развитие данных положений нашло свое отражение в ст. 152 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), в соответствии с которой, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством, гражданин вправе требовать от нарушителя денежную компенсацию указанного вреда [2].

Многие авторы обращались к исследованию вопросов компенсации морального вреда в трудовых отношениях. А.А. Шувалова отмечает, что причиненный субъектам трудовых правоотношений ущерб может быть материальным и нематериальным, при этом нематериальный ущерб выражается в причинении морального вреда. В указанном случае подходящим способом защиты трудовых прав и правовых интересов работника будет обращение за компенсацией морального вреда [3, с. 18].

В трудовом праве Республики Беларусь отсутствует дефиниция «морального вреда». В связи с этим возникает необходимость обращения к источникам гражданского права, в частности, п. 1 ст. 152 ГК [2]. Ученые трудового права дают различные определения данного понятия, применимого к трудовым отношениям. Г.Х. Шафикова моральный вред в трудовом праве определяет, как нравственные или физические страдания, причиненные одним субъектом трудовых отношений другому противоправными действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие им нематериальные блага или нарушающими их личные неимущественные права, а также в иных случаях, предусмотренных трудовым законодательством [4]. Е.В. Мотина считает, что моральный вред – это физические и нравственные страдания, причиненные работнику неправомерными действиями (бездействием) нанимателя, нарушающими (или посягающие на) его трудовые права, предусмотренные законодательством [5, с. 12]. Э.А. Лопатьевская под моральным вредом в трудовом праве понимает физические и (или) нравственные страдания, вызванные негативными изменениями физического, психического,

эмоционального, социального состояния личности работника вследствие нарушения предусмотренных законодательством его трудовых прав (или посягательство на них) [6, с. 3]. Таким образом, исследователи не отходят от гражданско-правового понятия морального вреда через физические или нравственные страдания, но делают акцент на специфику трудовых отношений, законных прав и интересов работников.

С.В. Савин указывает, что трудности разработки трудовым законодательством собственно понятия морального вреда связаны с тем, что трудовые права работников личного неимущественного характера (право на трудовую честь и достоинство, право на деловую репутацию, право на продвижение по работе и др.) до настоящего времени остаются за пределами внимания законодателя. В связи с этим, автором предлагается включение данных прав в ст. 21 Трудового кодекса Российской Федерации [7]. Данная проблема характерна и для законодательства Республики Беларусь. Такие вышеназванные права не в полной мере нашли своего отражения ни в ТК, ни в ГК. В связи с этим, целесообразно расширение прав работников, предусмотренных ст. 11 ТК. Непосредственно право на компенсацию морального вреда как основное право работника закреплено в абз. 14 ч. 1 ст. 21 Трудового кодекса Российской Федерации [8].

Р.И. Филипчик отмечает, что содержание морального вреда заключается в том, что действия причинителя вреда обязательно должны найти отражение в сознании потерпевшего, вызвать определенную психическую реакцию (как правило, негативную) [9]. В связи с чем, вызывает интерес также конкретизация, что относить к физическим или нравственным страданиям в трудовых отношениях. Применительно к трудовым отношениям В.И. Миронов под физическими страданиями понимает травму, профессиональное заболевание, болезнь, обострение болезни у работника. Под нравственными страданиями понимается нравственные переживания физического лица в связи с утратой родственников, невозможностью продолжения работы, раскрытием врачебной, семейной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство работника, временным ограничением его прав [10, с. 738].

Для защиты трудовых прав работника предусмотрена возможность возмещения морального вреда согласно ст. 246 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) в случаях отсутствия законного основания для увольнения; нарушения порядка увольнения, не влекущего восстановления на работе; незаконного перевода на другую работу [11]. Данный перечень является исчерпывающим. По другим основаниям возмещение морального вреда в трудовых отношениях в Беларуси не допускается. В Украине содержится более широкая формулировка: «...если нарушения его законных прав привели к моральным страданиям...» [12]. В Трудовом кодексе Российской Федерации также перечень оснований компенсации морального вреда не ограничен и взыскивается в случаях его причинения работнику неправомерными действиями или бездействием работодателя [8].

В.И. Кривой указывал, что содержание ст. 243–245, 247 ТК направлено на применение максимально жестких правовых мер для предотвращения и наказание за совершение семи наиболее серьезных нарушений, ст. 246 же предусматривает только за два. В то же время законодатель распространяет возможность возмещения морального вреда в случае нарушения порядка увольнения, не влекущего восстановления на работе. Нарушенный порядок увольнения обычно восстанавливается органом по рассмотрению индивидуального трудового спора [13, с. 72]. О.Н. Людвигевич также считает, что, например, доказанность совершения дисциплинарного проступка, когда нанимателем нарушается только процедура применения увольнения, должна стать основанием для отказа в компенсации морального вреда. К нанимателю, нарушившему установленную процедуру, применяется мера защиты – восстановление работника на работе и материальная ответственность – обязанность выплатить работнику средний заработок за все время вынужденного прогула, что является достаточным; компенсация же морального вреда должна быть связана с отсутствием основания для увольнения [14, с. 365]. В противовес данному мнению И.А. Паламарчук пишет, что вследствие нарушения процедуры увольнения работника лишают права на законное и обоснованное увольнение, в связи с чем и причиняются существенные моральные страдания [15].

Многие ученые обращают внимание, что нарушения не только указанных в ст. 246 ТК прав могут повлечь физические и (или) нравственные страдания работника. Р.И. Филипчик отмечает, что моральные страдания могут быть вызваны и нарушением других прав работ-

ников, например, незаконное наложение дисциплинарного взыскания, отказ в предоставлении отпуска, неосуществление гарантийных и компенсационных выплат, несоблюдение требований по охране труда и др. [9]. И.А. Паламарчук констатирует, что нарушение трудового права или несоблюдение гарантий, предусмотренных законодательством, всегда влечет за собой наличие морального вреда, хотя бы потому, что человека лишили того, на что он был вправе рассчитывать [15]. Е.В. Мотина указывает, что сам факт рассмотрения спора уполномоченными органами причиняет нравственные страдания [16, с. 277].

Таким образом, любые незаконные действия нанимателя как сильной стороны трудового договора могут привести к нарушению прав работника и причинению ему физических и (или) нравственных страданий. Опираясь на опыт других государств, авторами неоднократно предлагалось расширить возможность компенсации морального вреда по трудовому законодательству Республики Беларусь [5, с. 5], [6, с. 4]. Некоторыми учеными высказывается мнение о дополнении ст. 246 ТК отдельными основаниями. Так, О.Н. Людвигевич считает, что целесообразно закрепить в ТК возможности компенсации морального вреда при незаконном привлечении к дисциплинарной ответственности, что направленно на совершенствование механизма защиты прав работников, особенно в условиях усиления их ответственности [14, с. 364].

Соглашаясь с данными мнениями, считаем необходимым обратить внимание на следующее. Согласно абз. 2 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2000 г. № 7 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда» в целях обеспечения правильного и своевременного разрешения возникших споров судам необходимо по каждому делу о компенсации морального вреда выяснять: характер спорного правоотношения, какими правовыми нормами оно регулируется, когда вступил в силу акт законодательства, предусматривающий условия и порядок компенсации морального вреда по данному правоотношению, а также когда были совершены действия, повлекшие его наступление [17]. Моральный вред в соответствии с гражданским законодательством компенсируется во всех случаях нарушения личных неимущественных прав либо других нематериальных благ гражданина, а при совершении действий (бездействия), нарушающих имущественные права гражданина, – только в случаях, предусмотренных законодательными актами (ст. 152, 968 ГК) [2]. При незаконном привлечении к дисциплинарной ответственности в виде замечания и выговора работник испытывает нравственные страдания в связи с ущемлением его трудовой репутации. Это указывает, что нанимателем были нарушены нематериальные блага работника, в первую очередь его деловая репутация, а также честь и (или) достоинство. Защита данных прав осуществляется в общем порядке согласно ст. 153 ГК, в которой также предусмотрена возможность возмещения морального вреда (п. 5 ст. 153 ГК) [2]. Таким образом, усиливается необходимость взаимодействия гражданского и трудового права по данному вопросу.

В соответствии с судебной практикой, если компенсация морального вреда предусмотрена в нормах Трудового кодекса (ст. 246), то моральный вред компенсируется в порядке и на условиях, предусмотренных этими нормами [17]. Однако, если вытекающее из этих отношений требование о защите нематериального блага основано на общих нормах ГК, то применяются правила ответственности, установленные ст. 152 ГК [2]. Таким образом, можно исходить из того, что работнику причинен моральный вред на общих основаниях, в связи с чем применяем положения об ответственности, предусмотренные ст. 152 ГК.

При этом считаем необходимым согласиться с мнением В.В. Глянцева, который писал, что ГК не предусматривает каких-либо ограничений в применении компенсации морального вреда, причиненного нарушением личных неимущественных прав в зависимости от характера правоотношений между причинителем вреда и потерпевшим. Личные неимущественные права имеют абсолютный характер, и любое лицо обязано воздерживаться от их противоправного нарушения, независимо от существующих между причинителем вреда и потерпевшим правоотношений; причинение морального вреда, при наличии предусмотренных законом условий, порождает гражданско-правовое обязательство по его компенсации [18, с. 18]. В.И. Кривой, опираясь на принцип большей льготности для работника (ч. 2 ст. 7 ТК), констатировал, что компенсация морального вреда должна производиться при совершении любых действий, нарушающих личные неимущественные права либо посягающие на принадлежащие другие материальные блага в сфере трудовых и связанных с ними отношений [13, с. 73].

Таким образом, правоприменительная практика не может ограничиваться лишь отдельными случаями возмещения работнику денежной компенсации за причинение морального вреда, указанными в части ст. 246 ТК. В случае нарушения личных неимущественных прав работника считаем целесообразным изменение не действующего законодательства, а практики его применения. Данную позицию также можно обосновать положениями, что в ТК отсутствуют правила компенсации морального вреда и, в частности, при определении размера его возмещения применяются нормы ч. 2 ст. 152 и п. 2 ст. 970 ГК.

Незаконное расторжение трудового договора, а особенно по дисциплинарным основаниям, наносит более весомый моральный вред работнику. Возмещение морального вреда по данным основаниям чаще всего встречается в судебной практике. Законодательством Республики Беларусь установлены гарантии защиты прав работника в случае незаконного увольнения, под которым следует понимать прекращение трудового договора при отсутствии основания или с нарушением установленной законодательством процедуры.

В.И. Кривой указывал, что законные основания – это предусмотренные законом причины (обстоятельства) для прекращения трудового договора. Автор выделял две разновидности увольнения без законного основания:

1) когда данная причина прямо не предусмотрена в законодательстве;

2) когда в приказе об увольнении содержится ссылка на законное основание, но его в действительности не было [13, с. 42].

Общие положения о порядке дисциплинарных увольнений предусмотрены ст. 199–200 ТК. Для некоторых оснований могут быть установлены отдельные условия, в частности, вступление в силу приговора суда о привлечении работника к ответственности за хищение имущества нанимателя. Нарушение любого из условий может повлечь за собой признание судом увольнения незаконным, в связи с чем возможно взыскание морального вреда. Поскольку наложение взыскания на работника в виде увольнения имеет важное значение, несоблюдение требований законодательства в отношении порядка наложения дисциплинарного взыскания также будет расцениваться в суде как незаконное.

Следует отметить, что в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» дисциплинарные увольнения названы как дискредитирующие обстоятельства увольнения, при которых проводится проверка, вызывающая дополнительное эмоциональное напряжение. Кроме того, п. 8 указанного Декрета установлен запрет на занятие отдельных должностей лицами, уволенными по дискредитирующим обстоятельствам, в течение пяти лет после такого увольнения, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь [19], что также влечет за собой дополнительные моральные страдания работника.

Э.А. Лопатьевская к нравственным и физическим страданиям, вызванным незаконным увольнением с работы, относит: потерю возможности ощущать свою значимость, отсутствие полноты условий для самореализации, разрыв привычных социальных связей и взаимоотношений, смену иерархии ценностных ориентаций [6, с. 10].

Одним из проблемных вопросов компенсации морального вреда при незаконных увольнениях является форма и размер такого возмещения. Согласно судебной практике моральный вред компенсируется судом в денежной форме, если законодательством не предусмотрена иная форма компенсации морального вреда [7]. Иного в ст. 246 ТК не предусмотрено. Ранее данные вопросы регулировались ст. 434 ТК, и была предусмотрена возможность его возмещения в материальной форме. В связи с этим ученые неоднократно обращали внимание на необходимость установления материальной формы возмещения морального вреда в трудовых отношениях. Е. В. Мотина отмечает, что иная материальная форма может быть более значима, чем денежная (например, предоставление другого места жительства, оказание услуг по переезду, предоставление и оплата санаторно-курортного лечения и т. п.) [5, с. 16]. В.И. Миронов приводит пример мирового соглашения, согласно которому наниматель в качестве компенсации морального вреда передал работнику, потерявшему руку на производстве, проживающему в коммунальной квартире, в собственность отдельную квартиру. В данном случае наниматель исключил необходимость появления работника с телесным дефектом перед соседями, которые знали его здоровым человеком. При этом автор считает, что ком-

пенсация морального вреда в материальной форме допускается, это не противоречит законодательству и соответствует интересам работника [10, с. 741]. Такая позиция, исходя из судебной практики, не может быть применена в Республике Беларусь.

Согласно ст. 246 ТК размер морального вреда определяется судом. Следует согласиться с мнением И.А. Паламарчук, которая считает, что определение размера компенсации морального вреда в трудовых спорах является одной из самых противоречивых проблем правоприменительной практики. Ни трудовое, ни гражданское законодательство не предусматривают порядка определения суммы, подлежащей взысканию при восстановлении трудовых прав работника, оставляя данный вопрос на усмотрение судебного органа, рассматривающего дело [15].

Размер компенсации морального вреда работник указывает самостоятельно в исковом заявлении. При его определении суд должен исходить из конкретных обстоятельств. Общими критериями оценки являются: требование разумности и справедливости; степень нравственных и физических страданий потерпевшего исходя из тяжести (значимости) для него наступивших последствий и их общественной оценки; обстоятельства причинения морального вреда; возраст и состояние здоровья потерпевшего; условия жизни; материальное положение; иные индивидуальные особенности потерпевшего [17].

Е.В. Мотина выделяет частные (вспомогательные) критерии оценки размера компенсации, которые зависят от вида конкретного нарушения, например: ухудшение здоровья; прекращение учебы; невозможность продолжать карьеру; крайняя затруднительность трудоустройства; длительный характер испытываемых страданий; степень утраты трудоспособности; вид причиненного морального вреда и др. [5, с. 30]. Э.А. Лопатьевская в качестве индивидуальных особенностей, которые необходимо учитывать при определении размера компенсации морального вреда, называет степень психологической восприимчивости, интенсивность протекания психических процессов, тип личности, ценностно-мировоззренческая и гендерная характеристика личности. Для установления этих особенностей необходимо проведение судебно-психологической или судебно-медицинской экспертиз [6, с. 4].

Р.И. Филипчик обращает внимание, что анализ судебной практики по трудовым делам свидетельствует о том, что нередко установленный судом размер компенсации морального вреда вызывает недовольство сторон и является причиной обжалования судебных постановлений [9]. Считаем необходимым согласиться с мнением В.И. Миронова, который писал: «Компенсация морального вреда связана с человеческими качествами физического лица, испытанными нравственными и (или) физическими страданиями. Причём указанные страдания непосредственно связаны с умственной деятельностью человека, их компенсация призвана сохранить уважение к человеку как личности. Исходя из сказанного можно сделать вывод, что судебная практика о компенсации морального вреда в крайне минимальных размерах является проявлением неуважения к человеку как личности, испытывающей физические и (или) нравственные страдания» [10, с. 742].

При вынесении решения суда о возмещении морального вреда суды сформировали определенные критерии и размеры компенсации, в связи с чем, считаем целесообразным провести обобщение судебной практики для объективного определения суммы причиненного морального вреда в трудовых отношениях. Это необходимо для более четкого понимания методов оценки, по которым будет установлен конкретный размер компенсации морального вреда. Также это будет способствовать принятию единообразных и справедливых судебных постановлений в целях обеспечения полной защиты прав и законных интересов работников.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. – 80 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Шувалова, А. А. Способы судебной защиты трудовых прав и правовых интересов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / А. А. Шувалова ; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия». – М., 2019. – 21 с.
4. Шафикова, Г. Х. Компенсация морального вреда, причиненного работнику [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Г. Х. Шафикова ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2000 // Law Theses. – Режим доступа : <http://lawtheses.com/kompensatsiya-moralnogo-vreda-prichinennogo-rabotniku>. – Дата доступа : 12.08.2021.
5. Мотина, Е. В. Компенсация морального вреда : трудово-правовой аспект : науч.-практ. пособие / Е. В. Мотина // Библиотечка журнала «Юрист». – 2009. – № 10. – 68 с.
6. Лопатъевская, Э. А. Компенсация морального вреда при нарушении трудовых прав работника : законодательство и судебная практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Э. А. Лопатъевская ; Белорусский государственный экономический университет. – Минск, 2004. – 20 с.
7. Савин, С. В. Материальная ответственность работодателя в условиях рыночной экономики [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / С. В. Савин ; Академия труда и социальных отношений. – М., 2008 // Law Theses. – Режим доступа : <http://lawtheses.com/materialnaya-otvetstvennost-rabotodatela-v-usloviyah-rynочноy-ekonomiki>. – Дата доступа : 12.08.2021.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 25.02.2022 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.
9. Филипчик Р. И. О некоторых вопросах возмещения морального вреда в трудовом праве [Электронный ресурс] / Р. И. Филипчик // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
10. Миронов, В. И. Трудовое право России : учебник / В. И. Миронов. – М., 2005. – 1152 с.
11. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г., № 296-З [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.05.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
12. Кодекс законов о труде Украины [Электронный ресурс] : 10 дек. 1971 г., № 322-VIII : в ред. Закона Украины от 09.06.2022 // Законодавство України. – Режим доступа : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/322-08>. – Дата доступа : 13.06.2022.
13. Кривой, В. И. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь для профессионалов в 40 выпусках / под ред. В. И. Кривого. – Могилев : Могилев. обл. укруп. тип., 2007. – Вып. 20. – 228 с.
14. Людвигевич, О. Н. Компенсация морального вреда при незаконном привлечении к дисциплинарной ответственности / О. Н. Людвигевич // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. Междунар. на-уч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 363–366.
15. Паламарчук, И. А. Заключение, изменение и прекращение трудового договора : гарантии и компенсации [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / И. А. Паламарчук ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – М., 2013 // Law Theses. – Режим доступа : <http://lawtheses.com/zaklyuchenie-izmenenie-i-prekraschenie-trudovogo-dogovora>. – Дата доступа : 24.03.2021.
16. Мотина, Е. В. Институт компенсации морального вреда в трудовом праве Республики Беларусь: состояние и развитие / Е. В. Мотина // Современные тенденции кодификации законодательства : 10 лет ГПК, ХПК, ТК Республики Беларусь : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6 нояб. 2009 г. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Т. А. Белова [и др.]. – Минск, 2009. – С. 273–277.
17. О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 28 сент. 2000 г., № 7 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 23.12.2021 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
18. Глянцев, В. В. Компенсация морального вреда при нарушении трудовых прав / В. В. Глянцев // Российская юстиция. – 1997. – № 11. – С. 18.
19. Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2014 г., № 5 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 12.10.2021 г. // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН»: версия 6.5 / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

Совмещение работы с получением образования: исторический анализ

И.В. КОЛОДИНСКАЯ

В статье рассматриваются исторические аспекты формирования отношений по совмещению работы с получением образования. Определяется роль политических и социально-экономических условий, сложившихся в Беларуси до революции 1917 г., в советскую эпоху и после обретения государственного суверенитета, в становлении и развитии указанных отношений и их правовом регулировании. Формулируются выводы, касающиеся периодизации истории становления и развития этих отношений.

Ключевые слова: исторические аспекты, правовое регулирование, совмещение работы с получением образования, отношения о совмещении работы с получением образования, становление и развитие законодательства.

The article discusses the theoretical and historical aspects of combining work with education. The role of the political and socio-economic conditions prevailing in Belarus before the revolution of 1917, in the Soviet era and after the acquisition of state sovereignty in the formation and development of relations on combining work with education and their legal regulation is determined. The conclusions are formulated with the designation of the periodization of the development of combining work with education.

Keywords: historical aspects, legal regulation, combining work with education, relations about combining work with education, formation and development of legislation.

Историческая оценка современных исследований в области права является неотъемлемой частью любой научной работы. Изучение истории права содействует упорядочению знаний и представлений о наиболее общих или наиболее характерных особенностях возникновения, функционирования права и является основой для последующих изменений.

В данной работе рассматривается хронология важнейших исторических событий в Беларуси, характеризующаяся политическими и социально-экономическими условиями, сложившимися в Беларуси до революции 1917 г., в советскую эпоху и после обретения государственного суверенитета, которые способствовали становлению и развитию отношений по совмещению работы с получением образования и их правовому регулированию. В истории белорусского трудового права данному вопросу не уделялось должного внимания, и рассматриваемые отношения не являлись объектом комплексного научного исследования.

Зарождение отношений о совмещении работы с получением образования пришлось на период 7000 г. до н.э. – VIII в., когда общественно-трудовые отношения являлись качественным своеобразием эволюции человека [1, с. 47].

О решающем значении труда в общественном развитии человека свидетельствует история человечества. Труд – первое и основное условие человеческой цивилизации. Он позволял удовлетворить потребности человека в пище, одежде, жилье [2], способствовал закреплению новых знаний, навыков и умений, которые передавались как в процессе систематического повторения трудовых циклов, так и в поколениях при передаче опыта от старших молодым [3]. Дети получали навыки и знания в домашних условиях, наследовали виды занятий своих родителей [4]. Передавая из поколения в поколение накопленный запас знаний и опыта, человек совершенствовал и развивал сам процесс труда. Новые и более эффективные трудовые процессы в свою очередь способствовали дальнейшему развитию человека [2].

Со становлением профессионального ремесла и возникновением нового социального слоя – городских ремесленников – началось развитие отношений о совмещении работы с получением образования. С IX по XIII вв. обучение ремеслу было способом и возможностью для постижения производства и освоения профессии человеком.

Появление групповой формы обучения ремеслу (XIV–XVII вв.) потребовало от человека приобретения специальных знаний и навыков, а также развития процесса и системы производственного обучения [2, с. 51].

На этапе развития мануфактурного производства (XVIII – начало XIX вв.) происходило совершенствование системы производственного обучения. Это повлекло прогрессивные преобразования в системе образования и подготовке кадров квалифицированных рабочих, а также способствовало приближению крупной машинной индустрии [2, с. 51].

Инструментом совершенствования профессионального образования и создания его системы явилась эпоха индустриализации (XIX – начало XX вв.). Она способствовала зарождению фабричного трудового законодательства, а вместе с ним – и отрасли трудового права [2, с. 51].

С формирования нового трудового законодательства советского типа, которое началось после отмены большинства законов, существовавших до Октябрьской революции 1917 г., началось становление правового регулирования совмещения работы с получением образования (1917–1930 гг.) [5, с. 68].

Восстановление экономики Беларуси после гражданской войны способствовало созданию первого Кодекса законов о труде РСФСР 1918 г., нормативных правовых актов, регулирующих вопросы ученичества, а также принятию основополагающих документов по народному образованию. Это повлияло на развитие производственных сил и формирование новой системы образования в стране, а также на появление в Кодексе законов о труде РСФСР 1922 г. раздела XII «Об ученичестве» [5, с. 72–73].

Следует отметить, то учениками считались лица, поступающие на работу без обладания той рабочей профессией (специальностью), в которой заинтересовано было предприятие, и обязующиеся в течение обусловленного срока освоить эту профессию непосредственно в процессе труда, а также путем соответствующих теоретических знаний [4, с. 338–339].

Вопрос о формировании новой системы и подготовки кадров на данном этапе решался путем подготовки работников на предприятиях и в учреждениях без их отрыва от производства. Появились школы фабрично-заводского ученичества, рабочие факультеты, а также заочное и вечернее обучение. Данные изменения положительно сказались на подготовке квалифицированных кадров для страны и на её социально-экономическом развитии, а также содействовали становлению правового регулирования совмещения работы с получением образования [5, с. 72–73].

Период развития правового регулирования совмещения работы с получением образования (1931–1990 гг.) связан с коренным, качественным преобразованием производительных сил на основе превращения науки в ведущий фактор развития общественного производства [6].

В 1930-е гг. в БССР в связи с оснащением промышленности новой, более сложной техникой, возросли требования к квалификации рабочих, потребовалась профессионально-техническая и общеобразовательная подготовка молодых рабочих. Как и культурно-технический уровень в целом, общеобразовательная подготовка была необходима не только для работы на производстве, но и для участия в управлении государством, производством, общественной жизни. В ходе индустриализации ставились задачи по освоению новых предприятий, овладению передовой техникой, улучшению организации труда и повышению технических знаний. Поэтому возникла необходимость ускорения темпов повышения общеобразовательного и культурного уровня трудящихся [7, с. 19].

В связи с развитием промышленного производства в стране (1930–1945 гг.) и возросшей потребностью в квалифицированных кадрах был издан ряд нормативных правовых актов, направленных на осуществление профессиональной подготовки работников без отрыва от производства. Утверждалась единая система подготовки рабочих, вводилось всеобщее семилетнее обучение, происходило укрепление заочной системы высшего образования и совершенствовалось профессионально-техническое образование. Усиление роли государства в развитии отношений о совмещении работы с получением образования на данном этапе способствовало изменению уровня образования населения и его профессиональной подготовки [5, с. 73].

Научно-техническая революция (далее – НТР) (1946–1970 гг.) определила качественно новый этап развития народного образования в БССР и явилась толчком к преобразованию системы образования трудящихся и их профессиональной подготовки.

НТР воздействовала на профессионально-квалификационную структуру рабочей силы путем изменения техники производства, механизации и автоматизации процессов, что влекло из-

менение характера продукции. Механизация и автоматизация производственных процессов привели, как известно, к изменениям в содержании труда рабочих. Возникла необходимость в работнике нового типа в качестве программиста, наладчика, оператора, технолога, инженера [8, с. 213].

В трудовой деятельности такого работника преобладали умственные операции. В соответствии с изменением трудовых функций возрастали требования к профессиональным и личностным качествам работника такого типа: он должен был обладать разносторонними техническими и научными знаниями, умением творчески мыслить и инициативно действовать, иметь развитое чувство ответственности за функционирование доверенного ему комплекса агрегатов, каждый сбой в работе которого может означать ощутимые экономические потери для трудового коллектива и общества, а также быть готовым к освоению новых видов продукции, технологии, оборудования, профессии и места работы [8, с. 213].

Базируясь на образовании и научных достижениях, НТР привела к тому, что учебный труд все более превращался в непрерывный процесс для каждой личности [9, с. 29].

В.Г. Марахов определяет сущность НТР как «революцию в управлении технологическими процессами, которая опиралась на революцию в науке, имела ведущим звеном создание электронных управляющих устройств, поднимает человека на новую ступень свободы в рамках производственного процесса» [7, с. 15].

На данном этапе на смену всеобщему обязательному семилетнему образованию вводилось восьмилетнее, постоянно увеличивалось число общеобразовательных учреждений для взрослых [4, с. 73]. Если в 1945 г. школ рабочей, сельской молодежи и школ взрослых (включая начальные, семилетние, восьмилетние и средние школы, при которых организованы классы для рабочей и сельской молодежи, заочные школы) в республике насчитывалось 439 с числом учащихся 21280, то в 1960 г. их было 1412, где обучалось уже 90138 человек [9, с. 35].

Устанавливались поощрения и трудовые льготы для работников, совмещающих работу с получением образования, развивалась система подготовки и повышения квалификации на производстве [5, с. 73].

Такие преобразования содействовали переустройству народного образования и появлению системы поощрений и льгот для работников, совмещающих работу с получением образования, что благоприятствовало повышению уровня теоретической и практической подготовки специалистов во всех отраслях народного хозяйства [5, с. 73].

Бурный процесс научно-технической революции (1971–1990 гг.) предъявлял быстрорастущие требования к машинам и технике, и в первую очередь к самим рабочим.

На данном этапе совершенствовалась система народного образования и профессиональная подготовка рабочих. Конституцией гарантировалась бесплатность всех видов образования, развивалась система профессионально-технического образования [5, с. 73].

Исторический опыт свидетельствует, что содержание, структура, организация и функции системы образования не оставались неизменными, постоянно изменяясь под влиянием поступающих извне импульсов. Главным импульсом в это время была потребность экономики, а именно: образование рабочей силы выступало необходимым и важным моментом ее воспроизводства, а вместе с тем и всего воспроизводственного процесса в целом. Сложившаяся структура производства, его объем и технические условия должны были быть обеспечены кадрами соответствующей численности, отраслевой и профессионально-квалификационной структуры [10, с. 163].

Отсюда главной функцией сферы образования в целом выступало формирование кадрового потенциала народного хозяйства. Кроме того, образование стимулировало занятость и сокращало безработицу, смягчало неравенство в распределении личных доходов, то есть способствовало в той или иной мере позитивному решению «провалов» рынка. В целом, образование в НТР действительно являлось и рассматривалось как сфера, которая (как и вся социальная сфера в целом) «обслуживала» нужды материального производства [10, с. 163]. С улучшением подготовки квалифицированных рабочих непосредственно на производстве совершенствовалось законодательство, регулирующее совмещение работы с получением образования. Такие изменения позволили на качественно новом уровне удовлетворять постоянно растущую потребность общества в квалифицированных кадрах и решать экономические и социальные задачи в стране [5, с. 73].

Формирование и развитие законодательства о совмещении работы с получением образования Беларуси после обретения государственного суверенитета (1991 – по настоящее время) следует отсчитывать с момента принятия Верховным Советом БССР 27 июля 1990 г. Декларации «О государственном суверенитете БССР» [11, с. 97].

В связи с приобретением политической независимости процессами демократизации политической системы общества и постепенным переходом к экономике рыночного типа в бывших республиках СССР в начале 90-х гг. актуальным стал вопрос обновления и перестройки правовой базы, формирования собственного национального законодательства.

Новые политические и социально-экономические реалии, связанные с распадом СССР и появлением независимых государств (1991–1999 гг.), положили начало трансформационным процессам в белорусской системе образования и появлению собственного Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК). Принятие ТК сыграло важнейшую роль в развитии национального законодательства о труде Республики Беларусь и способствовало формированию системы поощрений и гарантий для работников, совмещающих работу с получением образования.

Принятие Закона Республики Беларусь от 20 июля 2007 г. № 272-З «О внесении изменений и дополнений в Трудовой кодекс Республики Беларусь» способствовало совершенствованию системы поощрений и гарантий для работников, совмещающих работу с получением образования, а также закреплению на уровне ТК правового регулирования отношений, связанных с профессиональной подготовкой, повышением квалификации, стажировкой и переподготовкой работников.

Включение в 2011 г. Кодексом Республики Беларусь об образовании взрослых (повышение квалификации, переподготовка, профессиональная подготовка и стажировка) в общегосударственную систему образования, а также корректировки ТК, внесенные Законом Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 131-З «О внесении изменений и дополнений в Трудовой кодекс Республики Беларусь» и Законом Республики Беларусь от 18 июля 2019 г. № 219-З «Об изменении законов», способствовали дальнейшему совершенствованию законодательства об образовании и законодательства о труде, регулирующего совмещение работы с получением образования [11, с. 101].

Проведённый анализ истории становления и развития отношений по совмещению работы с получением образования позволяет сделать вывод о том, что **динамику** формирования этих отношений предопределяли политические и социально-экономические условия, сложившиеся на территории Беларуси в следующие временные периоды и этапы:

– период зарождения отношений по совмещению работы с получением образования (7000 г. до н.э. – VIII в.);

– период развития отношений по совмещению работы с получением образования (IX – начало XX вв.): первый этап – (IX–XIII вв.) – появление ремесленного ученичества; второй этап – (XIV–XVII вв.) – модернизация профессиональной подготовки; третий этап – (XVIII – начало XIX вв.) – появление новой формы организации производства (мануфактурное производство); четвертый этап – (XIX – начало XX вв.) – развитие системы профессионального образования;

– период становления правового регулирования отношений по совмещению работы с получением образования (1917–1930 гг.);

– период развития правового регулирования отношений по совмещению работы с получением образования (1931–1990 гг.): первый этап – (1930–1945 гг.) – изменение уровня образования и профессиональной подготовки населения; второй этап – (1946–1970 гг.) – переустройство народного образования и появление системы льгот и поощрений для работников, совмещающих работу с получением образования; третий этап – (1971–1990 гг.) – совершенствование системы народного образования и профессиональной подготовки населения;

– период формирования и развития законодательства о совмещении работы с получением образования Беларуси после обретения государственного суверенитета (1991 г. – по настоящее время): первый этап – (1991–1999 гг.) – модернизация образовательной системы и формирование системы поощрений и гарантий для работников, совмещающих работу с получением образования; второй этап – (2000–2010 гг.) – совершенствование системы поощрений и гарантий для работников, совмещающих работу с получением образования; третий этап – (с 2011 г. – по настоящее время) – дальнейшее развитие системы поощрений и гарантий для работников, совмещающих работу с получением образования.

Литература

1. Колодинская, И. В. История становления и развития отношений о совмещении работы с получением образования в Беларуси в дореволюционный период / И. В. Колодинская // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2019. – № 2 (113). – С. 47–52.
2. Роль труда в развитии человека и общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.jobgrade.ru/2012/01/09/роль-труда-в-развитии-человека-и-общес/>. – Дата доступа : 17.12.2021.
3. Труд. Функции труда. Роль труда в формировании и развитии личности и общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://mydocx.ru/11-60284.html>. – Дата доступа : 18.12.2021.
4. Александров, Н. Г. Советское трудовое право / Н. Г. Александров. – М. : Госюриздат, 1963. – 360 с.
5. Колодинская, И. В. Правовое регулирование совмещения работы с получением образования в советский период / И. В. Колодинская // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2020. – № 2 (119). – С. 68–74.
6. Характеристика научно-технической революции. Видеоурок [Электронный режим]. – Режим доступа : <https://interneturok.ru/lesson/geografy/10-klass/bnauchnotehnicheskaya-revoluciya-i-mirovoe-hozyajstvob/harakteristika-nauchno-tehnicheskoy-revolyuutsii>. – Дата доступа : 17.12.2021.
7. Коровин, Н. Р. Подготовка рабочих кадров в России в 30-е годы : учеб. пособие / Н. Р. Коровин. – Иваново, 1993. – 67 с.
8. Маркс, К. Сочинения : в 50-ти т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Партийное изд-во, 1968. – Т. 46, ч. 2. – 723 с.
9. Копысов, Л. С. Развитие образования в условиях научно-технической революции / Л. С. Копысов // Известия Томского ордена октябрьской революции и ордена трудового красного знамени политехнического института им. С.М. Кирова. – 1972. – Т. 256. – С. 19–29.
10. Муромцева, А. К. Высшее образование в условиях становления экономики знаний: императивные изменения / А. К. Муромцева // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2014. – № 5. – С. 162–169.
11. Колодинская, И. В. Формирование и развитие законодательства Беларуси о совмещении работы с получением образования в постсоветский период / И. В. Колодинская // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2021. – № 2 (125). – С. 97–102.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 11.11.2021

Формирование единой судебной практики и правовой позиции Верховным Судом Российской Федерации

К.А. КОРСАКОВ¹, Е.В. МАРЬИНА², Е.В. СИДОРЕНКО¹

В статье рассматриваются вопросы формирования судебной практики и правовой позиции Верховным Судом Российской Федерации, закрепляющие определенную генеральную линию, которой должна придерживаться российская судебная система.

Ключевые слова: Верховный Суд Российской Федерации, судебная практика, правовая позиция, прецедент.

The article discusses the issues of the formation of judicial practice and legal position by the Supreme Court of the Russian Federation, fixing a certain general line that the Russian judicial system should adhere to.

Keywords: the Supreme Court of the Russian Federation, judicial practice, legal position, precedent.

В 2022 г. Верховный Суд Российской Федерации отмечает свое 100-летие. Создание Верховного Суда было предусмотрено п. 12 Договора об образовании СССР, заключенным в декабре 1922 г.¹

На Верховный Суд СССР возлагалась в большей степени контрольно-ревизионная деятельность по отношению к нижестоящим судам, а также дача руководящих заключений по правовым вопросам общесоюзного законодательства, в том числе и дача заключений о соответствии Конституции СССР тех или иных решений и постановлений, принятых союзными республиками. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Верховный Суд СССР в момент своего образования был наделен правом осуществления конституционного контроля.

Статья 104 Конституции СССР 1936 г. устанавливала, что «Верховный Суд СССР является высшим судебным органом. На Верховный Суд СССР возлагается надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик»², а также некоторые функции конституционного контроля.

Согласно ст. 153 Конституции СССР в редакции от 7 октября 1977 г. «Верховный Суд СССР является высшим судебным органом СССР и осуществляет надзор за судебной деятельностью судов СССР, а также судов союзных республик в пределах, установленных законом»³, и вновь на Верховный суд СССР были возложены обязанности конституционного контроля.

И только после создания в России Конституционного Суда Верховный Суд Российской Федерации перестал осуществлять конституционный контроль.

По смыслу ст. 126 Конституции Российской Федерации Верховный Суд Российской Федерации реализует свою деятельность по трём основным направлениям: надзор за деятельностью судов, дача разъяснений по вопросам судебной практики, а также формирование единой судебной практики.⁴ Однако есть государства, где в Высшем суде государства присутствует и четвёртое направление – конституционный контроль (США, Эстония, Киргизия и др.).

Вопрос признания формальным источником права постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по-прежнему остаётся нерешённым. Наряду с проблемой опре-

¹Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик (принят на I Съезде Советов СССР 30.12.1922) // Справочно-поисковая система Консультант Плюс.

²Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Справочно-поисковая система Консультант Плюс.

³Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Справочно-поисковая система Консультант Плюс.

⁴Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-поисковая система Консультант Плюс.

деления правовой природы разъяснений судебной практики, которую регулярно даёт Верховный Суд Российской Федерации, постепенно становится актуальным вопрос о существовании правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации, которые не тождественны постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а представляют собой индивидуальные решения по конкретному правовому спору, закрепляющие определенную генеральную линию в судебной практике, которой должна придерживаться отечественная судебная система при рассмотрении тех или иных дел.

Правовые позиции – это достаточно новая категория в российском праве. Если говорить о постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, то это не совсем правовые позиции, но это и не «поворотные решения» Верховного Суда США, когда выносятся сначала судебное решение и только затем формируется право [1], это руководящие начала, разъяснения, которые даются судом на основании обобщения судебной практики.

Формирование правовых позиций Верховным Судом Российской Федерации представляет собой весьма интересный и актуальный вопрос. Правовые позиции можно рассматривать в широком смысле слова и включать в них не только решения Верховного Суда по конкретному делу, но и интерпретационные нормы, когда создаются нормы-разъяснения о применении юридических норм. Ещё в 1934 г. М.С. Строгович писал о том, что помимо законодательных актов в области уголовного процесса руководящее значение имеют разъяснения Верховного Суда СССР [2, с. 20], фактически относя их в уголовно-процессуальное законодательство в широком значении этого термина – к формальным источникам права.

В ст. 56 Закона РСФСР 1981 г. «О судостроительстве РСФСР» было закреплено положение, согласно которому руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РСФСР обязательны для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение.⁵ Только в 2011 г. данная статья утратила силу, в том числе и потому, что согласно ст. 120 Конституции Российской Федерации независимость судей обеспечивается тем, что они подчиняются только Конституции и федеральному закону, о разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации в Конституции Российской Федерации речь не идёт.

Тем не менее в ст. 126 Конституции Российской Федерации указано, что Верховный Суд даёт разъяснения по вопросам судебной практики, однако об их общеобязательности не говорится. Разъяснения судебной практики и формирование правовых позиций Верховным Судом Российской Федерации одна из важнейших задач современного Высшего суда нашего государства. Другое дело, что отнесение постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации к формальным источникам права означает признание за высшим судебным органом правотворческой функции.

Существует мнение, что правовая позиция – это теоретически выработанный и эмпирически обоснованный высшей судебной инстанцией на основе обобщения закономерностей судебной практики РФ руководящий акт официального судебного толкования права, направленный на обоснованное применение закона и являющийся обязательным для государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс и иных участников уголовного судопроизводства [3, с. 47].

Правовые позиции при этом проявляют себя в актах судебной практики. Правовая позиция – это не всегда интерпретационный прецедент, да и постановления Пленума Верховного Суда РФ к прецедентам не относятся, они представляют собой акты доктринального или судебного толкования судебной практики. Правовые позиции необходимо рассматривать как новый элемент в российской правовой системе, который изначально исходил от Высшего Арбитражного Суда РФ. В последующем в процессе реформирования Верховного Суда Российской Федерации и появлением в нем судебной коллегии по экономическим спорам правовые позиции стал формировать Верховный Суд Российской Федерации своими конкретными решениями. Однако именно при рассмотрении дел в арбитражных судах руководящие разъяснения Верховного Суда Российской Федерации обязательны. Так, в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Россий-

---

⁵Закон РСФСР от 08.07.1981 (ред. от 07.02.2011) «О судостроительстве РСФСР» // Справочно-поисковая система Консультант Плюс.

ской Федерации от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса РФ при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» закреплено положение о том, что суд кассационной инстанции, проверяя правильность применения судами первой и апелляционной инстанции норм материального и процессуального права, устанавливает, соответствуют ли выводы судов практике применения правовых норм, в том числе, определенной постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Необходимо различать, с одной стороны, руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а с другой стороны, правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, которые формирует в первую очередь Президиум Верховного Суда Российской Федерации, но также и судебные коллегии Верховного Суда Российской Федерации при разрешении правовых конфликтов, т. е. правовые позиции выражаются именно в актах судебной практики, которые формируют определенное единство судебной практики. Неспроста нарушение единообразия применения закона, нарушение единства судебной практики во многих государствах, в том числе и на постсоветском пространстве, на сегодняшний день является основанием для подачи жалобы в Высший суд государства. Это единство и должна выражать конкретная правовая позиция Верховного Суда.

Так, в США правовая позиция – мнение судьи по конкретному вопросу, которое должно «укладываться» в единую линию судебной практики, причем именно судья Верховного Суда, который и формирует правовую позицию, формулирует это самое единство [4]. При этом такое мнение не субъективно, оно напрямую связано со складывающейся правоприменительной практикой. Правовая позиция выражается в решении по конкретному делу, но уже в суде апелляционной инстанции, более того, в последующем эта правовая позиция анализируется в правовой доктрине, она попадает в специальные сборники правовых позиций. Вместе с тем необходимо помнить, что правовые позиции не являются прецедентами, так как не являются обязательными для нижестоящих судов при вынесении решения по конкретному делу, но они, формируя единство судебной практики, задают определенный вектор для вынесения судебного решения для обеспечения реализации системности правоприменительной практики. Одно из основных отличий Верховного Суда США от Верховного Суда Российской Федерации – это возможность создания формальных источников права, содержащих нормы права. Данные нормы права содержатся в решениях Верховного Суда США в отличие от актов Верховного Суда РФ, поэтому и в правовых позициях отечественного суда нормы права отсутствуют. Исходя из этого Верховный Суд США формирует федеральное прецедентное право, термин «правовые позиции» играет в этом случае меньшую роль.

На сегодняшний день в России этого нет, но стоит предположить, что в законодательстве могут быть закреплены подобного рода положения (на уровне процессуальных кодексов). Право обладает признаком непротиворечивости, а значит единство судебной практики придаёт праву в рамках его реализации эту самую непротиворечивость. Не умаляя значения субъективного права судьи на усмотрение при принятии индивидуального решения, можно предположить, что оно выходит за пределы единства судебной практики, когда случаи становятся настолько непохожими на устоявшуюся практику, что можно этим единством пренебречь.

Таким образом, можно сделать вывод, что правовая позиция – это не судебный прецедент, это не обычное судебное решение, но внутри общего понятия «судебная практика», которая объединяет судебные решения и правовые позиции Высших судов, в первую очередь Верховного Суда РФ, это промежуточная категория – судебное решение по делу, индивидуальный правовой акт по своей природе, но в силу того, что он выносится Верховным Судом, то он обладает своего рода «полунормативными» качествами, т. е. он не содержит в себе норм права, но указывает на то направление, по которому должны развиваться другие нормы права. Правовые позиции – это не формальные источники права, это не акты, содержащие нормы права, но это акты индивидуального характера, показывающие глобальное направление правового регулирования в деятельности Верховного Суда РФ. Хотя, существуют весьма обоснованные предложения относиться к правовой позиции Верховного Суда РФ как к безусловным источникам права. Так, например, М.В. Глоба полагает, что с точки зрения социологи-

ческого подхода правовые позиции высших судебных органов России (автор имеет ввиду правовые позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ) «обладают особой правовой природой, занимая центральное место в механизме правового регулирования, а судебные решения перечисленных выше судов, содержащие правовые позиции, являются источником права в России», поскольку характеризуются основными признаками: особое юридическое значение; носят официальный и профессиональный характер [5, с. 40].

Такого же мнения придерживается В.Н. Кузнецов, который предлагает признать судебно-правовой (судебно-нормативный) прецедент официальным источником российского права, что «позволит судам легально ссылаться на рекомендации и толкование высшей судебной инстанцией норм права и обеспечит их единообразное применение в судебной практике по всей стране, независимо от подведомственности судов [6, с. 27].

Тем не менее, правовые позиции могут быть консолидированными, в какой-то мере их можно назвать «поворотными решениями» по аналогии с практикой Верховного Суда США, так как они могут видоизменять единство судебной практики и определять новое её направление.

Одновременно с этим, они обеспечивают реализацию принципа непротиворечивости объективного права и усиливают роль судьи Верховного Суда РФ в процессе правотворчества, помогая законодателю в своевременном издании эффективных законов.

Литература

1. Holmes jr., O. W. The common law / O. W. Holmes jr. – Boston, 1881. – 448 p.
2. Строгович, М. С. Уголовный процесс : учебник для юридических курсов / М. С. Строгович ; под ред. А. Я. Вышинского. – М. : Государственное издательство Советское законодательство, 1934. – 100 с.
3. Бугрова, Е. Г. Правовые позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации как средство преодоления пробелов и противоречий закона и коллизий практической правоприменительной деятельности в уголовном процессе России / Е. Г. Бугрова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 4 (28). – С. 47–51.
4. Кардозо, Б. Н. Природа судейской деятельности / Б. Н. Кардозо ; пер. с англ. – М. : Статут, 2017. – 110 с.
5. Глоба, М. В. Правовые позиции высших судебных органов России : теоретико-правовой анализ / М. В. Глоба // Интерактивная наука. – 2021. – № 7 (62). – С. 38–40.
6. Кузнецов, В. Н. Судебный прецедент – де-факто источник права на евразийском пространстве / В. Н. Кузнецов // Евразийская адвокатура. – 2015. – № 5 (18). – С. 27–30.

¹Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

²Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева

УДК 342.4

Материальное ядро конституции: правовой режим

Т.С. МАСЛОВСКАЯ

В статье рассматривается вопрос о наличии в конституции концептуальной основы, выступающей ее материальным ядром. Выделяются и рассматриваются элементы правового режима материального ядра конституции. Исследуется содержание материального ядра конституции, определяется его роль. Высказывается мнение о необходимости включения в материальное ядро конституции целей развития государства и общества, отраженных в преамбуле конституции.

Ключевые слова: конституция, конституционные ценности, конституционные принципы, основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина, преамбула конституции.

The article deals with the issue of the existence of a conceptual framework in the constitution, which acts as its material core. The elements of the legal regime of the material core of the constitution are singled out and considered. The content of the material core of the constitution is investigated, its role is determined. An opinion is expressed about the need to include in the material core of the constitution the goals of the development of the state and society, reflected in the preamble of the constitution.

Keywords: constitution, constitutional values, constitutional principles, foundations of the constitutional order, human and civil rights and freedoms, preamble to the constitution.

Конституция государства выступает ядром его правовой системы, базой текущего законодательства. Вместе с тем, теоретический интерес и практическую значимость вызывает не столько вопрос о наличии в самой конституции концептуальной основы, выступающей ее материальным ядром, что не оспаривается в рамках настоящей статьи, сколько его правовой режим. Это требует научного осмысления.

Конституция представляет собой логически упорядоченную, взаимосвязанную систему норм, а не просто набор отдельных положений. Существование материального ядра конституции обусловлено целью защиты опоры действующей конституционной конструкции. Материальное ядро конституции обуславливает содержание всех иных конституционных норм. Поэтому ядро нуждается в повышенной правовой охране, включающей в том числе и ее охрану специализированными органами конституционного контроля. Пересмотр включенных в него положений происходит в особом порядке либо отдельные принципы провозглашаются неизменяемыми (безусловно, в рамках действующей конституции). Модификация этих норм существенным образом может влиять на трансформацию иных конституционных положений.

В первую очередь теоретическому осмыслению подлежит вопрос о возможности разделения конституционных положений на фундаментальные (основополагающие), составляющие материальное ядро конституции, и иные, не являющиеся таковыми.

Анализ конституционных текстов, доктрины и практики органов конституционного контроля некоторых зарубежных стран, прежде всего стран СНГ и европейских государств, позволяет выделить государства, которые определяют в конституции ее концептуальную основу, включающую фундаментальные конституционные положения.

Во-первых, такое выделение фундаментальных конституционных положений прямо предусмотрено в конституции. Так, в ч. 2 ст. 16 Конституции РФ 1993 г. провозглашено, что никакие другие положения Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации. Таким образом, конституционные предписания, относящиеся к основам конституционного строя, их фундаментальный (основополагающий, первостепенный) характер предопределяют содержание иных положений российской Конституции и, по нашему мнению, формально-юридически *составляют ее концептуальную основу, т. е. материальное ядро конституции.*

В Конституции Республики Беларусь нормы, аналогичной ч. 2 ст. 16 Конституции РФ, не имеется. Вместе с тем, в белорусской конституционно-правовой доктрине высказывается позиция о том, что основы конституционного строя «представляют собой наиболее важные принципы и

нормы Конституции, предопределяющие характер и содержание государственного и общественного устройства. В силу этого положения первого раздела Конституции, посвященного основам конституционного строя, обладают большей юридической силой даже по отношению к нормам других статей Конституции» [1, с. 137]. Соглашаясь с тем, что данные принципы и нормы имеют предопределяющий характер, со своей стороны отметим их *повышенную значимость, фундаментальный (основополагающий) характер* по отношению к иным конституционным предписаниям.

Вместе с тем, позволим себе не согласиться с вышеуказанной позицией об обладании положениями, закрепленными в основах конституционного строя, большей юридической силой по отношению к нормам других статей белорусской Конституции. По нашему мнению, все структурные части Конституции Республики Беларусь и соответственно входящие в них нормы имеют равную юридическую силу. Однако, положения, содержащиеся в материальном ядре конституции, являются фундаментом для других норм. Учитывая содержание основополагающих принципов, отраженных в разделе I «Основы конституционного строя», можно утверждать, что они относятся к материальному ядру конституции, являются основой, предопределяющей содержание иных норм. Поэтому представляется целесообразным вести речь не о разной юридической силе структурных элементов Конституции, а о *базисном характере одних норм по отношению к другим*.

Материальное ядро конституции нуждается в повышенной правовой охране. Наряду с общей процедурой пересмотра в отношении некоторых конституционных положений в отдельных государствах применяется более усложненная специальная процедура (например, в Беларуси, Болгарии, Исландии, Испании, России), что направлено на сохранение фундаментальных норм, лежащих в основе конституционного правопорядка государства. Так, раздел I «Основы конституционного строя», равно как и разделы II, IV, VIII Конституции Республики Беларусь, относится к числу «укрепленных» разделов Основного закона, изменения в который можно внести только путем референдума (ч. 3 ст. 140 Конституции). Некоторые конституции европейских государств «укрепляют» отдельные конституционные положения, относящиеся к основам конституционного строя, правам и свободам граждан (Исландия, Испания и др.). Следует согласиться с Т.Я. Хабриевой в том, что «наличие и характер «защищенных» глав (статей) зависит от того, какие идеи создатели конституций считали особенно ценными для общества в тот или иной исторический момент [2, с. 69].

В целом, конституционно закрепленные разные процедуры для пересмотра различных конституционных положений, разнообразие применяемых процедурных форм свидетельствует не только о важности отдельных конституционных норм или структурных элементов конституции, но также об определенной иерархии защищаемых конституционных ценностей [3, с. 50–51].

Во-вторых, определение в конституции фундаментальных положений, относящихся к ее концептуальной основе, может быть связано с закреплением в конституционном тексте неизменяемых конституционных положений. Речь идет о материальных (содержательных) пределах конституционных изменений, которые невозможно изменить в существующих конституционных рамках.

По мнению Д.Г. Шустрова, в основе материальных пределов изменения конституции лежит идея сохранения конституционной идентичности, основанная на представлении о том, что конституция, государство, правопорядок потеряют свой характер в том виде, как их создала учредительная власть, если исключить или изменить какой-либо фундаментальный принцип или положение, лежащие в основе [4, с. 88]. В целом соглашаясь с данной позицией, отметим, что целью их установления выступает защита конституции от изменений, способных деформировать ее фундаментальные конституционные принципы и ценности, составляющие материальное ядро конституции.

Закрепление в конституционных текстах материальных (содержательных) пределов пересмотра конституции служит определенной гарантией конституционной преемственности и предсказуемости конституционного развития, однако не относится к распространенной практике в зарубежных странах. Чаще всего к содержательным ограничениям для конституционного пересмотра относится форма правления. Так, Конституции Франции 1958 г., Италии 1947 г. закрепляют, что республиканская форма правления не может быть предметом пересмотра, Конституция Марокко 2011 г. содержит запрет на пересмотр монархической формы правления. Представляется, что единичное ограничение (например, запрет пересматривать республиканскую форму правления) не следует рассматривать узко. Такое ограничение носит многоаспектный характер, включая в себя не только признаки республики, но и ориентируя на саму

идею республиканизма и вытекающие из нее общие принципы. В частности, если изменяется конституционное положение, закрепляющее срок полномочий выборного органа (должностного лица) с целью его увеличения, норма о запрете пересмотра республиканской формы правления не затрагивается, поскольку принципы выборности и срочности деятельности органов как базовые фундаментальные признаки республики сохраняются.

Конституции отдельных зарубежных государств закрепляют, что не подлежат пересмотру конституционные положения, касающиеся мусульманской религии (Конституция Марокко 2011 г.) или наоборот светскости государства (Конституция Республики Чад 1996 г.), демократического строя государства, принцип разделения властей, политический плюрализм, положения о фундаментальных правах и свободах человека. Более того, в ст. 220 Конституции Конго 2005 г. категорически запрещен любой пересмотр Конституции, целью или последствиями которого станет сокращение прав и свобод человека или уменьшение полномочий провинций и децентрализованных территориальных единиц.

Основной Закон ФРГ не допускает изменения, затрагивающего разделение Федерации на земли, принципы участия земель в законодательстве или принципы, изложенные в ст. 1 (защита достоинства человека) и 20 (основы государственного строя; право на сопротивление).

По мнению А.А. Троицкой, соответствующие пределы учитывают исторический опыт государства либо отражают приоритеты государственного строительства на данном этапе [5, с. 55]. Полагаем, что возможно и то, и другое в совокупности.

Например, Конституция Португалии 1976 г. содержит самый большой среди европейских конституций перечень, закрепляющий материальные пределы пересмотра Конституции, он состоит из 14 пунктов (ст. 288). В частности, законы о пересмотре Конституции Португалии должны уважать национальную независимость и единство государства, республиканскую форму правления, отделение церкви от государства, права, свободы и гарантии граждан, разделение и взаимозависимость органов государственной власти и др.

Анализ приведенных примеров демонстрирует, с одной стороны, разнообразие содержания материальных пределов пересмотра конституции, учитывая использование обобщенных или детализированных формул, с другой – свидетельствует о включении в их перечень положений, относящиеся к основам конституционного строя.

Таким образом, данные положения, составляющие материальные (содержательные) пределы пересмотра конституции, не могут быть изменены в рамках существующей конституции. Они содержат фундаментальные положения – конституционные принципы и ценности, составляющие материальное ядро конституции, т. е. являются той опорой, изменение которой ломает действующую конституционную конструкцию. Однако в случае необходимости, по нашему мнению, не исключен вариант проведения «двойного» пересмотра, предполагающего сначала изменение данного положения, а затем иных конституционных норм, связанных с установленным запретом.

В связи с отсутствием в конституции материальных (содержательных) пределов пересмотра конституции не исчезает вопрос о необходимости защиты ее концептуальной основы. В связи с этим определенной поддержки заслуживает позиция А.А. Троицкой о том, что перспективной на сегодняшний день видится концепция «основной структуры» конституции, в рамках которой конституция рассматривается как структурно единая и иерархически выстроенная система ценностей. Поправки, посягающие на базовые ценности конституционного строя, на общую идею и цель конституции, следует считать неконституционными [5, с. 66]. На наш взгляд, данная концепция «основной структуры» позволяет выделять высшие ценности, формально определяющие конституционные приоритеты государства и общества, и иные конституционные ценности. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 2 Конституции Республики Беларусь человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства, что формально-юридически отражает ее приоритетность среди иных конституционных ценностей.

Значительная роль в защите фундаментальных конституционных принципов и ценностей принадлежит органам конституционного контроля. В некоторых зарубежных странах в ходе своей деятельности они выделяют фундаментальные конституционные положения, определяющие материальное ядро конституции (Индия) либо расширяют их перечень (Италия).

Так, в Индии с 1973 г. последовательно развивается теория опорных положений конституции (*theory of basic structure of the constitution*), изменить которые не в состоянии даже парламент [6, с. 36]. Верховный Суд Индии отнес к высшим, опорным положениям Конституции её верховенство, республиканскую форму правления, светский характер Основного закона, обособление властей, федерализм, суверенитет, принципы правового государства, а также ограниченность парламентской инициативы по изменению Конституции. Эти положения не являются формально неизменными, их сделал таковыми Суд [6, с. 38].

Например, в Италии Конституционный Суд в решении № 1146 1988 г. признал, что учредительный акт содержит верховные принципы, суть которых не может быть изменена ни законом о внесении изменений в Конституцию, ни другими конституционными законами. К такому он отнес принципы, не подлежащие в соответствии с положениями учредительного акта пересмотру (республиканская форма правления – ст. 139) и составляющие высшие ценности, на которых базируется Конституция. В практике Конституционного Суда Италии основными принципами были признаны достоинство личности, неотчуждаемый характер прав человека, суверенитет народа, светский характер государственности, плюрализм в культурной, религиозной, политической и экономической сферах, равноправие, защита прав человека. В решении № 366 1991 г. Суд признал также невозможным пересмотр неотчуждаемых прав [7, с. 350–351].

Таким образом, органы конституционного контроля в некоторых зарубежных странах определяют и дополняют фундаментальные принципы, а также опорные положения, на которых базируется конституция. Следует учитывать, что признание наличия материального ядра конституции в некоторой степени облегчает проверку органами конституционного контроля конституционности вносимых в конституцию поправок (в тех государствах, где они обладают полномочием по проверке конституционности поправок в конституцию). В целом, наличие дополнительного полномочия по защите материального ядра специализированными органами конституционного контроля усиливает их роль в правовой охране конституционно защищаемых фундаментальных принципов и ценностей, лежащих в основе действующей конституции.

Необходимо отметить, что в Национальном докладе к XVII Конгрессу Конференции европейских конституционных судов «Роль конституционных судов в правовой охране и применении конституционных принципов» Конституционный Суд Республики Беларусь указал, что конституционные принципы являются разновидностью правовых принципов, обладают высшей степенью нормативной обобщенности, нормативно-ценностной императивности, образуя вместе с конституционными ценностями ядро самой Конституции [8, с. 28]. Таким образом, Конституционный Суд Республики Беларусь формально признал существование материального ядра Конституции, определил его содержание, включив в него конституционные принципы и конституционные ценности. Вместе с тем, их перечень нуждается в детализации, поскольку, по нашему мнению, не все конституционные принципы можно отнести к материальному ядру конституции. Так, в Послании о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2014 г. Конституционный Суд отметил, что «эволюционное конституционное развитие базируется на фундаментальных конституционных принципах приоритета прав и свобод человека и гарантий их реализации, взаимной ответственности государства и гражданина, народовластия, разделения государственной власти и взаимодействия ее органов, верховенства права, равенства и справедливости, а также других принципах, прямо закрепленных в Конституции либо вытекающих из ее положений» [9, с. 87]. Конституционным Судом называются и иные фундаментальные конституционные принципы, в том числе закрепленные как в разделе I, так и в иных разделах Конституции. В частности, указывается на такие из них, как поддержание доверия граждан к закону и действиям государства (легитимность публичной власти); участие граждан в управлении делами общества и государства; пропорциональность ограничения прав и свобод личности; неприкосновенность и равенство всех форм собственности и их равной защиты; равные условия и возможности для развития всех форм собственности и свободного использования способностей и имущества всеми субъектами экономической деятельности; идеологическое многообразие и политический плюрализм; охрана окружающей среды [8, с. 12]. Отметим, что в белорусской правовой науке фундаментальное исследование конституционных принципов, роли Конституционного Суда в определении их перечня, выявлении содержания и развитии предпринято А.Г. Тиковенко [10].

Таким образом, признание и определение материального ядра конституции направлено на сохранение фундаментальных (основополагающих) конституционных ценностей и принципов. С одной стороны, речь идет об особой защите конституционных ценностей, фундаментальных (основополагающих) конституционных принципов, относящихся к основам конституционного строя и фундаментальным правам и свободам человека и гражданина. С другой стороны, по нашему мнению, материальное ядро конституции должно включать в себя также конституционные цели государства и общества, которые, как правило, отражаются в преамбуле конституции. Преамбула, являясь важнейшим структурным элементом юридической конституции, полагаем, выступает концентрированным выражением конституции, отражает господствующие на конкретном историческом отрезке времени в данном обществе ценности, определяет стратегические цели, ориентиры развития государства, общества. Значение текста преамбулы, по мнению Г.А. Василевича, состоит в том, что ее положения имеют фундаментальное (базовое) значение для уяснения смысла других норм Конституции» [1, с. 72].

По нашему мнению, юридическое значение преамбулы заключается в том, что все конституционные положения должны соответствовать целям и принципам, отраженным в преамбуле. Содержащиеся в Преамбуле Конституции положения носят фундаментальный характер, они определяют содержание конституционных норм, расположенных в основной части Основного Закона. Учитывая это, полагаем, Преамбула Конституции Республики Беларусь обладает свойством нормативности.

Поскольку мы отстаиваем позицию, что помимо фундаментальных принципов, цели государства и общества, отраженные в преамбуле Конституции, включаются в ее материально ядро, полагаем целесообразным отнесение к «укрепленным» конституционным положениям, требующим специальной усложненной процедуры изменения, преамбулы Конституции Республики Беларусь как структурной части, обладающей повышенной значимостью, и в силу этого нуждающейся в повышенной правовой защите.

На основе проведенного анализа сделаем следующие выводы.

1. В правовой режим материального ядра конституции входят: его понятие; особая процедура и правила пересмотра, включая возможное закрепление материальных пределов пересмотра; особая правовая охрана со стороны специализированных органов конституционного контроля.

2. Материальное ядро конституции может быть эксплицитно или имплицитно выражено в конституционном тексте, определено правовой доктриной либо выделено посредством деятельности органов конституционного контроля. Необходимость выделения такого ядра обусловлено целью защиты сущностной опоры действующей конституционной конструкции.

Конституционные предписания, входящие в материальное ядро конституции, являются фундаментом, определяющим содержание иных конституционных норм. Они характеризуются повышенной значимостью, основополагающим характером по отношению к иным конституционным положениям, устойчивостью.

3. Ключевыми элементами материального ядра конституции выступают:

- фундаментальные принципы, определяющие основы конституционного строя;
- иные значимые принципы, устанавливающие основы конституционно-правового статуса личности;
- конституционные принципы, ценности, цели, зафиксированные в ее преамбуле.

Таким образом, материальное ядро конституции включает в себя конституционные принципы, закрепляющие важнейшие основы конституционного правопорядка; конституционные ценности, лежащие в основе государства и общества в рамках действующей конституции; конституционные цели дальнейшего развития государства и общества.

Литература

1. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г. А. Василевич. – Минск : Книжный Дом, 2010. – 768 с.
2. Хабриева, Т. Я. Конституционная реформа в современном мире / Т. Я. Хабриева. – М. : Наука РАН, 2016. – 320 с.

3. Масловская, Т. С. Правила пересмотра конституции в европейских государствах / Т. С. Масловская // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2022. – № 1. – С. 45–54.
4. Шустров, Д. Г. Материальные пределы изменения конституций постсоветских государств / Д. Г. Шустров // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. – № 2 (123). – С. 86–103.
5. Троицкая, А. А. Пределы пересмотра конституции : формальный и содержательный аспекты / А. А. Троицкая // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. – 2010. – № 1. – С. 58–67.
6. Карпенко, К. В. Принцип конституционной самобытности (идентичности) и институциональная автономия государства / К. В. Карпенко // Право и управление. XXI век. – 2021. – № 2 (59). – С. 33–41.
7. Васильева, Т. А. Итальянская конституционно-правовая доктрина в меняющемся мире : трактовка базовых концепций / Т. А. Васильева // Типы правопонимания и вызовы меняющегося мира : сб. науч. ст. по результатам Международной науч.-практич. конф., Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2016 г. ; сост. А. А. Дорская. – СПб. : Астерион, 2016. – С. 343–351.
8. Национальный доклад к XVII Конгрессу Конференции европейских конституционных судов «Роль конституционных судов в правовой охране и применении конституционных принципов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.conf.euconstco.org/reports/rep-xvii/belarus_RU.pdf. – Дата доступа : 15.04.2022.
9. Послание Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2014 г. (принято 20 января 2015 г.) (извлечение) // Послания Конституционного Суда Республики Беларусь о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь (1994–2019 годы). – Минск, 2019. – С. 87–90.
10. Тиковенко, А. Г. Конституционные принципы как критерий конституционности нормативных правовых актов и основа единства и развития правовой системы / А. Г. Тиковенко // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. – Минск : Бизнесофсет, 2015. – С. 113–123.

К вопросу о правовых предпосылках гендерной криминологии

А.Э. НАБАТОВА

В статье рассматриваются предпосылки правового характера по разработке гендерной криминологии, сложившиеся на национальном уровне законодательства. Автором проводится анализ программных документов, норм уголовного и уголовно-исполнительного права, содержащих такие гендерные признаки, как пол, возраст, социальное положение, обосновывается необходимость учета положений законодательства при разработке теоретических основ гендерной криминологии.

Ключевые слова: криминология, гендерная криминология, женская преступность, мужская преступность, преступность несовершеннолетних, законодательство.

The article examines the legal background for the development of gender criminology, prevailing at the national level of legislation. The author analyzes policy documents, norms of criminal and penal law, containing such gender characteristics as gender, age, social status, substantiates the need to take into account the provisions of the legislation when developing the theoretical foundations of gender criminology.

Keywords: criminology, gender criminology, female crime, male crime, juvenile delinquency, legislation.

Гендерная криминология является одной из перспективных научных областей для разработки в криминологии. Обусловлено это несколькими факторами. Во-первых, в настоящее время гендерный подход весьма активно применяется для познания личности преступника, так как позволяет выявить наиболее значимые характеристики в ее структуре. Подтверждение заявленному тезису мы находим в гендерно-криминологических исследованиях С.Г. Гавшиной, О.Ю. Ильченко, А.А. Хорошиловой, О.В. Карповой, С.Г. Куликовой, А.В. Куприяновой, Т.Н. Радочиной, Д.В. Синькова. Ученые-криминологи на постсоветском пространстве продолжают исследовать женскую преступность (Н.В. Сарычева, А.Д. Хамзаева, Л.М. Щербакова), преступность мигрантов (Э.Б. Магомедов, И.Е. Нежибецкая), проституцию как фактор преступности (И.С. Алихаждиева, Е.Н. Курилова), преступность несовершеннолетних (Е.В. Демидова-Петрова, Л.А. Шапкин), гендерное равенство в уголовно-правовых отношениях (С.Г. Асланян, Б.Н. Хачак), противодействие насилию в семье (А.Н. Ильашенко, В.С. Харламов), возраст преступника как криминологическую проблему (В.О. Касимов), этническую преступность (К.В. Кузнецов), субкультуру и ее влиянию на девиантное поведение лиц (В.А. Анфиногенов), преступность в молодежной среде (А.В. Ростокинский, М.А. Соколов).

В рамках белорусской криминологической доктрины, наряду с исследованиями, посвященными общей теории и методологии криминологии, предупреждению преступности, личности преступника и ее структуре (В.А. Ананич, Н.Ф. Ахременко, Н.А. Бабий, А.В. Барков, И.И. Басецкий, Г.А. Василевич, И.О. Грунтов, П.А. Дубовец, А.В. Дулов, В.А. Кашевский, О.П. Колченогова, А.И. Лукашо, В.В. Марчук, Э.Ф. Мичулис, В.В. Мороз, А.Н. Пастушеня, В.И. Пенкрат, А.А. Примаченок, А.С. Рубис, Л.М. Рябцев, А.Л. Савенок, А.В. Садовский, Э.А. Саркисова, В.К. Стешиц, В.М. Хомич, В.Б. Шабанов, А.В. Шарков, В.П. Шиенок), особое внимание уделяется преступности женщин, несовершеннолетних, гендерной криминологии и т. д. (О.В. Русецкий [1], С.М. Свило [2], Ю.И. Селятыцкий [3], Е.А. Шаркова [4], Т.П. Афонченко и А.Э. Набатова и др. [5]). Таким образом, перечисленные выше исследования в той или иной степени учитывают такие гендерно-чувствительные характеристики, как пол, возраст, этническую принадлежность, субкультуру в структуре личности преступника.

Во-вторых, в правоприменительной практике при регистрации совершенных преступлений учитываются прежде всего такие признаки, как пол, возраст, социальный статус лиц, совершивших противоправные деяния. В подтверждение изложенным положениям приведем следующие статистические данные (таблица 1).

Таблица 1 – Количественные (абсолютные) показатели преступности по признаку пола и числу лиц, подвергшихся насилию в семье в Республике Беларусь за период с 2010 по 2020 гг.

Число лиц, совершивших преступления											
Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Оба пола	74109	66315	52981	49801	49943	53082	51551	47692	46447	45401	40734
Женщины	11352	9957	7898	7811	7487	7920	8208	8145	8282	8139	7228
Мужчины	62757	56358	45083	41990	42456	45162	43434	38547	38165	37262	33506
Число лиц, осужденных											
Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Оба пола	61054	54829	40356	38508	40617	43420	44770	43135	40612	38726	34572
Женщины	7991	7252	5117	5300	5377	5545	6245	6658	6711	6280	5401
Мужчины	53063	47577	35239	33208	35240	37875	38525	36477	33901	32446	27171
Число лиц, подвергшихся насилию в семье											
Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Оба пола	3083	2551	1739	1957	2155	2305	2383	2259	2400	2325	2055
Женщины	2300	1883	1175	1405	1570	1733	1829	1757	1918	1803	1603
Мужчины	783	668	564	552	585	572	554	502	482	522	452

Анализ приведенных статистических данных позволяет сделать следующие выводы: 1) ежегодно регистрируются преступления, совершенные женщинами и мужчинами; 2) наблюдается «гендерный дисбаланс» в структуре преступности. Он заключается в следующем: показатели женской преступности всегда меньше, чем мужской; этот разрыв сохраняется на протяжении длительного времени и не зависит от социальных условий; женская преступность является частью общей преступности и органически с ней взаимосвязана [6, с. 207–209]; 3) число осужденных мужчин превалирует над числом осужденных женщин; 4) при насилии в семье ситуация кардинально меняется, и в большинстве случаев ему подвергаются женщины.

Основываясь на представленных выше положениях можно говорить о сложившихся предпосылках теоретического и прикладного характера по разработке гендерной криминологии. Не вдаваясь в серьезную дискуссию о теоретических основах гендерной криминологии для понимания сути концепции, считаем необходимым дать ее понятие. По нашему мнению, *гендерная криминология* – это частная криминологическая теория, изучающая гендерные различия в преступности мужчин / женщин, их тенденции и закономерности, оцениваемые с точки зрения прошлого, настоящего и будущего; причины и условия преступности мужчин / женщин, а также совершаемых ими конкретных преступлений; человека (с учетом гендерных характеристик) / личность преступника как социального типа и процессы формирования преступного поведения через реализацию девиантных ролей и девиантное поведение и разрабатываемая меры по предупреждению преступлений на основании гендерного подхода.

Говоря о прикладных предпосылках по разработке гендерной криминологии, нельзя не отметить в их структуре правовые предпосылки. На *национальном уровне законодательства*, применительно к предмету нашего исследования особый интерес представляет Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 гг., утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь 30.12.2020 г. № 793, Программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020–2022 гг., утвержденная Решением республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией 18.12.2019 г. № 2, а также некоторые нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Итак, Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 гг. (далее по тексту – Национальный план) является весьма прогрессивным документом по достижению целей устойчивого развития, содержащихся в резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» и содержит важнейшие положения по достижению гендерного равенства в Республике Беларусь. Следует отметить, что это не первый программный документ в данной области. Ранее был реализован подобный план на 2017–2020 гг. Одним из достижений уже предпринятых усилий является создание на сайте Национального статистического комитета в разделе «Официальная статистика» подраздела «Гендерная статистика и статистика отдельных групп населения / веб-портал «Гендерная статистика / правонарушения и насилие» [7], а также наличие в Национальном плане Раздела IV «Противодействие насилию в семье и торговле людьми». Его задачей является обеспечение комплексного подхода к орга-

низации работы по предупреждению насилия в семье и оказанию помощи пострадавшим. В качестве ожидаемых результатов отмечены: законодательное закрепление механизма межведомственного взаимодействия по оказанию помощи пострадавшим от насилия в семье; увеличение потенциала государственных органов и общественных объединений по вопросам предупреждения насилия в семье, оказание помощи пострадавшим.

Анализ содержания Раздела IV показал сосредоточенность усилий государственных органов и международных организаций на виктимологическом аспекте указанной проблемы, а именно на разработке предупредительных мер, создании реестра информации о случаях домашнего насилия, оказании помощи пострадавшим (женщинам, детям, подросткам, пожилым людям, инвалидам, жертвам торговли людьми), проведении информационных кампаний и повышении квалификации различных субъектов профилактики в данной сфере. Также прослеживается четкая гендерная дифференциация пострадавших по полу, возрасту, социальному положению.

В развитие положений Национального плана на веб-портале «Гендерная статистика / правонарушения и насилие» осуществляется наполнение статистическими данными следующих разделов: «правонарушения», «насилие», «насилие в детстве». В разделе «правонарушения» представлены статистические данные по гендерному признаку «мужчина / женщина» о числе: пострадавших от совершенных преступлений; жертв умышленных убийств; жертв умышленных убийств по взаимоотношению между жертвой и преступником; лиц, совершивших преступления; жертв торговли людьми, а также о количестве дорожно-транспортных происшествий, повлекших гибель людей, совершенных по вине водителей-женщин и водителей-мужчин и ощущении безопасности. Следует отметить, что на национальном уровне предпринята попытка сбора и анализа данных с применением систематических и сбалансированных критериев, принимая во внимание Международную классификацию преступлений для статистических целей [8]. Раздел «насилие» содержит статистику по числу лиц, подвергшихся: физическому и сексуальному насилию; насилию в семье, а также доле женщин, подвергшихся насилию со стороны нынешнего или бывшего мужа / партнера. В разделе «насилие в детстве» содержится информация о детях, занятых детским трудом, распространенности ранних сексуальных контактов, насильственных методах дисциплинирования детей.

В отличие от Национального плана, в котором прослеживается виктимологический аспект гендерных проблем насилия в семье и торговле людьми и предусматриваются мероприятия по их преодолению, Программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020–2022 гг. (далее по тексту – Программа) содержит более комплексный подход к решению указанных проблем с позиций правоохранительной деятельности. В ней предусмотрены мероприятия, направленные на изучение качественных и количественных показателей преступности, личности преступника, отдельных видов преступлений. Так, применительно к исследуемым нами проблемам, хотелось бы обратить внимание на следующие пункты Программы, определяющие необходимость: проанализировать эффективность работы по противодействию торговле людьми (п. 1.4); изучать и обобщать практику принятия правоохранительными органами мер, направленных на установление лиц, совершающих преступления (п. 1.5); обобщать следственно-судебную практику по делам об убийствах (п. 1.7); создать единый интегрированный информационный ресурс о поступивших, зарегистрированных и рассмотренных заявлениях и сообщениях о преступлениях (п. 1.13).

Раздел 3 Программы предусматривает мероприятия, в основе которых заложено решение гендерных проблем, при осуществлении профилактики и противодействия преступлениям, связанным с насилием в семье, совершенных несовершеннолетними либо в отношении несовершеннолетних. В связи с чем предусматриваются: организация профилактического учета по фактам насилия в семье; создание национального механизма помощи несовершеннолетним, пострадавшим от сексуального насилия; мероприятия по коррекции девиантного поведения у несовершеннолетних, в том числе, связанного с употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов и т. д.; выявление и пресечение неформальных молодежных групп антиобщественной направленности в учреждениях образования, социальных сетях, интернет-пространстве. Таким образом, можно утверждать, что в Программе заложены мероприятия по противодействию преступности в определенных группах и сообществах, дифференцированных исходя из гендерных признаков – по полу, возрасту, семейному положению, принадлежностью к субкультуре. Программа охватывает не только виктимологические аспекты обозначенных проблем, но и вопросы изучения лиц, совершающих данные преступления, что, на наш взгляд, также предполагает использование гендерного подхода.

Определяя предпосылки правового характера по разработке гендерной криминологии, нельзя не остановиться на нормах уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Не вдаваясь в глубокий анализ законодательства, отметит, наиболее значимые положения в контексте нашего исследования. Во-первых, целью уголовной политики является обеспечение безопасности общества в целом и противодействие конкретным социально опасным явлениям в различных сферах жизни. В этой связи можно утверждать, что с помощью уголовно-правовых средств осуществляется воздействие на мужскую и женскую преступность, противодействие гендерному насилию и иными общественно опасными проявлениями гендерного неравенства. Во-вторых, одним из принципов уголовного закона является принцип равенства. В соответствии с ч. 3. ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее по тексту – УК) лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств. Однако, данный принцип не исключает применение гендерного подхода, обеспечивающего равенство полов и учет гендерных различий, когда речь идет о защите потерпевших от преступных посягательств.

Так, нормы Общей и Особенной частей УК содержат гендерную дифференциацию по различным основаниям, когда речь идет о лицах, совершивших преступление и потерпевших (пол, возраст, национальность, вероисповедание). Назовем некоторые из них. Например, уголовный закон рассматривает совершение преступления в отношении заведомо для виновного беременной женщины как отягчающее вину обстоятельство (п. 3 ч. 1 ст. 64 УК), в то же время согласно п. 10 ч.1 ст. 63 УК совершение преступления беременной женщиной является смягчающим вину обстоятельством. Ряд составов Особенной части УК предусматривает совершение преступления в отношении заведомо для виновного беременной женщины, по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, в отношении малолетнего, несовершеннолетнего как квалифицирующие признаки, п.п. 1, 3, 14 ч. 1 ст. 139 УК (убийство), п.п. 1, 1¹, 8 ч.2 ст. 147 УК (умышленное причинение тяжкого телесного повреждения), ч. 2 ст. 149 УК (умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения), ч. 2 ст. 154 УК (истязание), п.п. 7, 9 ч. 2 ст. 181 УК (торговля людьми) и п.п. 1, 5 ч. 2 ст. 181¹ УК (использование рабского труда).

Непосредственным объектом незаконного производства аборта является жизнь и здоровье женщины (ст. 156 УК). Прерывание беременности может быть одним из признаков объективной стороны умышленного причинения тяжких телесных повреждений (ч. 1 ст. 147 УК). Уголовный закон также криминализует необоснованный отказ в приеме на работу или увольнение женщины по мотивам ее беременности (ст. 199 УК). С другой стороны, убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 140 УК) рассматривается как привилегированный состав со смягчающими признаками, где субъектом преступления является женщина.

К рассматриваемой проблематике можно отнести такие составы, как изнасилование (ст. 166 УК), насильственные действия сексуального характера (ст. 167 УК), половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 168 УК), развратные действия (ст. 169 УК), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 170 УК), вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией (ст. 171¹ УК), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 172 УК), вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение (ст. 173 УК), изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера (ст. 343 УК), изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего (ст. 343¹ УК).

При реализации уголовной ответственности и назначении наказания или применения иных мер уголовно-правового воздействия уголовный закон также учитывает гендерные различия, такие как пол, возраст, состояние здоровья. В нормах УК при осуждении и назначении наказания предусмотрены дополнительные гарантии для женщин, лиц, не достигших ко дню совершения преступления восемнадцати лет, инвалидов I и II группы, лиц, достигших общеустановленного пенсионного возраста. Например, в отношении осужденных женщин подобная дифференциация возможна, в связи с рождением ребенка, уход за ним и воспитанием: неприменение к женщинам некоторых видов наказания; различия в видах исправительных учреждений и условиях отбывания наказания; условно-досрочное освобождение, отсрочка отбывания наказания по основаниям беременности и наличия детей. Так, женщинам не может быть назначено пожизненное лишение сво-

боды (п. 2 ч. 2 ст. 58 УК) и смертная казнь (п. 2 ч. 2 ст. 59 УК). Аналогичные положения в рассматриваемых статьях содержатся в отношении лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет, мужчин, достигших ко дню постановления приговора шестидесяти пяти лет.

Арест не может быть назначен беременным женщинам, женщинам и одиноким мужчинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет или детей-инвалидов, инвалидам I и II группы (ст. 54 УК). Ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа не может быть назначено: лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора; лицам, достигшим общеустановленного пенсионного возраста; беременным женщинам; женщинам и одиноким мужчинам, воспитывающим детей в возрасте до четырнадцати лет или детей-инвалидов; инвалидам (ст. 55 УК) и т. д.

Также предусмотрены различия в видах исправительных учреждений и условиях отбывания наказания для мужчин и женщин. В соответствии с ч. 5 ст. 57 УК женщинам отбывание наказания назначается: осуждаемым к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности, – в исправительных колониях в условиях поселения; другим осуждаемым к лишению свободы за умышленные преступления – в исправительных колониях в условиях общего режима; при особо опасном рецидиве – в исправительных колониях в условиях строгого режима.

В части гарантий, предусмотренных Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь (далее по тексту – УИК), предусмотренных с учетом гендерной дифференциации, можно отметить следующие положения: на строгом режиме не могут содержаться осужденные беременные женщины и женщины, имеющие при себе малолетних детей, а также осужденные, являющиеся инвалидами I и II группы (ст. 124 УИК); осужденным беременным женщинам, кормящим матерям, несовершеннолетним, больным и инвалидам I и II группы создаются улучшенные жилищно-бытовые условия и устанавливаются повышенные нормы питания (ст. 94 УИК); в исправительных учреждениях, где отбывают наказание осужденные женщины, имеющие детей, организуются дома ребенка. Им может быть разрешено совместное проживание с детьми в домах ребенка (ст. 95 УИК); осужденные, являющиеся инвалидами I и II группы, осужденные, достигшие общеустановленного пенсионного возраста, осужденные беременные женщины привлекаются к работам без оплаты труда по их желанию (ст. 101 УИК) и т. д.

Подводя итог, отметим, что исследование законодательства на национальном уровне показало наличие правовых предпосылок для разработки гендерной криминологии как самостоятельного научного направления. Научные изыскания, статистические данные, нормы права свидетельствуют об использовании гендерного подхода для исследования личности преступника и преступности в целом, а также противодействия преступности в процессе правоприменения.

Литература

1. Русецкий, О. В. Профилактика потребления наркотиков в системе предупреждения преступности несовершеннолетних : автореф. дисс. ... канд. юр. наук : 12.00.08 / О. В. Русецкий. – Минск, 2010. – 25 с.
2. Свило, С. М. Преступность среди женщин в Республике Беларусь : характеристика, причины, предупреждение : дисс.... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. М. Свило ; Академия МВД РБ. – Минск, 2007. – 139 с.
3. Селятыцкий, Ю. И. Предупреждение преступности среди молодежи : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю. И. Селятыцкий ; Академия МВД РБ. – Минск, 2014. – 23 с.
4. Шаркова, Е. А. Предупреждение формирования и криминализации личности несовершеннолетнего преступника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. А. Шаркова ; Академия МВД РБ. – Минск, 2016. – 24 с.
5. Гендерная криминология : понятие, структура, содержание : монография / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. А. Э. Набатовой, Т. П. Афонченко. – Минск, 2020. – 144 с.
6. Свило, С. М. К вопросу о формировании гендерной криминологии / С. М. Свило // Борьба с преступностью : теория и практика : тез. док. Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 2 апреля, 2018 г. – Могилев : Могилевский институт МВД РБ, 2018. – С. 207–210.
7. Гендерная статистика [Электронный ресурс] : правонарушения и насилие // Нац. стат. комитет Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://gender.belstat.gov.by/violence>. – Дата доступа : 24.03.2021.
8. International classification of crime for statistical purposes // United Nations Office on Drugs and Crime. – Vienna : UNODC, 2015. – 133 p.

Историко-правовой, системный и формально-юридический анализ субъективной стороны служебной халатности

А.Ю. РЫЖАНКОВ

Автор проводит теоретико-правовой анализ субъективной стороны ст. 428 «Служебная халатность» Уголовного кодекса Республики Беларусь и раскрывает ее сущностные признаки. Рассматриваются авторские подходы к сущности признака «вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе» для описания психического отношения виновного к совершенному преступлению. Раскрывается позиция относительно мотива и цели как факультативных признаков служебной халатности. По результатам исследования автор предлагает исключить формулировку «вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе» из диспозиции ст. 428 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Ключевые слова: служебная халатность, недобросовестность, небрежность, легкомыслие, преступление против интересов службы.

In the article, the author conducts a theoretical and legal analysis of the subjective side of Art. 428 «Official negligence» of the Criminal Code of the Republic of Belarus and reveals its essential features. The author's approaches to the essence of the formulation «due to dishonest or remissness attitude to duty» as a sign of the culprit's mental attitude to the committed crime are considered. The position regarding motive and purpose as optional signs of official negligence is revealed. According to the results of the study, the author proposes to exclude the wording «due to unfair or remissness attitude to the duty» from the disposition of Art. 428 of the Criminal Code of the Republic of Belarus.

Keywords: official negligence, dishonesty, remissness, frivolity, a crime against the interests of work duties.

Одним из ключевых отличий служебной халатности от иных преступлений против интересов службы является форма вины, с которой совершается это преступление. О неосторожной форме вины, как признаке субъективной стороны служебной халатности, прямо указано, например, в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. №12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы» [1].

Эта позиция имеет исторические предпосылки. Уже с появления в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. состава медленности и нерадения (ст.ст. 441–442) [2] это преступление рассматривалось дореволюционными авторами как противоположное умышленным должностным преступлениям и проступкам. Хотя в Уголовном уложении 1903 г. и отсутствовал единый состав медленности и нерадения, однако во множестве статей, содержащих признаки составов должностных преступлений, наряду с закреплением умышленной формы вины, отдельно указывалось на возможность совершения их по неосторожности (ст.ст. 636, 639–642, 644–646, 666 и т. д.) [3].

Советский законодатель вернулся к общему единому составу неосторожного преступления должностных лиц, различая такие должностные преступления, как злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти и халатность, на протяжении всех этапов развития советского законодательства (ст. 108 Уголовного кодекса ССР Беларуси 1922 г.; ст. 196 Уголовного кодекса Белорусской ССР 1928 г.; ст. 168 Уголовного кодекса Белорусской ССР 1960 г.).

Среди правоведов советского и современного периода позиция признания служебной халатности неосторожным преступлением была и остается общепризнанной [4, с. 910], [5, с. 243], [6, с. 844], [7, с. 925], [8, с. 77], [9, с. 122], [10, с. 271], [11], [12, с. 107], [13, с. 118].

В самом наименовании рассматриваемого состава преступления в уголовном законе – «Служебная халатность», отразилось желание законодателя отграничить его от умышленных посягательств. Однако не только в названии состава, но и в самой диспозиции ч. 1 ст. 428 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) содержится ряд формулировок, свидетельствующих о неумышленности совершения служебной халатности. Во-первых, законодатель указал на то, что преступное деяние совершается виновным «... вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе». Во-вторых, в уголовном законе прямо указано на наступление общественно опасных последствий служебной халатности «... по неосторожности...» [14].

Отметим, что признак «небрежное или недобросовестное отношение к службе» авторы рассматривают с разных позиций. Одна группа исследователей считает, что эта формулировка описывает внешнее поведение лица по службе, т. е. выступает признаком объективной стороны преступления [15, с. 8], [16, с. 107], [17, с. 82]. Другая группа исследователей обоснованно указывает на то, что формулировка «недобросовестное или небрежное отношение» описывает субъективную сторону служебной халатности [5, с. 243], [9, с. 120], [18, с. 119], [19, с. 130], [20, с. 179], [21], [22].

Некоторые исследователи заняли промежуточную позицию. Ими указано, что недобросовестное или небрежное отношение к службе выступает одновременно и объективным, и субъективным признаком халатности [13, с. 121], [23, с. 53]. По нашему мнению, этот подход не совсем оправдан, поскольку каждая формулировка, содержащаяся в описании состава преступления, должна иметь единственную трактовку и свидетельствовать об определенном признаке посягательства.

К такому правовому смыслу формулировки «недобросовестное или небрежное отношение к службе» может относиться ее указание на степень осознания должностным лицом общественной опасности своего противоправного поведения. Например, В.М. Хомич указывает, что формулировка «вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе» отражает не только содержание вины, но и психическую неосознанность ненадлежащего отношения лица к своим служебным обязанностям [7, с. 925].

Это разнообразие трактовок формулировки «недобросовестное или небрежное отношение» связано напрямую с отсутствием легального толкования, а также указания на разницу терминов «недобросовестность» и «небрежность» между собой. Одна часть авторов, например, И.Г. Минакова, отмечает, что термины «недобросовестный» и «небрежный» применительно к составу халатности являются синонимичными [19, с. 95]. Другие авторы разграничивают термины «недобросовестность» и «небрежность» между собой, наделяя каждый самостоятельным содержанием. Б.В. Здравомыслов проводит параллели между этими терминами и формами вины: «Когда подход виновного к неисполнению или ненадлежащему исполнению своих обязанностей характеризуется недобросовестностью, отношение его к содеянному может выражаться в неосторожности как в виде легкомыслия, так и в виде небрежности. При этом недобросовестность соответствует легкомыслию, а небрежность – форме вины в виде небрежности» [9, с. 122–123].

Однако, по нашему мнению, последняя позиция не в полной мере обоснована, т. к. «недобросовестное или небрежное отношение» является характеристикой отношения лица к службе в целом, а не описывает отношение к наступившим общественно опасным последствиям служебной халатности. В связи с этим не стоит отождествлять «небрежное отношение» к службе в составе служебной халатности и «небрежность» как форму вины.

Из вышеизложенного следует, что признак «недобросовестное или небрежное отношение» к службе вызывает дискуссии в теории уголовного права и сложности в правоприменительной практике. По нашему мнению, формулировка «...вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе...» указывает лишь на неумышленный характер преступления, и более подробно характеризовать содержание субъективной стороны не может.

Как справедливо отмечает М.А. Тыняная, формулировка «вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе» сама по себе, исходя лишь из текста уголовного закона, не позволяет категорично ответить на вопрос о форме вины в составе халатности [20, с. 192].

Однако указание на наступление последствий служебной халатности «...по неосторожности...» в диспозиции ст. 428 УК самостоятельно характеризует это преступление как неосторожное. В связи с этим, признак «недобросовестное или небрежное отношение» к службе утрачивает значение указателя на форму вины служебной халатности, а потому может быть без ущерба для правоприменения исключён из состава этого преступления.

Субъективная сторона служебной халатности нуждается в более подробном анализе, чем просто указание на неосторожный характер преступления. При неосторожном совершении общественно опасного деяния гражданин признается виновным потому, что допустил непростительное легкомыслие, невнимательность или грубую небрежность в своем поведении, которых мог бы избежать при более внимательном (бережном) отношении к окружающей действительности [24, с. 139].

В составе служебной халатности неосторожность виновного выражается в том, что должностное лицо предвидело общественно опасные последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения своих служебных обязанностей, но при этом без достаточных оснований рассчиты-

вало на их предотвращение, действовало с убежденностью, что их удастся предотвратить, либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и, при необходимой внимательности и предусмотрительности, могло их предвидеть [6, с. 844], [18, с. 119], [21].

Как отмечают А.В. Конюк и В.В. Лосев, при служебной халатности неисполнение требуемых по службе действий или их совершение не в соответствии с требуемым уровнем, качеством, оперативностью и т.п., или совершение их в нарушение запрета, не является осознанным противостоянием интересам службы, а происходит вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, для которого характерно отношение к интересам службы, лишенное должного внимания, заботливости [18, с. 119].

Неосторожное преступление может быть совершено с такими видами вины, как легкомыслие и небрежность (ч. 1 ст. 23 УК), в конструкции которых выделяют интеллектуальный и волевой моменты.

Легкомыслие при служебной халатности часто выражается в том, что должностным лицом сознательно не выполняются конкретные предписания, определяющие порядок исполнения должностных обязанностей (проведение ревизий, отпуск материальных ценностей и т.п.), при этом виновный в отсутствие достаточных оснований рассчитывает на то, что общественно опасные последствия не наступят [5, с. 243].

В целом обстоятельства, в связи с которыми лицо может рассчитывать на предотвращение общественно опасных последствий в служебной халатности, можно разделить на связанные: 1) с самим субъектом (высокий уровень квалификации; опыт работы; образование; наличие необходимых личных качеств и способностей и т. п.); 2) с его окружением (оперативные действия коллег по службе; качественное состояние технических средств; компетентность подчиненных и т. д.).

Волевой момент вины должностного лица по отношению к совершенному деянию позволяет отличить служебную халатность от иного преступления против интересов службы, совершенного с косвенным умыслом. Например, в качестве критерия ограничения субъективной стороны халатности от злоупотребления должностными полномочиями, В.Н. Борков отмечает разницу в оценке вероятности общественно опасных последствий: при злоупотреблении эти последствия рассматриваются лицом как неизбежные [25, с. 188].

Н.А. Бабий пишет о том, что если это нежелание субъекта в отношении общественно опасных последствий не выразилось в какой-либо активной форме, то речь идет о совершении преступления с косвенным умыслом, а не по легкомыслию [26, с. 195].

Активная форма нежелания лицом наступления общественно опасных последствий должна охватывать и расчет на конкретные обстоятельства в их предотвращении, как справедливо подчеркивает Н.А. Бабий [26, с. 198], иначе отграничить косвенный умысел от легкомыслия в преступлениях, совершенных путем бездействия, проблематично.

Служебная халатность может совершаться не только по легкомыслию, но и по небрежности [5, с. 244]. Интеллектуальный момент небрежности применительно к служебной халатности заключается в непредвидении виновным общественно опасных последствий неисполнения или ненадлежащего исполнения своих служебных обязанностей. Волевой момент небрежности отечественными авторами связывается, прежде всего, с отсутствием волевых усилий, необходимых для предупреждения общественно опасных последствий [24, с. 150], [26, с. 198–199].

При совершении служебной халатности по небрежности у должностного лица отсутствуют волевые усилия по предупреждению общественно опасных последствий неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязанностей, поскольку виновный непредвидит эти последствия, хотя, в связи с занимаемой должностью, мог и должен был их предвидеть. Именно в том, что должно и могло предвидеть, при необходимой внимательности и предусмотрительности, общественно опасные последствия своего поведения, заключаются объективный и субъективный критерии небрежности.

Содержание объективного критерия небрежности определяется отечественными авторами по-разному. Одними авторами объективный критерий понимается в общем виде как обязанность лица предвидеть те последствия, которые на месте его лица мог предвидеть любой разумный человек, который находится в тех же условиях [24, с. 150], [26, с. 200]. Другими авторами под объективным критерием понимаются те требования, содержащиеся в законах, указах, декретах, положениях, инструкциях, приказах и т.д., в связи с которыми должностное лицо обязано предвидеть негативные последствия [13, с. 133–134], [20, с. 189].

И.О. Грунтов указывает, что в случае понимания под объективным критерием нормативистских требований происходит подмена психического отношения лица к последствиям исключительно юридическим признаком [27, с. 136]. Согласимся с этим мнением и отметим, что служебные обязанности возлагаются на должностное лицо извне, поэтому к субъективной стороне преступления относиться не могут. В служебной халатности наличие объективного критерия небрежности заключается в непредвидении лицом последствий, которые в сложившихся обстоятельствах должен был предвидеть любой такой же служащий при необходимой внимательности и предусмотрительности.

Установлению подлежит и субъективный критерий, под которым отечественными авторами понимается способность виновного предвидеть наступление общественно опасных последствий. Как указывает В.В. Лосев, для оценки субъективной стороны служебной халатности необходимо устанавливать компетенцию должностного лица – его образование, специальность, прохождение переподготовки или повышение квалификации, опыт работы, наличие поощрений и взысканий, знание своих прав и обязанностей, последовательности действий в конкретных ситуациях и нормативной базы своей работы [11].

Н.А. Бабий подчеркивает, что если небрежность проявляется из-за отсутствия специальных познаний, например, у врача или должностного лица, то признаваться виновным это лицо должно в зависимости от собственной вины в незнании [26, с. 201].

Как отмечается в научной литературе, если общественно опасные последствия наступили по причине того, что должностное лицо было несвоевременно или не в полном объеме ознакомлено с предписаниями по вине руководителя, то оно не может быть признано виновным в халатности. Однако в тех случаях, когда лицом не были уяснены предписания в результате собственного халатного отношения к обязанностям, виновное лицо может подлежать привлечению к уголовной ответственности [13, с. 137–139], [20, с. 114].

В содержании ст. 428 УК закреплено, что при совершении служебной халатности лицо относится к своей службе недобросовестно или небрежно. Хотя, исходя из этих формулировок, нельзя однозначно решить вопрос о психическом отношении лица к совершенному деянию. Наиболее точным считаем описание субъективной стороны, предложенное А.В. Барковым, который отмечал, что служебная халатность является неосторожным преступлением, в котором должностным лицом могут допускаться осознано или неосознанно упущения по службе, однако отношение к общественно опасным последствиям всегда будет легкомысленным или небрежным [28, с. 498].

К признакам субъективной стороны преступления относятся также мотив и цель преступления. Вопрос о возможности позиции признания мотива факультативным элементом субъективной стороны служебной халатности встает с учетом неоднозначности содержания «недобросовестного или небрежного отношения к службе».

В научной литературе эта формулировка иногда прямо относится к причинам служебной халатности [8, с. 78]. В.П. Ревин относит недобросовестность или небрежность к мотивам ненадлежащего исполнения или неисполнения должностных обязанностей, отождествляя их с причинами, свидетельствующими об отсутствии должной внимательности и предусмотрительности при осуществлении служебной деятельности [29, с. 315].

Согласимся с И.Г. Минаковой, которая отмечает ошибочность этой позиции. По мнению автора, недобросовестное и небрежное отношение к службе – это не мотив поведения, поскольку не побуждает человека действовать определенным образом по службе, а лишь выражает субъективное отношение к ней. К побудительным отношениям относят: «стремление не усложнять ситуацию; нежелание беспокоить; нежелание конфликтовать с коллективом; нежелание показывать свою некомпетентность» [19, с. 137].

Кроме отрицательных мотивов, существуют и положительные мотивы поведения должностного лица. К ним относятся, в том числе, и ложно понятые интересы службы. В.Ф. Кириченко писал о том, что ложно понятые интересы службы иногда обуславливают совершение должностным лицом таких действий, которые не могут быть расценены иначе, например, как неоправданный риск при проведении тех или иных работ, результатом чего может явиться причинение ущерба учреждению или предприятию [16, с. 109–110].

В служебной халатности, по нашему мнению, ложно понятые интересы службы относятся только к побудительным мотивам поведения должностного лица при выполнении слу-

жебных обязанностей, но не к мотивам преступления. Как отмечает Д.В. Шаблинская, мотив преступления произведен от мотива поведения, который становится мотивом преступления, объективируясь в виде деяния, запрещенного УК [30].

Э.А. Саркисова справедливо указывает, что служебная халатность – это преступление, которое не имеет никакого мотива и цели, и никак не может быть отнесено к коррупционному [31]. Обоснованным представляется, что в служебной халатности речь может идти о мотиве и цели поведения виновного, а не мотиве преступления, что совпадает с позицией ряда авторов [13, 139–140], [19, с. 136], [20, с. 195].

При совершении служебной халатности должностное лицо не предвидит реальной возможности наступления общественно опасных последствий нарушения своих служебных обязанностей, не осознает преступность своего ненадлежащего поведения, следует ему без какого-либо мотива преступления. Для должностного лица могут быть характерны положительные (ложно понятые интересы службы) или отрицательные (лень, желание уклониться от проблемной ситуации и т. д.) мотивы поведения, но к мотивам служебной халатности эти побуждения личности относиться не могут.

Таким образом, в научной литературе и судебной практике обоснованно сложилась позиция, что служебная халатность – это преступление, совершаемое с неосторожной формой вины в виде легкомыслия или небрежности. При легкомыслии должностное лицо предвидит, что нарушение им своих служебных обязанностей может повлечь наступление тяжких последствий, но рассчитывает эти последствия предотвратить, переоценивая предупреждающее значение каких-либо конкретных обстоятельств. При небрежности должностное лицо не предвидит наступление общественно опасных последствий нарушения служебных обязанностей, которые при внимательности к исполнению служебных обязанностей и необходимой предусмотрительности оно должно было и могло предвидеть. Должностное лицо может осознавать, что его поведение противоречит требованиям по службе, однако в то же время не осознавать его общественную опасность.

Поскольку формулировка «повлекшее по неосторожности», применительно к последствиям служебной халатности, в полной мере определяет служебную халатность как неосторожное преступление, считаем целесообразным исключить формулировку «вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе» из диспозиции ч. 1 ст. 428 УК как излишнюю. Это будет способствовать единообразному пониманию признаков субъективной стороны служебной халатности и упрощению правоприменения ст. 428 УК.

Мотив и цель преступления в служебной халатности в качестве обязательных признаков субъективной стороны отсутствуют. При осознанном нарушении должностным лицом служебных обязанностей могут иметь место отрицательные или положительные мотивы поведения по службе, которые не влияют на квалификацию, однако должны учитываться при назначении наказания и применении иных мер уголовной ответственности.

Литература

1. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь, 16 дек. 2004 г., № 12 : с изм. и доп. : в ред. постановления Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь от 02.06.2011 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [Электронный ресурс] : утв. 15 августа 1845 г. // Электронные публикации Российской государственной библиотеки. – Режим доступа : <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?page=1>. – Дата доступа : 07.01.2021.
3. Уголовное уложение [Электронный ресурс] : утв. 22 марта 1903 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : http://pravo.by/upload/pdf/krimpravo/ugolovnoe_ulozenie_1903_goda.pdf. – Дата доступа : 09.01.2021.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / В. А. Круглов, Е. И. Климова. – Минск : Амалфея, 2015. – 1008 с.
5. Мичулис, Э. Ф. Преступления против государства, порядка управления и интересов службы : учеб. пособие / Э. Ф. Мичулис, А. А. Шардаков, И. С. Яцута. – Минск : ИНБ, 2013. – 278 с.
6. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие / А. И. Лукашов [и др.] ; ред. А. И. Лукашова. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009. – 960 с.
7. Уголовный Кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр. правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

8. Добродей, А. И. Служебная халатность (статья 428 Уголовного кодекса Республики Беларусь) / А. И. Добродей // Юрист. – 2007. – № 4. – С. 77–80.
9. Здравомыслов, Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация / Б. В. Здравомыслов. – М. : Юриздат, 1975. – 168 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР / под ред. С. Т. Шардыко. – 3-е изд., доп. – Минск : Изд. БГУ имени В.И. Ленина, 1971. – 392 с.
11. Лосев, В. В. Характеристика субъективной стороны и субъекта служебной халатности [Электронный ресурс] : по состоянию на 30.01.2019 г. / В. В. Лосев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр. правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
12. Рубцова, Ю. С. Должностная халатность при производстве предварительного расследования в форме дознания (уголовно-правовые и криминологические вопросы) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.01.08 / Ю. С. Рубцова. – СПб., 2017. – 263 с.
13. Царев, Е. В. Уголовное законодательство об ответственности за халатность : история, современность, перспективы развития : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. В. Царев. – Ниж. Новг., 2009. – 252 с.
14. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
15. Келина, С. Г. Борьба с халатностью должностных лиц по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. А. Келина ; Моск. юрид. ин-т. – М., 1953. – 16 с.
16. Кириченко, В. Ф. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву. Общие вопросы / В. Ф. Кириченко. – М. : Изд. Академ. наук СССР, 1956. – 168 с.
17. Утевский, Б. С. Общее учение о должностных преступлениях / Б. С. Утевский. – М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 440 с.
18. Конюк, А. В. Прокурорско-судебная практика по уголовным делам о коррупционных и других преступлениях против интересов службы : практ. пособие / А. В. Конюк, В. В. Лосев ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск : Акад. Упр. при Президенте Республики Беларусь, 2018. – 336 с.
19. Минакова, И. Г. Халатность: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.01.08 / И. Г. Минакова. – Ростов-на-Дону, 2008. – 205 л.
20. Тыняная, М. А. Уголовно-правовая характеристика халатности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. А. Тыняная. – Томск, 2013. – 234 с.
21. Хилюта, В. В. Служебная халатность (ст. 428) [Электронный ресурс] : по состоянию на 23.10.2014 г. / В. В. Хилюта // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр. правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
22. Шестовская, Т. В. Преступления против интересов службы [Электронный ресурс] : по состоянию на 01.06.2011 г. / Т. В. Шестовская // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр. правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
23. Закомолдин, Р. В. Служебные преступления : конспект лекций / Р. В. Закомолдин. – Самара : Самар. гуманитар. акад., 2004. – 98 с.
24. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий [и др.]. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.
25. Борков, В. Н. Основные признаки должностной халатности (ст. 293 УК РФ) / В. Н. Борков // Вестник Омского университета. Сер. Право. – 2014. – № 1. – С. 185–189.
26. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2013. – 688 с.
27. Грунтов, И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И. О. Грунтов. – Минск : Тесей, 2012. – 366 с.
28. Барков, А. В. Служебная халатность / А. В. Барков // Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / редкол.: С. А. Балашенко [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – Т. 3. – С. 498.
29. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. В. П. Ревина. – М. : ЗАО Юстицинформ, 2010. – 392 с.
30. Шаблинская, Д. В. Мотивы преступлений против интересов службы и их уголовно-правовая оценка [Электронный ресурс] / Д. В. Шаблинская // Научный репозиторий Академии МВД РБ. – Режим доступа : https://elib.amia.by/bitstream/docs/3908/1/problem_i_borbi2017_229.pdf. – Дата доступа : 14.05.2021.
31. Саркисова, Э. А. К вопросу о понятии и признаках коррупционного преступления [Электронный ресурс] : по состоянию на 22.02.2010 г. / Э. А. Саркисова // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр. правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

Женщины как субъекты административной ответственности

Е.И. УСОВА

Статья посвящена анализу белорусского законодательства на предмет выявления особенностей правового положения женщины как субъекта административной ответственности. Отмечается, что имеются особенности в реализации принципа равенства при привлечении к административной ответственности, применении смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств, в наложении некоторых административных взысканий, таких как административный арест и общественные работы. Также в статье рассмотрены криминологические аспекты противоправной деятельности женщин, проведен сравнительный анализ белорусского, российского, украинского законодательства.

Ключевые слова: административная ответственность, женщины, основания освобождения от административной ответственности, административный арест, общественные работы.

The article is devoted to the analysis of the Belarusian legislation in order to identify the features of the legal status of a woman as a subject of administrative responsibility. It is noted that there are features in the implementation of the principle of equality when bringing to administrative responsibility, the application of mitigating and aggravating circumstances, the imposition of certain administrative penalties, such as administrative arrest and community service. The article also discusses the criminological aspects of the illegal activities of women, a comparative analysis of the Belarusian, Russian, and Ukrainian legislation.

Keywords: administrative responsibility, women, grounds for exemption from administrative responsibility, administrative arrest, community service.

В каждом обществе в разной степени, несмотря на постоянно принимаемые решения, продолжают существовать многочисленные гендерные стереотипы, влияющие на положение женщин, что ведет к их большей уязвимости в экономическом и социальном плане. В последние двадцать лет в Республике Беларусь принимается много правовых, организационных, административных мер, направленных на повышение статуса женщин, их конкурентоспособности на рынке труда и в других сферах общественной жизни. Особое место занимает роль женщины как объекта и субъекта совершения административных правонарушений.

Для Республики Беларусь характерно наличие разработанной стратегии и приоритетных направлений государственной политики в сфере предупреждения преступности женщин, сформулированной в республиканской программе «Женщины Республики Беларусь». Эта программа позволяет использовать расширительное толкование механизмов профилактики преступности, включая предупреждение административных правонарушений.

Согласно статистической информации, одним из наиболее распространенных женских преступлений является кража. Специальные криминологические исследования свидетельствуют, что наряду с самым популярным для женщин способом тайного похищения чужого имущества – свободным доступом – женщины все чаще стали прибегать к таким традиционно мужским приёмам, как проникновение в жилище или помещение путём взлома окон, выбивания двери, взлома замка. Вторым по величине является сбыт и хранение наркотических средств, что вполне соотносимо с процессом феминизации наркотизма, происходящем в обществе. Третьим по величине удельного веса оказалось мошенничество, что объясняется, как видится, большой прибыльностью и его меньшим риском [1].

Как отмечается, факторами, способствующими росту преступности среди женщин, являются недостатки в организации досуга, низкий культурный, образовательный и профессиональный уровень. По мнению И.Б. Степановой, Т.М. Явчуновской значительное число женщин-правонарушителей с наркоманией и алкоголизмом потеряли семьи и не сохранили семейные связи и около 50–70 процентов женщин, отбывающих наказание в тюрьмах, в принципе не имеют семьи, а 10 процентов из них лишены родительских прав по решению суда [2, с. 103]. Незамужние, вдовы, разведенные составили 75 процентов. Замужние и со-

стоящие в гражданском браке, соответственно, – 25 процентов. Подтверждается мнение, что значительная часть преступлений – следствие негативных влияний, аккумулированных в родительской семье или в супружестве, пособничество семьи преступным действиям, характеризуется как «семейная десоциализация». Причем семейная десоциализация может оказывать на личность как прямое, так и опосредованное криминогенное воздействие: прямое – сознательное формирование мотивации на совершение преступлений (участие в наркобизнесе «ради денег») либо приверженность семьи к негативному образу жизни, объективно формирующему криминальную мотивацию; опосредованное происходит через отчуждение человека от семьи с последующим попаданием в негативную социальную среду, где и окончательно формируется мотивация к совершению преступлений [2, с. 104].

Что касается криминологических характеристик привлечения женщин в Республике Беларусь к административной ответственности, то они совершают административных правонарушений меньше, чем мужчины. Причинами совершения остаются недостаточный уровень правовой осведомлённости о нормах административно-деликтного права, негативное влияние окружения, бытовая и трудовая неустроенность.

Субъектами административной ответственности чаще всего выступают субъекты административного проступка, то есть совершившие административное правонарушение и привлекаемые за это к административной ответственности физические лица. Все компоненты личности правонарушителя оказывают свое влияние на правонарушение, но только некоторые учитываются при правовой оценке содеянного. Так, подлежат учёту, входящие в состав административного проступка конструктивные признаки, и особые свойства субъекта административной ответственности при определении формы вины, вида и размера взыскания.

При решении вопроса о привлечении к административной ответственности женщин следует изучить особенности применения некоторых административных взысканий, наличие смягчающих ответственность обстоятельств, оснований для освобождения от административной ответственности.

Одним из принципов привлечения к административной ответственности выступает принцип равенства перед законом, который указывает на то, что в независимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, гражданства, имущественного и должностного положения, места жительства или места пребывания, убеждений, отношения к религии, принадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств физические лица равны перед законом и подлежат административной ответственности [3, ст. 1.6].

На основании этого принципа можно сделать вывод, что при рассмотрении дела применяются одни и те же материальные и процессуальные нормы и правила. Однако в административно-деликтном праве есть категории лиц, которые имеют определенные условия применения к ним юридических правил. К таким субъектам относят лиц, занимающих определенные должности, имеющих физические особенности, половую принадлежность, несовершеннолетний возраст.

Рассматривая женщин как субъектов административной ответственности, необходимо отметить, что при отсутствии характеризующих признаков, их принято считать общим субъектом. Однако есть возможность перехода их в особый, специальный субъект в случае беременности или нахождения на иждивении хотя бы одного несовершеннолетнего ребёнка, или в случае регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, или управления транспортным средством в качестве водителя.

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) в ст. 7.2. указывает на такие смягчающие обстоятельства как наличие на иждивении у физического лица, совершившего правонарушение, малолетнего и совершение административного правонарушения беременной женщиной. Институт смягчающих обстоятельств состоит в том, что их наличие влияет на оценку уровня общественной опасности личности правонарушителя и самого деликта в сторону уменьшения объёма карательного воздействия. Законодатель указал, что перечень обстоятельств, смягчающих ответственность не является исчерпывающим, что позволяет его толковать расширительно.

Учёт факта беременности при назначении взыскания за совершённое общественно вредное деяние продиктован психофизическими изменениями, происходящими в организме беременной женщины, которые воздействуют на психику и мотивы её поведения. Можно согласиться с мнением, что данное обстоятельство должно быть связано со временем совершения административного правонарушения и должно учитываться даже в случае его устранения по окончании административного правонарушения, например, вследствие производства аборта. В связи с этим, предлагается изложить п. 8 ст. 7.2. КоАП в следующей редакции: «8) совершение административного правонарушения в состоянии беременности».

Смягчения административной ответственности заслуживают женщины, имеющие на иждивении малолетнего (п. 4, ст. 7.2 КоАП). Еще Н.Ф. Кузнецова и Б.А. Куринов применительно к уголовной ответственности указывали на то, что при рассмотрении уголовных дел, совершенных женщинами, имеющими детей дошкольного и школьного возраста, необходимо избирать такую меру ответственности, которая не отрывала бы мать от детей и сильно не отражалась на материальном положении семьи» [4, с. 123].

Необходимо отметить, что наличие малолетнего ребенка, как смягчающее вину обстоятельство, не распространяется на женщин, лишенных в установленном порядке родительских прав.

Определённое значение при привлечении к административной ответственности играет наличие отягчающих обстоятельств. К их числу, с точки зрения раскрытия темы исследования, относятся: совершение административного правонарушения в отношении женщины, беременность которой заведомо известна или очевидна физическому лицу, совершившему правонарушение. Признак заведомости означает, что виновный знает о беременности, у него отсутствуют сомнения в том, что она беременна. Данное обстоятельство выделяется в качестве отягчающего по причине того, что правонарушение может пагубно сказаться на жизнь плода и здоровье самой женщины, а также на материальное положение семьи, которая понесет затраты на восстановление здоровья.

Статья 6.2. КоАП Республики Беларусь предусматривает четкий перечень взысканий, который устанавливается за совершение административных правонарушений в случае признания физического лица виновным в совершении административного деликта.

Однако не каждое административное взыскание может применяться к тому или иному лицу. Существует перечень субъектов, прямо указанных в соответствующей статье, на которых может распространяться данная норма. Это связано, прежде всего, с возрастом, психическим и физическим состоянием индивида, его семейным положением – все эти критерии учитываются при назначении административного взыскания.

К числу административных взысканий, которые не могут применяться на общих основаниях к женщинам, относят административный арест и общественные работы. Все остальные административные взыскания налагаются в общем порядке при условии соблюдения правил наложения.

Административный арест состоит в содержании физического лица в условиях изоляции в местах, определяемых в соответствии с законодательными актами, и устанавливается на срок до пятнадцати суток, а за совершение правонарушений, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 24.23 КоАП, – на срок от пятнадцати до тридцати суток. Этот вид взыскания не может применяться к беременным женщинам и женщинам, имеющим на иждивении несовершеннолетнего ребенка.

Невозможность применения указанного взыскания к беременным женщинам объясняется тем, что нахождение ее в данных условиях (отсутствие должного комфорта, нахождение в обществе маргинальных субъектов) может неблагоприятно сказаться на ее психическом и физическом здоровье, что может отразиться на ее ребенке.

Факт наличия несовершеннолетнего ребенка при невозможности применения административного ареста защищает в первую очередь самого несовершеннолетнего, который не может самостоятельно о себе позаботиться в случае отсутствия матери. При этом женщина-правонарушитель может иметь супруга, который фактически кратковременно мог бы взять на себя обязанность по воспитанию ребенка при исполнении административного ареста. Возраст несовершеннолетнего также должен иметь если не определяющее, то хотя бы определённое значение. Юридическое закрепление запрета применения административного ареста к некоторой категории женщин подтверждает реализацию принципа гуманизма при привлечении к административной ответственности.

При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что административный арест не применяется к одиноким мужчинам, имеющим на иждивении несовершеннолетнего ребенка.

На наш взгляд, такое положение, с одной стороны, носит дискриминационный характер по признаку пола в отношении мужчин, а с другой стороны, не соответствует современной правовой регламентации. В ст. 1 Трудового кодекса Республики Беларусь дано определение одинокого родителя, под которым понимается мать (отец), не состоящая (не состоящий) в браке и воспитывающая (воспитывающий) несовершеннолетнего ребенка в случае, когда другой родитель умер, лишен родительских прав, признан недееспособным, объявлен умершим или признан безвестно отсутствующим; мать, не состоящая в браке и воспитывающая несовершеннолетнего ребенка, сведения об отце которого внесены в запись акта о рождении ребенка по ее указанию или по указанию другого лица, подавшего заявление о регистрации рождения; усыновитель (удочеритель), не состоящий в браке и воспитывающий несовершеннолетнего ребенка [5]. Однако юридического определения кого следует понимать, как одинокого мужчину ни в одном нормативном правовом акте не указано.

В связи с вышеизложенным предлагаем внести изменение п. 5 ч. 2 ст. 6.6 КоАП Республики Беларусь, изложив ее в следующей редакции: «...2. Административный арест не может быть наложен на:

5) одинокого родителя, имеющего на иждивении несовершеннолетнего ребенка».

Из этого следует, что такая конструкция статьи позволит в исключительных случаях применять указанное взыскание к женщине, имеющей несовершеннолетнего ребёнка, будет способствовать её воспитанию в духе соблюдения законов и повышению её социальной ответственности, а также позволит исключить дискриминационный подход по признаку пола.

Общественные работы заключаются в выполнении физическим лицом в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных работ, направленных на достижение общественно полезных целей [3, ч. 1 ст. 6.5]. Общественные работы могут налагаться судом при наличии согласия физического лица, совершившего административное правонарушение, на их применение.

Но при этом указанное взыскание не применяется к лицам, достигшим общеустановленного пенсионного возраста (в отношении женщин этот возраст составляет 58 лет), также к беременным женщинам, поскольку физиологические особенности женщин (большой живот, отёки, одышка) будут затруднять выполнение данного труда. Крайне неблагоприятно для беременной женщины выполнение общественных работ в холодное время года, так как отрицательно сказываются на женской репродуктивной системе.

Общественные работы не могут применяться к лицам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком, что также объясняется дополнительной заботой о детях со стороны государства. Причём этот отпуск может быть представлен не только матери, но и отцу, другому родственнику, члену семьи ребенка в определённых законом случаях.

Глава 8 КоАП перечисляет основания для освобождения от административной ответственности. Наиболее важными представляется освобождение при наличии некоторых смягчающих ответственность обстоятельств и освобождение жертв торговли людьми.

Совершение деликта под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости позволяет должностному лицу принять решение об освобождении виновное физическое лицо от административной ответственности. При этом общеизвестным является факт, что наиболее уязвимыми и материально зависимыми в этом плане являются несовершеннолетние, люди с инвалидностью, а также беременные женщины и женщины, имеющие несовершеннолетних детей, поэтому такая диспозитивная норма свидетельствует о проявлении гуманизма.

В ст. 8.8. КоАП Республики Беларусь предусмотрена диспозитивное основание освобождения от административной ответственности жертв торговли людьми, что соответствует современным тенденциям и обязательствам государства по заключённым международным соглашениям.

Проблема торговли людьми является актуальной не только для Республики Беларусь, но и для мирового сообщества в целом. Обычно под торговлей людьми понимают процесс, в результате которого отдельные лица попадают в эксплуатацию или удерживаются в этом со-

стоянии с целью получения экономической выгоды. По сведениям, представленным Организацией Объединенных Наций в 2021 г., основную часть жертв торговцев людьми – 70 процентов – по-прежнему составляют женщины, при этом около 20-ти процентов из них – несовершеннолетние. Еще 20 процентов пострадавших – это взрослые мужчины, остальные – мальчики. Доля детей выросла с 10 процентов до 30, в два раза увеличилась доля взрослых мужчин. Половину всех жертв покупают с целью сексуальной эксплуатации, 38 процентов – для принудительного труда, шесть процентов заставляют заниматься преступной деятельностью и около одного процента – попрошайничеством. Менее одного процента используют для торговли органами, принудительных браков и других целей [6]. Это подтверждает тезис о том, что закрепление в КоАП такого основания для освобождения от административной ответственности соответствует современным правовым тенденциям.

Отдельно следует остановиться на вопросе административной ответственности женщин в Российской Федерации. Так, согласно ч. 2 ст. 3.9 КоАП Российской Федерации административный арест не применяется к беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет [7], то есть малолетнего ребенка в отличие от положений белорусского КоАП, который предусматривает невозможность применения ареста к женщинам и одиноким мужчинам, имеющим детей до восемнадцати лет.

Обязательные работы как вид административного наказания являются аналогом общественных работ согласно белорусскому законодательству и также заключаются в выполнении физическим лицом, совершившим административное правонарушение, в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных общественно полезных работ, и не требуют согласия лиц на их применение. Обязательные работы не применяются к беременным женщинам, и только женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, в то время как белорусское законодательство защищает любого члена семьи, находящегося в отпуске по уходу за ребенком до достижения им трёх лет. В качестве смягчающих ответственность обстоятельств КоАП Российской Федерации указывает в ст. 4.2. на совершение административного правонарушения беременной женщиной или женщиной, имеющей малолетнего ребенка.

Законодательство Украины существенно отличается от белорусского и российского. Это проявляется во многих аспектах. Так, Кодексом Украины об административных правонарушениях (далее – КоАП Украины) предусмотрены общественные работы, исправительные работы, общественно полезные работы, административный арест, которые могут применяться к женщинам, за определённым исключением. Так, общественные работы не назначаются беременным женщинам, женщинам, старше 55 лет [8, ст. 30-1]. Исправительные работы применяются на срок до двух месяцев с отбыванием их по месту постоянной работы лица, которое совершило административное правонарушение, и с удержанием до двадцати процентов его заработка в доход государства [8, ст. 31]. Могут назначаться в отношении всех субъектов, которые занимаются трудовой деятельностью, включая женщин. Примечательно, что указанное взыскание было предусмотрено КоАП Республики Беларусь 2003 г. и применялось в случае освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности. Однако взыскание не распространялось на беременных женщин, лиц, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, женщинам старше пятидесяти пяти лет.

Общественно полезные работы, предусмотренные КоАП Украины, заключаются в выполнении лицом, совершившим административное правонарушение, оплачиваемых работ, вид которых и перечень объектов, на которых нарушители должны выполнять эти работы определяет соответствующий орган местного самоуправления.

Общественно полезные работы назначаются районным, районным в городе, городским или районным судом (судьей) на срок от ста двадцати до трехсот шестидесяти часов и выполняются не более восьми часов, а несовершеннолетними – не более двух часов в день.

Общественно полезные работы не назначаются беременным женщинам, женщинам старше 55 лет и другим субъектам [8, ст. 31-1]. Административный арест устанавливается и применяется только в исключительных случаях за отдельные виды административных правонарушений на срок до пятнадцати суток. Административный арест не может применяться к беременным женщинам, женщинам, которые имеют детей возрастом до двенадцати лет [8, ст. 32].

Общественные работы, исправительные работы, общественно полезные работы, административный арест, по КоАП Украины, назначаются районным, районным в городе, городским либо горрайонным судом (судьей).

Статья 34 КоАП Украины относит к смягчающим административную ответственность совершение правонарушения беременной женщиной или женщиной, которая имеет ребенка возрастом до одного года [8].

Принципиальным отличием украинского законодательства является наличие в КоАП ст. 39-1, которая устанавливает, что в случае совершения насилия по признаку пола суд при решении вопроса о наложении взыскания за административное правонарушение вправе одновременно решить вопрос о направлении лица, совершившего насилие по признаку пола, на прохождение программы для таких лиц, предусмотренной Законом Украины «Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин». На сегодняшний день такое закрепление гендерного равенства на уровне КоАП Украины является весьма прогрессивным, однако не умаляет законодательства России и Беларуси, которые регламентируют особые механизмы защиты и реализации прав женщин при привлечении к административной ответственности.

Анализ положений КоАП Российской Федерации, КоАП Украины и КоАП Республики Беларусь позволяет прийти к выводу, что отечественное законодательство учитывает интересы женщин в части административной ответственности многоаспектно, также уделяет внимание охране интересов несовершеннолетних через невозможность применения отдельных взысканий к одиноким мужчинам, имеющим детей, лицам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком. Тем не менее, обозначенные автором направления совершенствования административно-деликтного регулирования в области привлечения к административной ответственности женщин в Республике Беларусь позволят в полной мере реализовать принципы индивидуализации, справедливости и гуманизма.

Литература

1. Статистика численности женщин, совершивших преступления за 2021 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=190795>. – Дата доступа : 14.03.2022.
2. Степанова, И. Б. Социальная характеристика женской наркопреступности / И.Б. Степанова, Т. М. Явчуновская // Социс. – 2008. – № 2. – С. 102–106.
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г. : одобрен Советом Респ. 18 декабря 2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Кузнецов, Н. Ф. Отягчающие и смягчающие обстоятельства, учитываемые при определении меры наказания / Н. Ф. Кузнецов, Б. А. Куринов // Применение наказания по советскому уголовному праву. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1958. – С. 92–150.
5. Трудовой Кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. [Электронный ресурс] : одобрен Советом Республики 20 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28 мая 2021 г., № 114-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
6. Новости ООН [Электронный ресурс] : Жертвами торговцев людьми все чаще становятся дети. – Режим доступа : <https://news.un.org/ru/story/2021/02/1395622>. – Дата доступа : 22.03.2022.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : в ред. Федер. закона от 11.06.2022 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.
8. Кодекс Украины об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 7 декабря 1984 г., № 8073-X : в ред. Закона Украины от 26.05.2022. – Режим доступа : https://continent-online.com/Document/?doc_id=30418317#pos=6;-142. – Дата доступа : 24.03.2022.

УДК 349.564:341.9(476)

Взаимодействие императивных норм, имеющих тесную связь с внешнеторговым спором (по материалам судебной практики России и Беларуси)

В.А. ФЕДОТОВ

На основе комплексного и системного анализа правовой регламентации норм о разрешении споров, возникающих из внешнеторговых договоров, автор предлагает применение концепции взаимодействия норм правовых систем, имеющих тесную связь с отношением.

Ключевые слова: взаимодействие правовых систем, экстерриториальность действия правовых норм, внешнеторговый договор, внешнеторговый спор, применимое право, арбитраж, принцип тесной связи.

Based on a comprehensive and systematic analysis of the legal regulation of the norms on the resolution of disputes arising from foreign trade contracts, the author proposes the application of the concept of interaction between the norms of legal systems that are closely related to the relationship.

Keywords: interaction of legal systems, extraterritoriality of the operation of legal norms, foreign trade agreement, foreign trade dispute, applicable law, arbitration, principle of close connection.

Введение. На современном этапе социально-экономических преобразований в Республике Беларусь внешнеторговая деятельность приобрела приоритетное значение и во многом определяет современное состояние экономики государства. Экономический рост республики основан на экспорте и импорте товаров и услуг, поэтому вопросы расширения и укрепления внешнеторгового потенциала являются исключительно важными и актуальными.

Органами государственной власти и управления Республики Беларусь при участии научных организаций разработан комплекс государственных программ по увеличению объема и повышению экспорта товаров (работ, услуг). Реализация программ предусматривает совершенствование действующих и принятие новых нормативных правовых актов, ориентированных на сближение национального законодательства с международными нормами и стандартами права. Вместе с тем, создание эффективного механизма правовой регламентации внешнеторговой деятельности невозможно без нормативного обеспечения полисистемного взаимодействия правовых систем, имеющих тесную связь с отношением.

Основной формой осуществления международной экономической деятельности является внешнеторговый договор. По своей юридической природе данная категория гражданско-правовых соглашений имеет ряд существенных отличий от внутренних договоров, основанных на национальном законе. Внешнеторговый договор совершается в соответствии с требованиями правовых норм правопорядков, имеющих тесную связь с отношением, что влечет ряд иных правовых последствий.

Договорной статут внешнеторгового соглашения формируется на основе императивных норм правовых систем, к которым принадлежат участники отношения, а также императивных норм правовых систем третьих стран, с которыми связано исполнение договора. Это нормы не только гражданского, но и таможенного, налогового и валютного законодательства. На стадии вступления в отношение субъекты внешнеторговой деятельности должны установить возможность заключения внешнеторгового контракта. В случае расхождения императивных норм стран, имеющих тесную связь с внешнеторговым отношением, такой договор не может быть заключен, а совершенный – признан не заключенным.

Следует признать, что данный аспект совершения внешнеторгового контракта, основанный на взаимодействии правовых норм, имеющих тесную связь с отношением, не получил должной правовой регламентации в законодательстве России и Беларуси. К сожалению, в гражданском законодательстве отсутствуют специальные правовые нормы о полисистемном режиме правового регулирования внешнеторговой деятельности.

Основная часть. При совершении внешнеторгового контракта каждая сторона должна исполнить требования правовых норм государства национальной принадлежности: это гражданско-правовые нормы о содержании и форме соглашения, установленные международными соглашениями (конвенциями) и нормативными правовыми актами.

Так, при совершении внешнеторгового контракта купли-продажи резидентами РФ и Беларуси стороны должны обеспечить соответствие договора:

1. Нормам Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. Если стороны не условятся об ином, в соответствии со ст. 14 Конвенции в оферте, а соответственно в договоре, должен быть «...обозначен товар и прямо или косвенно устанавливаются количество и цена либо предусматривается порядок их определения».

При совершении внешнеторгового договора поставки, заключенного между резидентами стран СНГ применимо Соглашение «Об общих условиях поставок товаров между организациями государств-участников СНГ» от 20 марта 1992 г. В соответствии с п. 17 Соглашения в договоре обязательно определяется: номенклатура (ассортимент); количество; качество; цена товара; сроки поставки; отгрузочные и платежные реквизиты. При отсутствии этих условий договор считается незаключенным.

2. Нормам Гражданского кодекса России (далее – ГК РФ) и Гражданского кодекса Беларуси (далее – ГК Беларуси). Общими требованиями Кодексов к внешнеторговому договору являются: определение в содержании условия о предмете и совершение договора в простой письменной форме (п. 1 ст. 432, пп. 1 п. 1 ст. 161, п. 1 ст. 1209 ГК РФ, п. 2 ст. 402, п. 3 ст. 163, ст. 1116 ГК Беларуси).

3. Нормам Указа Президента Республики Беларусь от 27 марта 2008 г. № 178 «О порядке исполнения внешнеторговых договоров». В соответствии с каждым заключенным внешнеторговым договором резиденты Беларуси обязаны: предусмотреть во внешнеторговом договоре сумму (ориентировочную сумму) денежных обязательств сторон по договору, а также условия расчетов (подп. 1.16).

Следует отметить, что в российском законодательстве о внешней торговле специальные нормы о содержании внешнеторговых договоров предусмотрены лишь в отношении отдельных видов контрактов. Так, в соответствии с подп. 20.1 Указа Президента РФ от 10 сентября 2005 г. № 1062 «Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами» заключаемые субъектами военно-технического сотрудничества контракты с иностранными заказчиками должны предусматривать положения об обеспечении комплексного сервисного обслуживания поставляемой заказчиком продукции военного назначения, и положения, касающиеся определения условий использования результатов интеллектуальной деятельности, передаваемых иностранным заказчиком, и (или) обеспечения их правовой охраны. Законодательством стран могут быть установлены ограничения по отдельным категориям товаров, подлежащих ввозу и (или) вывозу из страны.

По общему правилу, принятому в международной торговле, все условия контракта являются существенными, подлежат неукоснительному исполнению [1, с. 20]. Отсутствие существенного условия гражданско-правового договора, установленного законом, влечет признание договора незаключенным, а несоблюдение письменной формы внешнеэкономической сделки – недействительность (суды признают такие сделки ничтожными).

Таким образом, внешнеторговый договор совершается в соответствии с императивными нормами правовых систем, связанных с возникновением, изменением, прекращением правоотношения. Все иные существенные условия формируются сторонами на основе требований закона и в соответствии с обоюдным волеизъявлением сторон.

Независимо от материально-правовых или коллизионных норм, определяющих применимое право к внешнеторговому отношению раздела VI ГК РФ, императивные нормы (непосредственного применения) законодательства Российской Федерации должны быть исполнены (п. 1 ст. 1192 ГК РФ). При этом суд может применить иностранное право, принимая во внимание императивные нормы права этой страны, имеющей тесную связь с отношением, если согласно иностранному праву такие нормы являются нормами непосредственного применения (п. 2 ст. 1192 ГК РФ). Аналогичные по своему содержанию нормы предусмотрены ст. 1100 ГК Беларуси.

Таким образом, гражданское законодательство Российской Федерации и Беларуси допускает возможность суда применить императивные нормы иностранного права, если они имеют тесную связь с правоотношением.

Однако, какова практика применения правопорядков судами (арбитражными судами) норм, имеющих тесную связь с внешнеторговым отношением, при разрешении споров?

Необходимо признать, что суды не применяют нормы правовых систем во взаимодействии, хотя в законодательстве имеется немало предпосылок для такого нормативного обеспечения.

Приведем примеры из материалов судебных дел.

В арбитражный суд России с иском о признании недействительными условий соглашения о создании совместного предприятия с иностранными компаниями-соучредителями обратилась российская организация.

Судом установлено, что соглашение о создании совместного предприятия – российского оператора связи, подчинено английскому праву. Однако создаваемая организация относится к категории стратегических предприятий, в связи с чем положения соглашения, влекущие установление контроля над новой организацией, судом признаны недействительными в указанной части. Довод ответчиков о применении английского права для оценки последствий соглашения признан арбитражным судом несостоятельным.

Сверхимперативные нормы (ст. 1192 ГК РФ) суд применяет независимо от права, избранного сторонами в качестве применимого. На этом основании арбитражный суд удовлетворил иски о признании требований [2].

Как отмечено в письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 158, «...применение к спорным правоотношениям сверхимперативных норм российского права не подчиняет действительную часть спорного соглашения российскому праву и не исключает применения к ней избранного сторонами английского права» [2].

На наш взгляд, применение сверхимперативных норм закона страны суда имеет неоспоримый приоритет перед всеми другими нормами применимого права. Иностранное право может быть применимым в целом или в части, если имеет тесную связь с отношением и в полной мере соответствует нормам непосредственного применения. Но отнесение норм к сверхимперативным (нормам непосредственного применения) не является основанием неприменения иностранного закона, что указано в п. 2 ст. 1192 ГК РФ и п. 2 ст. 1100 ГК Беларуси. При этом суд должен учитывать назначение и характер таких норм, а также последствия их применения или неприменения.

Поскольку внешнеторговая политика является составной частью внешней политики государства в достижении общенациональных экономических интересов, праву отведена роль правового средства, что предопределило развитие внешнеторгового законодательства по пути доминирующего примата национальных интересов над интересами стран-партнеров. В известной мере это достигается обеспечением действия сверхимперативных и императивных норм. Вместе с тем, отношения в сфере внешней торговли в полной мере нельзя регламентировать законодательством лишь одного государства. Взаимодействие норм правовых систем, имеющих тесную связь с внешнеторговым отношением, формирует полисистемный правовой режим внешнеторговой деятельности. Такова правовая природа внешнеторговых отношений.

Основным критерием, обеспечивающим взаимодействие правовых систем, является признак национальной принадлежности, участвующих в отношениях лиц. Посредством применения императивных национальных норм внешнеторгового законодательства действие закона по кругу лиц приобретает экстерриториальный характер для резидента, и опосредовано совершено контракту – для нерезидента. Нормы непосредственного применения создают основание расщепления договорного статуса внешнеторгового контракта.

Пленум Верховного Суда РФ своим постановлением от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненным иностранным элементом» уточнил основания наличия тесной связи спорного правоотношения с территорией России, а соответственно с российским правом: это доказательства того, что территория Российской Федерации является местом, где должна быть исполнена значительная часть обязательств, вытекающих из отношений сторон; предмет спора наиболее тесно связан с территорией России; основные доказательства по делу находятся на территории Российской Федерации и др. (п. 15).

В белорусском законодательстве вопрос дифференциации оснований тесной связи со спорным правоотношением, осложненным иностранным элементом, к сожалению, не получил должной правовой регламентации. Материалы судебных дел указывают на применение ряда норм международных и нормативных правовых актов, которые в известной мере восполняют данный пробел.

Так, экономический суд Минской области в полном объеме удовлетворил требования истца ОАО «А» – управляющей компании холдинга «В» (резидент Беларуси) о взыскании стоимости некачественной продукции, а также транспортных расходов по иску к ЗАО «Б» (резидент РФ). Судом установлено, что порядок приемки продукции по качеству договором определен в соответствии с действующей в Российской Федерации Инструкцией о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по качеству, утвержденной постановлением Госарбитража при Совмине СССР от 25 апреля 1966 г. № П-7 (далее – Инструкция № П-7).

При определении применимого права к разрешению спора суд исходил из того, что: соглашение сторон о выборе применимого права должно быть явно выражено или прямо вытекать из условий договора и обстоятельств дела, рассматриваемых в их совокупности (п. 1, 2 ст. 1093 ГК

Беларуси); если стороны в контракте в качестве применимого права в общей форме указали на законодательство нескольких государств, суд определяет применимое право на основании коллизионных норм международных договоров, законодательных актов Беларуси (ч. 3 п. 25 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Беларуси от 31 октября 2011 г. № 21); при отсутствии соглашения сторон договора о подлежащем применению праве к договору применяется право страны, где имеет основное место деятельности сторона, являющаяся продавцом (подп. 1 п. 1 ст. 1125 ГК Беларуси). Кроме того, во внешнеторговом договоре стороны определили, что отношения сторон, не урегулированные договором, регламентируются действующим законодательством Российской Федерации и Беларуси, а также межправительственными соглашениями этих стран.

Применимым правом к разрешению спора признано право России, и для разрешения спора белорусский суд в полной мере применил нормы ГК РФ (ч. 1 ст. 309, п. 2 ст. 314 п. 1, ст. 15, ч. 1 п. 2 ст. 469, п. 1 ст. 475, ч. 1 п. 1, ч. 1 п. 2 ст. 393, п. 1 ст. 518 и др.) и Инструкции № П-7. Однако, некачественность товара подтверждена: заключениями Центральной заводской лаборатории ОАО «Г», соответствующей критериям Национальной системы аккредитации Беларуси и аккредитованной на соответствие требованиям СТБ ИСО/МЭК 17025-2007, а также готовностью поставщика принять товар обратно [3].

На наш взгляд, использование в качестве доказательства в суде заключения Центральной заводской лаборатории ОАО «Г», которое подготовлено в соответствии со стандартом Беларуси, указывает на применение права Российской Федерации и Республики Беларусь во взаимодействии, хотя и является отступлением от условий договора, согласно которым качество продукции удостоверяется сертификатом качества (иным документом) изготовителя.

Необходимо признать, что суды если и применяют национальное и иностранное право для разрешения внешнеторгового спора, то отдельно к отдельным частям спорного правоотношения.

Так, экономический суд г. Минска, рассмотрев в судебном заседании дело, возбужденное по иску ООО «Р» (РФ) к ООО «Б» (Беларусь) по спору, вытекающему из внешнеторгового контракта поставки, установил, что руководствуясь подп. 1 п. 1 ст. 1125 ГК Беларуси применимым правом к договору является законодательство России, поскольку место нахождения поставщика (истца) – Российская Федерация.

Однако, в связи с реорганизацией в форме присоединения ООО «О» к ответчику, между сторонами подписано дополнительное соглашение к договору поставки, в котором изменено наименование покупателя в преамбуле договора и указано на переход прав и обязанностей по договору к ответчику, а также изменены юридические адреса и реквизиты сторон. По мнению суда, это указывает на применение к вопросам реорганизации юридического лица, являющегося резидентом Беларуси, белорусского законодательства, т. к. место нахождения ответчика – Республика Беларусь [4].

По общему правилу для данной категории споров, после определения своей компетенции на рассмотрение дела суд, руководствуясь национальным законом (п. 1, 2 ст. 1186 ГК РФ, п. 1, 2 ст. 1093 ГК Беларуси), переходит к первичной квалификации, обеспечивает действие императивных норм (ст. 1192 ГК РФ, ст. 1100 ГК Беларуси), и при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве к договору, применяет коллизионную привязку, исходя из условий договора и обстоятельств дела, рассматриваемых в совокупности. При этом, суд свободен в выборе коллизионной нормы и, как правило, применяет закон страны продавца или закон места совершения договора (п. 1 ст. 1211 ГК РФ, п. 1 ст. 1125, п. 1 ст. 1120 ГК Беларуси, подп. «е» п. 2 ст. 11 Соглашения СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности 1992 г. (далее – Соглашение 1992 г.)).

Нормы внешнеторгового законодательства России определяют национальную принадлежность юридического лица и индивидуального предпринимателя по критерию регистрации, а иных физических лиц – по признаку постоянного или преимущественного места жительства. В белорусском законодательстве принадлежность организаций устанавливается по критериям регистрации в соответствии с законодательством места учреждения и страны нахождения; физических лиц: резидентов – по признаку регистрации индивидуального предпринимателя, нерезидентов – критериям гражданства и постоянного проживания.

В своей совокупности данные критерии определяют правовой статус субъектов во внешней торговле и обеспечивают применение императивных норм национального законодательства к внешнеторговой деятельности как на территории страны государственной принадлежности, так и экстерриториально. В международной торговле имеются примеры при-

менения норм об ответственности к отечественным экспортерам за нарушение национального законодательства за рубежом при осуществлении внешнеторговой деятельности, т. е. нормы действуют экстерриториально [5, с. 100].

Вместе с тем, критерий регистрации не применяется российским судом при определении подлежащего применению права к договору при отсутствии соглашения сторон. Согласно п. 1 ст. 1211 ГК РФ, российский суд устанавливает применимое право к отношению по признаку места жительства или основного места деятельности на момент заключения договора стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора. В белорусском законодательстве применимое право при отсутствии соглашения сторон также производится судом по признаку основного места деятельности, и лишь при невозможности определить этот критерий, применяется право страны, где она учреждена, имеет место постоянного жительства (ч. 2 п. 1 ст. 1125 ГК).

В соответствии с подп. «е» п. 2 ст. 11 Соглашения 1992 г. права и обязанности сторон по сделке определяются по законодательству места совершения, если иное не предусмотрено соглашением сторон. Однако, если в договоре не указано место его заключения, то применимое право определяется по критерию места жительства гражданина или места нахождения юридического лица, направившего оферту.

Так, с иском о взыскании задолженности по оплате оказанных услуг по перевозке груза в международном сообщении обратился истец – российское общество «Л». Суд установил, во исполнение транспортной заявки белорусского резидента, перевозчик доставил груз из Польши в Казахстан, о чем свидетельствует CMR-накладная. Однако, ответчик произвел лишь частичную оплату оказанных услуг.

Поскольку заявка – предложение о заключении договора направлена ответчиком, на основании п. «е» ст. 11 Соглашения 1992 г. применимым правовом к разрешению спора, по мнению суда, является законодательство Беларуси. Согласно указанному пункту, права и обязанности сторон по сделке определяются по законодательству места совершения, если иное не предусмотрено соглашением сторон. Если в договоре не указано место его заключения, договор признается заключенным в месте жительства гражданина или месте нахождения юридического лица, направившего оферту (ст. 414 ГК Беларуси). Аналогичная норма содержится в ст. 444 ГК РФ.

На основании ст.ст. 290, 744 ГК Беларуси суд удовлетворил требования истца [6].

Как правило, суды ограничиваются установлением законодательства места совершения контракта, без использования дополнительных правовых норм, указывающих на применимое право. Однако, материалы рассмотренного судебного дела иллюстрируют применение коллизионного принципа места заключения контракта с привязкой к материальной норме закона места жительства (нахождения), который является одним из критериев национальной принадлежности.

Императивные нормы закона места совершения контракта имеют приоритет перед нормами личного статуса, обязательственного статуса, вещного статуса, статуса формы и др., поскольку могут ограничить или вовсе запретить применение иностранных материально-правовых и коллизионных норм. В то же время, это вовсе не исключает возможность их применения, в том числе норм императивного характера.

Кроме применимого права к обязательственному статусу в отношении способов и процедуры исполнения договора, а также мер, принятых в случае ненадлежащего исполнения, принимается во внимание также и право страны, в которой происходит исполнение (п. 2 ст. 1127 ГК Беларуси). По сути, данное правило создает правовое основание полисистемного взаимодействия правовых систем, имеющих тесную связь с отношением: «...кроме применимого права ... право страны, в которой происходит исполнение». К сожалению, белорусские суды не применяют указанное положение в буквальном значении.

Российский законодатель п. 2 ст. 1215 ГК РФ разграничил применимое право обязательственного статуса от иных вопросов, т. е. вопрос взаимодействия правовых норм не получил правового закрепления, как это изложено в гражданском законодательстве Беларуси.

Основания применения императивных правовых норм иностранного закона на территории страны в известной мере обусловлены действием норм института взаимности. По общему правилу, иностранное право подлежит применению судом независимо от того, применяется ли в соответствующем иностранном государстве к аналогичным отношениям национальное право, за исключением случаев, когда применение иностранного права на началах взаимности предусмотрено законом (п. 1 ст. 1189 ГК РФ, ст. 1098 ГК Беларуси).

Заключение. Исследование вопроса взаимодействия императивных норм, имеющих тесную связь с внешнеторговым спором, позволяет сделать следующие выводы:

1. Договорной статут внешнеторгового отношения формируется на основе императивных норм правовых систем, к которым принадлежат участники отношения, а также императивных норм правовых систем третьих стран, с которыми связано исполнение договора.

2. Гражданское законодательство России и Беларуси допускает возможность суда применить императивные нормы иностранного права, если они имеют тесную связь с правоотношением. Независимо от применимого права к внешнеторговому отношению, императивные нормы (непосредственного применения) законодательства должны быть исполнены. При этом суд может применить иностранное право, принимая во внимание назначение и характер таких норм, а также последствия их применения.

Вместе с тем, суды не применяют нормы правовых систем во взаимодействии, хотя в законодательстве имеется немало предпосылок для такого нормативного обеспечения.

3. Применение сверхимперативных норм закона страны суда имеет неоспоримый приоритет перед всеми другими нормами применимого права. Иностранное право может быть применимым в целом или в части, если имеет тесную связь с отношением и в полной мере соответствует нормам непосредственного применения. В то же время, отнесение норм к сверхимперативным (нормам непосредственного применения) не является основанием неприменения судом иностранного закона.

4. Основным критерием, обеспечивающим взаимодействие правовых систем во внешней торговле, является национальная принадлежность участвующих в отношениях лиц. Посредством применения императивных национальных норм внешнеторгового законодательства действие закона по кругу лиц приобретает экстерриториальный характер для резидента, и опосредовано совершенному контракту – для нерезидента. Нормы непосредственного применения создают основание расщепления договорного статута внешнеторгового контракта.

5. По общему правилу для данной категории споров, после определения своей компетенции на рассмотрение дела суд, руководствуясь национальным законом, переходит к первичной квалификации, обеспечивает действие императивных норм, и при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве к договору, применяет коллизионную привязку, исходя из условий договора и обстоятельств дела, рассматриваемых в их совокупности. При этом, суд свободен в выборе коллизионной нормы и, как правило, применяет закон страны продавца или закон места совершения договора.

6. При отсутствии соглашения сторон российский суд устанавливает применимое право к отношению по признаку места жительства или основного места деятельности на момент заключения договора стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора. В белорусском законодательстве применимое право при отсутствии соглашения сторон также производится судом по признаку основного места деятельности, и лишь при невозможности определить этот критерий, применяется право страны, где она учреждена, имеет место постоянного жительства.

7. Основания применения императивных правовых норм иностранного закона на территории страны в известной мере обусловлены действием норм института взаимности.

Литература

1. Костюков, М. Е. Международный коммерческий контракт : Понятие. Техника написания. Примерные формы на русском и английском языках : науч.-практ. пособие / М. Е. Костюков, Е. М. Костюкова. – Минск : Асоб. Дах, 2001. – 148 с.

2. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц [Электронный ресурс] : Информационное письмо Президиума ВАС РФ, 9 июля 2013 г., № 158 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

3. Минич, А. Н. Поставка товара ненадлежащего качества [Электронный ресурс] : пример из судебной практики (поставщик – резидент РФ, покупатель – резидент Беларуси) / А. Н. Минич // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Архив Минского городского суда за 2021. – Дело № 155ЭИП214105.

5. Канашевский, В. А. Внешнеэкономические сделки. Правовое регулирование / В. А. Канашевский. – М. : Междунар. отн., 2005. – 304 с.

6. Карней, А. А. Применение права Республики Беларусь [Электронный ресурс] / А. А. Карней // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

УДК 342.25

Активизация гражданского участия населения в решении местных вопросов

И.И. ЭСМАНТОВИЧ

Сплоченное местное сообщество является одним из главных элементов социальной стабильности. В статье анализируются Национальная стратегия социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года, Стратегия устойчивого развития Гомельской области до 2025 года, нормативные правовые акты, раскрывающие потенциал гражданского общества, содержащие направления активизации гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, местная инициатива, гражданское участие, местные сообщества, устойчивое развитие.

A close-knit local community is one of the main elements of social stability. The article analyzes the National Strategy for Socio-Economic Development of the Republic of Belarus until 2030, the Strategy for Sustainable Development of the Gomel Region until 2025, regulatory legal acts that reveal the potential of civil society, containing directions for activating civil society.

Keywords: civil society, local initiative, civil participation, local co-societies, sustainable development.

На современном этапе развития государство большое внимание уделяет формированию гражданского общества. Подготовка изменений в Конституцию Республики Беларусь всколыхнула население Беларуси, его гражданскую активность. На сотнях диалоговых площадок по всей территории государства в 2021–2022 гг. наряду с вопросами, непосредственно касающимися Основного Закона, поднимались проблемы развития органов территориального самоуправления, придания им финансовой самостоятельности, повышения статуса политических партий и общественных организаций, активизации участия граждан в решении местных вопросов.

Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 г. в качестве одной из приоритетных задач определила формирование гражданского общества, развитие всех его институтов, создание полноценной инфраструктуры гражданских инициатив, благоприятной правовой базы [1]. Формирование гражданского общества сможет обеспечить общественную дискуссию, позволит снизить риск возникновения социального конфликта, будет содействовать нахождению компромисса между взглядами разных социальных групп, удовлетворению общих потребностей государства и гражданского общества как единого целого.

В рамках региона Стратегия устойчивого развития Гомельской области до 2025 г. также предусматривает практику передачи структурам гражданского общества ряда полномочий государственных органов, развитие партнерства субъектов территориального развития путем создания сетевых структур, коммуникативных площадок, координационных центров, расширение информирования населения о деятельности структур гражданского общества (организаций и инициатив) в области территориального развития.

Составной частью институтов гражданского общества на местном уровне выступает политически активное население. Именно граждане, проживающие на определенной территории, имеют реальную возможность оперативно реагировать на недостатки в работе органов местного самоуправления в тесном с ними сотрудничестве, что требует развития гражданской активности на местах. Реализация субъективного права граждан на участие в общественных инициативах связана со способностью фактически воздействовать на осуществление общегосударственных дел.

Механизмы воздействия граждан на общественную инициативу обеспечивают возможность влияния общества на государство. Наиболее ярко это проявляется на местном уровне. Это право реализуется через активные действия, направленные, к примеру, на проведение местных собраний, реализации местного самоуправления.

Более года в республике идет подготовка законопроекта о гражданском обществе. Гражданское общество как совокупность негосударственных организаций и свободных граждан,

создающих вместе с государством развитые правовые отношения, является важным инструментом консолидации усилий государства и негосударственных структур для решения социально-экономических проблем, достижения общественно значимых целей. Критерии успешного развития гражданского общества предусматривают обеспечение общедоступного участия в процессе разработки социально-экономической политики и мер по обеспечению национальной безопасности страны.

Вместе с тем, органам государства необходимо содействовать повышению заинтересованности граждан в развитии местного самоуправления и гражданского общества, решению возникающих общественных проблем, нахождения путей решения этих проблем; поощрять местные органы в лице их представителей в принятии населения как равноправного партнера, поддерживать инициативы граждан.

Многочисленные нормативные акты предоставляют определенные возможности для привлечения населения к участию в делах государства. Так, местным Советам депутатов предоставлено право утверждать региональные комплексы мероприятий, обеспечивающие реализацию государственных программ в области охраны и использования животного мира, рационального обращения с объектами растительного мира, в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов. Органы территориального общественного самоуправления, граждане также имеют право участвовать в решении выше обозначенных вопросов через референдумы, собрания и иные формы прямого участия, получать экологическую информацию, вносить предложения, оказывать содействие уполномоченным государственным органам в проведении мероприятий по охране природы [2], [3], [4]. Вместе с тем, общественные объединения и органы территориального общественного самоуправления можно шире привлекать к проведению работы по пропаганде и воспитанию у граждан бережного отношения к объектам природы, недопущению причинения им вреда.

Ряд законов предусматривают вопросы, которые могут быть вынесены на местные референдумы [4], [5]. Указ Президента Республики Беларусь предоставляет возможность органам местного самоуправления, общественным организациям, гражданам участвовать в обеспечении национальной безопасности посредством разработки и внесения в государственные органы предложений, формировании общественного мнения, повышения политической культуры, гражданского самосознания и пр. [6].

Кроме того, местные Советы, органы территориального общественного самоуправления, общественные объединения граждан можно привлекать к выявлению и первичному учету воинских захоронений, проведению полевых поисковых работ, уходу за захоронениями, что будет способствовать и патриотическому воспитанию молодежи, и увековечиванию памяти о погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войны. Действующее Положение об увековечивании памяти погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войны такие полномочия предоставляет только государственным органам и организациям [7]. Органы Прокуратуры, проводящие расследование по делу о геноциде белорусского народа, восполняют этот пробел, привлекая к поисковым работам молодежные объединения школьников, студентов, курсантов.

В последнее десятилетие активизировалась работа общественных комиссий при государственных органах: по жилищным вопросам при исполнительных и распорядительных органах при принятии граждан на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий, при Прокуратуре, Министерстве иностранных дел, нотариальной палате и пр. При местных исполнительных и распорядительных органах создаются советы пожилых граждан, которые являются постоянно действующими консультативно-совещательными органами и обеспечивают социальную включенность пожилых граждан в решение вопросов благоустройства жилых домов и территорий, решения иных вопросов жизнедеятельности.

Модельный закон государств-участников СНГ об основах общественного контроля устанавливает правовые основы организации и осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления, рекомендует привлекать в качестве общественных инспекторов и общественных экспертов граждан. Общественные объединения могут проводить общественный мониторинг, общественное обсуждение и др. Основной целью общественного контроля является как обеспечение учета обществен-

ного мнения, предложений и рекомендаций граждан, общественных объединений при принятии решений органами государственной власти, так и общественная оценка деятельности государственных органов. Умелое внедрение, поощрение и использование общественного контроля будет содействовать реализации гражданских инициатив, формированию и развитию гражданского правосознания, в конечном итоге – развитию гражданского общества [8].

Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ уделяет определенное внимание поддержке и развитию инициатив гражданского общества. Так, наряду с Модельным законом об основах общественного контроля приняты модельные законы об этнокультурных общественных объединениях граждан, об участии общественности в принятии решений по вопросам градостроительного развития и качества городской среды. К примеру, закон об этнокультурных общественных объединениях граждан предоставляет им право участвовать в разработке и реализации местных программ развития национальных языков и культур, вносить предложения по сохранению культурного наследия. Из представителей этнокультурных общественных объединений могут создаваться консультативные советы и иные совещательные органы при органах представительной и исполнительной власти, выступать с инициативой изучения общественного мнения и обсуждения проектов соответствующих решений [9]. Модельный закон об участии общественности в принятии решений по вопросам градостроительного развития и качества городской среды провозглашает необходимость соблюдения баланса частных и общественных интересов, возможность участия общественности в обсуждении принимаемых нормативных и проектных решений [10].

Следует различать активность населения городских населенных пунктов и сельской местности. Если в сельской местности органы территориального общественного самоуправления играют большую роль, то в городах менее развита самоорганизация, население в большинстве случаев предпочитает, чтобы их интересы защищались через государственные органы. Эмпирические наблюдения показывают зависимость уровня социальной активности граждан в решении местных вопросов от уровня образованности, экономической активности, доли работающих в составе населения, сложившимися традициями самостоятельного решения проблем поселений.

В любом случае велика роль работников государственных органов, их готовность к взаимодействию, создание условий для активного вовлечения граждан в общественную жизнь на местном уровне. Если местная власть будет заинтересована в развитии и совершенствовании местного самоуправления, становление гражданского общества и правового государства смогут выйти на новый уровень.

Конечно, для повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления необходим постоянный учет интересов жителей в режиме мониторинга, выстраивание доступных и результативных каналов связи, что будет способствовать повышению заинтересованности населения в решении местных задач.

Участие граждан в обсуждении и решении местных дел является одним из ключевых инструментов повышения общественного доверия к государственным институтам на всех уровнях, информированности государства о потребностях и ожиданиях населения, снижения социальной напряженности, возможность шире использовать потенциал гражданского общества. Гражданское участие населения в решении вопросов местного значения выступает фундаментом дееспособности местной власти.

Основные формы участия населения в решении местных вопросов - местный референдум, правотворческая инициатива, обращения граждан в органы местного самоуправления, местные выборы, местные собрания, опросы граждан, органы территориального общественного самоуправления и др. Для активизации гражданского участия населения в местном самоуправлении следует не только стимулировать это участие как коллективную форму, но и формировать гражданскую компетентность жителей административно-территориальных единиц, содействовать их сплоченности и идентичности. Необходимо шире вовлекать население в практики гражданского участия: повышать уровень информированности граждан о формах и способах участия в местном самоуправлении, уровень доверия к власти и активность населения.

С целью привлечения населения к решению местных вопросов целесообразно регулярно проводить местные собрания (конференции) активных граждан местных сообществ для совместной выработки программы действия, решения актуальных для населения проблем,

улучшать систему информированного взаимодействия органов местного самоуправления с населением во всех административно-территориальных единицах. Это позволит усилить коммуникативное взаимодействие с активными гражданами для более активного привлечения их к решению задач местного самоуправления.

К примеру, для взаимодействия с молодежью основой могут стать новые информационные платформы, где можно будет высказывать свое мнение о той или иной ситуации, вносить предложения, что со временем позволит перейти от системы традиционного местного управления к электронному управлению.

Необходимо шире привлекать граждан, работающих в ОТОСах, к участию в сессиях местных Советов депутатов при решении кадровых, программных, бюджетных вопросов и др. Назрела необходимость создания республиканской ассоциации местного самоуправления, обмен опытом между областями республики по вопросам местного самоуправления.

Вовлечение населения в различные формы участия на местном уровне позволит гражданам получить опыт участия в ценных и интересных для них видах деятельности, продемонстрирует им открытость и готовность местных властей учитывать мнение граждан, помогать им в решении их проблем. Поддержка местными властями гражданской активности населения даст возможность повысить уровень доверия местной власти и вовлечь население в непосредственное взаимодействие с властью в решении общими усилиями проблем территории.

Литература

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] : Протокол Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 2 мая 2017 г., №10. – Режим доступа : economy.gov.by. – Дата доступа : 04.05.2022.
2. О животном мире [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 10 июля 2007 г., № 257-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. О растительном мире [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 14 июня 2003 г., № 205-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Лесной кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 24 декабря 2015 г., № 332-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. Кодекс Республики Беларусь о земле [Электронный ресурс] : 22 июля 2008 г., № 425-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
6. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г., № 575 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
7. Положение об увековечивании памяти погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войны [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 24 марта 2016 г., № 109 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
8. Об основах общественного контроля: модельный закон [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 27 марта 2017 г., № 46-19 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
9. Об этнокультурных общественных объединениях граждан [Электронный ресурс] : Модельный закон : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 14 мая 2009 г., № 32-8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
10. Об участии общественности в принятии решений по вопросам градостроительного развития и качества городской [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 13 июня 2000 г., № 15-7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

УДК 339.56:330.34:332.14(476)

Импортозамещение как фактор сбалансированного развития национальной экономики

О.В. АРАШКЕВИЧ, А.П. ГЕВРАСЁВА

В статье обосновывается значимость импортозамещения для обеспечения сбалансированного развития экономики Республики Беларусь. Влияние внешних политических и экономических факторов определяет необходимость активизации импортозамещения. Создание новых производств, снижение импортности белорусской продукции являются основными направлениями развития отечественных субъектов хозяйствования. Возможности реализации потенциала импортозамещения связаны с интеграционными процессами в рамках Евразийского экономического союза и углублением сотрудничества с китайскими партнерами. Проведение политики импортозамещения основывается на механизме государственной поддержки как крупных организаций, так и субъектов малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: импорт, импортозамещение, экспорт, сбалансированность, внешняя торговля, санкции, потенциал, интеграция, субъекты хозяйствования, кооперационные цепочки, государственная поддержка.

The article substantiates the importance of import substitution to ensure the balanced development of the economy of the Republic of Belarus. The influence of external political and economic factors determines the need to activate import substitution. Creation of new production facilities, reduction of import intensity of Belarusian products are the main directions of development of domestic economic entities. The possibilities of realizing the potential of import substitution are associated with integration processes within the framework of the Eurasian Economic Union and deepening cooperation with Chinese partners. The implementation of the import substitution policy is based on the mechanism of state support for both large organizations and small and medium-sized businesses.

Keywords: import, import substitution, export, balance, foreign trade, sanctions, potential, integration, business entities, cooperative chains, state support.

Введение. Обеспечение сбалансированности внешней торговли относится к числу первоочередных задач для белорусской экономики. Сбалансированность экспортных и импортных операций характеризует результативность внешнеторговой деятельности, определяя возможности развития национальной экономики. Ключевым фактором ее обеспечения является импортозамещение, посредством которого государство реализует экономическую стратегию, направленную на защиту отечественных производителей путем замещения импортных товаров на товары отечественного производства.

В условиях санкционного давления со стороны европейских стран и США для отечественных субъектов хозяйствования вопросы импортозамещения приобретают особую актуальность и новый характер реализации, определяющий возможности их дальнейшей работы.

Факторами, способствующими проведению политики импортозамещения в Республике Беларусь, являются: большая емкость внутреннего рынка, наличие запасов природных ресурсов, возможность обеспечивать инвестиции в промышленность за счет сырьевого экспорта [1]. Использование факторов определяется действенным механизмом государственного регулирования с соответствующими мерами и инструментами, направленными на организацию и развитие импортозамещающих производств на основе их технологической модернизации и переориентации на создание новых конкурентоспособных видов продукции, создающих альтернативу закупкам импортных товаров.

Формирование кооперационных цепочек с участием субъектов крупного, среднего и малого бизнеса относится к перспективному направлению развития импортозамещения. Накопленный потенциал позволяет государству и бизнесу использовать его в условиях Евразийского экономического союза (ЕАЭС), определяя приоритетные отрасли и сферы деятельности.

Вопросы импортозамещения имеют как теоретическую, так и практическую значимость, что определяет актуальность проведения данного исследования.

Основная часть. Тема импортозамещения составляет основу научных и практических интересов зарубежных и отечественных ученых – Т.С. Вертинской, Е.Л. Давыденко, Д.Н. Зайцева, А.Н. Зиннатуллина, П.А. Кадочникова, А.А. Куклина, М.И. Плотницкого, Е.Ф. Прокушева, Л.Е. Стровского, А.И. Татарина, Г.В. Турбан, Е.А. Червинского и др.

Особенности реализации инструментов и мер импортозамещения в практике субъектов хозяйствования обсуждаются на уровне глав правительств Республики Беларусь и Российской Федерации, Совета Евразийской экономической комиссии, министрами профильных министерств и ведомств (Министерство промышленности Республики Беларусь, Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, Министерство архитектуры и строительства Республики Беларусь, Министерством антимонопольного регулирования и торговли (МАРТ) и др.). Активное обсуждение вопросов импортозамещения в средствах массовой информации подчеркивает важность решения проблемы в современных условиях.

Основываясь на теоретических положениях импортозамещения и механизмах его реализации, выделяют следующие его цели: снижение зависимости от импорта иностранной продукции, оптимизация затрат и перераспределение финансовых ресурсов в направлении повышения технологической эффективности национальной экономики и отдельных ее отраслей, диверсификация товарной структуры, повышение конкурентоспособности отечественной продукции.

К числу основных видов импортируемых товаров относятся так называемые товары критического импорта, которые в силу определенных условий не производятся на территории страны, но без которых невозможно обеспечить производственный процесс и удовлетворить потребности внутреннего рынка. Важнейшими импортными товарами являются: растительные масла; лекарственные средства, расфасованные для розничной продажи; каучук синтетический; черные металлы и изделия из них; двигатели внутреннего сгорания; вычислительные машины для автоматической обработки информации; машины и механические устройства специального назначения; аппаратура связи и части к ней; легковые автомобили и комплектующие [2]. В период 2015–2020 гг. наблюдается динамика роста по ряду обозначенных позиций. Начиная с 2021 г., ситуация меняется в силу определенных факторов политического и экономического характера, обуславливая необходимость разработки и принятия мер по активизации политики импортозамещения в Республике Беларусь. В таблице 1 представлена география импорта товаров за 2015–2021 гг. [2].

Таблица 1 – География импорта товаров в Республику Беларусь за 2015–2021 гг.

В млн. долларах США

Страна	2015	2019	2020	2021
Армения	7,6	20,1	24,8	28,9
Германия	1 385,5	1 795,1	1 683,9	1 753,3
Дания	82,7	84,7	90,1	103,1
Индия	128,5	174,0	171,7	190,8
Испания	249,4	333,7	268,0	269,9
Италия	636,7	803,0	688,4	785,5
Казахстан	49,4	154,9	98,9	180,7
Кыргызстан	4,0	8,3	8,5	10,9
Китай	2 401,2	3 807,6	3 708,9	4 071,4
Латвия	77,1	90,1	83,8	125,1
Литва	277,8	384,2	341,4	255,6
Польша	1 085,8	1 330,3	1 240,1	1 180,6
Российская Федерация	17 143,2	22 016,4	16 510,5	23 660,7
Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	176,3	288,3	202,4	213,1
Соединенные Штаты Америки	445,9	663,1	535,5	529,4
Украина	951,5	1 698,6	1 397,9	1 498,7
Турция	487,9	760,4	606,8	721,1
Франция	320,7	345,8	304,5	351,0
Швейцария	208,7	218,3	253,8	282,8
Швеция	81,0	110,6	95,9	291,6

Данные таблицы 1 показывают, что в 2015 и 2021 гг. в структуре импорта товаров наибольший удельный вес приходится на Российскую Федерацию (56,6 % и 56,6 %), Китай (7,9 % и 9,7 %), Германию (4,6 % и 4,2 %), Польшу (3,6 % и 2,8 %), Украину (3,1 % и 3,6 %), Италию (2,1 % и 1,8 %), Турцию (1,6 % и 1,7 %), США (1,5 % и 1,3 %) соответственно. Намечившаяся тенденция снижения удельного веса импорта товаров из стран Европейского союза

и США, с одной стороны, еще раз подтверждает факт санкционного влияния на дальнейшее развитие сотрудничества с Республикой Беларусь, с другой стороны, определяет перспективный вектор углубления интеграции с Китаем и Российской Федерацией.

Перераспределение потоков импорта товаров возможно на основе активизации взаимодействия со странами СНГ и ЕАЭС. В период 2015–2021 гг. увеличиваются объемы импорта из Азербайджана (с 4,8 млн. долларов США до 407,5 млн. долларов США), Армении (в 3,8 раза), Казахстана (в 3,6 раза), Кыргызстана (в 2,7 раза), Таджикистана (с 3,7 млн. долларов США до 4 млн. долларов США), Туркменистана (в 3,5 раза) и Узбекистана (в 2 раза).

Для промышленных организаций Республики Беларусь вопросы импортозамещения являются особенно актуальными, что обусловлено, с одной стороны, высокой степенью импортоемкости их продукции, на долю которой приходится более 50 % импорта сырьевых и топливно-энергетических ресурсов, с другой стороны, необходимостью создания новых производств с последующим выпуском конкурентоспособной продукции, предназначенной для удовлетворения потребностей отраслей национальной экономики и реализации на экспорт.

Возможности снижения импортоемкости продукции заключаются в расширении межотраслевой и внутриотраслевой кооперации как в границах государства, так и в условиях ЕАЭС, что позволит оптимизировать затраты, повысить уровень концентрации производства, расширить рынки сбыта продукции на основе объединения усилий партнеров из разных стран. Как показывает опыт зарубежных стран, достигших положительных результатов в области импортозамещения, только совместными усилиями возможна реализации мер, направленных на повышение эффективности сотрудничества в производственной сфере, которая обеспечивается за счет эффекта масштаба.

Организация выпуска импортозамещающей продукции на основе создания новых производств или модернизации действующих является приоритетным направлением развития национальной экономики, которое затрагивает интересы как крупных организаций, так и субъектов среднего и малого предпринимательства.

Успешное развитие национальной экономики во многом определяется взаимодействием крупного и малого бизнеса, которые являются основными элементами экономической системы и не могут существовать изолированно друг от друга. Их взаимодействие предполагает значительное расширение имущественной базы представителя малого бизнеса путем организационно-правовых мероприятий и значительных финансовых вложений со стороны крупных субъектов хозяйствования. Крупный бизнес привносит в эту систему стабильность и управляемость, а малый бизнес способствует формированию конкурентной среды, обеспечивает гибкость и индивидуальный подход к управлению.

Развиваясь самостоятельно, крупный бизнес определяет развитие и уровень эффективности рыночного хозяйства. Он структурирует экономику в целом за счет: крупного финансирования проектов; способности экономить на транзакционных издержках; эффективного использования человеческих ресурсов; реальных конкурентных преимуществ на отраслевых, национальных и мировых рынках.

Малый бизнес в этой системе обладает способностью максимально быстро адаптироваться к изменяющимся внешним условиям, способствует усилению конкуренции, обеспечивает определенную долю занятости населения. Малые предприятия активизируют структурную перестройку в отраслях, влияют на структуру цен потребительского рынка.

Одной из таких форм тесного взаимодействия крупных и малых субъектов хозяйствования может стать производственная кооперация, когда субъекты малого и среднего бизнеса начнут реализовывать запросы крупных субъектов за счет производства или поставки комплектующих, узлов, деталей и прочей продукции, то есть встраиваться в кооперационные технологические цепочки вместо ушедших с рынка иностранных поставщиков. Развитие производственной кооперации позволит ее участникам получить ряд экономических преимуществ:

- снижение затрат и повышение стоимости продукции или услуг за счет положительно эффекта масштаба при совместном проведении рекламной кампании, полной загрузке мощностей, выходе на рынок с большими партиями товара;

- повышение конкурентных преимуществ (малому предприятию всегда легче перестроиться на выпуск новой продукции, чем крупному предприятию);

- высвобождение времени и ресурсов для облегчения выполнения сложной или требующей одновременного вложения больших ресурсов технологической операции;

– углубление специализации труда дает возможность участникам кооперации концентрироваться на каком-то одном этапе производства, а остальные этапы производства передаются другим участникам;

– удешевление использования дорогостоящего оборудования и услуг;

– удешевление закупки необходимых товаров, услуг или найма квалифицированных специалистов;

– снижение расходов и рисков при внедрении новых технологий;

– формирование цепочек ценностей – это кооперация партнеров по созданию, производству, продвижению и продаже продуктов и/или услуг в различном сочетании, что имеет ценность для потребителя. Благодаря кооперации можно удлинять цепочку ценностей, дополняя новыми продуктами и услугами, за что потребитель готов заплатить больше денег;

– удешевление сертификации, брендинга и продвижения продукции, что повышает ее стоимость и выгоду всех и каждого участника кооперации;

– повышение конкурентоспособности всех участников кооперации за счет специализации каждого из них и эффективного распределения выполнения отдельных работ;

– повышение имиджа кооперационных групп и структур;

– снижение затрат на обеспечение гарантии качества продаваемой продукции [3].

Сегодня субъекты малого и среднего предпринимательства (МСП), осуществляющие деятельность в сфере производства (внедрение новых технологий; расширение экспортного потенциала, производство импортозамещающей продукции; создание, расширение материально-технической базы; приобретение, реконструкция, модернизация, строительство, капитальный ремонт основных средств), могут в первоочередном порядке претендовать на финансовую поддержку со стороны различных коммерческих и некоммерческих структур.

В целях освоения и расширения производства субъектам МСП оказывается финансовая поддержка за счет: средств областных бюджетов в рамках выполнения Государственной программы «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь на 2021–2025 гг.»; средств инновационных фондов облисполкомов в рамках Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг.; средств Банка развития Республики Беларусь по Программе поддержки малого и среднего предпринимательства.

Содействие развитию малого и среднего бизнеса – один из главных приоритетов деятельности Банка развития. Более 7 лет банк реализует собственную уникальную программу поддержки субъектов МСП, за период действия которой было профинансировано более 6,3 тыс. проектов на общую сумму свыше 1,1 млрд. рублей.

В целях расширения круга потенциальных участников программы поддержки МСП Банк развития разработал ряд продуктов по поддержке отдельных категорий субъектов МСП. На сегодняшний день широкая линейка кредитных продуктов для малого и среднего бизнеса представлена 11 позициями. Они ориентированы на поддержку бизнеса в регионах и различных целевых групп: женское предпринимательство, экологические проекты, стартапы и др.

В текущем году в рамках реализации государственной политики по обеспечению стабильного функционирования экономики Банк развития планирует существенно увеличить объем средств, направляемых на поддержку МСП. В настоящее время разработано 27 новых импортозамещающих и экспортноориентированных проектов, имеется 16 претендентов на получение этих ресурсов. По итогам 2021 г. в реализацию импортозамещающих проектов в республике вовлечены 637 субъектов малого и среднего бизнеса. Ими произведено продукции на 2,5 млрд. долларов США, что составляет 36 % от общего объема производства импортозамещающей продукции страны.

С учетом сложившейся ситуации в стране и приоритетными направлениями развития экономики республики: насыщение внутреннего рынка, сохранение страновых позиций при переориентации экспортных потоков, фокус кредитной политики Банка развития, в первую очередь, направлен на импортозамещающие и экспортноориентированные инвестиционные проекты. В этих целях разработан новый кредитный продукт «Стабилизационный», ориентированный на поддержку импортозамещения и экспорта. Участниками данного кредитного продукта могут быть все субъекты малого и среднего предпринимательства (МСП) Республики Беларусь [4]. Субъекты вправе претендовать на получение финансирования, если объем выручки от реализации товаров (без учета НДС) за 6 месяцев, предшествующих месяцу обращения за финансированием по товарным позициям ТН ВЭД ЕАЭС (II, IV, V–VIII, X–XII, XV, XVI, XVIII), не менее 50 % общего объема выручки (без учета НДС), и если на период финансирования субъект МСП гарантирует поступление выручки по товарным позициям, указанным в Перечне, в объеме не менее 50 % общего объема выручки по итогам года, сле-

дующего за годом финансирования. Цель финансирования – возмещение затрат субъектов МСП на создание (приобретение, реконструкцию, модернизацию, капитальный ремонт) основных средств и нематериальных активов (приобретение франшизы) для их производственной деятельности или деятельности по оказанию услуг. Максимальная сумма финансирования составляет 5 млн. белорусских рублей, процентная ставка кредита – 7,5 % годовых.

В рамках настоящего продукта запрещается финансирование проектов, не относящихся к целевому сегменту субъектов МСП; производство оружия и (или) военного снаряжения; производство и экспорт табачных изделий; производство алкогольных напитков (за исключением производства пива, сидра, вина и солода); сфера игорного бизнеса, лотерейной деятельности, электронных интерактивных игр.

В Республике Беларусь наряду с финансовой поддержкой широко развита информационная поддержка субъектов хозяйствования малого и среднего бизнеса в производстве импортозамещающей продукции, осуществляемая посредством таких интернет-порталов, как:

– «Продукция и услуги Республики Беларусь» (<https://gskp.by>), оператором которого является БелГИСС;

– информационной поддержки экспорта (<https://export.by/>), оператором которого является ИРУП «Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен»;

– поисковой системы субконтрактации (<http://belarp.by>), оператором которой является Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей.

Несмотря на действующий механизм государственной поддержки, достичь экономический эффект от использования импортозамещения является весьма непростой задачей для крупных и малых субъектов хозяйствования и побуждает их к более активному процессу.

Влияние санкций затрагивает наиболее уязвимые товарные позиции, которые производятся в недостаточном количестве или совсем не производятся на территории республики. Министерством антимонопольного регулирования и торговли (МАРТ), а также Министерством промышленности подготовлены перечни товаров, предлагаемых к производству в качестве импортозамещающей продукции. С учетом возможностей производства и конъюнктуры рынка МАРТ определены 158 продовольственных и непродовольственных товаров, производство которых осуществляется в республике, но в недостаточном количестве и ассортименте, или которые не полностью удовлетворяют спрос по отдельным параметрам (свойствам), и 219 товаров, не производимых в республике [5]. Министерством промышленности обозначены виды импортозамещающей продукции в отраслевом разрезе. Особое внимание уделяется продукции машиностроительной отрасли, которая представлена 118 видами продукции в соответствии с Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 февраля 2022 г. № 80 «О подтверждении производства промышленной продукции на территории Республики Беларусь», 27 видами продукции критического импорта и 522 видами по Перечню товаров Схемы работ по замещению импортируемых в страну товаров [6]. Это свидетельствует о высоком потенциале импортозамещения в машиностроительной отрасли, на пути реализации которого требуются общие организационные, финансовые и научно-технические усилия стран.

Исходя из вышеизложенного, следует, что при импортозамещении каждый субъект хозяйствования должен учитывать, что важным и необходимым условием его реализации является выполнение таких функций, как: мотивация развития производства; мотивация труда; мотивация потребления продукции; мотивация предпринимательства.

При развитии производства важно учитывать требования рынка, вовремя внедрять новые возможности в производственно-сбытовой деятельности, чтобы избежать финансовых потерь, обеспечить рост доходов и диверсифицировать рынки за счет повышения конкурентоспособности продукции, а также мотивы научно-технической и инженерно-технической деятельности, которые необходимы в условиях инновационного развития.

Обеспечить производство высококачественной продукции позволит использование современной системы мотивации и стимулирования работников, высокая заработная плата, продвижение по служебной лестнице, реализация собственного потенциала, высокая степень ответственности и др.

В случае вытеснения зарубежного поставщика необходимо обеспечить производство альтернативного продукта, который не будет уступать по своим характеристикам импортному. Наличие альтернативных источников сырья и товаров позволит значительно сокращать затраты по импорту: получить экономию, связанную с коммерческими, в том числе транспортными расходами и расходами на хранение, что особенно важно в условиях нарушения логистических цепочек поставок [7].

В целях оказания помощи в перестройке цепочек поставок целесообразно перенять опыт Российской Федерации по созданию платформы МСП.РФ с сервисом «Производственная кооперация и сбыт» и сформировать аналогичную платформу в нашей стране. Создание такой платформы поможет наладить сбыт продукции, найти новых проверенных партнеров-поставщиков для предприятий производственного сектора в целях импортозамещения, понять, в каком направлении развивать или переориентировать свое производство. В целях облегчения производителю продукции в поиске для себя заказчиков на платформе должен быть собран реестр проверенных экспертами производственных предприятий с успешным опытом поставок, который систематически будет обновляться посредством включения в него новых проверенных производителей не только в стране, но и в других странах-членах ЕАЭС. Размещение информации о своем бизнесе в реестре поможет предпринимателям сообщить о себе заказчикам, расширить список возможных партнеров из числа ритейлеров различных уровней, промышленных компаний, других представителей малого и среднего бизнеса. В перспективе функционал данного сервиса позволит производителям пищевой и сельхозпродукции видеть и отвечать на товарные запросы торговых сетей различных уровней, которые ищут поставщиков белорусской и аналогов санкционной импортной продукции. Также появятся запросы от других производителей, которым нужно заместить иностранных поставщиков. Через цифровую платформу МСП.РБ можно получить доступ к программе «выращивания» поставщиков, в рамках которой организации смогут перестроить свое производство под долгосрочные нужды заказчиков.

Заключение. Таким образом, политика импортозамещения является приоритетным направлением государственной политики Республики Беларусь. Импортозамещение должно, в первую очередь, характеризоваться экономической эффективностью и быть обоснованным, а также обеспечивать сбалансированное развитие экономики страны. Решение данной задачи возможно в результате содействия развитию и взаимодействию крупных и малых производителей путем замещения импортируемых промышленных товаров товарами национального производства. Результатом должно стать повышение конкурентоспособности отечественной продукции за счет стимулирования технологической модернизации производства, повышения его эффективности и освоение их новых видов с высокой добавленной стоимостью, которые по своим характеристикам не будут уступать импортным. Наличие альтернативных источников сырья и товаров позволит значительно сократить затраты по импорту, обеспечивая экономию, связанную с коммерческими, в том числе транспортными расходами и расходами на хранение, что особенно важно в условиях нарушения логистических цепочек поставок.

Литература

1. Боярчук, Д. Время быть сильными / Д. Боярчук // Народная газета. – 2022. – № 22. – С. 9.
2. Внешняя торговля товарами [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/godovye-dannye/>. – Дата доступа : 03.06.2022.
3. Тарасюк, С. В. Кооперация субъектов малого и среднего предпринимательства, а также самозанятых лиц в целях развития кластерной инициативы [Электронный ресурс] : методическое пособие по созданию и развитию кооперации субъектов малого и среднего предпринимательства, а также самозанятых лиц / С. В. Тарасюк // Программа развития ООН в Республике Беларусь. – Режим доступа : <https://www.brrb.by/about/>. – Дата доступа : 03.06.2022.
4. Официальный сайт Банк развития Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://brrb.by/about/>. – Дата доступа : 06.06.2022.
5. Перечень импортозамещающей продукции [Электронный ресурс] / Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://economy.gov.by/ru/importoz-gu/>. – Дата доступа : 03.06.2022.
6. Перечень потребительских товаров, предлагаемых для освоения их производства, выпуска импортозамещающей продукции и развития ассортимента с учетом конъюнктуры рынка в 2022 году [Электронный ресурс] / Министерство антимонопольного регулирования и торговли. – Режим доступа : <https://www.mart.gov.by/activity/torgovlya-i-uslugi/importozameshchenie/>. – Дата доступа : 03.06.2022.
7. Кемейшо, А. С. Перспективы импортозамещения в России в 2020–2021 годы / А. С. Кемейшо // Современные вызовы экономики и систем управления в России в условиях многополярного мира : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции студентов и магистрантов. – СПб. : Скифия-Принт, 2020. – С. 85–91.

Стратегия экспансии фирм на внешние рынки: теория, методология, основные факторы

Э.А. БУГАЁВА

В статье даются авторские определения понятиям «экспансия» и «стратегия экспансии» на основании изученных теоретических подходов, выявлены основные парадигмы, определены основные влияющие факторы по итогам анализа применения различных стратегий экспансии. Классифицированы виды стратегий экспансии по различным параметрам, дополнены двумя видами. Сделаны выводы о необходимости комбинирования видов стратегий на практике для получения экономической выгоды, приведены примеры.

Ключевые слова: экспансия, стратегии экспансии, виды стратегий экспансии, классификация, факторы, методология экспансии, внешние рынки.

The article gives the author's definitions of the concepts of 'expansion' and 'expansion strategy' based on the studied theoretical approaches, it identifies the main paradigms, identifies and the main influencing factors based on the analysis of the application of various expansion strategies. The types of expansion strategies are classified according to various parameters, supplemented by two types. The conclusions are drawn about the need to combine types of strategies in practice to obtain economic benefits, the examples are given.

Keywords: expansion, expansion strategies, types of expansion strategies, classification, factors, expansion methodology, foreign markets.

Введение. Характерной чертой современной экономики является стремление к экспансии фирм на внешние рынки. Это явление связано с ростом конкуренции, глобализацией экономики, снижением международных барьеров торговли и потоков капитала, техническим прогрессом, а именно: динамизацией потока информации, унификации и международной стандартизации связи и транспорта. Выбор той или иной стратегии экспансии фирм на внешние рынки является одной из ключевых проблем, обострившихся в 2022 г. на предприятиях.

При раскрытии понятия «экспансия» как категории многие отождествляют его с расширением, развитием, выходом на внешние рынки. В некоторых странах приняты законопроекты, определяющие стратегию экспансии на несколько лет вперед. Так, например, Управлением Великопольского воеводства принят проект «Европейские фонды для Великой Польши на 2021–2027гг.» [1]. В рамках данного проекта ежегодно публикуются результаты [2] выполнения данной программы, а также основные стратегии экспансии на внешние рынки на последующие годы, которые включают стандартные её виды: прямой и косвенный экспорт, лицензирование, франчайзинг, организация совместного предприятия, создание зарубежного филиала, приобретение иностранного предприятия.

Проведя исследование самой категории «экспансия», можно обнаружить следующие неточности:

- зачастую употребление понятия «экспансия» ориентировано на фактор расширения, распространения, т. е. ограничено интерпретацией смысла данного слова на исходном латинском языке: «expansion»;
- субъектом экспансии выступает лишь одна-единственная экономическая единица: государство, фирма, регион;
- экспансия определяется как один из циклов жизнедеятельности фирмы, бизнеса, сопровождающийся подъемом;
- понятие «экспансия» привязано к функциональному либо территориальному параметру объекта;
- объектом является территория, зона обитания, границы государства.

Однако по итогам нашего анализа отечественного и зарубежного опыта можно констатировать следующее:

– экспансия может выражаться не только в расширении, но и в сужении, сокращении, спаде, диверсификации производства (например, чешский концерн «Ческа Збройовка», который, помимо выпуска оружия, освоил на своем оборудовании и с использованием собственных инженерных технологий выпуск деталей для автомобильной и авиационной промышленности [3]). При экспансии может происходить как количественное, так и качественное изменение объекта, модификация его структуры;

– субъектом экспансии может выступать государство, фирма, регион, физическое лицо, потому его не стоит слишком конкретизировать при раскрытии понятия «экспансия»;

– объектом экспансии могут быть товар, территория, рынок, информация, технология, отрасль, зона, сфера, однако в некоторых определениях он не указан вовсе;

– последствия экспансии крайне разнообразны, они не всегда положительны: например, при покупке America Online слившихся предприятий AOL Time Warner и Warner Communications за \$ 165 млрд. в 2001 г., компания понесла чистые убытки в размере \$ 99 млрд. в 2002 г., вызванные списанием деловой репутации AOL.

На основании вышеперечисленных замечаний можно сделать вывод, что экспансия в зависимости от субъекта, объекта, способа воздействия проявляется в различных областях (политическая, экономическая, биологическая, культурная и т. д.). Каждое определение понятия «экспансия», которое употребляется в литературе, соответствует изучаемой тематике в конкретном случае. При детальном анализе истории модификации понятия «экспансия» необходимо обратить внимание на то, что экспансия всегда затрагивает различные сферы жизни человека, никогда не проявляется в чистом виде, а также порождает демографическую, культурную, политическую, информационную и иные экспансии одновременно.

Таким образом, если мы рассматриваем экспансию концептуально, можно выделить три ее составляющие:

– объект, на который направлено внимание и оказывается воздействие;

– субъект, который оказывает влияние на объект;

– действия, при помощи которого субъект влияет на объект для достижения желаемой цели.

Экспансия всегда будет иметь определенное целеполагание. Цель достигается при помощи применения неких методик – создания стратегии, оценки, реализации, включая наличие инструментов, средств, способов для достижения цели.

Обобщая исследование, мы даём авторское определение понятию «экспансия» в широком смысле – это совокупность действий, направленных на экономическую среду с целью достижения экономической выгоды.

Стратегия экспансии на внешние рынки – это последовательная совокупность действий в долгосрочном периоде, направленных на экономическую среду с целью получения экономической выгоды.

Результат успешной экспансии фирм на внешние рынки может быть достигнут самый разный: укрепление позиций на рынке, развитие бренда, расширение масштабов сбыта производств, достижение влияния на поведение определенной группы людей, изменение или расширение сферы функционирования, изменение структуры и ассортимента продукции согласно изменению спроса.

При различных обстоятельствах фирмы применяют соответствующую стратегию, предварительно оценив свои возможности на рынке и экономическую ситуацию, поставив перед собой определенную цель.

Проанализировав различные виды стратегий в зарубежной практике, мы объединили их в таблицу 1.

На практике, фирмы комбинируют различные виды стратегий для получения ожидаемой экономической выгоды, что приводит к ряду совершенно разных последствий, например, усилению глобализации и регионализации, бурному развитию коммуникационных и информационных технологий, возникновению новых отраслей (экономика знаний), сокращению жизненного цикла товаров, услуг, технологий, появлению новых организационных форм.

Таблица 1 – Классификация видов стратегий экспансии

По компонентам экономической среды	По объекту воздействия	По поведенческому признаку	По методу реализации	По способу выхода на зарубежные рынки	По отрасли, объекту	По времени присутствия	По направлению	По виду происхождения	По уровню	По видам ресурсов
Товарная	Торговая	Концентрированный рост	Международные	Экспорт	Газобывовая	Экспериментальный завоз товаров	Дисперсный поиск внешних рынков	Адаптивные	Корпоративная	Органическая
Технологическая	Кредитная	Интегрированный рост	Мульти-бытовые	Совместное предпринимательство	Банковская	Контракты на постоянной основе	Проникновение на внешние рынки	Прогнозируемые	Конкурентная	Неорганическая
Финансовая	Рыночная	Диверсификация	Глобальные	Прямое инвестирование	Страховая	Открытые предприятия	Расширение границ рынка		Функциональная	
Методологическая	Институциональная	Целенаправленные сокращения	Транснациональные		Нефтяная	Создание дочерних компаний	Стратегия активной экспансии			
Информационная	Инвестиционная				Табачная					

Источник: собственная разработка.

Например, в последние 2020–2022 гг. можно наблюдать, как полностью меняется рынок потребительских товаров: в начале 2020 г. сильно вырос спрос на защитные медицинские маски в связи с COVID-19, а уже к концу 2021 г. население предпочло носить дизайнерские тканевые маски, несмотря на их повышенную стоимость, на услуги няни сократился спрос, зато он увеличился на услуги сиделок, компании-веб-разработчики сайтов, аутсорсинг бухгалтерии ушли в прошлое и их место заменили готовые приложения «конструктор сайтов» и «онлайн-бухгалтерия», приобретение билетов на поездку в транспорте заменили приложения для онлайн-встреч, походы в торговые центры заменили маркетплейсы.

Хотя большинство ученых в области экономики и маркетинга выделяют шесть факторов выбора стратегии экспансии: скорость вхождения на рынок, прямые и косвенные из-

держки по входу, уровень риска, сроки окупаемости инвестиций, степень быстроты конкуренции, совокупная покупательная способность населения, – нами проведено соответствующее авторское исследование, исходя из алгоритма принятия решения по выбору стратегии экспансии фирм на внешние рынки [4].

Анализируя механизмы применения различных стратегий экспансии, автор выделил шесть групп факторов в таблице 2.

Таблица 2 – Факторы отбора стратегии экспансии фирм на внешние рынки

Этапы стратегии экспансии	Факторы стратегии экспансии
1. Проведение исследования внешнего рынка	Социокультурные, этические, политические, правовые, экономические различия
2. Анализ конкуренции	Уровень конкуренции на внешнем рынке
3. Оценка собственных ресурсов и мощностей	Количество и уровень ресурсов компании, вовлеченных в реализацию стратегии экспансии, человеческий капитал и организационные ресурсы
4. Подготовка продукта к потреблению на внешнем рынке	Диверсификация товаров и способов реализации стратегии экспансии
5. Поиск потребителей товара на зарубежном рынке	Уровень развития коммуникационных и информационных технологий
6. Анализ рисков	Соотношение рисков при реализации стратегии экспансии с экономической выгодой

Источник: собственная разработка.

Все вышеперечисленные факторы можно разделить на экзогенные (внешние –1, 2, 5) эндогенные (внутренние –3, 4, 6) [5].

Выводы. Теория разработки категории «экспансия», а также «стратегии экспансии» должна учитывать модель её реализации, в которой будет присутствовать объект, субъект и действие. Стратегии экспансии можно классифицировать по различным признакам. Какая бы ни была выбрана стратегия экспансии фирм на внешние рынки, она будет в конечном счете являться комбинированной и скорректированной в процессе реализации в зависимости от факторов, влияющих на неё. Каждому этапу стратегии экспансии будут соответствовать определенные факторы. Чем интенсивнее избранная стратегия экспансии, тем выше риски компании.

Литература

1. Проект программы европейского фонда для Великой Польши [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://wrpo.wielkopolskie.pl/system/file_resources/attachments/000/019/205/original/Projekt_Programu_Fundusze_Europejskie_dla_Wielkopolski_2021-2027_2.0.pdf?1643022142. – Дата доступа : 18.01.2022.
2. Стратегии выхода на зарубежные рынки. Разработка в рамках проекта «Хозяйство Великопольское», в рамках Великопольской региональной программы. Эксплуатация на 2014–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://markaw.pl/web/fotki/files/Analiza_rynkow_zagranicznych/Strategie_wchodzenia_na_rynki_zagraniczne_FINAL_19.pdf. – Дата доступа : 26.03.2022.
3. Что такое диверсификация [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://predp.com/fin/terms/chto-takoe-diversyfikacja.html>. – Дата доступа : 26.03.2022.
4. Налбандян, Г. Г. Формирование стратегии выхода на внешние рынки промышленных компаний : автореф. дисс. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Г. Г. Налбандян ; ФГОБУВО «Фин. ун-т при правительстве РФ». – М., 2021. – 26 с.
5. Пушкарева, П. П. Обзор и классификация методов и стратегий выхода промышленных компаний на внешние рынки [Электронный ресурс] / П. П. Пушкарева, Г. В. Захаров, А. О. Клименко // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – № 7. – С. 122–130.

Анализ отраслевой структуры национальной экономики и роли промышленности в ее формировании

А.Н. ГАЙШУН

Настоящее исследование направлено на изучение отраслевой структуры национальной экономики и выявление роли промышленности в формировании основных экономических показателей – выпуска товаров и услуг, валового внутреннего продукта, а также выявление предпосылок и направлений для эффективной структурной перестройки отраслевой структуры экономики.

Ключевые слова: отраслевая структура, национальная экономика, выпуск товаров и услуг, валовая добавленная стоимость, промышленность.

This research is aimed at studying the sectoral structure of the national economy and identifying the role of industry in the formation of key economic indicators – the release of goods and services, gross domestic product, as well as identifying the prerequisites and directions for effective restructuring of the sectoral structure of the economy.

Keywords: sectoral structure, national economy, release of goods and services, gross value added, industry.

Введение. Оптимальная отраслевая структура экономики во многом определяет конкурентоспособность и потенциал роста национальной экономики на отечественном и мировом рынке. В настоящее время развитые и развивающиеся государства стремятся к развитию высокотехнологичных секторов экономики, которые обеспечивают высокие добавленную стоимость производимой продукции, производительность труда и темпы экономического роста.

Необходимо отметить, что экономическая специализация Беларуси, ее отраслевая структура сформировалась еще в советский период и данный факт оказывает существенное влияние на развитие национальной экономики и в настоящее время. Исследованием отраслевой структуры, разработкой отраслевой политики Республики Беларусь и осуществлением на ее основе структурной перестройки в различное время занимались такие отечественные ученые и практические специалисты, как Я.М. Александрович, А.В. Богданович, В.Н. Шимов, Л.М. Крюков, А.М. Филипцов, А.И. Короткевич.

Однако структура экономики с течением времени под воздействием множества факторов трансформируется. Современными тенденциями экономического развития государств являются, с одной стороны, увеличение доли услуг в валовом внутреннем продукте, однако, с другой стороны, при формировании и реализации промышленных политик развитыми государствами наблюдается активизация процесса реиндустриализации на новой инновационной основе, промышленность рассматривается как драйвер экономического роста.

В этой связи актуальным является изучение отраслевой структуры национальной экономики и оценка вклада отраслей промышленности в формирование основных экономических показателей на современном этапе с целью дальнейшей разработки способов и инструментов оптимизации структуры экономики в целом и отрасли промышленности в частности, осуществлении соответствующей структурной перестройки.

Основная часть. Методологической основой проводимого исследования отраслевой структуры национальной экономики явились труды белорусских и зарубежных ученых в области теоретико-методологических подходов к исследованию структурной трансформации экономических систем, а также методология отечественной статистики.

При этом отраслевая структура представляет собой соотношение между отраслями, межотраслевыми комплексами, сферами деятельности национальной экономики по основным экономическим показателям (объем производства, численность занятых, стоимость основных средств и пр.) [1, с. 73].

В соответствии с методологией отечественной статистики отрасли Республики Беларусь разделены на две группы: сфера производства и сфера услуг.

Сфера производства включает такие виды экономической деятельности (ВЭД), как: сельское, лесное и рыбное хозяйство; горнодобывающую промышленность; обрабатывающую промышленность; снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом; водоснабжение; сбор, обработку и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; строительство [2, с. 162].

Сфера услуг включает такие ВЭД, как: услуги оптовой и розничной торговли; ремонт автомобилей и мотоциклов; транспортной деятельности, складирования, почтовой и курьерской деятельности; услуги по временному проживанию и питанию; информации и связи; финансовой и страховой деятельности; операций с недвижимым имуществом; профессиональной, научной и технической деятельности; деятельности в сфере административных и вспомогательных услуг; государственного управления; образования; здравоохранения и социальных услуг; творчества, спорта, развлечений и отдыха; предоставления прочих видов услуг [2, с. 162].

Промышленность в соответствии с методологией статистики охватывает следующие секции: «Горнодобывающая промышленность» (секция В), «Обрабатывающая промышленность» (секция С), «Снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом» (секция D) и «Водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений» (секция E) согласно общегосударственному классификатору Республики Беларусь ОКРБ 005-2011 «Виды экономической деятельности» [3, с. 48].

Сложившаяся к настоящему времени укрупненная структура национальной экономики по выпуску товаров и услуг в основных ценах без налогов, а также произошедшие в ней изменения за 2012–2019 гг. представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Отраслевая структура экономики Республики Беларусь (по выпуску товаров и услуг), %

ВЭД (Отрасль)	2012 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	Изменения за 2016–2019, п.п.	Изменения за 2012–2019, п.п.
1. Горнодобывающая промышленность	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6	0,0	-0,1
2. Обрабатывающая промышленность	48,6	39,1	40,7	41,5	40,1	1,0	-8,5
3. Снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом	3,7	5,2	4,1	3,9	3,7	-1,5	0,8
4. Водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений		0,7	0,7	0,7	0,8	0,1	
Промышленность	53,0	45,6	46,1	46,7	45,2	-0,4	-7,8
5. Сельское, лесное и рыбное хозяйство	8,8	9,3	9,5	8,7	8,9	-0,4	0,1
6. Строительство	8,2	6,8	6,4	6,5	7,0	0,2	-1,2
Сфера производства	70,0	61,7	62,0	61,9	61,1	-0,6	-8,9
Сфера услуг	30,0	38,3	38,0	38,1	38,9	0,6	8,9
Итого:	100	100	100,0	100,0	100,0	–	–

Источник: составлено автором по данным [4].

Прежде всего необходимо отметить, что отраслевая структура экономики Беларуси по выпуску товаров и услуг характеризуется преобладанием сферы производства над сферой услуг, что свидетельствует о нахождении национальной экономики на индустриальном этапе развития. Так, в 2012 г. 70 % выпуска товаров и услуг приходилось на долю отраслей промышленности, сельского, лесного хозяйства и строительства и лишь 30 % приходилось на сферу услуг. К 2019 г. ситуация несколько изменилась, и доля сферы производства уменьшилась до 61,1 %, в то время как удельный вес сферы услуг увеличился почти до 40 %. В целом это можно рассматривать как положительный фактор, поскольку повышение значимости сферы услуг является признаком экономического прогресса, перехода к постиндустриальной ста-

дии развития. Для сравнения, для наиболее развитых стран характерно преобладание сферы услуг в экономике. Так в США, Японии, европейских государствах ее доля доходит до 65–70 % [1, с. 73]. Доминирование сферы услуг является отличительной чертой постиндустриального общества. Такая структура экономики считается более прогрессивной, так как производство услуг отличается более высоким уровнем добавленной стоимости в цене.

Среди отраслей промышленности наибольший удельный вес в выпуске товаров и услуг в целом по Республике Беларусь с 2012 по 2019 гг. занимала обрабатывающая промышленность. Однако, в последние годы просматривается тенденция к сокращению объемов производства товаров и услуг предприятиями обрабатывающей промышленности. Так, если в 2012 г. на долю обрабатывающей промышленности приходилось 48,6 %, то в 2016 г. данный показатель снизился до 39,1 %, незначительно увеличившись в 2019 г. до 40,1 %. В целом, доля промышленности в выпуске товаров и услуг снизилась с 53,0 % в 2012 г. до 45,2 % в 2019 г. За 2016–2019 гг. структурные изменения наблюдались в меньшей степени. Доля промышленности снизилась на 0,4 п.п., при этом удельный вес обрабатывающей промышленности увеличился на 1 п.п.

Тенденцию сокращения отраслей промышленности можно еще в большей степени проследить на основе анализа показателя ВВП страны и вклада отдельных отраслей в его формирование. Отраслевая структура ВДС представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Отраслевая структура ВВП Республики Беларусь в 2012–2019 гг., %

Отрасль	2012 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	Изменения 2016-2019, п.п.	Изменения 2012-2019, п.п.
1. Горнодобывающая промышленность	1,0	0,6	0,7	0,8	0,7	0,1	-0,3
2. Обрабатывающая промышленность	25,3	20,2	21,6	21,3	21,6	1,4	-3,7
3. Снабжение электроэнергией, газом, паром, гор. водой и кондиционированным воздухом	2,8	3,8	3,3	3,2	3,0	-0,8	0,9
4. Водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений		0,7	0,7	0,7	0,7	0,0	
Промышленность	29,1	25,3	26,3	26,0	26,0	0,7	-3,1
Сфера производства	44,6	37,9	39,2	37,9	38,5	0,6	-6,1
Сфера услуг	43,1	48,5	47,6	47,8	48,5	-0,5	5,4
Чистые налоги на продукты	12,3	13,6	13,2	14,3	13,0	-0,6	0,7
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	–	–

Источник: составлено автором по данным [4].

Вклад отрасли промышленности в формирование ВВП страны составлял от 29,1 % в 2012 г. до 26,0 % в 2019 г. Таким образом, доля промышленности в формировании ВВП снизилась за 2012–2019 гг. на 3,1 п.п. В целом доля сферы производства в ВВП снизилась на 6,1 п.п. Доля сферы услуг напротив, выросла на 5,4 п.п. На конец периода доля сферы производства составляла 38,5 %, доля сферы услуг 48,5 %.

За период 2016–2019 гг. структура экономики по параметру вклада ВДС отдельных видов экономической деятельности в ее итоговое значение отличалась высокой степенью стабильности и изменения в структуре ВВП были не столь существенными. Доля обрабатывающей промышленности возросла на 1,4 п.п., промышленности в целом на 0,7 п.п.

Сложившаяся динамика отраслевой структуры в Республике Беларусь соответствует общемировым тенденциям опережающего развития сферы услуг над сферой производства в формировании ВВП. Однако, как подчеркивается И. Грибоедовой, О. Моториной «сфера услуг развивается не изолированно, а в тесной взаимосвязи с материальным производством, и чем глубже их взаимопроникновение, тем эффективнее современное хозяйство. Уменьшение доли материального производства экономики должно иметь исключительно относительный характер в условиях абсолютного увеличения объемов производства продукции. Так, рывок Германии в направлении услуг не изменил ее имидж ведущей индустриальной державы, а только укрепил индустриальную мощь страны» [5, с. 45].

Более углубленный анализ влияния ВЭД отрасли промышленности на формирование основных показателей: выпуска товаров и услуг и ВВП, а также эффективности сложившейся отраслевой структуры, позволил выявить следующие тенденции.

Как свидетельствуют данные таблицы 3, наибольшая доля среди отраслей промышленности в выпуске товаров и услуг в 2019 г. приходилась на три ВЭД:

- производство продуктов питания, напитков и табачных изделий – 10,6 %;
- производство кокса и продуктов нефтепереработки – 6,4 %;
- производство химических продуктов – 4,0 %;

Данные три отрасли дают 20,1 % выпуска продукции и услуг национальной экономики и половину объема производства обрабатывающей промышленности.

Таблица 3 – Удельный вес ВЭД отраслей промышленности в основных показателях национальной экономики в 2019 г., %

Секция/ВЭД	Удельный вес ВЭД промышленности в выпуске товаров и услуг	Удельный вес ВЭД промышленности в ВДС	Удельный вес ВДС в выпуске ВЭД
1. Горнодобывающая промышленность:	0,6	0,8	62,0
Добыча сырой нефти и природного газа	0,3	0,5	66,8
Добыча прочих полезных ископаемых	0,2	0,3	54,9
2. Обрабатывающая промышленность:	40,1	24,9	28,1
Производство продуктов питания, напитков и табачных изделий	10,6	5,8	25,0
Производство текстильных изделий, одежды и меховых изделий	1,3	1,2	39,6
Производство кожи, меха, изделий из кожи, кроме одежды, и производство обуви	0,2	0,2	39,9
Производство продуктов обработки древесины, изделий из дерева и пробки, кроме мебели, изделий из соломки и материалов для плетения	1,5	1,2	35,7
Производство целлюлозы, бумаги и изделий из бумаги	0,5	0,4	30,7
Полиграфическая деятельность и тиражирование записанных носителей информации	0,2	0,2	39,6
Производство кокса и продуктов нефтепереработки	6,4	1,1	8,0
Производство химических продуктов	4,0	4,2	47,2
Производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов	0,5	0,6	54,1
Производство резиновых и пластмассовых изделий	1,4	0,9	28,3
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	1,7	1,4	36,0
Металлургическое производство	1,4	0,3	10,8
Производство готовых металлических изделий	1,7	1,1	29,5
Производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры	0,7	0,6	38,6
Производство электрооборудования	1,2	0,7	27,0
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки, за исключением машин для сельского и лесного хозяйства	1,9	1,5	36,8
Производство машин для сельского и лесного хозяйства	1,1	0,9	36,0
Производство автомобилей, прицепов и полуприцепов	1,4	0,8	26,7
Производство прочих транспортных средств и оборудования	0,5	0,2	21,8
Производство прочих готовых изделий	1,1	0,8	34,6
Ремонт, монтаж машин и оборудования	0,7	0,7	45,0

Окончание таблицы 3

3. Снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом:	3,7	3,4	41,7
Производство, передача и распределение электроэнергии	2,5	2,1	37,9
Производство и распределение газообразного топлива	0,2	0,3	90,2
Производство, передача, распределение и продажа пара и горячей воды, кондиционирование воздуха	1,0	1,0	43,2
4. Водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений:	0,8	0,8	47,1
Сбор, обработка и распределение воды	0,2	0,3	58,8
Сбор и обработка сточных вод	0,2	0,2	67,4
Сбор, обработка и удаление отходов; вторичное использование материалов	0,4	0,3	33,6
Деятельность по ликвидации загрязнений и прочие услуги в области удаления отходов	0,0	0,0	42,7

Источник: составлено автором по данным [4].

Наибольший удельный вес по показателю ВДС среди отраслей обрабатывающей промышленности занимают следующие отрасли:

- производство продуктов питания, напитков и табачных изделий – 5,8 %;
- производство химических продуктов – 4,2 %;
- производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки, за исключением машин для сельского и лесного хозяйства – 1,5 %.

Очевидно, представляет интерес анализ доли ВДС в выпуске каждой отрасли. Данный показатель характеризует результативность, эффективность деятельности, так как включает в себя оплату труда работников, некоторые налоги на производство, амортизацию, а также чистую прибыль и чистый смешанный доход, то есть ВДС является источником для воспроизводства основных ресурсов – труда, основных фондов и предпринимательского капитала.

Традиционно высокая доля добавленной стоимости, более 50 %, в выпуске в горнодобывающей промышленности, отдельных ВЭД в секторе секции D (ВЭД «Производство и распределение газообразного топлива»), а также двух ВЭД секции E (ВЭД Сбор, обработка и распределение воды и ВЭД Сбор и обработка сточных вод).

Однако, так как удельный вес данных секторов в выпуске и ВДС является незначительным и потенциал его роста ограничен, то наибольший интерес для анализа представляет доля ВДС в выпуске ВЭД обрабатывающей промышленности, так как данная отрасль имеет наибольшую долю в выпуске продукции национальной экономики.

Проведем ранжирование ВЭД обрабатывающей отрасли по рассчитанным показателям за 2019 г. и приведем топ-5 ВЭД в сводной таблице 4.

Таблица 4 – ТОП-5 ВЭД обрабатывающей отрасли промышленности

Рейтинг ВЭД	Удельный вес ВЭД отраслей промышленности в выпуске товаров и услуг	Удельный вес ВЭД отраслей промышленности в ВДС	Удельный вес ВДС в выпуске ВЭД
1	Производство продуктов питания, напитков и табачных изделий (10,6 %)	Производство продуктов питания, напитков и табачных изделий (5,8 %)	Производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов (54,1 %)
2	Производство кокса и продуктов нефтепереработки (6,4 %)	Производство химических продуктов (4,2 %)	Производство химических продуктов (47,2 %)
3	Производство химических продуктов (4,0 %)	Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки, за исключением машин для сельского и лесного хозяйства (1,5 %)	Ремонт, монтаж машин и оборудования (45,0 %)

Окончание таблицы 4

4	Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки, за исключением машин для сельского и лесного хозяйства (1,9 %)	Производство прочих неметаллических минеральных продуктов (1,4 %)	Производство кожи, меха, изделий из кожи, кроме одежды, и производство обуви (39,9 %)
5	1. Производство прочих неметаллических минеральных продуктов (1,7 %) 2. Производство готовых металлических изделий (1,7 %)	1. Производство текстильных изделий, одежды и меховых изделий (1,2 %) 2. Производство продуктов обработки древесины, изделий из дерева и пробки, кроме мебели, изделий из соломки и материалов для плетения (1,2 %)	1. Полиграфическая деятельность и тиражирование записанных носителей информации (39,6 %) 2. Производство текстильных изделий, одежды и меховых изделий (39,6 %)

Источник: составлено автором.

Таким образом, анализируя данные таблицы 4, наблюдаем несовпадения в рейтинге ВЭД. Так, наибольший удельный вес ВДС в выпуске обрабатывающей промышленности имеет ВЭД «Производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов» (54,1 %), однако по выпуску продукции данный вид деятельности не только не входит в топ-5, но и имеет всего 0,5 % удельного веса в выпуске товаров и услуг по экономике в целом.

В то же время, ВЭД «Производство кокса и продуктов нефтепереработки», находясь на 2-м месте с 6,4 % в выпуске товаров и услуг в экономике, имеет самый низкий показатель доли ВДС в выпуске – всего 8 %.

Заключение. Таким образом, исходя из проведенного анализа следует вывод о значительном вкладе отрасли промышленности в формировании основных экономических показателей национальной экономики. Промышленность занимает более 45 % в выпуске товаров и услуг, около 26 % в формировании ВВП, хотя в последние годы и намечается тенденция к снижению данных показателей. Более детальный анализ вклада отдельных видов экономической деятельности промышленности в формировании структуры национальной экономики свидетельствует о необходимости структурной перестройки промышленности Республики Беларусь, в том числе – увеличении объемов производства ВЭД, имеющих наибольшую долю ВДС в выпуске (Производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов, Производство химических продуктов), и повышении эффективности деятельности ВЭД, имеющих наибольший удельный вес в выпуске экономики (Производство продуктов питания, напитков и табачных изделий, Производство кокса и продуктов нефтепереработки).

Литература

1. Лемешевский, И. М. Национальная экономика Беларуси : пособие для студентов специальности 1-26 02 02 «Менеджмент» / И. М. Лемешевский, И. П. Деревяго. – Минск : БГТУ, 2012. – 188 с.
2. Статистический ежегодник 2021. Республика Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/d8c/yr1d8w95a75bnumml7vbg6jqxyih369.pdf>. – Дата доступа : 27.11.2021.
3. Промышленность Республики Беларусь. Статистический буклет [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_brochures/index_41463/. – Дата доступа : 27.11.2021.
4. Система таблиц «Затраты-Выпуск» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/natsionalnye-scheta/sistema-tablits-zatraty-vypusk/>. – Дата доступа : 15.11.2021.
5. Грибоедова, И. Отраслевая диверсификация экономика Беларуси / И. Грибоедова, О. Моторина // Банковский вестник. – 2014. – № 7. – С. 42–51.

Американская модель системы здравоохранения: регулирующая роль государства

А.Г. ЗЕМЦОВ, Л.П. ЗЕНЬКОВА

Рассматривается специфика системы здравоохранения США, особенности государственного вмешательства в функционирование рыночных структур медицины, рассмотрены социальные аспекты государственного контроля доступности медицинских услуг населению.

Ключевые слова: здравоохранение, экономическая политика, США, государство, социальные льготы, государственно-частное партнерство.

The specifics of the US healthcare system, the peculiarities of the state intervention in the functioning of market structures of medicine are considered, the social aspects of the state control over the availability of medical services to the population are considered.

Keywords: medicine, economic policy, USA, state, social benefits, public-private partnership.

Введение. Американская система здравоохранения имеет особые черты: значительная децентрализация государственного контроля и финансирования, обширные государственные вливания, большая социальная дифференциация привилегий и льгот по системам медицинских страховок. Имеются и особые рычаги контроля за ценообразованием в частном секторе медицины. Представляется интересным частично сравнить роль государства в других развитых странах по сравнению с Америкой в этой сфере. Система здравоохранения США представляет собой смесь государственных и частных, коммерческих и некоммерческих страховщиков и поставщиков медицинских услуг. Федеральное правительство финансирует национальную программу медицинской помощи взрослым в возрасте 65 лет и старше и некоторым инвалидам, а также различные программы для ветеранов и людей с низкими доходами, включая программу Medicaid и Программу медицинского страхования детей. Государства управляют и оплачивают аспекты местного охвата и сети безопасности.

Финансирование государством системы здравоохранения США: особый случай. По расходам на медицину, конечно, США занимают первое место в мире как в абсолютных цифрах, так и в процентах к ВВП (таблица 1). Однако важнее всего не затраты, а их результативность. В этом случае стоит сопоставить продолжительность жизни в США с другими странами, а также заболеваемость «критическими» болезнями (ВИЧ, онкозаболевания и проч.). За последние 5 лет средняя продолжительность жизни в США практически не изменилась и даже в 2016–2018 гг. чуть сократилась, в то время как в Японии, например, она существенно возросла на +0,5 года, во Франции – на +0,5 года, в Италии – на +0,8 года [2]. Даже в Германии, ужесточившей систему льгот по медицинскому обслуживанию населения из-за огромного притока беженцев-арабов из зоны ближневосточного конфликта в сер. 2010-х гг., продолжительность жизни возросла за рассматриваемый период на +0,3 года. Более того, среди стран G7 Америка занимает по продолжительности жизни самое последнее место, так и не достигнув рубежа 80 лет [2].

Анализ уровня заболеваемости сердечно-сосудистой системы, туберкулеза показывает, что в США благодаря передовым технологиям прекрасно разработана система первичной диагностики, что и привело, например, к практически нижайшему уровню заражения первичным туберкулезом (3 случая на 100 000 жителей) (в сравнении Беларусь – 19 случаев). Однако по уровню заболеваний злокачественными новообразованиями, ВИЧ-инфекцией в США не все так безоблачно, особенно если учесть, что почти пятая часть населения увлекается курением (для сравнения Беларусь – десятая часть населения) [3, с. 102–103].

В 2022 г. Конгресс США планировал увеличить ассигнования по линии Центров по контролю и профилактике заболеваний до 8,7 млрд. долл., увеличить расходы на здравоохранение на 24 %, что стало бы самым крупным увеличением бюджета данного ведомства за почти 20 лет [4], [5], однако украинский конфликт нарушил эти планы.

Таблица 1 – Динамика государственных расходов на здравоохранение в США за период 2015–2019 гг.

Годы	2015	2016	2017	2018	2019
Доля в ВВП, %	16,7	17,0	17,0	16,9	17,0
На душу населения, долл., в текущих ценах	9498,3	9880,2	10212,7	10637,1	11071,7

Источники: [1], [2], [4].

Совершенство системы первичной диагностики в США и уровень качества медицинского обслуживания доказывают следующие данные. Сегодня большую часть Нобелевских премий в области медицины получают представители США – 18 из 25 последних лауреатов были американскими гражданами либо приглашёнными учёными. На американцев приходится половина всех созданных за последние 20 лет медицинских препаратов [5].

По рейтингу Bloomberg Global Health Index (который охватывает 169 стран) США находятся всего лишь на 35 месте в мире. Это исследование, кстати, является более широким по содержанию, чем просто физическая продолжительность жизни, так как изучает кроме оной такие показатели, как меры по борьбе с курением и ожирением, доступ к чистой воде и медицине, экологическая обстановка [6].

В системе здравоохранения США роль государства сводится к координации государственного и частного финансирования оказания медицинских услуг, а также к комбинированию и недопущению взаимонакладки шести видов медицинского обслуживания: а) профилактики заболеваний, б) первичной, в) вторичной (в стационарных лечебных учреждениях общего типа), г) третичной (в специализированных центрах) помощи, д) медицинской реабилитации и е) послебольничного обслуживания. Однако в основном все эти виды медицинских услуг опираются на самооплату населения. При этом спецификой Америки является невмешательство государства в тарификацию оплаты медицинских услуг, как это делается в Германии или в Англии. Официальные ограничения для тарифов отсутствуют.

Что касается степени охвата населения контингентом врачей-специалистов, то по сравнению со странами СНГ, где их количество на 10 000 населения постоянно растёт (в Беларуси, в частности, с 46 до 49,2 за последние 20 лет [2]), в американской системе ощущается «голод» на медперсонал, количество врачей на 10 000 жителей колеблется за последние годы в пределах 24–27 чел. [3, с. 95], а учитывая расстояния между населёнными пунктами в отдельных штатах, такое положение дел может отрицательно сказаться на здоровье жителей, в том числе пожилого возраста.

Согласно данным Американской медицинской ассоциации (АМА), в течение следующих 15 лет США ощутят нехватку от 90 до 200 тыс. врачей. Это вызвано старением населения и неизменно ограниченным количеством выпускников медицинских школ [7]. В исследовании 2018 г. США заняли 29-е место по доступу и качеству здравоохранения [8].

К сожалению, детализированная статистика по направлениям расходов бюджетных финансов в здравоохранении по Беларуси не ведётся, однако если судить по аналогичной картине в США, то становится очевидным факт незначительности доли расходов на стационарно-клиническое лечение. Из каждого доллара, потраченного на здравоохранение в Соединённых Штатах, на стационарное лечение идёт 31 %, на врачебно-клинические услуги – 21 %, на медикаментозное лечение – 10 %, на содержание в домах престарелых – 6 %, на лечение зубов – 4 %, на домашнее обслуживание – 3 %, на другие розничные продукты 3 %, на государственные мероприятия в области здравоохранения – 3 %, на инвестиции – 7 %, административные расходы – 7 %, остальное приходится на другие профессиональные услуги (физиотерапевты, офтальмологи и т. д.) [9]. Возможно, именно поэтому в Беларуси наблюдается тенденция значительного сокращения больничных стационаров (с 830 в 2000 г. до 600 в 2020 г.) [2].

Специфической чертой Америки, в отличие от большинства других развитых стран, является отсутствие универсальной программы здравоохранения. Существуют такие программы, как Программа медицинского страхования детей и Управление здравоохранения ветеранов. Для малообеспеченных граждан действует широко известная специальная программа Medicaid, для престарелых – Medicare. Для остальных категорий населения имеются три рынка страхования – для работников крупных компаний, для мелких предприятий (от 2 до 50

человек) и индивидуальная страховка. При этом, по данным редактора медицинского журнала «The Lancet» Астрида Джеймса, помощь на разных уровнях страховки оказывается по-разному, что порождает дискриминацию [7]. По данным Bloomberg View, рынок медицинского страхования в США недостаточно конкурентен: в большинстве случаев работающие вынуждены приобретать медстраховку, предлагаемую им работодателем [6].

Во многих организациях можно оформить коллективную страховку на несколько человек. Такой вид страхования, как правило, обходится дешевле, чем индивидуальный. Однако в случае серьезной болезни одного из членов трудового коллектива, стоимость общей цены страховки на следующий год может возрасти, что может вызвать неприязнь к людям предпенсионного возраста или инвалидам. Средняя стоимость такой страховки составляет 600 долларов в месяц на одного человека [9]. Кроме того, замечено, что высокая стоимость медицинского обеспечения провоцирует американцев лечиться за рубежом в более «дешёвых» странах – обычно в Канаду, Англию, Италию, на Кубу [10]. Возник даже такой термин – «медицинский туризм».

Результаты функционирования американской системы здравоохранения. По итогам даже поверхностного анализа становится очевидным, что США тратят больше на здравоохранение – почти в два раза больше, чем в среднем по странам ОЭСР, – но при этом имеют самую низкую продолжительность жизни и самый высокий уровень самоубийств среди 11 стран. В США самое высокое бремя хронических заболеваний и уровень ожирения, который в два раза превышает средний показатель по ОЭСР [3, с. 101–103].

У американцев было меньше посещений врача, чем у сверстников в большинстве стран, что может быть связано с низким предложением врачей в США. Американцы чаще, чем наши сверстники, используют некоторые дорогостоящие технологии, такие как КТ, МРТ, и узкоспециализированные процедуры (замена тазобедренного сустава, коронарное шунтирование, липосакция).

Большой заслугой здравоохранения США является реализация комплекса профилактических мер, о чем свидетельствует один из самых высоких показателей скрининга рака груди среди женщин в возрасте от 50 до 69 лет и второй по величине (после Великобритании) показатель вакцинации от гриппа среди людей в возрасте 65 лет и старше. По сравнению с другими странами, в США самое большое предотвратимых смертей [11].

Частное страхование как преобладающая форма финансирования услуг здравоохранения в США, обеспечивается обычно работодателями, и это важно, так как способствует росту социальной защищенности работающих. Положительным результатом функционирования системы здравоохранения можно также считать расширение доли застрахованного населения. Удельный вес незастрахованных, а это 8,5 % населения (по данным 2018 г., позже данные не приводились), снизился почти в 2 раза по сравнению 2010 г., составив 16 %. Этому способствовало принятие Закона о доступной помощи. Однако особенностью Америки так и остаются чрезмерные, не унифицированные правила и льготы страхования не только от частных, но даже и от государственных страховых компаний. Последние годы можно отметить положительную динамику расширения законодательных федеральных законов по совместному несению государственными и частными страховщиками расходов на медицинское обслуживание населения [12].

Среди негативных результатов функционирования системы здравоохранения США можно выделить углубляющуюся гендерную дискриминацию. Исследование Национальных институтов здравоохранения свидетельствует, что пожизненные расходы на душу населения показали большую разницу между расходами на здравоохранение женщин (361 192 доллара) и мужчин (268 679 долларов). Большая часть этой разницы в затратах связана с более короткой продолжительностью жизни мужчин, но даже после корректировки на возраст (при условии, что мужчины живут столько же, сколько женщины) разница в расходах на здравоохранение в течение всей жизни приблизительно составляет 20 % [13].

Изучение результативности функционирования известной программы Medicaid показало, что она не только с каждым годом расширяет контингент обслуживаемых прослоек населения, но и бюрократизируется. Сначала она дала штатам возможность получать федеральное финансирование и софинансирование медицинских услуг семей с низким доходом, слепых и лиц с ограниченными возможностями, лиц в возрасте 65 лет и старше. Постепенно это страхование охватило беременных женщин и младенцев из малообеспеченных семей, а затем

детей в возрасте до 18 лет. С 1972 г. право на участие в этой программе получили лица в возрасте до 65 лет, но с длительной инвалидностью или терминальной стадией почечной недостаточности. На начало 2020-х гг. Medicaid охватывало уже 17,9 % американцев. Однако она функционирует на основе детальной глубокой проверки нуждаемости каждого индивида. Физические лица должны подавать заявление на участие в Medicaid, повторно регистрироваться и проходить повторную сертификацию ежегодно. Критерии и права на участие в ней различаются в зависимости от каждого штата США [12].

Последние десятилетия Америка стала уделять внимание поддержке рождаемости и многодетности. Программа медицинского страхования детей CHIP является государственной программой для детей из малообеспеченных семей, где родители зарабатывают слишком много, чтобы претендовать на получение Medicaid, но гораздо меньше, чем позволить членам семьи частную страховку. В некоторых штатах она действует как расширение программы Medicaid, в других – как отдельная программа. Но уже на начало 2020-х гг. программа CHIP охватывала 9,6 млн. детей [12].

Среди положительных результатов функционирования системы здравоохранения США за последние десятилетия можно отметить усиление роли государства в контроле за качеством и доступностью медицинской помощи. Кардинальным поворотом здесь стало принятие в 2010 г. Закона о защите пациентов и доступном медицинском обслуживании (ACA). Затем этот Закон подвергся модификации и уточнению в 2014 г. по следующим аспектам:

- сформулировано требование государства к большинству американцев иметь обязательную медицинскую страховку или заплатить штраф (позже штраф был снят);
- расширен охват страхованием молодых людей в рамках родительских страховок, позволяя им оставаться в частных страховках своих родителей до 26 лет;
- разрешено открытие рынков медицинского страхования или бирж, которые предлагают премиальные субсидии лицам с низким и средним уровнем дохода;
- расширены финансовые возможности Medicaid с помощью федеральных субсидий (в штатах, выбравших этот вариант).

По оценкам ACA, благодаря этому охват страхованием составил 20 млн. чел., сократив долю незастрахованных *взрослых* в возрасте от 19 до 64 лет с 20 % в 2010 г. до 12 % в 2018 г. [14]. Однако такое страхование обычно покрывает стоимость лекарств, большинство из которых доступны только по рецепту врача, что затрудняет лечение населения заболеваниями в легкой форме, не требующих частого посещения врачебных кабинетов.

Заключение. Подводя итоги, можно указать, что за последние десятилетия Америка попыталась усилить роль государства в контроле за доступностью и качеством медицинской помощи населению, поскольку самый главный конечный показатель функционирования системы здравоохранения – продолжительность жизни – так и остается на низком уровне, не говоря уже о высоком проценте хронических заболеваний и вредных привычках среди населения.

Усилено также государственное финансирование оказания медицинских услуг: к концу 2010-х гг. государственные расходы от общего объема расходов на здравоохранение составляли уже 45 %, при этом значительная финансовая помощь федерального уровня. Федеральные расходы составляли 28 % от общего объема расходов на здравоохранение. Благодаря федеральным налогам финансируются многие программы государственного страхования: Medicare, Medicaid, CHIP, программы военного медицинского страхования (Veteran's Health Administration, TRICARE) [12]. Федеральное правительство играет лишь незначительную роль в непосредственном владении и предоставлении медицинских услуг, за исключением Управления здравоохранения ветеранов и Индийской службы здравоохранения.

Государство также значительно контролирует профподготовку медицинского персонала. Более половины медицинских школ являются государственными.

В области регулирования отношений в системе здравоохранения в обязанности федерального правительства по-прежнему входит:

- разработка законодательства и национальных стратегий по сохранению и укреплению здоровья граждан;
- администрирование, софинансирование и установление ключевых требований и правил доступа к программе Medicaid;

- финансирование медицинского страхования федеральных служащих, а также действующих и бывших военнослужащих и членов их семей;
- регулирование стандартов качества и иногда – каналов сбыта и квот – фармацевтических продуктов и медицинских изделий (особенно в условиях пандемий);
- управление, координация федеральных рынков частного медицинского страхования;
- предоставление субсидий для отдельных субъектов частного рынка.

Однако, несмотря на принятые меры, роль частного страхования очень значительна и определяет дискриминацию в доступе и качестве медицинского обслуживания в зависимости от доходов конкретной прослойки населения. Расходы на частное медицинское страхование на начало 2020-х гг. составляли треть общих расходов на здравоохранение. Частная страховка по-прежнему является первичным медицинским страхованием для двух третей американцев. Большая часть частного страхования (55 %) спонсируется работодателями, а меньшая доля (11 %) приобретается физическими лицами у коммерческих и некоммерческих лиц [12]. Замечено также, что специалисты-частники амбулаторной специализированной помощи все больше интегрируясь с больничными системами, консолидируясь друг с другом в групповых практиках, не заинтересованы в оказании медуслуг населению по линии государственных страховок, так как получают от этого малые доходы, особенно по программам Medicaid и Medicare.

Остается также нерешенным вопрос гендерной дискриминации в медицинском обслуживании и страховании.

Литература

1. OECD.Stat. [Electronic resource]. – Access mode : <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=SHA>. – Access date : 16.05.2022.
2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/. – Дата доступа : 16.05.2022.
3. Беларусь и страны мира : статистический сборник. – Минск : Национальный статистический комитет, 2021. – 369 с.
4. Расходы США на здравоохранение в 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://news.rambler.ru/conflicts/46190792/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. – Дата доступа : 29.05.2022.
5. Здравоохранение в США [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Здравоохранение_в_США#cite_note-svoboda-4. – Дата доступа : 16.05.2022.
6. Bloomberg View : Америке тоже не хватает конкуренции [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://republic.ru/posts/1/794755>. – Дата доступа : 16.05.2022.
7. These Are the World's Healthiest Nations [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-02-24/spain-tops-italy-as-world-s-healthiest-nation-while-u-s-slips>. – Access date : 16.05.2022.
8. Measuring performance on the Healthcare Access and Quality Index for 195 countries and territories and selected subnational locations : a systematic analysis from the Global Burden of Disease Study 2016 [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5986687/>. – Access date : 16.05.2022.
9. Health Costs [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.kff.org/health-costs/How%20is%20the%20U.S.%20health%20care%20dollar%20spent?>. – Access date : 16.05.2022.
10. Злобин, Н. Америка... Живут же люди! / Н. Злобин. – М. : Эксмо, 2012. – 416 с.
11. U.S. Health Care from a Global Perspective, 2019 : Higher Spending, Worse Outcomes? [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.commonwealthfund.org/publications/issue-briefs/2020/jan/us-health-care-global-perspective-2019>. – Access date : 16.05.2022.
12. International Health Care System Profiles United States [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.commonwealthfund.org/international-health-policy-center/countries/united-states>. – Access date : 16.05.2022.
13. Uninsured trauma patients are much more likely to die [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.latimes.com/nation/la-sci-trauma-uninsured17-2009nov17-story.html>. – Access date : 17.05.2022.
14. Health Insurance Coverage Eight Years After the ACA [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.commonwealthfund.org/publications/issue-briefs/2019/feb/health-insurance-coverage-eight-years-after-aca>. – Access date : 17.05.2022.

К вопросу об оптимизации институциональной структуры рынка нефти и нефтепродуктов в Республике Беларусь

С.С. КАМОРНИКОВ

В работе обсуждается один из вариантов институциональной структуры отечественного рынка нефти и нефтепродуктов, связанный с созданием двух экономических кластеров: национального мейджора («южный» кластер), ориентированного на экспорт нефти и нефтепродуктов, и национального производителя («северный» кластер), ориентированного на внутренний рынок, производство нефтехимической продукции и давальческое производство.

Ключевые слова: рынок нефти и нефтепродуктов, институциональная структура рынка, государственное регулирование рынка, модель организации рынка.

The options for the institutional structure of the domestic oil and petroleum products market are discussed in the article. The author proposes to create two economic clusters: a national major (a 'southern' cluster) focused on the export of oil and petroleum products and a national producer (a 'northern' cluster) focused on the domestic market, production of petrochemical products and tolling production.

Keywords: oil and petroleum products market, institutional structure of the market, state regulation of market, market organization model.

Введение. Конструирование институтов отраслевого рынка вне сферы государственного регулирования, как правило, происходит на принципах самоорганизации. Вместе с тем, в определённых случаях существуют предпосылки участия в создании институциональной структуры рынка государства как регулятора экономических процессов. К таким предпосылкам, в частности, для рынка нефти и нефтепродуктов можно отнести:

– наличие в данном сегменте экономики в ряде стран не всегда эффективного государственного сектора, что стимулирует его реорганизацию и разгосударствление;

– серьёзные структурные изменения, происходящие в данном секторе экономики, обусловленные «сланцевой революцией», созданием национальных производителей в ряде стран-экспортёров, а также изменением бизнес-модели ряда традиционных участников рынка (включая крупных трейдеров, национальных производителей и импортёров, а также оставшихся на рынке «супермейджоров»);

– вводимые рядом стран ограничения на экспорт или импорт товаров, использование инфраструктуры, движение денежных средств как инструмент санкционного давления на экономику других регионов.

Институциональное регулирование рынка нефти и нефтепродуктов в данном случае заключается в определении его структуры. Один из вариантов оптимизации институциональной структуры белорусского рынка нефти и нефтепродуктов обсуждается в данной работе.

Основная часть. Как отмечено в [1], в современной практике наиболее распространены следующие четыре модели структуризации рынка нефти и нефтепродуктов: *национальный супермейджор, национальный мейджор, национальный трейдер и вариант децентрализованного рынка.*

Модель национального супермейджора предполагает создание единой национальной вертикально интегрированной компании, которая занимает на внутреннем рынке доминирующее положение и объединяет добычу, импорт, переработку, транспортировку и экспорт нефти и нефтепродуктов. Модель реализуется, например, в Саудовской Аравии, Объединённых Арабских Эмиратах, Кувейте. В частности, в Саудовской Аравии 98 % нефтяных активов королевства (включая разведку, добычу и переработку нефти) контролирует компания Saudi Aramco, при этом 100 % акций корпорации принадлежит правительству Саудовской Аравии. Для перевозки нефти внутри государства Saudi Aramco использует сеть из более чем 90 трубопроводов суммарной протяжённостью более 19 тыс. км. В распоряжении Saudi Aramco также мощный флот крупных нефтеналивных танкеров. Свыше 80 танкеров перевозят нефть в страны Европы и Ближнего Востока [2].

Модель национального мэйджора связана с созданием национальной импортирующей, добывающей и перерабатывающей компании с выделением инфраструктурных компонентов в отдельные компании и созданием на этой основе конкурентной среды, причём в качестве конкурентов выступают зарубежные компании, розничный бизнес при этом децентрализуется. Структура рынка нефти и нефтепродуктов по типу национального мэйджора организована в Норвегии, Бразилии, Китае. Например, ведущие позиции в нефтегазовой промышленности Бразилии занимает государственная компания Petrobras. Кроме нее, в бразильском нефтегазовом сегменте работают зарубежные компании Repsol, Chevron, Shell, BP, Equinor. Из бразильских независимых компаний на рынке представлены компании QGEP Participacoes, OGX. Основу нефтеперерабатывающей промышленности Бразилии по состоянию на начало 2017 г. составляли 18 НПЗ суммарной мощностью по первичной переработке 119,9 млн. т нефтяного сырья в год. Оператором 14 НПЗ Бразилии является государственная компания Petrobras. Кроме того, операторами 4 небольших НПЗ являются частные компании Univen Petroleo, Dax Oil, Manguinhos, Reograndense. Протяженность сети магистральных нефтепроводов в Бразилии составляет 2,0 тыс. км (32 нефтепровода), сети продуктопроводов – 5,9 тыс. км (422 продуктопровода). Оператором важнейших нефтепроводов является компания Transpetro [3].

Модель национального трейдера предполагает создание национального переработчика и трейдера с выходом на розничный бизнес. В этой модели оптовый импорт нефти осуществляет одна компания (государственная или частная, контролируемая антимонопольными органами). Модель допускает конкуренцию на розничном рынке со стороны зарубежных поставщиков нефтепродуктов (при этом национальный импортёр не имеет преимуществ на розничном рынке). Данная модель используется в Индии, Индонезии, Мексике. Например, в Индии собственная добыча нефти покрывает чуть более 23 % внутреннего спроса, оставшиеся объемы примерно 75–77 % импортируются (в основном из Ближнего Востока). Мощности по переработке нефти в стране составляют около 250 млн. тонн в год и состоят из 23 нефтеперерабатывающих заводов: 18 в государственном секторе, 3 в частном секторе и 2 в совместном предприятии. Госкомпания ИОС и её дочерние предприятия занимают 47 % индийского рынка нефтепродуктов и контролируют 40 % нефтеперерабатывающих и 67 % нефтепроводных мощностей страны. Компании принадлежит 10 из 20 индийских НПЗ суммарной мощностью 60,2 млн. т нефти в год [4].

Модель децентрализованного рынка связана с разделением добывающих, перерабатывающих, инфраструктурных и розничных сегментов рынка и созданием конкурентной среды в розничном и оптовом сегментах благодаря равному доступу к инфраструктуре и переработке всех поставщиков нефти. Данная модель достаточно широко распространена: она используется, в частности, в странах Евросоюза, в США, России, Японии. Например, в России в 2019 г. функционировали 37 крупных НПЗ с объемами переработки более 1 млн. тонн в год, а также мини-НПЗ. Суммарная мощность нефтеперерабатывающих предприятий в России оценивалась на уровне 328 млн. тонн в год. Организационная структура нефтеперерабатывающей отрасли России характеризуется высокой концентрацией. На долю ВИНК приходится 83 % переработки нефти в стране. Доля независимых компаний составляет около 14,7 %, а мини-НПЗ – менее 2,4 % переработки нефти [5].

Представленные четыре модели структуризации рынка нефти и нефтепродуктов отличаются друг о друга степенью горизонтальной и вертикальной интеграции участников рынка. Очевидно, что целесообразность их внедрения и эффективность функционирования определяется многими количественными и качественными факторами. Среди количественных факторов следует отметить в первую очередь мощность добычи нефти в стране, мощность ее переработки и емкость внутреннего рынка. Что касается качественных факторов, то главная роль здесь отводится степени конкуренции как на всем внутреннем рынке нефти и нефтепродуктов, так и в отдельных его сегментах.

Условия эффективности представленных моделей, а также условия неэффективности их функционирования представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Условия эффективности различных моделей структуризации рынка нефти и нефтепродуктов в современных условиях

Модели структуры рынка	Условия эффективности модели	Условия неэффективности модели
Национальный супермэйджор	наличие добывающих мощностей с экспортным потенциалом при узком внутреннем рынке; монополия поставщика сырой нефти	широкий внутренний рынок; возможность создания конкурентной среды
Национальный мэйджор	недостаток добывающих и перерабатывающих мощностей для удовлетворения внутреннего спроса	превышение добывающих мощностей над перерабатывающими и потребностями внутреннего рынка
Национальный трейдер	превышение перерабатывающих мощностей над добывающими и потребностями внутреннего рынка в нефтепродуктах	превышение добывающих мощностей над перерабатывающими; отсутствие инфраструктурной монополии
Децентрализованный рынок	наличие гармонизированных между собой мощностей добычи и импорта с одной стороны и переработки с другой при широком внутреннем рынке	монополия поставщика; узкий внутренний рынок, диспропорция между добычей и переработкой

Важным моментом оптимизации институциональной структуры национального рынка нефти и нефтепродуктов является обобщение международного опыта в данной области. В таблице 2 приведены данные о добыче нефти и переработке нефти для внутреннего потребления нефтепродуктов по странам мира, а также информация о типе институциональной модели рынка нефти и нефтепродуктов. Соотнесение представленных стран к тому или иному типу модели в таблице 2 осуществлено на основе кластерного анализа и оценки уровня конкуренции на внутреннем рынке нефти и нефтепродуктов рассматриваемых стран. Информационную базу исследований составили данные источников [6] и [7] за 2015–2019 гг.

Таблица 2 – Структура рынка нефти и нефтепродуктов в различных моделях государственного регулирования, млн. т.

Страна	Добыча	Переработка	Внутреннее потребление нефтепродуктов в пересчёте на сырую нефть	Институциональная модель рынка нефти и нефтепродуктов
Австралия	17,3	27,1	99,5	децентрализованная
Аргентина	27,5	26,4	57,9	децентрализованная
Великобритания	51,3	62,3	111,4	децентрализованная
Евросоюз	72,4	970,2	904,3	децентрализованная
Ирак	230,1	70,1	63,9	децентрализованная
Канада	270,6	133,8	208,0	децентрализованная
Россия	565,2	306,4	243,7	децентрализованная
США	671,6	1160,7	1015,2	децентрализованная
Япония	0	179,7	272,4	децентрализованная
Индия	39,5	257,8	243,2	национальный производитель (импортёр)
Индонезия	38,6	48,0	96,4	национальный производитель (импортёр)
Мексика	98,6	38,2	123,4	национальный производитель (импортёр)
Норвегия	80,8	13,6	13,4	национальный мэйджор
Китай	189,1	516,9	620,3	национальный мэйджор
Бразилия	145,6	121,2	205,2	национальный мэйджор
ОАЭ	178,4	35,0	63,0	национальный супермэйджор
Кувейт	144,8	119,6	29,3	национальный супермэйджор
Саудовская Аравия	566,8	156,0	229,9	национальный супермэйджор

Кластерный анализ показывает, что существует определённая закономерность институциональной структуры национальных рынков нефти и нефтепродуктов, связанная с соотношением объёмов добычи, переработки и внутреннего потребления нефти и нефтепродуктов. Так, формирование супермэйджора – национальной вертикально интегрированной монополии – целесообразно при наличии экспортного потенциала, при котором мощности добычи существенно больше внутреннего рынка, что позволяет максимизировать внешнюю конкурентоспособность компании и аккумулировать ренту в национальной монополии, что облегчает к ней доступ государства.

Другим условием создания супермэйджора является инфраструктурная зависимость от одного зарубежного поставщика (компании или страны, где несколько компаний координируют свои действия между собой и с государством), при которой монополии поставщика удобно противопоставить монопонию покупателя как с экономической, так и с политической точки зрения. Даже при недостаточности собственных перерабатывающих мощностей супермэйджор, являясь монопольным импортёром нефтепродуктов, может легко быть стимулирован к их созданию, имея для этого финансовые возможности и ресурсную базу.

Создание национального мэйджора целесообразно при условии, что мощности добычи и переработки относительно гармонизированы между собой, но они существенно ниже внутреннего спроса на нефтепродукты. Это позволяет максимизировать конкурентоспособность национальной компании (мэйджора) в условиях необходимой в интересах потребителей конкуренции на внутреннем рынке.

Создание национального трейдера целесообразно при условии небольшого внутреннего спроса в стране, поскольку при этом такая монополия приобретает естественный характер, так как из-за низкого внутреннего спроса создание конкурентной среды не окупается, то есть монополия превращается в естественную. Вместе с тем национальный трейдер не должен в интересах потребителя быть монополистом на розничном рынке, на котором конкуренцию могут обеспечить зарубежные поставщики. При наличии избыточных по сравнению с добычей и внутренним спросом мощностей переработки её нецелесообразно интегрировать в структуру национального трейдера, поскольку монополия на перерабатывающие мощности стимулирует зарубежных поставщиков к созданию собственных мощностей и создаёт риск невозможности загрузить избыточные мощности переработки импортным сырьём.

Наконец, при достаточном внутреннем спросе наиболее целесообразна децентрализованная структура рынка, при которой на каждом его сегменте обеспечивается конкурентная среда, причём степень интегрированности компаний определяется самими компаниями. В данной системе доступ к инфраструктуре обеспечивается не только для аффилированных субъектов, но и всех нуждающихся в этих услугах. Такая структура рынка обеспечивает максимальный выигрыш потребителя в условиях конкуренции. В данном случае, роль государства сводится в итоге к классической антимонопольной политике.

Четыре описанных выше варианта институциональной структуры рынка в связи с обуславливающими её факторами, можно представить в виде следующей таблицы 3.

Таблица 3 – Институциональная структура рынка нефти и нефтепродуктов в различных моделях государственного регулирования

Сектора рынка	Национальный супермэйджор (НСМ)	Национальный мэйджор (НМ)	Национальный производитель (НП)	Децентрализованный рынок
Добыча	монополия	монополия	минимальная или отсутствует	конкурирующие участники
Импорт	монополия	Конкурирующие участники	олигополия с доминирующим положением НП	конкурирующие участники
Транспортировка	монополия	естественная монополия с равным доступом к мощностям	естественная монополия с равным доступом к мощностям	конкурирующие участники
Переработка	монополия	монополия	НП и зарубежный толлинг при избытке мощностей	конкурирующие участники
Розница и опт	монополия	конкурирующие участники, включая НМ	конкурирующие участники	конкурирующие участники
Условия эффективности	$D = P > BC$ при $BC \Rightarrow \min$ либо монополия поставщика	$D = P < BC$	$D < P \Rightarrow BC$	$D = P \Leftrightarrow BC$ при $BC \Rightarrow \max$

Примечание: Д – мощности по добыче нефти; П – мощности по переработке нефти; ВС – внутренний спрос на нефтепродукты.

В Республике Беларусь сложилось уникальное соотношение добычи, переработки и внутреннего потребления нефти и нефтепродуктов. Так, при внутренней добыче менее 2 млн. т мощности переработки достигают 24 млн. т при внутреннем потреблении нефтепродуктов, соответствующем 6 млн. т переработки сырой нефти. Такое соотношение не позволяет сформировать эффективно функционирующую модель рынка по примеру представленных в таблице 1 моделей. Данное соотношение может быть рациональным исключительно при наличии существенных факторов развития нефтепереработки (технологическое лидерство (США, Евросоюз), уникальное географическое положение, дешёвые трудовые ресурсы (Индия), которыми де-факто Республика Беларусь не располагает). Поэтому оптимизация институциональной структуры отечественного рынка нефти и нефтепродуктов требует нетривиальных подходов, которые не могут базироваться исключительно на международном опыте из-за уникальности ситуации, однако должны учитывать основополагающие закономерности структурирования данного рынка. При этом представляется целесообразным создание в Беларуси двух кластеров:

– «южного», специализированного на добыче, импорте и переработке нефти в моторное топливо, основу которого должны составить РУП «Производственное объединение «Белоруснефть» и ОАО «Мозырский нефтеперерабатывающий завод» (далее – МНПЗ);

– «северного», специализированного на нефтехимии, основу которого должны составить ОАО «Нафтан» и нефтехимические предприятия, получающие от него сырьевые ресурсы (ОАО «Полимир», ОАО «Гродно Азот», ОАО «Могилевхимволокно», ОАО «СветлогорскХимволокно», ОАО «Завод горного воска», ОАО «Лакокраска» (г. Лида), ОАО «Полоцк-Стекловолокно»).

Южный кластер в форме холдинга должен играть роль национального мэйджора и может быть организован уже апробированным в Беларуси способом передачи в управление ПО «Белоруснефть» государственного пакета акций МНПЗ, что позволит сохранить в руках государства контроль над данным холдингом. Вопрос его приватизации в перспективе должен быть рассмотрен отдельно. Данный мэйджор должен быть ориентирован на работу на экспортных рынках как сырой нефти, так и нефтепродуктов. Аргументами в пользу такой структуры и специализации южного кластера являются:

– географическая близость добывающих и перерабатывающих мощностей;

– настройка переработки на МНПЗ на качество белорусской нефти (которая по своей структуре близка к азербайджанской);

– финансовая устойчивость предполагаемого кластера (финансовое состояние ПО «Белоруснефть» и ОАО «Мозырский НПЗ» достаточно стабильно, а последний более глубоко модернизирован по сравнению с ОАО «Нафтан», при этом ОАО «Нафтан» требует больших инвестиционных вложений, которыми ПО «Белоруснефть» не располагает из-за собственной напряжённой инвестиционной программы, необходимой для сохранения на прежнем уровне (минимум) и наращивания добычи нефти в Беларуси и за рубежом, в условиях исчерпания действующих месторождений).

Северный кластер должен играть роль национального производителя (импортера) и ориентироваться на внутренний рынок, включая розничный рынок нефтепродуктов и внутренний спрос со стороны нефтехимических предприятий. Создание холдинга может быть осуществлено аналогично путём передачи пакетов акций в управление ОАО «Нафтан». Данный кластер нуждается в масштабных инвестициях для поддержания конкурентоспособности в условиях отсутствия сырьевой базы, поэтому в краткосрочной перспективе должен перейти под контроль стратегического инвестора, который располагал бы достаточной сырьевой базой и конкурентоспособными компетенциями в сфере нефтехимии.

Аргументами в пользу создания северного кластера являются:

– тесная технологическая связь между ОАО «Нафтан» и иными предприятиями кластера;

– ориентация на внутренний рынок моторного топлива позволит защитить кластер от зарубежных конкурентов на переходный период;

– внутренний рынок топлива в условиях обострившейся международной конкуренции и относительно невысоким уровнем специфического налогообложения в Беларуси является премиальным, что важно в контексте неустойчивого финансового состояния предприятий этого кластера в настоящее время;

– тенденции международного рынка нефти и нефтепродуктов позволяют констатировать рост рентабельности нефтехимии по сравнению с иными сегментами данного рынка [4], что позволяет рассчитывать на привлечение инвестора, имеющего дефицит перерабатывающих мощностей.

Таким образом, кластеризация отечественного рынка нефти и нефтепродуктов позволит до некоторой степени нивелировать нерациональную структуру производственных мощностей в Республике Беларусь, доставшуюся в наследство от СССР. Данный вопрос приобретает особую актуальность в условиях введенных против Республики Беларусь и Российской Федерации санкционных ограничений, не позволяющих экспортировать готовую продукцию на традиционные для белорусских НПЗ рынки сбыта (страны ЕС и Украина). В данных условиях емкости внутреннего рынка Беларуси недостаточно для эффективной работы НПЗ и требуется переориентация экспортных потоков нефтепродуктов на российский рынок, а также выстраивание логистики через российские порты. Предлагаемая институциональная структура отечественного рынка нефти и нефтепродуктов представлена в таблице 4.

Таблица 4 – Предлагаемая институциональная структура рынка нефти и нефтепродуктов в Республике Беларусь

Сектора рынка	Южный кластер (национальный мейджор)	Северный кластер (национальный производитель)
Добыча	монополия национального мейджора	
Импорт	монополия для своей переработки и экспорта готовой продукции	монополия для своей переработки
Транспортировка	естественная монополия ОАО «Гомельтранснефть «Дружба» с равным доступом к мощностям	
Переработка	монополия на своих мощностях	собственная переработка и зарубежный толлинг на своих мощностях
Розница и опт	Конкурирующие участники	
Состав	ПО «Белоруснефть», ОАО «МНПЗ»	ОАО «Нафтан», ОАО «Могилевхимволокно», ОАО «СветлогорскХимволокно», ОАО «Завод горного воска», ОАО «Лакокраска» (г. Лида), ОАО «Полоцк-Стекловолокно»

Заключение. Специфическая структура мощностей в добыче и переработке нефти и нефтепродуктов Беларуси требует использования нетривиальных подходов при конструировании институциональной структуры данного рынка. Предлагаемая институциональная структура рынка нефти и нефтепродуктов предполагает формирование двух кластеров: южного, призванного играть роль национального мейджора на экспортных рынках, и северного, призванного выполнять роль национального производителя на внутреннем рынке, причём северный кластер подлежит приватизации стратегическому инвестору, располагающему сырьевой базой, финансовыми ресурсами и передовыми компетенциями в области нефтехимии. Это позволит повысить рациональность и эффективность функционирования рынка нефти и нефтепродуктов в Республике Беларусь.

Литература

1. Каморников, С. С. Модели организации и инструменты государственного регулирования рынка нефти и нефтепродуктов в современной экономике: подходы к оптимизации / С. С. Каморников // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2020. – № 2 (119). – С. 153–159.
2. Всё о нефти Саудовской Аравии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dprom.online/oilngas/vse-o-nefty-saudovskoj-aravii/>. – Дата доступа : 06.03.2022.
3. Нефтяная и нефтеперерабатывающая промышленность Бразилии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1/687/. – Дата доступа : 09.04.2022.
4. Самый быстрорастущий энергетический рынок в мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.investindia.gov.in/ru-ru/sector/oil-gas>. – Дата доступа : 09.04.2022.
5. Российская нефтепереработка на современном этапе развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ngv.ru/magazines/article/rossiyskaya-neftepererabotka-na-sovremennom-etape>. – Дата доступа : 09.04.2022.
6. Global energy statistical yearbook [Electronic resource]. – Access mode : <https://yearbook.enerdata.net/>. – Access date : 06.03.2022.
7. Список стран по производству, потреблению, экспорту и импорту нефти и нефтепродуктов 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://svspb.net/norge/neft.php>. – Дата доступа : 06.03.2022.

Управление темпом жизни Республики Беларусь

Е.М. КАРПЕНКО, Ю.Ю. РАССЕКО

В статье описана разработка методического обеспечения управления региональным темпом жизни и апробированы его этапы применительно к Республике Беларусь. Процесс управления категорией, в области формирования целевых установок ориентирован на достижения однородных субъектов, что обусловило реализацию предложенного алгоритма на статистических данных группы малых стран с открытой экономикой, к числу которых относится Республика Беларусь. Результатом апробации явились оценка регионального темпа жизни Республики Беларусь, ретроспективный анализ его типологизации (А–С–В), определение текущей позиции (квадрант 1), целевых установок (квадранты 5; 2), выбор оптимальной траектории их достижения (вертикального роста / горизонтального снижения) и формирование соответствующих наборов инструментов (депозитная и кредитная политика банков; налоговая политика; тарифы на энергоресурсы и мобильную связь).

Ключевые слова: региональное управление, региональный темп жизни, алгоритм управления, набор инструментов, интегрированная матрица позиционирования.

The article describes in detail the development of methodological support for managing the regional pace of life and tested its stages in relation to the Republic of Belarus. The management process of the category, in the field of the formation of targets, is focused on achieving homogeneous in terms of potential and operating conditions of objects, which led to the implementation of the proposed algorithm on the statistical data of a group of small countries with an open economy, which includes the Republic of Belarus. The result of testing was an assessment of the regional pace of life of the Republic of Belarus, a retrospective analysis of its typologization (A–C–B), the definition of the current position (quadrant 1), targets (quadrants 5; 2), the choice of the optimal trajectory of their achievement (vertical growth / horizontal decline) and the formation of appropriate sets of tools (deposit and credit policy of banks; tax policy; tariffs for energy resources and mobile communications).

Keywords: regional management, regional pace of life, management algorithm, set of tools, integrated positioning matrix.

Введение. Авторский подход к понятию региональный темп жизни заключается в представлении его как интенсивности процессов деятельности и отдыха населения региона. Согласно авторскому подходу, темп жизни индивида представляет собой частоту или скорость смены событий в его жизни. Усреднив темп жизни всех жителей региона, можно определить региональный темп жизни. Разработанная авторами методика оценки регионального темпа жизни [1] позволила проанализировать динамику данного показателя и оценить его влияние на социально-экономическое развитие территории. Построенные эконометрические модели формализовали зависимость ключевых показателей регионального развития (валового внутреннего продукта, ожидаемой продолжительности жизни) от значений регионального темпа жизни [2]. Результаты исследования стали доказательством возможности использования регионального темпа жизни в качестве инструмента управления социально-экономическими процессами в регионе.

Внедрение нового показателя в систему управления региональным развитием требует наличия возможности управления самим темпом жизни. Для решения данной научно-методической задачи авторами предложен алгоритм управления региональным темпом жизни, который является универсальным и может быть использован для различных регионов (страна, область, населенный пункт). Апробация методического обеспечения проведена на примере Республики Беларусь.

Основная часть. Методические этапы разработанного алгоритма управления региональным темпом жизни включают: оценку регионального темпа жизни; выбор направления изменения темпа жизни и формирование набора инструментов управления региональным темпом жизни.

Оценка регионального темпа жизни. На первом этапе проводилась экономическая оценка регионального темпа жизни Республики Беларусь с использованием авторской методики [1]. В основе методики лежит использование метода главных компонент, позволяющего

сократить количество показателей, характеризующих региональный темп жизни и уйти от субъективных оценок. В результате получены кривые роста регионального темпа жизни Республики Беларусь, дополненные мировыми данными за 1999–2020 гг. (рисунок 1).

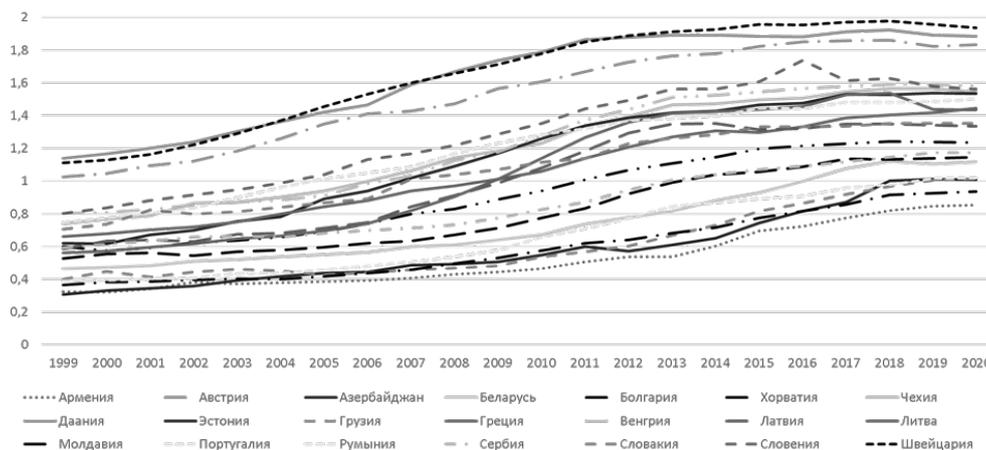

Рисунок 1 – Кривые роста регионального темпа жизни, 1999–2020гг.

Представленная динамика характерна для большинства стран мира [3], [4]. За 1999–2020 гг. региональный темп жизни в Республике Беларусь существенно вырос с 0,46 до 1,12, при этом регион сохраняет 6-е место в исследуемой совокупности. Темп роста показателя за исследуемый период составил 243 %, в то время как средний темп роста по всей совокупности – 146 %, что отражает опережение Республикой Беларусь мировых тенденций роста регионального темпа жизни в 1,7 раз.

Метод главных компонент позволяет выделить две составляющие регионального темпа жизни: физическую и информационную компоненты. Дифференциация регионального темпа жизни по компонентам легла в основу типологизации регионов (рисунок 2).

		Уровень информационной компоненты / код					
		Низкий	4	Средний	5	Высокий	6
Уровень физической компоненты / код	Высокий	A	34	A	35	C	36
	3						
	Средний	A	24	C	25	B	26
2							
Низкий	C	14	B	15	B	16	
1							

Рисунок 2 – Типологизация регионов по темпу жизни

Авторами выделено три типа регионов:

- тип А, значение физической компоненты заметно превалирует над значением информационной компоненты (комбинации 24; 34; 35);
- тип В, значение информационной компоненты заметно превалирует над значением физической компоненты (комбинации 15; 16; 26);
- тип С, значения компонент приблизительно равны (комбинации 14; 25; 36).

Республика Беларусь в анализируемом периоде демонстрирует переход из типа А в 1999–2008 гг. в тип С (2009–2011 гг.), а затем с 2012 г. в тип В (комбинация 16).

Выбор траектории достижения целевой позиции. Интегрированная матрица позиционирования региона выступает инструментом определения его текущей позиции и формирования целевых установок при управлении региональным темпом жизни. Для построения матрицы были использованы статистические данные группы малых стран с открытой экономикой, к числу

которых относится Республика Беларусь, за период 1999–2020 гг. К группе малых стран с открытой экономикой, согласно методике Е.Л. Давыденко, Е.С. Ботеновской, относятся страны, соответствующие следующим критериям: размер территории не превышает 500 тыс. км²; численность населения меньше либо равна 5–6 % от численности населения США в соответствующем году; объем ВВП страны меньше либо равен 5 % к объему ВВП США в соответствующем году; доля стран в мировом ВВП меньше либо равна 1%; экспортная квота страны превышает 30 %, что свидетельствует о высокой степени открытости национальной экономики малых стран; показатель экспорта на душу населения относительно высокий, что прямо характеризует недостаточную емкость внутреннего рынка и косвенно – конкурентоспособность выпускаемой продукции [5].

Интегрированная матрица является синтезом двух матриц (рисунок 3):

- 1) матрицы «Валовой внутренний продукт – Региональный темп жизни» (далее – «ВВП–РТЖ»);
- 2) матрицы «Ожидаемая продолжительность жизни – Региональный темп жизни» (далее – «ПЖ–РТЖ»).

Показатель \ значение		Уровень РТЖ				
		низкий [0,2;0,8]	ниже среднего (0,8;1,4)	средний (1,4;1,6)	выше среднего (1,6;1,8)	критический (1,8;2,3]
Уровень ВВП на душу, тыс. долл. США	высокий (45; 60]				6	
	средний (15;45]		5	4	3	
	низкий [1; 15]	2	1			
ПЖ, лет		63,17			83,14	82,9

Рисунок 3 – Матрица «ВВП–РТЖ–ПЖ»

Примечание: интервалы установлены статистическим методом.

В квадрантах матрицы отражаются средние показатели ожидаемой продолжительности жизни для группы малых стран с открытой экономикой за период 1999–2020 гг. Характер влияния регионального темпа жизни на ожидаемую продолжительность жизни оценивался с помощью эконометрической модели:

$$\text{ПЖ} = 66,091 + 6,28\text{РТЖ} + 0,003891\text{И} - 0,07\text{У}_н, \quad (1)$$

(23,66)   (10,17)   (3,39)

где И – совокупные инвестиции, отражают депозиты секторов экономики и вложения резидентами средств в объекты основного капитала для создания нового дохода в будущем путем использования их в производстве; $\text{У}_н$ – уровень инфляции, демонстрирует снижение покупательной способности населения. Высокий уровень инфляции отражается на благосостоянии населения, качестве жизни и, как следствие, ее продолжительности. Отрицательная динамика показателя так же несет в себе психологический аспект, что не может не отражаться на здоровье населения.

В 1999 г. позиция Республики Беларусь находилась во втором квадранте (низкий уровень ВВП и низкий уровень РТЖ), к 2020 г. позиция сместилась в первый квадрант, который соответствует низкому уровню ВВП и уровню ниже среднего РТЖ. Что свидетельствует о снижении рациональности темпа жизни: наращивание темпа жизни не способствовало росту ВВП, а лишь повлияло на относительное снижение ПЖ.

Затем нами осуществлялся поиск всех возможных рациональных путей улучшения текущих позиций региона в интегрированной матрице позиционирования. Рациональными признаются пути, способствующие перемещению в квадрант с лучшим значением целевого показателя (ВВП, ПЖ). На рисунке 4 отражены возможные рациональные направления перемещений из каждого квадранта.

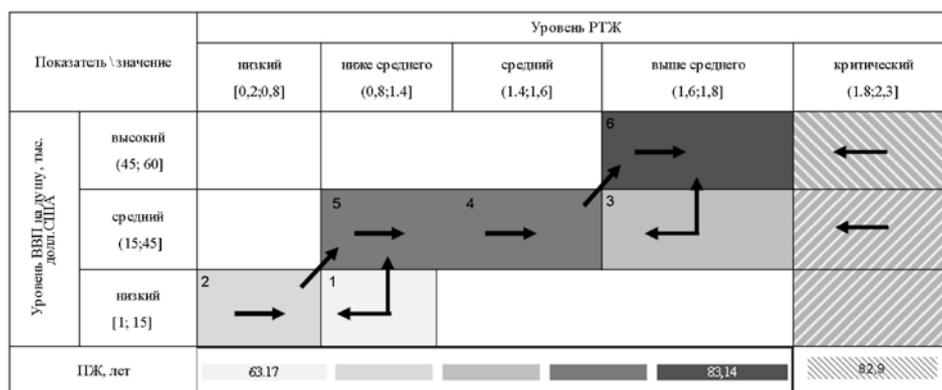

Рисунок 4 – Направления улучшения позиций

Позиционирование Республики Беларусь в интегрированной матрице в первом квадранте предполагает два пути улучшения позиций. Первый путь подразумевает вертикальное перемещение, второй сводится к горизонтальному перемещению.

Выбор оптимального пути предполагает наличие критерия оптимальности и системы ограничений. Критерием оптимальности при выборе траектории является значение показателя продолжительности жизни в регионе. Система ограничений представлена наличием / отсутствием инвестиционных ресурсов и достаточным / недостаточным для их освоения темпом жизни. На рисунке 5 представлен алгоритм выбора оптимального пути.

Для Республики Беларусь характерно наращивание объемов инвестиционных вложений в последнее десятилетие [6]. В этой связи оптимальным признан путь вертикального перемещения (из квадранта 1 в квадрант 5). В случае отсутствия ресурсов развитие предполагается по пути горизонтального снижения (из квадранта 1 в квадрант 2).

Формирование набора инструментов. Третий этап определяет набор инструментов управления региональным темпом жизни. Выбранный оптимальный путь сводится к определению направления перемещения (рисунок 5). Направление траектории перемещения формирует типологическую группировку (набор) инструментов управления темпом жизни.

Вертикальное перемещение предусматривает применение набора инструментов, удерживающего региональный темп жизни на достигнутом уровне. Снижение темпа жизни, в таком случае будет говорить о невозможности освоения вложенных средств и не позволит реализовать перемещение. При этом рост темпа жизни приведет к попаданию в критическую зону, что, несомненно, отразится на продолжительности жизни и не приведет к достижению целевого квадранта.

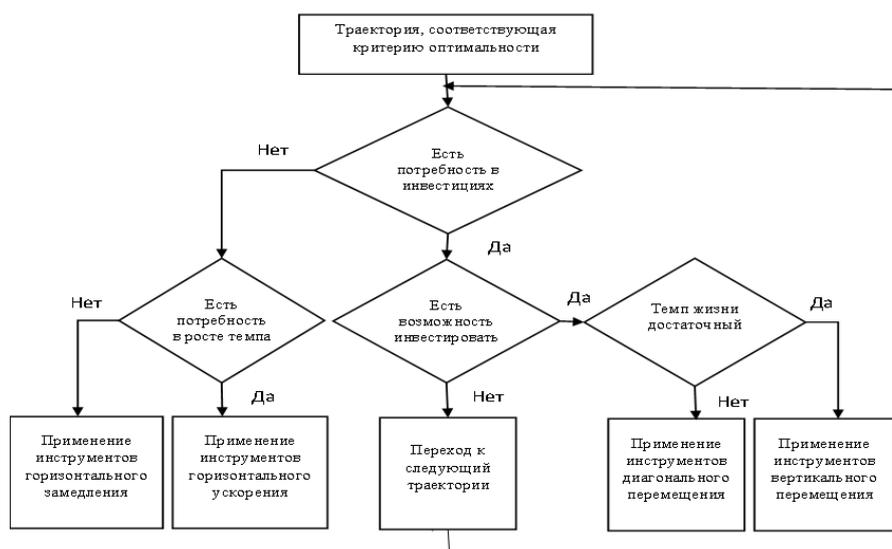

Рисунок 5 – Алгоритм выбора оптимального пути

Диагональное перемещение предусматривает применение набора инструментов, способствующего ускорению регионального темпа жизни при одновременном инвестировании. Такого рода перемещение требует контроля ускорения, что подразумевает наращивание значений показателя с изменением его структуры.

Горизонтальное перемещение предусматривает применение набора инструментов для ускорения / замедления регионального темпа жизни. В большинстве случаев горизонтальное перемещение достигается без изменения структуры показателя.

Таким образом, можно выделить пять типологических групп инструментов изменения регионального темпа жизни:

- обеспечивающая рост показателя без изменения структуры;
- обеспечивающая рост показателя с изменением структуры. Подразумевает перераспределение значений информационной и физической компонент, то есть управление темпом жизни будет сводиться к стимулированию роста не всего показателя, а выделенной компоненты;
- обеспечивающая снижение показателя без изменения структуры;
- обеспечивающая снижение показателя с изменением структуры. Подразумевает перераспределение значений информационной и физической компонент, то есть управление темпом жизни будет сводиться к стимулированию снижения значения не всего показателя, а выделенной компоненты;
- обеспечивающая фиксацию достигнутого значения показателя.

Решение об управлении региональным темпом жизни с изменением / без изменения структуры принимается на основе выделения эффективного типа регионального темпа жизни для конкретного региона. Ретроспективный анализ показателя регионального темпа жизни отражает перемещения региона в интегрированной матрице позиционирования на протяжении всего периода исследования и позволяет выделить эффективный тип (тип регионального темпа жизни, при котором регион максимально приближался к целевому квадранту).

Возможные изменения структуры регионального темпа жизни выделены на рисунке 6.

Перемещения между комбинациями значений компонент отражают направленность процессов управления (эволюционная, революционная). При выборе направления перемещения, совпадающего с предыдущими, отмечается эволюционная направленность; при выборе направления, кардинально отличающегося от предыдущих перемещений, оно характеризуется революционной направленностью. Такого рода анализ позволяет спрогнозировать время достижения целевых показателей.

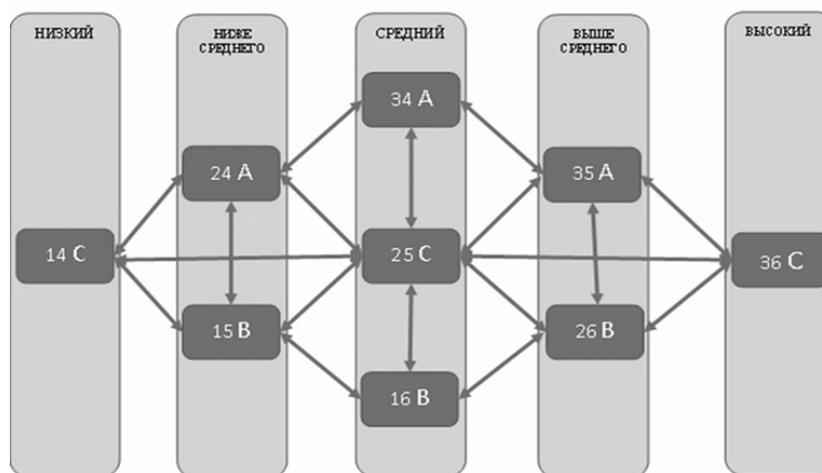

Рисунок 6 – Взаимосвязь типов регионов и уровней регионального темпа жизни

В рамках выбранного пути управление региональным темпом жизни Республики Беларусь реализуется с помощью инструментов вертикального роста или горизонтального снижения (в случае отсутствия инвестиционных вложений). Реализация выбранных направлений требует применения набора инструментов, обеспечивающий фиксацию достигнутого значения регионального темпа жизни или набора инструментов, обеспечивающий снижение показателя.

Тип регионального темпа жизни Республики Беларусь и его ретроспективный анализ позволяют констатировать отсутствие необходимости изменения структуры показателя. Начальное положение структуры в точке 16 (рисунок 6) предусматривает снижение показателя путем перехода в положение 15, без изменения структуры.

Показанная к реализации типологическая группа инструментов управления региональным темпом жизни Республики Беларусь предполагает, например, следующие факторы воздействия: изменение тарифов на услуги сотовой мобильной связи; экономическое стимулирование жилищного строительства в сельской местности; дифференциацию ставок сельского и городского кредитования; регулирование режимов работы культурно-развлекательных объектов; ограничение движения транспорта в особых зонах; согласованное проведение массовых мероприятий и другое.

Заключение. Региональный темп жизни – новая категория в системе социально-экономических показателей регионального развития. Разработанное авторами методическое обеспечение управления региональным темпом жизни доказывает возможность его регулирования и позволяет использовать для достижения целевых значений ключевых социально-экономических показателей развития региона.

Предложенный алгоритм позволил оценить региональный темп жизни Республики Беларусь, типологизировать его, определить положение Республики Беларусь среди аналогичных регионов и разработать рекомендации улучшения позиций региона, опираясь на выделенную типологическую группу инструментов управления (вертикального роста / горизонтального снижения). В случае наличия инвестиционных ресурсов – набор инструментов вертикального роста, обеспечивающий фиксацию достигнутого значения показателя регионального темпа жизни. В случае отсутствия инвестиционных ресурсов – набор инструментов, обеспечивающий снижение показателя регионального темпа жизни без изменения его структуры. Выбор конкретных факторов, способствующих направленному изменению значений регионального темпа жизни требует детального изучения, построения эконометрических моделей и является объектом дальнейших исследований авторов.

Литература

1. Карпенко, Е. М. Построение интегрального показателя оценки регионального темпа жизни с использованием многомерных статистических методов / Е. М. Карпенко, Ю. Ю. Рассеко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2022. – № 5. – С. 44–50.
2. Рассеко, Ю. Ю. Оценка влияния темпа жизни в регионе на его социально-экономическое развитие / Ю. Ю. Рассеко, Е. М. Карпенко // Журнал Белорусского государственного университета. Экономика. – 2022. – № 1. – С. 86–93.
3. Нафикова, А. И. Ускорение темпа жизни как социально-философская проблема и «новая реальность» современного социального развития / А. И. Нафикова // Манускрипт. – 2020. – № 13 (12). – С. 205–208.
4. Захарцев, С. И. Убыстрение темпа жизни как новая философская проблема / С. И. Захарцев, В. П. Сальников, А. В. Чумаков // Юридическая наука : история и современность. – 2017. – № 1. – С. 19–22.
5. Давыденко, Е. Л. Европейские страны с малой экономикой. Особенности внешней торговли и инновационного развития / Е. Л. Давыденко, Е. С. Ботеновская. – Минск : БГУ, 2015. – 275 с.
6. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа : 23.04.2022.
7. Статистические ресурсы ОЭСР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://data.oecd.org/>. – Дата доступа : 12.03.2022.
8. Статистика ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://data.un.org/>. – Дата доступа : 23.04.2022.
9. Статистическое управление Европейского Союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ec.europa.eu/eurostat/>. – Дата доступа : 16.05.2022.

Экономические и экологические особенности лесопользования и ведения лесного хозяйства в водоохранных категориях лесов Беларуси

О.В. ЛАПИЦКАЯ

Показано, что водоохранные леса Беларуси занимают 1,7 млн. га. Они входят в категорию защитных лесов. Водоохранные леса регулируют водный режим рек в летний (меженный период), значительно сокращая убытки сельского и водного хозяйства. Проанализировано состояние водоохранных лесов Беларуси: их возрастная и породная структура, а также особенности ведения в них лесного хозяйства. За счет повышения возрастов рубки в водоохранных лесах расчетная лесосека Беларуси уменьшается примерно на 4 млн. м³, что ведет к ежегодным убыткам около 400 млн. рублей. В тоже время выгоду от наличия водоохранных лесов Беларуси получает в основном Украина, так как именно там регулируется сток рек бассейна Днепра. Отмечено, что в сложившейся после распада СССР политической и экономической ситуации настоящая проблема требует обсуждения научной общественностью и решения на государственном уровне.

Ключевые слова: защитные леса, водоохранные леса, спелость леса, возраст рубки, расчетная лесосека, таксовая стоимость.

It is shown that the water protection forests in Belarus occupy 1,7 million hectares. They are included in the category of protective forests. Water protection forests regulate the water regime of rivers in the summer (low season), significantly reducing losses in agriculture and water management. The state of the water protection forests in Belarus was analyzed: their age and species structure, as well as the features of forestry management in them. Due to the increase in felling age in water protection forests, the allowable wood area of Belarus is reduced by about 4 million m³, which leads to annual losses of about 400 million rubles. At the same time, it is mainly Ukraine that benefits from the presence of water protection forests in Belarus, since it is there that the flow of the rivers of the Dnieper basin is regulated. It is noted that in the political and economic situation that developed after the collapse of the USSR, this problem requires discussion by the scientific community and a solution at the state level.

Keywords: protective forests, water protection forests, forest maturity, felling age, AAC, tax value.

Введение. Водоохранное значение лесов лесоводы осознали уже в VIII в. упоминание об этом встречается в трудах первых немецких лесоводов [1], [2]. В XIX в. водоохранное значение лесов постепенно приобретало все большее значение, особенно после 1861 г., когда после отмены крепостного права в России начались массовые вырубki лесов, что сильно повлияло на водный режим рек Европейской части России. Этой проблеме большое внимание уделили классики лесоводства и лесоустройства Г.Ф. Морозов и М.М. Орлов [2], [3].

Водоохранный рост леса заключается в том, что леса переводят поверхностный сток, который особенно велик после таяния снега, во внутрипочвенный. Эта вода в большие и малые реки поступает постепенно в течение года и не дает возможности рекам пересыхать в меженный период, который обычно бывает в июле и августе. Долгое время наблюдения за отрицательным воздействием сплошной вырубki лесов на больших площадях оставались предметом научных дискуссий, но жизнь заставила в середине 30-х гг. принять действенные меры по регулированию стока рек.

В 1936 г. все леса, которыми до этого управляло Министерство лесной промышленности, были разделены на лесопромышленную и водоохранную зоны. К последней были отнесены леса Украины, Беларуси, Центральных и Поволжского районов России. Было организовано специальное ведомство по управлению этими лесами Главлесоохрана. Тогда же были выделены так называемые водоохранные леса. С 1943 г. они вошли как отдельная категория в состав лесов первой группы, которые имели экологическую направленность. В этих лесах был установлен более строгий режим ведения лесного хозяйства. Здесь были повышены возрасты рубки, в разы ограничивалась ширина сплошных лесосек, принимались меры по сохранению естественного возобновления. Все это требовало дополнительных затрат, но они окупались тем, что реки, протекающие на русской равнине и Украине, сохраняли устойчивый режим и в меженный период.

Так продолжалось до распада СССР. В настоящее время обстоятельства значительно изменились. На экономику Беларуси, Украины, России в значительной мере повлияли политические события, произошедшие в этих странах. Поскольку современная наука требует учитывать основные законы диалектики, т.е. рассматривать все процессы всесторонне и в историческом разрезе, то и анализ лесопользования и ведения лесного хозяйства в водоохранных лесах Беларуси мы должны сделать исходя из этих положений.

Материалы и методика. Материалом для настоящей работы послужили данные об учете лесного фонда за последние 30 лет. Особое внимание было уделено сведениям о водоохранных лесах, приведенным в Лесном Кадастре Республики Беларусь на 01.01.2021 г. Использовали также ведомственные материалы по себестоимости проведения различных мероприятий в лесном хозяйстве Беларуси, находящиеся в открытом доступе, а также данные о запасах древесины при проведении рубок главного пользования в разных категориях лесов.

Методика исследований состояла в применении обычных методов экономики, лесоведения, лесоводства и лесоустройства, которые описаны в списке литературы, приведенном в конце статьи.

В работе был использован диалектический метод всестороннего рассмотрения проблемы с учетом истории вопроса и современного экономического и политического положения Республики Беларусь и сопредельных государств.

Результаты и их обсуждения. Работами многих ученых [1], [2], [4]–[6] доказано, что неравномерное поступление воды в реки ведет к их обмелению в летний период. Это наносит большой ущерб сельскому хозяйству и водному транспорту. Поэтому уже в конце XIX – первой половине XX вв. было установлено, что предотвращение обмеления рек в межень период обеспечивают леса, произрастающие по берегам как больших, так и малых рек [1], [2], [4]–[8]. В разные годы были определены площади так называемых водоохранных лесов. В разных местностях они располагались на разных расстояниях от береговой линии в зависимости от величины реки. До 2016 г. эти насаждения относились к лесам первой группы и выделялись в отдельную категорию. В Беларуси леса первой группы (к ним относились все леса экологического значения) занимали почти 50 % от всех площадей лесного фонда [9]. Например, на 01.01.2006 г. водоохранные леса (защитные полосы лесов и леса в границах водоохранных зон) занимали 1,45 млн. га, что составляло 15,5 % от всех площадей лесного фонда.

В связи с принятием нового Лесного Кодекса в 2015 г. группы лесов были упразднены. Вместо них введены четыре категории: природоохранные леса, рекреационно-оздоровительные, защитные и эксплуатационные леса. Леса, которые относились к категории защитные полосы лесов и леса в границах водоохранных зон вошли в категорию защитных лесов.

Водоохранные леса (леса, расположенные в границах водоохранных зон) в составе защитных зон составляют основную часть земель этой категории лесов.

В соответствии с лесным Кадастром Республики Беларусь на 01.01.2021 г. лесной фонд составляет 9,7 млн. га, из них защитные леса занимают 1,8 га. Основные площади защитных лесов относятся к лесам, расположенным в границах водоохранных зон – 1,7 млн. га, что составляет 94,44 % от всех защитных лесов и 17,53 % от всего лесного фонда страны. Из приведенных цифр видно, что доля водоохранных лесов и их абсолютные площади за последние десятилетия остаются относительно стабильными.

В водоохранных лесах режим хозяйства более строгий, чем в лесах эксплуатационных. В лесах, расположенных в границах водоохранных зон, запрещаются заготовка древесины в порядке проведения сплошных рубок главного пользования, заготовка пней и корней, а также действуют ограничения и запреты на осуществление лесопользования, установленные в соответствии с законодательством об охране и использования вод.

Проведение других хозяйственных мероприятий: лесоразведение, лесовосстановление, рубки ухода, охрана и защита леса в водоохранных лесах практически не отличаются от подобных мероприятий в других категориях лесов. Весьма существенные отличия имеют возраст рубки леса в водоохранных и эксплуатационных лесах. В водоохранных лесах возраст рубки для сосны, ели, дуба и других твердолиственных, березы и ольхи черной на I класс возраста выше, чем в эксплуатационных лесах [9].

Таким образом, мы видим, что ведение хозяйства в водоохранных лесах требует дополнительных затрат. Они заключаются в изменении режима главного пользования и повышении возраста рубки на один класс возраста. Отметим, что возрасты рубки в эксплуатационных лесах установлены, в основном, на основе экономических и лесоводственных принципов. Древесина, заготовленная в эксплуатационных лесах, имеет наименьшую себестоимость при лесовыращивании и заготовке. Дополнительное выращивание леса в течение класса возраста приводит к определенным убыткам, но это требовалось по экологическим соображениям и для предотвращения убытков в сельском хозяйстве и на водном транспорте.

На 01.01.2021 г. защитные (водоохранные) леса имели в своем составе 1,5 млн. га, из них приспевающих древостоев было 283 тыс. га, в том числе хвойных – 841 тыс. га, твердолиственных – 54 тыс. га, мягколиственных – 604 тыс. га; спелые древостои в этой категории лесов произрастали на площади 144 тыс. га, в том числе в том числе хвойных – 34,2 тыс. га, твердолиственных – 5,4 тыс. га, мягколиственных – 83,7 тыс. га [10].

Из приведенных данных видно, что более высокие возрасты рубки в водоохранных лесах привели к тому, что 283 тыс. га лесных насаждений были переведены из спелых древостоев в приспевающие. При этом количество приспевающих насаждений в водоохранных лесах почти в 2 раза больше, чем спелых [10].

Анализируя приведенные данные, приходим к выводу, что расчетная лесосека по главному пользованию в водоохранных лесах могла быть выше существующей приблизительно в 3 раза.

Заметим, что запасы спелых насаждений в водоохранных лесах составляют почти 34 млн. м³, а приспевающих – 82 млн. м³. Если мы возьмем первую возрастную лесосеку [9], [11], то получим вместо 1,6 млн. м³ ежегодной заготовки до 5,5 млн. м³, то есть ежегодная расчетная лесосека может возрасти почти на 4 млн. м³ в год или 3,4 раза.

В настоящее время сильно развитая деревоперерабатывающая промышленность Беларуси ощущает нехватку около 3 млн. м³ древесины. Министерство лесного хозяйства в 2022 г. поставило перед Белгослесом задачу изыскать дополнительные возможности для увеличения расчетной лесосеки на 3 млн. м³, чтобы в Беларуси заготавливать не 27 млн. м³, а 30 млн. м³ в год, что обеспечит потребности внутреннего рынка и экспорта.

В данном контексте представляется возможным изыскать эти дополнительные запасы для эксплуатации за счет водоохранных лесов, снизив возраст рубки в водоохранных лесах на один класс возраста.

Дело в том, что водоохранные леса Беларуси в основном регулируют водный режим соседних стран, особенно Украины, предотвращая потери водного и сельского хозяйства за счет обмеления рек в меженьный период. В едином государстве это было оправдано. В настоящее время, когда каждое государство имеет самостоятельный бюджет, то оно должно нести и соответствующие расходы на поддержание водного режима рек. Таких расходов ни Украина, ни другие сопредельные государства в настоящее время не несут и нет даже разговоров о какой-то компенсации Беларуси за поддержание водного режима рек. Поэтому Беларусь вправе или получить соответствующую компенсацию, или изменить режим хозяйства в водоохранных лесах и получить дополнительную прибыль.

По расчетам Министерства лесного хозяйства (И.И. Малашевич) среднегодовые поступления от реализации древесины в переводе на 1 га составляют 6,9 млн. рублей или 25,2 тыс. руб/м³. При этом мы не учитываем увеличение затрат на проведение выборочных рубок главного пользования против сплошных (это составляет около 15 %). Следовательно, убытки Беларуси от того, что наши леса обеспечивают сохранение водного режима на Украине и в соседних странах составляют почти 101 млн. рублей. Этот расчет является достаточно скромным, так как проведен по таксовой стоимости. При учете же биржевых цен на древесину, которые в 3–5 раз выше таксовой стоимости, мы имеем убытки почти в 400 млн. рублей.

Сюда можно добавить, что при сохранении в течение 20 лет фактически спелых древостоев, которые должны быть вырублены, мы теряем на текущем приросте приблизительно 30–35 м³/га или почти 4 млн. м³ древесины.

Данная проблема достаточно сложная, затрагивает межгосударственные отношения и не может быть решена быстро и однозначно, но обсуждать эту проблему пришло время, что мы и предлагаем в своей статье.

Заключение. Обобщая изложенное, приходим к следующему выводу.

1. Водоохранные леса обеспечивают регулирование стока рек в меженный период, предотвращая большие убытки для сельского и водного хозяйства.

2. Водоохранные леса Беларуси регулируют в основном водный режим рек в бассейне Днепра в Украине, а в бассейнах других рек в других сопредельных государствах. В единой стране это было оправдано. В настоящее время каждое государство должно нести свои расходы для регулирования стока рек.

3. За счет сохранения водоохранных лесов Беларуси наше государство имеет заниженную расчетную лесосеку примерно на 4 млн. м³. Это как раз то количество древесины, которого недостает промышленности Беларуси для обеспечения потребностей внутреннего рынка и экспорта.

4. Убытки Беларуси за счет регулирования водного режима рек Украины составляют свыше 400 млн. рублей.

Поднятая проблема требует своего обсуждения как научной общественностью, так и на государственном уровне.

Литература

1. Ткаченко, М. Е. Общее лесоводство / М. Е. Ткаченко. – М.-Л. : Гослесбумиздат, 1955. – 600 с.
2. Орлов, М. М. Лесоустройство / М. М. Орлов. – Л. : Лесное хозяйство и лесная промышленность, 1928. – Т. II. – 326 с.
3. Морозов, Г. Ф. Учение о лесе / Г. Ф. Морозов. – М.-Л. : Государственное издательство, 1925. – 367 с.
4. Мелехов, И. С. Лесоведение / И. С. Мелехов. – М. : Лесная промышленность, 1980. – 406 с.
5. Тарасенко, В. П. Водоохранная и почвозащитная роль леса / В. П. Тарасенко. – Минск : Ураджай, 1981. – 96 с.
6. Турский, М. К. Лесоводство / М. К. Турский. – СПб., 1914. – 379 с.
7. Побединский, А. В. Лесопользование и охрана окружающей среды / А. В. Побединский // Лесное хозяйство. – 1981. – № 8. – С. 17–21.
8. Чуенков, В. С. Организация многоцелевого лесопользования по водосборам / В. С. Чуенков // Проблемы лесопользования в Западном регионе СССР : материалы межреспубликанской научной конференции, Гомель, 25–27 сентября 1990 г. – Гомель : БелНИИЛХ, 1990. – С. 142–145.
9. Багинский, В. Ф. Лесопользование в Беларуси / В. Ф. Багинский, Л. Д. Есимчик. – Минск : Беларуская навука, 1996. – 367 с.
10. Государственный лесной кадастр Республики Беларусь по состоянию на 01.01.2021 года. – Минск : Белгослес, 2021. – 105 с.
11. Багинский, В. Ф. Лесная таксация и лесоустройство / В. Ф. Багинский. – Минск : РИПО. – 290 с.

УДК 338.43:331.101.262(476)

Оценка взаимосвязей групп факторов воспроизводства человеческого капитала села

С.Д. Лин, Л.Н. МАРЧЕНКО

В статье определены основные группы факторов, воздействующих на формирование и использование человеческого капитала села, и ключевые показатели, их характеризующие. Для определения взаимосвязей между ними использовался канонический корреляционный анализ, на основе которого установлены и проанализированы типы связей как внутри групп, так и между группами. Определены канонические корреляции, первые канонические переменные и полная избыточность, показывающая насколько изменчивость в одной группе факторов объясняется другой группой. Установлены ключевые группы факторов воспроизводства человеческого капитала села.

Ключевые слова: человеческий капитал села, факторы воспроизводства, статистические показатели, канонический корреляционный анализ, избыточность, теснота связи.

The article identifies the main groups of factors affecting the formation and use of human capital in rural areas and the key indicators characterizing them. To determine the relationships between them, canonical correlation analysis was used on the basis of which the types of relationships both within groups and between groups were established and analyzed. Canonical correlations, the first canonical variables and complete redundancy are determined showing how much variability in one group of factors is explained by another group. The key groups of factors for the reproduction of the human capital of the village are established.

Keywords: rural human capital, factors of reproduction, statistical indicators, canonical correlation analysis, redundancy, tightness of connection.

Введение. Согласно Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. «...главной составляющей устойчивого социально-экономического развития страны является улучшение режима воспроизводства населения, определяющего возобновление и качество человеческого капитала» [1, с. 25]. Негативные последствия воспроизводственного процесса имеют наибольшее проявление в сельской местности страны, которая на сегодняшний день характеризуется высоким уровнем депопуляции и старения населения, миграционного оттока. Существующие проблемы формирования и использования человеческого капитала сельских территорий Беларуси определяют актуальность выбранного исследования.

Тема человеческого капитала в научной зарубежной и отечественной практике исследована достаточно глубоко: изучены отдельные аспекты человеческого капитала, определена его роль на уровне организации и национальной экономики, разработаны различные критерии для классификации человеческого капитала. В последние годы многие ученые в своих исследованиях обращаются к формулировке дефиниции человеческого капитала сельского хозяйства и сельской местности (Е.В. Авдеев, С.Е. Кабичкин, Ю.И. Колоскова, И.Г. Кузнецова, Е.Ю. Лалова, Е.П. Овечкина, Г.Ю. Пехтерева, И.Г. Свистунова, Е.И. Тихонов, Е.В. Шаравина, С.А. Шелковников, Ю.И. Колоскова и др.). Немаловажным аспектом в исследованиях является выявление факторов, влияющих на формирование и воспроизводство человеческого капитала села, обзор которых приведен в статье [2, с. 149–150].

Группой российских ученых Д.А. Пекуровским, А.Л. Лебедевым, О.Р. Семиковой предложена следующая классификация факторов, влияющих на формирование и использование человеческого капитала в сельском хозяйстве: социально-экономические, технологические и инфраструктурные, ресурсно-демографические, которые в свою очередь подразделяются на позитивные и негативные [3, с. 142]. В исследовании Г.А. Бахматовой использован подход, направленный на выявление основных ограничителей развития человеческого потенциала сельской местности, то есть препятствий и факторов, сдерживающих его рост. Автор разделяет эти ограничители на три группы: связанные с трудоустройством и величиной доходов жителей, с комфортом проживания и обеспечением качества и доступности медицинского обслуживания. Исходя из этих факторов, установлены показатели для оценки уровня человеческого потенциала села индексным методом [4, с. 4–17]. Также нельзя забывать о влиянии на человеческий капитал сельских территорий макроэкономических факторов, таких как уровень инфляции, темп роста ВВП, величина инвестиций в основной капитал и т. д.

Обобщив подходы различных ученых, нами предложена следующая классификация факторов воспроизводства человеческого капитала села: демографические (D), структурные (S), культурные (K), социальные (C), мезоэкономические (E), макроэкономические (M) факторы. Количественное изменение человеческого капитала села в первую очередь определяется процессами рождаемости, смертности и миграции, образующими группу демографических факторов. Большую роль в формировании человеческого капитала играют культурные факторы, в том числе культурные ценности, особенности менталитета населения и т. д. Структурные факторы включают детерминанты распределения сельского населения по различным критериям, прежде всего, пол и возраст. Доступность учреждений здравоохранения, образования, комфортность жилья формируют группу социальных факторов. Мезоэкономические факторы отражают, прежде всего, возможности трудоустройства, величину доходов и сельских территорий, макроэкономические – республики в целом. Каждая группа факторов характеризуется набором статистических показателей. Целью данного исследования является исследование зависимостей между названными группами показателей с помощью канонических корреляций.

Материал и методы. Выдвигается гипотеза, что сформированная система статистических показателей является системой взаимосвязанных между собой групп показателей, соответствующей принципам системного анализа.

Оценка степени тесноты влияния рассматриваемых групп показателей проводилась по статистическим данным с 2000 по 2020 год методами канонического корреляционного анализа. Информационной базой исследования послужили данные Национального статистического комитета Республики Беларусь [5]. Исходные данные представляли собой временные ряды, поэтому показатели, имеющие абсолютные значения измерения, были преобразованы в темпы прироста с целью устранения автокорреляции в рассматриваемых рядах. Такой переход обеспечил многомерное нормальное распределение статистических данных, что удовлетворяет предпосылкам применения канонического корреляционного анализа. Рассматриваемые группы показателей представлены в таблице 1. Для анализа использовались таблицы MS Excel, ППП Statistica 12.0.

Таблица 1 – Группы показателей, характеризующих воспроизводство человеческого капитала села

Показатели	Характеристика		
D	D1	Численность сельского населения, тыс. чел.	Темпы прироста
	D2	Естественная убыль, тыс. чел.	Темпы прироста
	D3	Миграционная убыль (прирост), тыс. чел.	Темпы прироста
	D4	Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении, лет	Темпы прироста
S	S1	Доля лиц 65 лет и старше, %	Темпы прироста
	S2	Коэффициенты потенциальной нагрузки, %	Исходные данные
	S3	Коэффициенты пенсионной нагрузки, %	Исходные данные
K	K1	Число клубов, единиц	Темпы прироста
	K2	Число публичных библиотек, единиц	Темпы прироста
C	C1	Число розничных торговых объектов, тыс. единиц	Темпы прироста
	C2	Число стационарных больничных организаций, единиц	Темпы прироста
	C3	Число самостоятельных поликлиник и амбулаторий, единиц	Темпы прироста
	C4	Число аптек, единиц	Темпы прироста
	C5	Число автозаправочных станций, единиц	Темпы прироста
	C6	Обеспеченность жильем в среднем на 1 жителя, м ²	Темпы прироста
	C7	Число учреждений дошкольного образования, единиц	Темпы прироста
	C8	Число учреждений общего среднего образования, единиц	Темпы прироста
E	E1	Удельный вес трудовых ресурсов в численности населения, %	Темпы прироста
	E2	Доля занятого населения в сельском и лесном хозяйстве в численности всех занятых в экономике страны, %	Исходные данные
	E3	Удельный вес населения с уровнем среднедушевых ресурсов ниже БПМ, %	Исходные данные
M	M1	ВВП, млрд. руб. до 2015 г., млн. руб. с 2016 г.	Темпы прироста
	M2	Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата, тыс. руб. до 2015 г., руб. с 2016 г.	Темпы прироста
	M3	Объем промышленного производства, млрд. руб. до 2015 г., млн. руб. с 2016 г.	Темпы прироста
	M4	Индекс потребительских цен, %	Исходные данные
	M5	Объем производства сельскохозяйственной продукции, млрд. руб. до 2015 г., млн. руб. с 2016 г.	Темпы прироста
	M6	Индекс сельскохозяйственной продукции, %	Исходные данные

Методология. Канонический корреляционный анализ (ССА) является многомерным статистическим методом, который позволяет установить линейные взаимосвязи между двумя группами переменных [6]. Корреляционная зависимость определяется с помощью канонических переменных, которые представляют собой оптимальные линейные комбинации каждой из групп переменных. Допуская несколько переменных как на «зависимой», так и на «независимой» стороне отношений, ССА позволяет глубже понять связи между группами, чем методы, которые имеют только одну «зависимую» переменную и несколько независимых переменных. ССА оценивает коэффициент или вес, называемый канонической нагрузкой, для каждой переменной. Канонические нагрузки в каждой канонической функции оцениваются так, чтобы максимизировать каноническую корреляцию ($\rho \in [0,1]$) между каноническими переменными, сохраняя при этом ортогональность среди всех других канонических функций.

Пусть X и Y два множества переменных, X состоит из p переменных, Y состоит из q переменных. Рассмотрим два случайных вектора $X_{(p)} = (X_1, X_2, \dots, X_p)'$ и $Y_{(q)} = (Y_1, Y_2, \dots, Y_q)'$. Знак «'» означает транспонирование матрицы. Канонической парой (A_m, B_m) , $m = 1, 2, \dots, p$, называется m -я пара канонических переменных, представляющих собой линейные комбинации

$$A_m = a_m' X = (a_{m1} \ a_{m2} \ \dots \ a_{mp}) \times (X_1, X_2, \dots, X_p)' = a_{m1} X_1 + a_{m2} X_2 + \dots + a_{mp} X_p,$$

$$B_m = b_m' Y = (b_{m1} \ b_{m2} \ \dots \ b_{mq}) \times (Y_1, Y_2, \dots, Y_q)' = b_{m1} Y_1 + b_{m2} Y_2 + \dots + b_{mq} Y_q,$$

каждая из которых имеет единичную дисперсию и некоррелирована с $(m-1)$ парами канонических переменных. Связанные канонические переменные обоих наборов переменных образуют каноническую функцию

$$a_{m1} X_1 + a_{m2} X_2 + \dots + a_{mp} X_p = b_{m1} Y_1 + b_{m2} Y_2 + \dots + b_{mq} Y_q, \quad m = 1, 2, \dots, p.$$

Векторы коэффициентов $a_m = (a_{m1} \ a_{m2} \ \dots \ a_{mp})'$ и $b_m = (b_{m1} \ b_{m2} \ \dots \ b_{mq})'$ представляют собой канонические веса или канонические нагрузки переменных $X_1, X_2, \dots, X_p$ и $Y_1, Y_2, \dots, Y_q$ соответственно. Чем больше абсолютное значение веса, тем больше вклад соответствующей переменной в значение канонической переменной.

Корреляция $\text{corr}(A_m, B_m)$ между A_m и B_m

$$\text{corr}(A_m, B_m) = \frac{\text{cov}(A_m, B_m)}{\sqrt{\text{Var}(A_m)\text{Var}(B_m)}} = \rho_m$$

называется канонической корреляцией ρ_m между канонической парой A_m и B_m и является максимальной для этой пары, $m = 1, 2, \dots, p$.

Векторы коэффициентов $a_m = (a_{m1} \ a_{m2} \ \dots \ a_{mp})'$ и $b_m = (b_{m1} \ b_{m2} \ \dots \ b_{mq})'$, определяющие m -ю пару канонических переменных, удовлетворяют уравнению

$$\begin{pmatrix} -\lambda \Sigma_{pp} & \Sigma_{pq} \\ \Sigma_{qp} & -\lambda \Sigma_{qq} \end{pmatrix} \cdot \begin{pmatrix} a_m \\ b_m \end{pmatrix} = 0$$

при условии $\lambda = \lambda_m$ и выполнении

$$M(A_m) = M(a_m' X) = a_m' M X = 0, \quad M(B_m) = M(b_m' Y) = b_m' M Y = 0,$$

$$\text{Var}(A_m) = a_m' \text{cov}(X) a_m = a_m' \Sigma_{pp} a_m = 1, \quad \text{Var}(B_m) = b_m' \text{cov}(Y) b_m = b_m' \Sigma_{qq} b_m = 1.$$

Здесь $\Sigma_{pp} = \text{cov}(X)$ – ковариационная матрица размерности $p \times p$, характеризующая взаимосвязь между компонентами вектора X , элементами которой являются коэффициенты ковариации $\sigma_{kl}^2(X) = M(X_k - M X_k)(X_l - M X_l)$, $k, l = 1, 2, \dots, p$; $\Sigma_{qq} = \text{cov}(Y)$ – ковариационная матрица размерности $q \times q$, характеризующая взаимосвязь между компонентами вектора Y ; $\Sigma_{pq} = \text{cov}(X, Y) = \Sigma_{qp}'$ – ковариационная матрица размерности $p \times q$, характеризующая взаимосвязь компонент множеств X и Y .

При нахождении канонических корреляций ρ_m , $m = 1, 2, \dots, p$, определяются p собственных значений $\lambda_1 \geq \lambda_2 \geq \dots \geq \lambda_p$ матрицы $\Sigma = \begin{pmatrix} -\lambda \Sigma_{pp} & \Sigma_{pq} \\ \Sigma_{qp} & -\lambda \Sigma_{qq} \end{pmatrix}$.

Канонические корреляции ρ_m всегда неотрицательны, $m = 1, 2, \dots, p$. Чем больше ρ_m , тем сильнее связаны рассматриваемыми множествами переменных X и Y .

Каноническая корреляция 1-го порядка ρ_1 , соответствующая максимальному собственному значению, характеризует каноническую корреляцию между множествами переменных X и Y .

Значимость канонических переменных (или отличие от нуля канонических корреляций) проверяется при помощи χ^2 критерия Бартлетта. Если вычислено p канонических корреляций, то для каждого m ($m = 1, 2, \dots, p$) проверяются гипотезы: $H_0^{(m)} : \rho_m = \rho_{m+1} = \dots = \rho_p = 0$ (все канонические корреляции, начиная с ρ_m , $m = 1, 2, \dots, p$, равны 0) против альтернативной $H_1^m : \rho_m \neq 0$ (по крайней мере ρ_i отличается от 0). При этом учитывается, что $\rho_m \geq \rho_{m+1} \geq \dots \geq \rho_p$. Для проверки гипотез используется статистика $\chi^2 = -(N - m - 0,5(p + q + 1) + \sum_k^{m-1} r_k^2) \ln \Lambda$ с $df = (q - m + 1)(p - m + 1)$ степенями свободы. Здесь N – объем выборки, r_k^2 – оценка канонического коэффициента детерминации, $\Lambda = \prod_{k=m}^p (1 - r_k^2)$ – статистика лямбда Уикса (Wilks' lambda). На уровне значимости α гипотеза H_0^m отклоняется в пользу H_1^m , если $P(\chi^2) < \alpha$, где $P(\chi^2) = 1 - F_{df}(\chi^2)$ – так называемое p -значение, $F_{df}(\chi^2)$ – функция стандартного χ^2 -распределения с df степенями свободы.

Высокая каноническая корреляция не всегда означает наличие сильной связи между двумя множествами переменных, потому что каноническая корреляция максимизирует корреляцию между линейными комбинациями переменных в двух группах, но не максимизирует величину дисперсии в одной группе набором переменных в другой. Поэтому рассчитывается мера избыточности для каждой канонической корреляции, которая показывает, какая часть дисперсии в одном наборе переменных объясняется другим набором переменных [6].

Мера избыточности, характеризующая долю вариации переменных множества Y , которая обусловлена переменными множества X , для m -й канонической корреляции ρ_m , определяется по формуле $RM_{B_m|A_m} = AV(Y|B_m) \cdot \rho_m^2$, где $AV(Y|B_m) = \frac{1}{q} \sum_j^q LY_{mj}^2$ – средняя дисперсия переменных множества Y , которая учитывается канонической переменной B_m , LY_{mj}^2 – нагрузка переменной Y_j на каноническую переменную B_m . Полная избыточность, показывающая насколько вариации во множестве Y объясняется множеством X , равна $RM_{Y|X} = \sum_{j=1}^q RM_{B_m|A_m}$

Результаты. Исследуем взаимосвязи между рассматриваемыми группами показателей воспроизводства человеческого капитала села методами канонического корреляционного анализа.

Рассмотрим группы демографических $D = \{ D1, D2, D3, D4 \}$ и структурных показателей $S = \{ S1, S2, S3 \}$. Среди факторов, характеризующих демографическую составляющую, наибольшая зависимость наблюдается между темпами прироста естественной убыли населения ($D2$) и темпами прироста ожидаемой продолжительности жизни ($D4$), коэффициент корреляции равен $r(D2, D4) = -0,84$. Между всеми структурными показателями наблюдается высокая прямая корреляционная зависимость: $r(S1, S2) = 0,90$, $r(S1, S3) = 0,88$, $r(S2, S3) = 0,98$. Для показателей разных групп прямая корреляция выявлена между темпами прироста естественной убыли сельского населения $D2$ и всеми структурными показателями: темпами прироста населения старше 65 лет и старше, $r(D2, S1) = 0,45$, коэффициентом потенциальной нагрузки $r(D2, S2) = 0,55$, коэффициентом пенсионной нагрузки $S3$, $r(D2, S3) = 0,60$. Между темпами прироста ожидаемой продолжительности предстоящей жизни при рождении $D4$ и всеми структурными показателями выявлен отрицательная взаимосвязь: $r(D4, S1) = -0,46$, $r(D4, S2) = -0,55$, $r(D4, S3) = -0,53$.

Каноническая корреляция равна $R = 0,90$, что свидетельствует о наличии высокой зависимости между группой демографических показателей D и группой структурных показателей. Значение критерия Бартлетта $\chi^2 = 30,79$, $p = 0,002$, говорит о значимости R . Из трех вычисленных канонических корней значимым является только первый канонический корень. Поэтому статистически значимой является только первая пара канонических переменных, которая представляет собой взвешенные суммы:

$$\begin{cases} A_1 = 0,72D_1 - 0,33D_2 - 0,63D_3 - 0,10D_4, \\ B_1 = 0,02S_1 - 5,48S_2 + 5,59S_3. \end{cases}$$

Наибольший вклад в каноническую переменную A_1 вносят показатели D_1 и D_3 , причем темпы прироста численности сельского населения D_1 обнаруживают положительное влияние, а темпы прироста миграционной убыли D_3 – отрицательное. В каноническую переменную B_1 приблизительно равный вклад вносят коэффициенты потенциальной (S_2) и пенсионной (S_3) нагрузок, причем с разными знаками: S_2 оказывает отрицательное влияние, S_3 – положительное.

Полная избыточность для группы демографических показателей D равна 47,66 %, то есть полная вариация демографических показателей D объясняется 47,66 % вариации структурных показателей S , которые с другой стороны объясняются на 33,44 % вариации показателей группы D .

Модель первой канонической корреляционной функции можно представить в виде схемы, изображенной на рисунке 1.

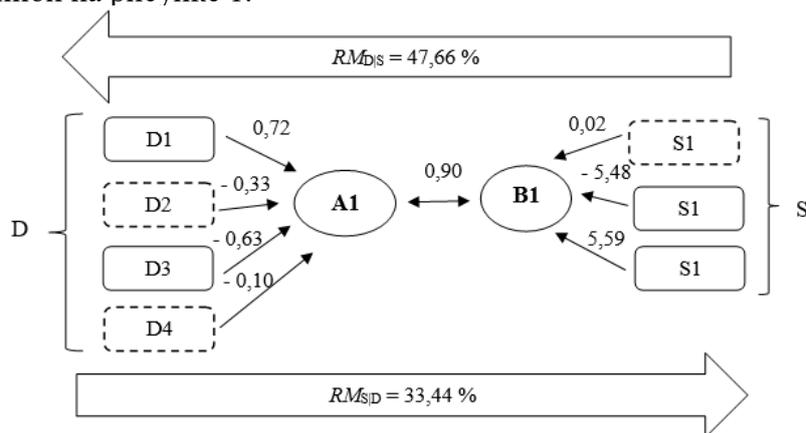

Рисунок 1 – Модель первой канонической пары групп D и S :
 [---] – незначительный вклад показателя в каноническую переменную;
 [ ] – значительный вклад показателя в каноническую переменную

Аналогично проведено исследование взаимосвязи между остальными группами показателей. Результаты представлены в таблице 2.

Теснота связи между группами определяется показателями канонической корреляции и полной избыточности. Все группы рассматриваемых показателей являются взаимосвязанными, но уровень их влияния друг на друга различный. Если величина канонической корреляции близка к 1, то можно говорить тесной взаимосвязи между группами. В случае, когда величина полной избыточности составляет 30 и более процентов, то можно говорить о сильном влиянии группы показателей на другую группу, если менее 30 процентов – о слабом.

К примеру, вариация группы демографических показателей D на 5,4 % объясняется вариацией группы культурных показателей K , а изменение культурных показателей на 17,7 % находится под влиянием группы D . Соответственно, можно говорить, что связь между названными группами показателей для сельской местности Беларуси является слабой. В то же время взаимосвязь социальных и макроэкономических показателей можно определить как сильную, поскольку изменение одной группой показателей примерно на 50 % объясняется изменением другой группы факторов.

Исходя из этого допущения, обозначены три следующие разновидности взаимосвязи между группами показателей воспроизводства человеческого капитала села Беларуси.

Первая разновидность представляет собой взаимное сильное влияние групп показателей друг на друга. Такая взаимозависимость установлена для следующих парных группировок показателей: демографическими и социальными, демографическими и структурными, демографическими и макроэкономическими, демографическими и мезоэкономическими, социальными и макроэкономическими, социальными и культурными, социальными и структурными, макроэкономическими и мезоэкономическими, макроэкономическими и социальными, макроэкономическими и структурными, мезоэкономическими и структурными. Очевидно, что большинство групп рассматриваемых показателей являются взаимообусловленными и имеют тесную связь.

Также можно выделить группы показателей, между которыми определена взаимная слабая связь. Так, сюда относятся культурные и мезоэкономические, культурные и демографические, культурные и структурные показатели. Влияние этих групп показателей друг на друга составляет менее 30 %.

Таблица 2 – Результаты анализа канонических корреляций между группами показателей, характеризующих воспроизводство человеческого капитала села Беларуси

Группы	Первые канонические переменные	Каноническая корреляция	Полная избыточность
Д и К	$\begin{cases} A_1 = 1,13D_1 - 1,94D_2 - 0,43D_3 - 0,89D_4, \\ B_1 = 0,43K_1 - 1,37K_2 \end{cases}$	$R = 0,44, \chi^2 = 4,73, p = 0,785$	$RM_{КД} = 17,67\%$ $RM_{ДК} = 5,37\%$
Д и С	$\begin{cases} A_1 = 0,05D_1 - 2,01D_2 - 1,14D_3 - 0,82D_4, \\ B_1 = -0,04C_1 + 4,67C_2 - 4,79C_3 + 0,18C_4 + 0,23C_5 + 0,31C_6 + 0,08C_7 - 1,05C_8 \end{cases}$	$R = 0,94, \chi^2 = 25,42, p = 0,07$	$RM_{СД} = 34,92\%$ $RM_{ДС} = 53,06\%$
Д и Е	$\begin{cases} A_1 = 0,69D_1 - 1,91D_2 - 0,39D_3 - 2,14D_4, \\ B_1 = -0,79E_1 + 0,16E_2 - 0,59E_3 \end{cases}$	$R = 0,85, \chi^2 = 18,87, p = 0,09$	$RM_{ЕД} = 48,58\%$ $RM_{ДЕ} = 31,38\%$
Д и М	$\begin{cases} A_1 = 1,38D_1 - 1,18D_2 + 0,07D_3 - 0,98D_4, \\ B_1 = 0,22M_1 - 0,55M_2 + 0,93M_3 - 0,03M_4 - 1,25M_5 - 0,367M_6 \end{cases}$	$R = 0,81, \chi^2 = 17,51, p = 0,08$	$RM_{МД} = 30,61\%$ $RM_{ДМ} = 21,07\%$
С и К	$\begin{cases} A_1 = -0,40S_1 - 4,67S_2 + 4,56S_3, \\ B_1 = -1,32K_1 + 0,38K_2 \end{cases}$	$R = 0,31, \chi^2 = 1,52, p = 0,96$	$RM_{КС} = 7,73\%$ $RM_{СК} = 2,43\%$
С и С	$\begin{cases} A_1 = 0,21S_1 + 2,21S_2 - 3,08S_3, \\ B_1 = 0,17C_1 - 0,29C_2 - 0,13C_3 - 0,08C_4 + 0,21C_5 + 0,20C_6 + 1,20C_7 - 0,63C_8 \end{cases}$	$R = 0,95, \chi^2 = 33,63, p = 0,09$	$RM_{СС} = 62,48\%$ $RM_{СС} = 37,59\%$
С и Е	$\begin{cases} A_1 = -0,19S_1 + 2,82S_2 - 1,84S_3, \\ B_1 = -0,20E_1 - 1,51E_2 + 1,17E_3 \end{cases}$	$R = 0,83, \chi^2 = 16,71, p = 0,05$	$RM_{ЕС} = 30,55\%$ $RM_{СЕ} = 46,89\%$
С и М	$\begin{cases} A_1 = -1,55S_1 - 0,75S_2 + 1,50S_3, \\ B_1 = -0,61M_1 + 0,09M_2 + 1,86M_3 + 1,07M_4 + 3,21M_5 - 0,40M_6 \end{cases}$	$R = 0,76, \chi^2 = 22,40, p = 0,22$	$RM_{МС} = 35,34\%$ $RM_{СМ} = 36,79\%$
К и С	$\begin{cases} A_1 = -1,61K_1 + 2,06K_2, \\ B_1 = -0,65C_1 + 1,23C_2 - 0,35C_3 + 0,11C_4 - 0,65C_5 - 0,34C_6 - 0,24C_7 + 0,36C_8 \end{cases}$	$R = 0,99, \chi^2 = 43,74, p = 0,0002$	$RM_{СК} = 37,90\%$ $RM_{КС} = 82,64\%$
К и Е	$\begin{cases} A_1 = -1,83K_1 + 1,17K_2, \\ B_1 = -0,38E_1 + 0,93E_2 - 1,30E_3 \end{cases}$	$R = 0,45, \chi^2 = 3,39, p = 0,07$	$RM_{ЕК} = 6,83\%$ $RM_{КЕ} = 13,00\%$
К и М	$\begin{cases} A_1 = -1,38K_1 + 0,46K_2, \\ B_1 = 0,01M_1 - 0,25M_2 - 3,53M_3 + 1,59M_4 + 2,60M_5 - 0,21M_6 \end{cases}$	$R = 0,68, \chi^2 = 10,1, p = 0,60$	$RM_{МК} = 5,09\%$ $RM_{КМ} = 37,23\%$
С и Е	$\begin{cases} A_1 = -0,26C_1 - 5,38C_2 + 5,05C_3 - 0,25C_4 + 0,25C_5 - 0,32C_6 - 0,85C_7 + 0,72C_8, \\ B_1 = -0,09E_1 - 0,99E_2 - 0,01E_3 \end{cases}$	$R = 0,94, \chi^2 = 20,11, p = 0,06$	$RM_{ЕС} = 56,29\%$ $RM_{СЕ} = 21,17\%$
С и М	$\begin{cases} A_1 = -0,33C_1 + 0,12C_3 - 0,01C_6 + 0,32C_8, \\ B_1 = -0,85M_1 + 1,62M_2 + 1,02M_3 - 0,15M_4 - 1,32M_5 - 0,24M_6 \end{cases}$	$R = 0,97, \chi^2 = 54,28, p = 0,00$	$RM_{МС} = 50,43\%$ $RM_{СМ} = 50,52\%$
Е и М	$\begin{cases} A_1 = 0,31E_1 - 0,65E_2 + 1,28E_3, \\ B_1 = 4,53M_1 - 0,05M_2 + 1,12M_3 - 2,03M_4 - 4,63M_5 + 0,97M_6 \end{cases}$	$R = 0,86, \chi^2 = 21,19, p = 0,26$	$RM_{ЕМ} = 41,34\%$ $RM_{МЕ} = 31,99\%$

Как видно, в случае взаимной сильной и слабой связи между группами переменных, их влияние является однонаправленным. Однако также выявлены группы показателей, имеющих обратную связь. То есть отмечается сильное воздействие одной группы показателей на другую, но вторая группа показателей влияет на первую слабо.

Схематично выделенные взаимосвязи между группами факторов воспроизводства человеческого капитала сельских территорий представлены на рисунке 2.

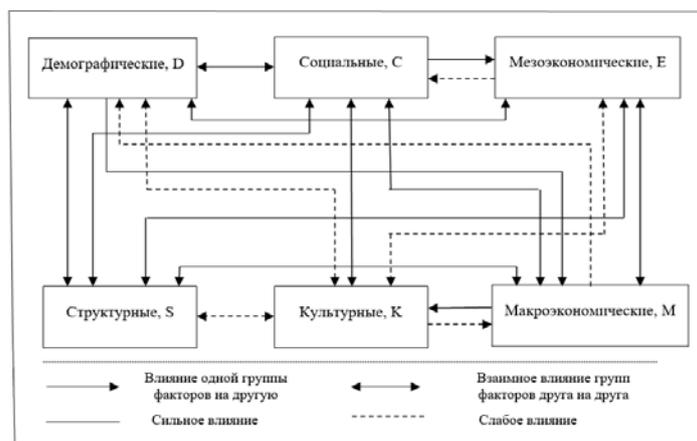

Рисунок 2 – Взаимосвязи между группами факторов воспроизводства человеческого капитала сельских территорий Беларуси

Заключение. Проведенное нами исследование позволило выявить наличие связи между выделенными группами показателей и определить тип связи между ними: взаимная (сильная или слабая) и обратная. Используемая методика также дает возможность установить, какие сферы являются приоритетными в развитии человеческого капитала сельских территорий. Полученные результаты показали, что наибольший эффект могут принести вложения в демографическую, структурную и социальную составляющие человеческого капитала села, поскольку каждая из этих групп факторов имеет тесную связь с большинством иных групп факторов. Важное влияние на формирование человеческого капитала села оказывают экономические процессы как на уровне республики, так и на уровне сельских территорий. Таким образом, для сокращения депопуляции сельского населения с последующим переходом к стабилизации его численности и оптимизации половозрастной структуры необходима реализация мероприятий по повышению уровня доходов сельских жителей, комфортности их жилищных условий, доступности учреждений здравоохранения, образования, общественной торговли и питания, созданию дополнительных рабочих мест.

Литература

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. / ГНУ «Научно-исследовательский экономический институт». – Минск, 2015. – 143 с.
2. Лин, С. Д. Воспроизводство человеческого капитала сельских территорий : теоретические подходы / С. Д. Лин // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2019. – № 5 (116). – С. 149–152.
3. Пекуровский, Д. А. Особенности формирования и использования человеческого капитала в аграрном секторе, занятость и доходы сельского населения / Д. А. Пекуровский, А. Л. Лебедев, О. Р. Семикова // Экономические науки. – 2021. – № 3 (196). – С. 139–145.
4. Бахматова, Г. А. Оценка человеческого потенциала сельских территорий / Г. А. Бахматова // Научный журнал Российского НИИ проблем мелиорации. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 274–290.
5. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. Демографическая и социальная статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Search?code=1063066>. – Дата доступа : 25.05.2022.
6. Sharma, S. Applied multivariate techniques / S. Sharma. – Canada : John Wiley and Sons, Inc., 1996. – 493 p.

Азиатская модель развития национальной инновационной системы на примере Китая

В.М. САЗОНОВА, Е.А. ЗАПАДНЮК

В статье рассматриваются вопросы формирования и развития национальной инновационной системы Китая. Представлены исторические аспекты, повлиявшие на эволюцию научно-технической сферы КНР. Сформулированы факторы, оказывающие влияние на состояние экономики. Особое внимание уделено проблемному характеру развития рынка научной продукции. Рассмотрены достижения Китая в области трансфера технологий. Освещены ключевые моменты политики Китая в области инноваций, сделаны выводы о результатах реформ и перспективах дальнейшего развития научно-технологической сферы.

Ключевые слова: национальная инновационная система, технологический рынок, наукоёмкая продукция, международный обмен, трансфер технологий, экономика знаний, экспорт, мировой рынок, инвестиции, стратегические отрасли.

The article deals with the formation and development of China's national innovation system. The historical aspects that influenced the evolution of the scientific and technical sphere of the PRC are presented. The factors influencing the state of the economy are formulated. A particular attention is paid to the problematic nature of the development of the market of scientific products. The achievements of China in the field of technology transfer are considered. The key points of China's policy in the field of innovation are highlighted; the conclusions are drawn about the results of reforms and the prospects for further development of the scientific and technological sphere.

Keywords: national innovation system, technology market, science-intensive products, international exchange, technology transfer, knowledge economy, export, world market, investments, strategic industries.

Уровень и качество используемых технологий напрямую влияет на конкурентоспособность государства на мировом рынке. Технологический рынок постоянно развивается и трансформируется, в том числе, благодаря трансферу технологий. Так как основным источником развития промышленности в передовых экономиках мира являются инновационные технологии, экономический рост развитых стран напрямую зависит от уровня их использования [1]. Одним из интереснейших примеров опыта международного обмена и использования инновационных технологий является КНР.

Китай по праву считался лидером в области инноваций еще со времен четырех великих изобретений: бумага и книгопечатание, порох и компас. Однако за период с 1820 по 1973 гг. доля КНР в мировой экономике значительно сократилась – с 33 % до 4,6 %.

Сегодня, благодаря беспрецедентным темпам развития науки и технологий, Китай постепенно возвращает себе роль мирового инновационного лидера. Рывок в сфере научно-исследовательских опытно-конструкторских работ и инноваций способствовал созданию новых современных товаров и технологий, пользующихся огромной популярностью на мировых рынках. Появились великие китайские изобретения, которые признаны мировым экономическим сообществом: скоростные железные дороги, системы электронных платежей и системы электронной торговли, велошеринг и многое другое. Уже сегодня по уровню развития науки и технологий Китай занимает ведущее место в мире. Трудолюбие, образованность, энергия китайского народа являются теми факторами, которые благоприятствовали инновационному прорыву страны, аналитики называют это «китайским инновационным чудом».

Для азиатской модели экономики в целом, и Китая, в частности, характерна очень сильная, можно сказать, авторитарная роль государства. Это связано с прочно закрепившимися в настоящем традиций монархического прошлого. Согласно исследованиям азиатско-китайской модели экономики присущи следующие общие черты:

- авторитарная власть, жесткая, но не лишенная профессионализма;
- долгосрочное планирование и прогнозирование развития экономики, базирующееся на определенных национальных приоритетах;
- контроль над финансовыми потоками;
- импорт высокотехнологичного оборудования для производства конкурентной продукции и наращивания объемов экспорта, выход на мировой рынок и получения валюты;

- стимулирование инвестиций и сбережений;
- налоговые льготы в сфере инноваций и НИОКР;
- высокий уровень системы образования;
- создание крупных государственных корпораций и большое количество государственных структур в стратегических отраслях.

В начале 1990-х гг. Китай выбрал трансфер технологий в качестве главного стимулирующего фактора в процессе инновационного развития страны. Принято считать, что ключевой особенностью Китая, напрямую влияющей на стремительную динамику его развития, является дешевая рабочая сила. Однако в 21 веке на смену ей пришла новая движущая сила – стремительное развитие инновационной деятельности. Оглушительный успех второй по величине мировой экономики, которая за сравнительно короткий срок стала технологическим лидером, привлекает огромное внимание ученых всего мира. Возникла острая необходимость изучать национальную инновационную систему Китая с целью перенять опыт, на основе которого разрабатывать методики реформирования экономик своих стран.

Китай осуществляет целый комплекс мер, чтобы к 2050 г. достичь главной цели – построить в стране экономику знаний. Экономика знаний Китая подразумевает постоянное превращение новых знаний в новые технологии, новые товары и услуги. Изучение экономики знаний ведется китайскими учеными с конца 90-х гг. прошлого века. В докладе организации экономического сотрудничества и развития 1997 г. есть формулировка этого понятия, как «экономики, основанной на производстве, распределении и использовании знаний и информации» [2].

Впервые термин «экономика знаний» появился в 1962, когда Фриц Махлуп, австрийский и американский экономист, сказал, что «экономика знаний – это экономика, в которой знания играют решающую роль в создании общественного богатства» [3].

Определение инновациям можно найти в трудах Эдмунда Фелпса, выдающегося американского экономиста, который в 2006 г. стал лауреатом Нобелевской премии по экономике за «анализ межвременного обмена в макроэкономической политике». Он утверждает, что «инновация – это новый метод или новый продукт, который становится новой практикой в какой-то части мира» [4].

Достижения Китая в области инноваций феноменальны и во многом обеспечены активной поддержкой государства, которое проводит эффективную политику продвижения новых технологий, создает и поддерживает уникальную национальную инновационную систему, помогает высокотехнологичному бизнесу, стимулирует рост инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки. Существует так называемая «тройная спираль Ицковича» – одна из концепций национальной инновационной системы. Сущность данной концепции заключается в том, что центральное место в НИС отводится университетам, которые производят знания, накапливают их и осуществляют трансфер в экономику. Основной движущей силой в этой спирали является малый и средний бизнес [5].

Китай успешно реализовал данную концепцию в своей инновационной политике и достиг эффективного партнерства между государством, наукой и бизнесом. В 1964 г. Чжоу Энлаем была выдвинута политика четырех модернизаций, которую также впоследствии поддержал Дэн Сяопин. Так возникла идея «превратить Китай в мощное социалистическое государство с современным сельским хозяйством, современной промышленностью, современной обороной и современной наукой и техникой» [6].

Свою теорию технического прогресса Дэн Сяопин построил на решающей роли инновационной политики и создании собственной национальной инновационной системы [7].

В Китае наступила эпоха экономических реформ, которые получили название «Политика открытости», началось создание новой национальной инновационной системы. В 1980–1983 гг. в Китае были образованы пять особых экономических зон, где апробируются новые технологии для последующего использования уже по всей стране. Активно привлекаются иностранные инвестиции при условии трансфера новых технологий, устаревшие импортные технологии на китайский рынок не проникают.

С 1985 по 1995 гг. большинство научно-исследовательских институтов прикладного характера исследований были преобразованы и стали частью различных промышленных предприятий. Некоторые были полностью ликвидированы, а институты, занимающиеся фундаментальной наукой, вошли в состав университетов и Академии наук Китая.

Изменения коснулись и системы финансирования в сфере науки и инноваций. Бюджетное финансирование сократилось, мотивируя, таким образом, научно-исследовательский сектор экономики на самостоятельный поиск источников средств. Так появилась система хозяйственных контрактов на проведение исследовательских работ между промышленностью, субъектами предпринимательства и научными организациями.

Субъекты НИОКР и университеты получили большую самостоятельность при подборе кадров и выборе рынков сбыта, больше прав при заключении договоров и расходованию денежных средств. Также одновременно появился закон, который позволил изобретателям получать патенты на свои разработки и соответственно плату за их использование. Политику правительства и реформы поддержали китайские ученые, инженеры и предприниматели.

Реформы подтолкнули Китай к активному поиску иностранных инвестиций. В связи с этим был создан фонд «Китайская корпорация по инвестированию в новые технологичные предприятия», который получил значительные привилегии по инвестированию в венчурные проекты и был поддержан Министерством финансов Китая, а также Комиссией по Науке и Технологиям [8].

Необходимо отметить, что, несмотря на все очевидные плюсы экономических реформ, Китай в инновационном развитии по-прежнему играл роль «догоняющего». Поэтому правительство страны в 2002 г. на одном из съездов КПК высказалось о необходимости реформирования экономики с целью перехода на инновационный путь развития.

С целью стимулирования деятельности, а также для поддержания бизнеса и промышленности появились различные фонды, призванные финансировать наукоемкие малые и средние предприятия и организации, занимающиеся фундаментальными научными исследованиями [9].

Наряду с этим был принят ряд мер по защите прав интеллектуальной собственности, а также по упрощению процессов, связанных с коммерциализацией результатов научной деятельности.

Обобщая всё вышесказанное, можно обозначить основные цели, принципы и способы реформирования национальной инновационной системы Китая, а также основной порядок взаимодействия между наукой и индустриальным сектором экономики. Главными принципами можно назвать открытость и развитие конкуренции.

Стратегическими целями научно-технической и инновационной политики КНР стали: развитие технологического потенциала и углубление фундаментальных и прикладных научных исследований; внедрение новых технологий во все отрасли промышленности и сферы деятельности страны; формирование национальной инновационной модели, не противоречащей социально ориентированной политике развития экономики государства.

Правительство КНР сформулировало несколько основных задач, которые должны были быть выполнены в ходе проведения инновационных реформ:

- высокий темп экономического роста;
- стимулирование рыночной конкуренции;
- либерализация инвестиций;
- эффективное использование трудовых ресурсов;
- ориентирование экономики на экспорт продукции;
- развитие мелкого и среднего бизнеса, поддержка частного предпринимательства [10].

Одним из элементов, проводимой Китаем «политики открытости», является подготовка научных кадров за границей. С целью повышения уровня образования трудовых ресурсов было принято решение снять многочисленные ограничения на выезд за рубеж на работу или учебу. Однако, во избежание так называемой «утечки мозгов» были созданы очень привлекательные условия для тех, кто желает начать успешный бизнес в своей стране. Одновременно стали создаваться совместные транснациональные корпорации, в частности с США, которые активно инвестируют в свои дочерние китайские компании, а также поддерживают двусторонние отношения между университетами и государственными ведомствами. Стала расти заработная плата специалистов, наращиваться и модернизироваться материальная база [11].

Для более эффективного развития научно-технической политики Министерством науки и технологий КНР было принято несколько специальных документов:

– задача изучить, а также внедрить в производство, основные технологии, играющие решающую роль в социально-экономическом развитии страны, были отражены в программе, которая получила название «штормовой план» и финансировалась правительством и средствами провинций;

– программа «Искра» – направлена на развитие сельского хозяйства путем внедрения новых научно-технических достижений. Обеспечивается кредитами банков, поддержкой правительства и общественности;

– план внедрения научно-технических достижений самых приоритетных научных направлений – ориентирован на создание благоприятных условий для запуска инновационных технологий во всех отраслях индустрии. Финансируется за счет кредитов, средств инвесторов, предприятий и общественности. Практически не используются бюджетные средства;

– инновационное развитие в социальной сфере и связанных с ней отраслях призвана была обеспечивать научно-техническая программа, направленная на социальное развитие;

– высокие технологии и развитие приоритетных направлений, таких как, например: энергетика, биоинженерия, космос, информатика, мировой океан и т. д. отражены в программе «863»;

– программа «Факел» была предназначена для решения таких основных задач как коммерциализация результатов научных исследований и новых технологий, запуск производства наукоемкой и высокотехнологичной продукции. Финансируется за счет общественных средств, некоторые проекты могут быть поддержаны правительством;

– программа «973» направлена на интенсификацию фундаментальных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ [11].

Таким образом, благодаря эффективной научно-технической политике государства в Китае создана быстроразвивающаяся крупная национальная инновационная система, выручка от реализации инновационных продуктов и технологий постоянно увеличивается. За последние годы КНР смогла значительно увеличить производство наукоемкой высокотехнологичной продукции, а также обеспечить рост ее экспорта и снижение сырьевой зависимости [12].

Таким образом, анализируя всё вышесказанное, необходимо отметить, что развитие Китая в научно-технологической сфере имеет свою особенность. При значительном усилении роли рынка сохранилось серьезное влияние государства при выборе направления и путей развития страны. Под постоянным контролем правительства находятся земельные ресурсы, строительство, инвестиции, автомобильный и финансовый рынок. Также под неусыпным контролем государства находятся национальные программы научных исследований и разработок.

Можно с уверенностью сказать, что опыт Китая в области развития национальной инновационной системы успешен. Государство использовало достижения других государств, адаптировало его к своим условиям с учетом национальных особенностей и специфики своей экономической системы. Таким образом, Китаю удалось добиться высоких результатов в области научно-технологического прогресса. Для стран, где национальная инновационная политика еще не сформирована или только ступила на путь своего развития, опыт КНР будет полезен для выработки стратегии по модернизации национального хозяйства и более эффективного включения в мировую политику.

Литература

1. Бертош, Е. В. Воздействие международного трансфера технологий на национальную экономику: теоретический и практический аспекты / Е. В. Бертош // *Вестник БГУ*. – 2012. – № 1. – С. 67–70.
2. Годен, Б. Национальная инновационная система: системный подход в исторической перспективе / Б. Годен // *Наука, технологии и исторические ценности*. – 2009. – № 4. – С. 476–501.
3. Махлуп, Ф. Производство и распространение знаний в США / Ф. Махлуп ; пер. с англ. И. И. Дюмулена [и др.]. – М. : Прогресс, 1966. – 462 с.
4. Феллпс, Э. Массовое процветание. Как низовые инновации стали источником рабочих мест, новых возможностей и изменений / Э. Феллпс ; пер. с англ. Д. Кралечкина – М., 2015. – 472 с.
5. Ицкович, Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / Г. Ицкович ; пер. с англ. под ред. А. Ф. Уварова. – Томск : Изд-во Томск, ТГУСУР, 2010. – 238 с.
6. Селищев, А. С. Китайская экономика в XXI веке / А. С. Селищев, Н. А. Селищев. – СПб. : Питер, 2004. – 239 с.
7. Сяопин, Дэн Основные вопросы современного Китая [Электронный ресурс] / Дэн Сяопин. – Режим доступа : <http://www.kprf.ru/library/classics/marxism/3849.html>. – Дата доступа : 12.03.2022.
8. Островский, А. В. Китайская модель перехода к рыночной экономике / А. В. Островский. – М. : ИДВ РАН, 2007. – 238 с.
9. Лепский, В. Е. Совершенствование национальной инновационной системы / В. Е. Лепский // *Высокие технологии XXI века : материалы IX Международного форума, Москва, 22–25 апреля 2008 г.* – М. : Сколково, 2008. – С. 256–261.
10. Научно-технический прогресс в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://by.china-embassy.org/rus/zgxx/kj/t221080.html>. – Дата доступа : 28.02.2022.
11. Чэнь, Ц. Государство в инновационной экономике Китая / Ц. Чэнь ; под науч. ред. Б. В. Сорвинова. – Брянск : Дельта, 2012. – 161 с.
12. Карлусов, В. Китай : Антикризисный потенциал экономики и меры борьбы с мировым кризисом / В. Карлусов // *Вопросы экономики*. – 2009. – № 6. – С. 125–136.

Анализ современных инновационных направлений совершенствования МСП в сфере спорта

А.В. ШИШКО

В статье сделан статистический обзор развития малого и среднего предпринимательства (МСП) в такой сфере социальной направленности, как спорт. Крайне редки публикации по исследованию этой области. Автор делает ряд предложений по внедрению элементов цифровизации в спортивную индустрию на основе обобщения зарубежного опыта.

Ключевые слова: малый бизнес, предпринимательство, спорт, цифровая платформы, государственное регулирование, киберспорт.

The development of small and medium-sized businesses (SMBs) in such a social area as sports is statistically reviewed in the article. The publications on research in this area are extremely rare. The author makes a number of proposals for the introduction of digitalization elements into the sports industry based on the generalization of foreign experience.

Keywords: small business, entrepreneurship, sports, digital platforms, government regulation, cyber sport.

Введение. В то время как спорт и физическая активность занимают все большее место в нашей жизни во многих отношениях, сообщество спортивных исследований и инноваций становится более организованным и лучше скоординированным в своем взаимодействии с представителями других смежных секторов. Всемирная организация здравоохранения утверждает, что отсутствие спорта и физической активности является основным риском смертности. С ростом неактивного населения потребность в спорте как никогда высока, особенно с ростом Е-занятости и цифровизации хозяйственных связей.

С началом пандемии в 2020 г. весь спортивный сектор очень сильно пострадал от ограничений. Хотя пандемия оказала негативное влияние на многие спортивные клубы, она также заложила основу для беспрецедентных изменений в том, как мы работаем, общаемся и занимаемся спортом. Произошло много нововведений, и они коснулись и спортивной сферы.

Давайте подумаем, например, сколько сейчас людей посещают онлайн-тренировки, проводимые их спортивным клубом или личными тренерами. Инновации могут увеличить участие граждан в спорте и физической активности. Это может привести к появлению новых бизнес-моделей, приносящих пользу всему сектору. Его можно направить на улучшение здоровья и устойчивости [1].

Уровень готовности малого бизнеса к цифровизации спорта в Беларуси. Спортивная индустрия – это широкомасштабный бизнес, на долю которого приходится 1,5–2 % мирового ВВП. В бизнес-экосистеме участвуют различные заинтересованные стороны, такие как спортивные объекты (имеются в виду лиги, федерации, клубы и спортсмены), спонсоры, вещательные компании, государственный сектор, инвесторы и агентства (среди прочих), которые способствуют постоянному росту отрасли. На самом деле респонденты считают, что экономическое значение спортивной индустрии в будущем, безусловно, будет расти, и они определяют, что технологии будут играть ключевую роль в качестве одного из первых ключевых факторов роста к 2025 г. Трансляция и спонсорство будут вносить основной вклад в общий рост отрасли, поскольку новые цифровые решения открывают больше возможностей и способствуют развитию их бизнес-моделей [1].

На самом деле новые ОТТ-платформы создают растущую конкуренцию традиционному телевизионному сегменту и, по прогнозам, станут самым быстрорастущим источником дохода. ОТТ-платформы – платформы, предоставляющие видеоконтент через интернет. Более того, внешние инновационные рекламные решения и принятие новых возможностей для создания прямого доступа к потребителю, и персонализированный цифровой контент сыграют важную роль в росте спонсорского вклада в спортивную индустрию.

Бренды смогут разрабатывать более эффективные стратегии спонсорства и использовать доступные технологии для предоставления персонализированного опыта своей целевой аудитории и повышения лояльности. Также с помощью OTT-платформ болельщики могут наблюдать за спортивными событиями с помощью VR- и AR-технологий, как будто они находятся на спортивном событии в данный момент.

Как ни странно, но первый раз использовали AR-технологии во время пандемии, именно в Беларуси и именно магистрант, автор данной статьи. В марте 2020 г., когда весь футбольный мир сделал паузу, белорусский футбольный чемпионат продолжил проводить матчи. Весь мир тогда начал наблюдать за чемпионатом Беларуси по футболу. Компания РСМ, которая предоставляла футбольному клубу «Динамо-Брест» услуги по маркетингу и организации мероприятий во время футбольного матча, начала продавать виртуальные билеты за реальные деньги. После нескольких матчей об этом новшестве писали в американских СМИ на канале ESPN, в Англии на канале Sky Sports и в других [2].

Российские телекомпании также начали внедрять к себе в пустующие студии виртуальных болельщиков (манекены), ссылаясь на нашу идею. В таблице 1 представлена информация о возможностях OTT-платформ и получение прибыли от их работы.

Пока еще рано говорить, что OTT-платформы быстро вытеснят цифровое телевидение, так как передачи будут дублироваться и на цифровом телевидении. Люди 35+ лет уже привыкли получать новости именно из телевизора, а не через интернет, но отрицать популярность OTT-платформ тоже не стоит (таблица 1).

Таблица 1 – Дополнительные преимущества OTT-платформ в спорте

Вид работ	Ключевые возможности	Монетизация
Работа с данными	– OTT-сервисы могут детально сегментировать свою аудиторию, что является надежной основой для формирования положительного потребительского опыта; – грамотное использование данных позволяет платформам выявлять актуальный контент, предлагать персонализированные рекомендации и анализировать значимость различных характеристик своего продукта для потребителя.	Использование данных, собираемых платформой, для точного сегментирования аудитории при программатик-закупках рекламы
Иммерсивность	– закрытие трибун для болельщиков подстегнуло спрос на иммерсивный просмотр спортивных соревнований в цифровой среде; – благодаря 5G растут возможности использования VR и AR. OTT-платформы и ранее экспериментировали с технологиями смешанной реальности, сейчас настало время для активного внедрения.	VR-трансляции по премиальным ценам; виртуальный продукт-плейсмент
Интерактивность	– OTT-платформы сильно отличаются от традиционного ТВ своей социальной составляющей: например, во время стримов зрители могут общаться друг с другом, используя интерфейс OTT-платформы; – культуру болельничества в спорте можно развивать и на OTT-платформах, организуя общение болельщиков между собой или с их кумирами в digital-среде.	Публикация брендированного контента в чатах во время игр; предложение платного просмотра соревнований со звездами в качестве ведущих трансляций
Персонализация	– масштаб решений по персонализации контента растет вместе с развитием технологий хранения и обработки данных; – персонализация помогает показывать потребителю контент, который ему нравится, и скрывать нерелевантные видео, в то же время оставляя возможность для поиска нового контента.	Персонализированная реклама во время прямых трансляций
Геймификация	– основываясь на растущую популярность фэнтези-турниров и их органичные связи с беттингом, геймификация предстает наиболее перспективной возможностью для монетизации на OTT-платформах; – создание программ лояльности с элементами геймификации очень актуально в условиях борьбы OTT-платформ с оттоком пользователей.	Интеграция букмекеров для принятия ставок; проведение фэнтези-турниров со взносами за участие

Примечание: источник [3, с. 13].

«Умные» спортивные площадки и приложения смогут помочь болельщикам добраться до стадиона, предоставляя ценную информацию и обновленную информацию о наличии парковки, пробках или задержках общественного транспорта, а также использовать искусственный интеллект или даже виртуальную реальность для устранения всех этих различных факторов, которые обычно являются «головной болью» для обслуживающего персонала.

Оказавшись на стадионе, сбор данных также позволит операторам стадиона получить представление о потоках людей, и на основе этих данных цифровые платформы также предоставят болельщикам удобные маршруты к своим местам через менее загруженные ворота или позволят любители узнать состояние очередей в ваннах комнатах, ресторанах и магазинах товаров в режиме реального времени. Эти нововведения потенциально могут предложить бесконечный набор услуг, включая продажу цифровых билетов, подтверждение цифрового доступа и системы безналичных платежей (между прочим), которые будут иметь ключевое значение для болельщиков при удобном и безопасном входе на стадионы [4].

Одни из основных инноваций – это носимые устройства и датчики, которые встраиваются в спортивную одежду, прикрепляются к телу игрока (например, в виде браслета) и интегрируются в спортивный инвентарь, такой как мячи. Эти инструменты полезны для измерения скорости, ускорения или замедления, пройденное расстояние и вариабельность сердцебиения спортсмена (между другими факторами), которые в совокупности создают общий профиль игрока. Делая еще один шаг вперед, тренеры могут даже получить представление о качестве сна игроков или их болезненности после тренировок.

Например, если игрок получает травму мягких тканей из-за чрезмерной тренировки, тренер сможет поделиться информацией с физиологом, чтобы понять причину этой травмы и предотвратить ее повторение (анализируя, сколько дней восстановления, которые ему нужны между тренировками, и помощь игрокам в том, когда лучше всего вернуться к игре).

В частности, респонденты считают, что совершенствование технологий будет играть ключевую роль в минимизации и предотвращении травм. Сбор данных на тренировках и соревнованиях позволяет тренерам выявлять перегрузки игроков и симптомы перенапряжения, которые могут привести к травмам.

Точно так же такие технологии, которые отслеживают производительность, будут играть жизненно важную роль в целях обучения, включая его образовательный компонент. По мнению респондентов, тренерам необходимо будет использовать информационные панели, которые включают все собранные данные и определяют индивидуальные сильные и слабые стороны команды и, следовательно, персонализируют тренировки в соответствии с оптимальным состоянием каждого спортсмена.

Кроме того, по мере развития технологий мы увидим все больше инновационных инструментов, пытающихся максимально улучшить обучение игроков (например, виртуальная реальность и дополненная реальность будут имитировать «ситуации реальных условий», как это делают симуляторы автомобильных гонок). Во время соревнований тренер сможет наблюдать за динамикой команды, которую можно улучшить слабыми местами соперника, и изменять стратегию со стороны в режиме реального времени (например, посредством замен игроков). После игры данные можно использовать для прогнозирования закономерностей и создания индивидуальных программ для конкретных игроков, чтобы быстрее достичь целей производительности и получить конкурентное преимущество перед конкурентами.

Один из примеров, которые может использовать и спортсмен, и обычный любитель здорового жизни – это кольцо *Oura*. Профессиональная бойцовская лига «UFC» выпустила «умное кольцо». После трехлетней проверки различных технологий и носимых устройств сотрудники UFC Performance Institute выбрали кольцо *Oura Ring* в качестве своего первого в мире «официального носимого устройства для здоровья» благодаря его точности, удобству и способности предоставлять ценную информацию через простую в использовании удаленную базу данных.

Oura – умное кольцо, которое отслеживает сон, готовность и активность. *Oura Ring* подключается к простому в использовании приложению, которое предоставляет ежедневную персонализированную информацию, а также долгосрочные тенденции, чтобы помочь пользователям улучшить сон и восстановление, что позволяет спортсменам показывать свои лучшие результаты.

Доктор Ромин Фомин, директор по спортивным наукам в UFC Performance Institute, ежедневно работает непосредственно со спортсменами и данными об их кольцах Oura Ring. Он уже убедился в эффективности кольца Oura Ring и считает, что данные, которые оно предоставляет, могут помочь в составлении рекомендаций для спортсменов [5].

За последние несколько лет индустрия киберспорта росла огромными темпами как с точки зрения бизнеса, так и с точки зрения потребителей, и ожидается, что она продолжит расти в будущем. Поскольку киберспорт переживает бурный рост, создаются новые форматы лиг и соревнований для дальнейшего расширения зрительской аудитории. И хотя киберспорт начинает сокращать разрыв в монетизации по отношению к другим устоявшимся «традиционным» спортивным лигам, он все равно останется приоритетом в будущем [6].

Возможности окупаемости цифровизации МСП в спорте. На рисунке 1 приведем мнение опрошенных руководителей и работников в киберспортивной индустрии о коммерческом успехе киберспортивных инициатив на конец 2021 г.

Рисунок 1 – Результаты анкетного опроса руководителей спортивной индустрии об эффективности киберспорта

Примечание: источник [4].

Более того, энтузиасты киберспорта (люди, которые смотрят профессиональный киберспортивный контент чаще одного раза в месяц) составят 201,2 млн, что означает рост на 28,2 млн, и ожидается, что среднегодовой темп роста (2022–2025 гг.) с +15,7 % до 297,1 млн. в 2025 г. [4]. Принимая во внимание огромную аудиторию киберспорта, его глобальное географическое распространение, эволюцию инфраструктуры новых лиг и увеличение связанных с этим доходов (например, за счет увеличения размера призовых фондов), монетизация киберспорта, наконец, начнется.

Фактически, одним из ключевых факторов, который усилил рост киберспорта за последние несколько лет, являются прямые трансляции. Стриминг не только вывел взаимодействие пользователей на совершенно новый уровень, но и помог издателям завоевать популярность во всем мире и увеличить продажи игр. И поскольку аудитория продолжает расти, респонденты ожидают, что к 2025 г. значение выделенных потоковых каналов будет расти, а также будет переходить на новые форматы (например, с ПК в первую очередь на консоли и мобильные устройства).

Это подчеркивает возможность дальнейшего монетизации прямых трансляций, поскольку в настоящее время большая часть контента доступна для бесплатного просмотра, и на данный момент тремя основными каналами получения дохода являются реклама, донаты через прямые трансляции и спонсорство.

В 2020 г. швейцарская компания «On» запустила Cyclon, первый в мире сервис обуви на основе подписки, который предлагает бегунам по всему миру полностью перерабатываемую спортивную одежду. Приблизительно за 30 долларов в месяц подписчики получают новую обувь и одежду для бега, которую они могут вернуть, когда закончат, в обмен на новейшие версии. После возвращения бывшее в употреблении снаряжение будет полностью переработано, а материалы повторно использованы для создания новых продуктов [7].

Первый продукт в сервисе Cyclon – это полностью перерабатываемые, высокоэффективные кроссовки, которые весят менее 200 граммов и более чем на 50 % состоят из материалов на биологической основе. «On» стремится к тому, чтобы к 2022 г. количество подписчиков Cyclon достигло 200 000. В целом, несмотря на COVID-19, в июне 2020 г. были отмечены самые высокие продажи электронной коммерции на рынке «On» в США на сегодняшний день, что привело к ожидаемому росту на 190 % за год.

Еще одними новшеством в индустрии спорта обладает компания «Hyper Ice». Основным продуктом компании является пистолет для массажной терапии, но компания также создала свою «операционную систему» HyperSmart, которая сочетает физическую и цифровую активность пользователя, чтобы последовательно направлять его к оптимальному самочувствию. Алгоритмы HyperSmart интерпретируют данные с носимых устройств и физической активности, и они интегрированы с Apple Health, Strava и Garmin (с Whoop и Orangetheory на подходе), чтобы настраивать пред- и послетренировочные процедуры в приложении Hyperice с учетом их и их целей.

Одним из новшеств в последние 10 лет стали фитнес-браслеты и трекеры, которые помогают проводить замеры данных, таких как ЧСС, количество шагов, уровень стресса и другие. Одним из тех, кто обновил эти гаджеты, стала компания Whoop, создав свой фитнес-трекер. Одной из особенностей данного фитнес-трекера является ранее предупреждение о заболевании COVID-19 [6].

Как и спортсмены, которым он служит, популярный инструмент для здоровья и фитнес-трекер Whoop адаптированы к пандемии несколькими способами. Один из них запускал журнал, в котором пользователи самостоятельно сообщали о кофеине, употреблении алкоголя, периоде кормления и других деталях образа жизни для оценки того, как эти выборы влияют на сон, восстановление, вариабельность сердечного ритма и частоту сердечных сокращений в состоянии покоя.

Также была внедрена функция частоты дыхания, которая, как было показано, является основным индикатором возможного заражения, если пользователь видит большие отклонения или внезапное превышение нормы.

Заключение. Whoop также разработал алгоритм, который, как было доказано, способен выявлять 20 % предсимптомных заболеваний COVID-19 за два дня до появления симптомов и правильно идентифицировать 80 % случаев с симптомами к третьему дню появления симптомов.

Всякие инновации в сфере спорта можно разделить на инновации для: спорта высших достижений, людям, ведущим здоровый образ жизни, общедоступные, ИТ-продукты. Каждые эти направления можно использовать в сфере спортивного бизнеса с социально-экономическими целями и задачами. Белорусские предприниматели уже начали изготовление своих собственных новых продуктов, которые могут составить конкуренцию мировому рынку, а также используют разработки, которые закрепили свой статус во всем мире.

Литература

1. Хаустович, Н. А. Эффективность, безопасность и устойчивость экономики : монография / Н. А. Хаустович [и др.] – Минск : Мисанта, 2021. – С. 152–157.
2. Dynamo Brest : Belarusian club create 'virtual fans' with mannequins [Electronic resource] // BBC website. – Mode of access : <https://www.bbc.com/sport/football/52243536>. – Date of access : 12.05.2022.
3. The European Platform for Sport Innovation, 2021–2027 Strategic research and innovation agenda «Leading sport innovation for greater societal and economic impact». – Bruxelles, 2021. – 44 p.
4. Global sports innovation center, Digital Transformation of Sports Entities by 2025 : «How will it look like?». – Madrid, 2019. – 47 p.
5. Oura ring : the only ring for the octagon [Electronic resource] // Ultimate fighting championship website. – Mode of access : <https://www.ufc.com/news/oura-ring-only-ring-for-the-octagon-ufc-performance-institute-technology>. – Date of access : 10.05.2022.
6. Hayduk, T. The Future for Sport Entrepreneurship [Electronic resource] / T. Hayduk // J. of the Intern. Econ. – New York, 2020. – P. 135–141.
7. On Running Just Launched Their Eco-Friendly Cyclon Sneaker Subscription Service [Electronic resource] // Men's health editorial website. – Mode of access : <https://www.menshealth.com/technology-gear/a34014157/on-running-sneakers-cyclon-subscription-service/#sidepanel>. – Date of access : 12.05.2022.

Технический редактор: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *В.А. Бобрик, И.А. Хорсун*

Подписано в печать 13.10.2022. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 26,27. Уч.-изд. л. 22,88. Тираж 102 экз. Заказ № 484.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.